

9(4 аг)
Г 13

В. Г. ГАДЖИЕВ

Разгром
Надир-Шаха
в
Дагестане

9 (Даг)
Г 13

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «ТАРИХ»**

В.Г. ГАДЖИЕВ

РАЗГРОМ НАДИР-ШАХА В ДАГЕСТАНЕ

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦНЦ РАН

instituteofhistory.ru

МАХАЧКАЛА 1996

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ДАГЕСТАНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЫЖДАТ.В

Ответственный редактор
член-корреспондент Российской Академии наук
А.П. Новосельцев

Рецензенты:
доктор исторических наук проф. А.Х. Касумов
доктор исторических наук, проф. М.Р. Гасанов

instituteofhistory.ru

159988

Махачкала
научная библиотека
ДарФАН СССР

Посвящаю светлой памяти моей матери Аминат Валигаджиевне, урожденной Учueвой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель, книга, которую вы только что раскрыли, посвящена освещению "Es ist eine alte Geschichte Pack bleibt sie immer neu" Это рассказ о беспрецедентном героическом подвиге народов Дагестана в многолетней войне горцев с "джихангиром" (мирозавоевателем) Надир-шахом Афшаром. История о разгроме его армии в горах Дагестана и крахе его завоевательных планов на Кавказе.

За свою многовековую историю народы Дагестана подвергались бесчисленным нашествиям иноземных захватчиков. Они испытали опустошительные нашествия кочевых племен древности и раннего средневековья, интервенции мировых держав: Сасанидского Ирана, Арабского Халифата, нашествия монголо-татар, Тамерлана, Сефевидов и других иноземных агрессоров. "Горцы Дагестана — с толным основанием подчеркивает видный ученый и публицист В. Л. Величко, — к ратному делу приспособились исторически"¹. И все же как по напряженности, так и протяженности военных действий, борьбу горцев против Надир-шаха, пожалуй, трудно с чем-то сравнить. Достаточно сказать, что эта жестокая, кровавая война продолжалась более 40 лет и в ней решалась сама судьба народов Дагестана. И народы Дагестана в эти тяжелые годы продемонстрировали человечеству на что способны свободлюбивые горцы.

Общеизвестно, что в истории каждого без исключения народа встречаются своего рода взлеты и падения, сочетаются героические, драматические и трагические события, чередующиеся по каким-то, еще не до конца познанным объективным законам. Бесспорно и то, что вся история, какой бы она ни была, — это наше прошлое, и связано оно воедино с современностью. Иначе говоря, то далекое и близкое наше прошлое — день сегодняшний. И в этом смысле человек как-будто живет в двух тесно между собой связанных и сплетенных тысячами нитей, измерениях. И не случайно, еще Гёте сказал: "Хроннику пусть пишет только тот, кому важна современность"². Вот почему в какой бы сложной эпохе не проживал человек, он постоянно сознательно или неосознанно оглядывается в свое прошлое, в прожитое и в пережитое его народом, пытаясь в меру сил и возможностей мысленно охватить все историческое прошлое. И чтобы избежать спеси национального превосходства, национальной исключительности, которой, к сожалению, "заболели" поднявшиеся на перестроечной волне свободы и митинговой демократии ура-пат-

* "Это старая история, оставшаяся вечно молодой" (нем. погов.)

риоты, или избежать бесплодных сожалений, переживаний или элегической тоски по ушедшим временам и извлечь из своего прошлого необходимые для жизни уроки, надобно знать объективную, подлинно научную историю. Только историческое сознание, выработанное из объективного знания прошлого, “дает, — говоря словами В. О. Ключевского, — обществу, им обладающему, тот глазомер положения, то чутье минуты, которые предохраняют его как от косности, так и от торопливости”³.

В наше чрезвычайно сложное время — время коренной общественной ломки, когда происходит переосмысление исторических событий и исторических ценностей, создается возможность взглянуть “окрест себя”, посмотреть правде в глаза, воссоздать неурезанную, неусеченную и неискаженную историю.

Плюрализм в научных исследованиях — великое благо. Но этим благом необходимо пользоваться умеючи и со знанием дела. Если же каждый начнет высказывать свое мнение, что, к сожалению, происходит в наше непростое время, и если этот поток легкомысленных решений сложнейших исторических проблем пойдет наметившейся чередой, то неизбежен хаос некомпетентных положений и мнений. Ведь некомпетентные, неоснованные на глубоком знании тщательно проверенных исторических фактов, немотивированные выводы и обобщения, если даже они высказываются от чистого сердца и разума, не имеют ничего общего с научным плюрализмом. Плюрализм в науке нечто иное:— это противоборство мнений и рабочих гипотез, основанных лишь на глубоком знании первоисточников и положений, опирающихся на последние достижения науки. Иные, к сожалению, игнорируют эти основополагающие принципы. Не потрудившись ознакомиться хотя бы с основной источниковой базой проблемы, не изучив соответствующую литературу, не попытавшись установить “исторический факт”, мягко говоря, потребительски заимствуют фактический материал у своих предшественников, и к тому же, “забыв” при этом указать откуда именно взяты эти сведения, по своему разумению распоряжаются ими, подчиняя своей заранее выработанной, с позволения сказать, “научной” схеме. И все это выдается за единственно верное решение сложных проблем, представляется истиной в последней инстанции. Парадоксально, но факт, что эти “ученые” подвергают резкой критике в стиле недавних “достопамятных” времен не только инакомыслящих, но даже и тех, у которых “заимствовался” весь фактический материал. Нечего и говорить, что тяжкий груз недоумений и недопониманий ложится на плечи критикуемых и в какой-то степени порочит их научную деятельность. Однако при внимательном рассмотрении такого рода исследований становится ясным, что вся обойма крикливых рассуждений направлена не на достижение объективной научной истины, а на самовосхваление и самоутверждение. В заданности торопливо сфабрикованных публикаций довольно легко угадывается самонадеянность убеждений их авторов. Иного, кстати сказать, и нельзя ожидать от некомпетентности. Но при этом, к сожалению, приходится сознавать,

что “невежеству, — как справедливо подчеркивал еще Ч. Дарвин, — удастся внушить доверие чаще, чем знанию” ⁴.

Особо бережного и доброжелательного отношения к себе требуют проблемы героико-исторического прошлого народов. В исследовании этих проблем, как нигде, необходимо всячески избегать накала политических страстей в угоду ура — патриотизму, ни в коем случае не допускать выпячивания роли своего народа или региона в описываемых событиях прошлого. Ради правды, справедливости и добропорядочности следует категорически отказаться от так называемого метода “тянуть одеяло только на себя”. Ведь национальная принадлежность, как неоднократно говорилось и писалось, не может быть привилегией или поводом для какого-либо ущемления. Напротив, научно-историческая работа сама по себе глубоко интернациональна, а ученый-историк интернационален. Нельзя также допускать, чтобы личные, групповые или национальные амбиции заслоняли подлинные факты и смысл объективной истории. Национальная исключительность и национальная ограниченность ни к чему, кроме болотной топи, не могут привести. И чтобы такое не сотворилось, надо ясно представлять, что неповторимая история Дагестана является судьбой всех его многочисленных народов и каждого из его сынов.

Замысел этой книги у автора родился еще в 60-е годы. Однако, в силу ряда независимых от него обстоятельств объективного и субъективного характера, осуществить его тогда не удалось. И все же автор продолжал исподволь время от времени работать над этой темой: собирал необходимый в таких случаях материал, изучал новейшую литературу, уточнял детали. И вот этот многолетний труд сейчас мы выносим на суд научной и читательской общественности.

Целью настоящего исследования мы поставили, опираясь на разносторонний и разнохарактерный фактический материал и труды отечественных и зарубежных авторов, воссоздать историко-политический портрет многолетней, удивительной во всех отношениях, бесстрашной борьбы малочисленных жителей Страны Гор за свою свободу и независимость в первой половине XVIII в., показать участие в разгроме алчного завоевателя всех народов многоязычного Дагестана, раскрыть их чувства и чаяния, их стремление уяснить свое назначение и свой долг, как это они понимали и сознавали в то, поистине героическое время. Вместе с тем, не забывая, что основной движущей силой этой многотрудной борьбы были широкие народные массы, попытаться осветить, насколько это позволяет современная источниковая база, деяния предводителей борьбы и ее главных действующих лиц. При изложении этих и других сложных и противоречивых сюжетов, мы попытались дать системный анализ, выделив при этом основные факты и факторы. Учитывая, что для понимания диалектики многолетней борьбы с грозным врагом и побед над ним горцев, необходимо ясно представлять сложившуюся в то время внутреннюю и внешнеполитическую обстановку, предлагаемой вниманию читателей

работе предпослан специальный раздел, в котором в той мере, насколько позволяет площадь данного труда, освещается общественно-экономическое положение Дагестана накануне XVIII в. Причем эти события внутренней истории региона даются на фоне международной обстановки, взаимоотношений Дагестана с народами Кавказа, с Россией и Турцией. С этой же целью в главе рассказывается, хотя и кратко, история взаимоотношений народов Дагестана с сефевидским Ираном, а также затрагиваются некоторые аспекты истории дозвышения и узурпации шахской власти Надиром.

Но наибольшее внимание в книге уделено основной задаче исследования — освещению истории борьбы и победы горцев над Надир-шахом. Историко-политические портреты тех лет — это, по существу, судьба нескольких поколений горцев Дагестана, полная героики и трагизма. Это гордость и горечь потомков тех исторических событий.

В заключительном разделе книги делается попытка раскрыть дальнейшую судьбу участников этого исторического побоища. Как видно, в предлагаемой вниманию читателей книге затрагивается обширное число сложных, исследованных в разной степени и разной мотивации вопросов. Уже одно это говорит, что в ней пробелы и недочеты неизбежны. Автор заранее просит за них извинения.

Остается сказать, что при подготовке настоящей работы к печати, автору помогли не только отдельные ученые, но и целые коллективы. В связи с этим, приношу самую сердечную благодарность работникам Архива Внешней политики МИД РФ, Центрального Государственного Архива Древних Актов, Центрального Военно-Исторического Архива, Центрального Архива Республики Дагестан, объединенного краеведческого музея республики Дагестан за многократную помощь в разыскании и комплектовании материала. На основе выявленных материалов указанных архивов и литературных источников (о чем будет идти речь ниже) автором этих строк составлены 4 карты. Лишь карта №1 дана по Ф. М. Алиеву⁵

Научно-техническая работа при подготовке рукописи настоящего труда произведена младшим научным сотрудником ИИАЭ Дагестанского научно-го центра Российской АН Е.И. Иноземцевой, старшими лаборантами М.И. Абдуллаевой, Л.А. Суриной и З.М. Абдулаевой, за что приношу им сердечную благодарность.

В заключение считаю приятным долгом выразить глубокую признательность Вице-президенту Академии наук Азербайджана акад. З. М. Буниятову, зав. отделом истории Института истории АН Азербайджана д. и. н., проф. Ф.М.Алиеву, д. и. н. В. З. Пириеву, зав.кафедрой истории Дагестана ДГПУ. д. и. н., проф. М.Р.Гасанову, старшим научным сотрудникам, к. ф. н. Х.М.Халилову, к. и. н. А.И.Исламмагомедову, а также сотрудникам отдела отечественной истории Дагестана ИИАЭ. Научн. центра РАН, которые своими советами, критическими замечаниями и пожеланиями помогли устранить ряд недостатков этой книги.

*“Гордиться славою предков
не только можно, но и должно;
не уважать оную есть постыд-
ное малодушие”*

А. С. Пушкин.

ВВЕДЕНИЕ

Из всех многочисленных войн за свою свободу и независимость, которые пришлось испытать и пережить до начала XVIII столетия многострадальным народам Страны Гор, освободительная борьба Дагестана и Азербайджана против сефевидского Ирана, а затем и с шахом Надиром была, пожалуй, самой продолжительной и тягостной. В этой затяжной, неравной, истребительной войне решался судьбоносный вопрос “быть или не быть” горским народам Северо-Восточного Кавказа.

Война эта, как известно, возникла в самом начале XVIII в., но предпосылки того, по-настоящему огромного, подъема справедливой народной борьбы своими корнями уходят в глубь столетий, ко временам начала продолжавшейся чуть ли ни два века агрессии шахов Ирана за овладение Кавказом. Эта поистине народно-освободительная, отечественная война горских народов против нашествия кизылбашей являлась одним из узловых вопросов сложившихся на Ближнем Востоке и на Кавказе международных отношений. Этим собственно говоря, и объясняется то, что султанская Турция, Россия и западноевропейские страны, преследующие в очерченном нами регионе экономические и политические интересы, зорко следили и с тревогой и озабоченностью воспринимали все происходившие на Северо-Восточном Кавказе события. Объективное исследование глубоких социально-политических причин, вызвавших это движение, и определение его движущих сил, характера и этапов его развития, раскрытие роли народных масс, главных действующих лиц, выяснение вклада внесенного предводителями в эту героическую борьбу — задачи первостепенной важности, стоящие перед отечественными историками-кавказоведами.

Актуальность исследования данной проблемы прежде всего определяется тем, что разработка ее имеет не только познавательное, но и практическое значение. Достаточно сказать, что объективное изображение нашего героического прошлого вдохновляет современников, способствует углублению и развитию целой системы ценностей, которые мы привычно называем патриотическими традициями, препятствует насаждению психологии прене-

брежения к историческому прошлому и опасности его забвения, а следовательно, деградации и демонтажу чувства любви к Родине и Отечеству, отставанию независимости и свободы всех народов.

За более чем двухсотлетний период, миновавший после завершения героической эпохи борьбы и победы горцев Дагестана над грозным Надиршахом, у нас, да и в странах Востока и Запада издано немало различных по научной значимости исследовательских работ и журнально-газетных статей.

Общеизвестно, что исследователь, как и любой человек определенной эпохи, представитель данного общественного строя, не может быть абсолютно свободным от воздействия на него господствующих в стране теорий и происходивших в отечестве событий. Этим, пожалуй, кроме всего прочего объясняется то, что каждый автор сознательно или подсознательно отражает специфику современного общественного развития, поэтому не может быть полностью свободным от меньшей или большей степени модернизации исторического прошлого. Положение, в котором находятся авторы исторических сочинений, хорошо подметил М. М. Пришвин: "Не верьте писателю, если писатель пишет, что он в прошлом: он описывает его настоящую жизнь в образах прошлого". Этому не в меньшей мере подвержено большинство отечественных и зарубежных историков. Совсем немногим авторам исторических исследований удается избавиться от этого, проникнуть в прошлое и оценить происходившие события глазами современника. И менее всего это удастся историкам, исследующим военно-исторические сюжеты. Иначе говоря, значительная часть исторических исследований имеющих отношение к проблематике, насквозь проникнута, говоря словами Н. Г. Чернышевского, "субъективным моментом национальности автора". Поэтому надо освежать объективную силу разума в себе чтением книг о том же предмете, писанных по другим субъективным чувствам. То есть: "Audiatur et altera pars"^{*}. Только последовательное соблюдение во всех деталях и проявлениях такого подхода к изучению исторических явлений дает возможность достигнуть если не абсолютно, то хотя бы относительно адекватного восприятия, а следовательно и изображения событий предыдущих эпох. Эффективным оказывается этот метод и при оценках и характеристике самих исторических трудов, возникших в разные эпохи в различных странах и в среде различных социальных слоев и группировок. Отмеченный субъективизм, кстати сказать, характерен и для большинства письменных документальных, нарративных и иных источников. Именно этим и объясняются противоречивые и полярные оценки одних и тех же событий, встречающихся в памятниках, возникших в разных странах. Уже одно это настораживает опытного исследователя и властно тре-

---

* Следует выслушать и другую (или противоположную) сторону (лат.)

бует от него нового, более углубленного прочтения, сравнения и сопоставления сведений заинтересованных сторон.

Характерной особенностью большинства письменных памятников является преднамеренное преувеличение одних (менее значимых) и преуменьшение других, наиболее важных событий. При этом о них обычно умалчивается или в лучшем случае говорится скороговоркой. Особенно это касается тех фактов, которые в силу каких-то причин исследователю оказываются неудобными для раскрытия мотивовки поддерживаемой им концепции. И не случайно Л. Н. Толстой говорил: “Эпиграфом к истории я бы написал: “ничего не утаю”. Мало того, чтобы прямо не лгать, не лгать отрицательным умалчиванием”. Повторюсь, поскольку этим пороком страдают все, или почти все, литературные памятники, к ним ко, всем без исключения, надобно подходить сугубо критически.

Первым обобщающим академического плана трудом, где хотя и кратко, но довольно емко освещена история освободительной борьбы народов Ширвана и Дагестана с иранскими захватчиками, было сочинение выдающегося азербайджанского историка, философа, поэта, филолога, ученого-энциклопедиста первой половины XIX в. Аббас Кули-ага Бакиханова (литературный псевдоним Кудси) “Гюлистан-и Ирам” (“Иранский цветник”). Автор, как известно, завершил книгу в 1841 г. Через два года, в 1843 г. он сам перевел ее с персидского на русский язык под названием “История восточной части Кавказа”. В 1845 г. эта книга была обсуждена в Петербургской Академии Наук и удостоена правительственной награды. Но издана она была на русском языке в Баку лишь в 1926 г. В 1951 г. была издана в азербайджанском переводе, а в 1950 г. — в персидском оригинале⁷. В 1991 г. осуществлено второе издание этого труда А.-К. Бакиханова. Полагая, что интересующий нас раздел заключительной части четвертой главы может представлять большой интерес для истории Кавказа, автор в 1846. г. передал его редакции газеты “Кавказ”, где она и была опубликована под названием “О походах шаха-Надира в Дагестан”

В 1846 г. эта статья была помещена в “Сборнике” газеты “Кавказ”, а затем было начато печатание в газете “Русский инвалид”, но к сожалению была издана только часть статьи. Однако текст, посвященный описанию начального этапа антииранского движения под предводительством Хаджи-Лауда и Сурхай-хана, в этих статьях не был издан. Но в книге “Гюлистан-Ирам” описанию этих событий посвящено несколько страниц.

В 1711 г., начинает свой рассказ А.-К. Бакиханов, джарцы и цахурцы совершили нападение на Ширван. Что же послужило причиной этого нападения и почему жители Северного Азербайджана поддерживали тогда горцев, автор, к сожалению, не раскрывает. По существу, обойденными остались и причины антииранского выступления жителей Восточного Кавказа 1712 г.

После убийства правителя Ширвана, — пишет наш автор, — “Хаджи-Дауд Мухурский — “духовный учитель, по выбору общества, был отправлен к уцмию, с которым был обсужден и составлен план всеобщего восстания”⁸. Обращает на себя внимание утверждение нашего автора о том, что Хаджи-Дауда “выбрало общество”⁹. Если это так, то, очевидно, были причины, которые толкали определенные силы на борьбу с иранской администрацией. Повстанцы, возглавляемые Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом, как известно, взяли Шемаху в 1721. После этого, — продолжает А.-К. Бакиханов, — Сурхай и Хаджи-Дауд, “опасаясь последствий, отдались под покровительство Султана”¹⁰. Автор, по всей вероятности, не знал, что Хаджи-Дауд, прежде чем обратиться к Турции, дважды писал письмо к России с просьбой принять его в свое подданство, о чем речь будет идти в последующей главе настоящей работы. Кстати сказать, в распоряжении историков нет подлинных документов об обращении Хаджи-Дауда к султану и о самом акте. Доподлинно лишь известно, что он был принят в подданство Порты султаном Ахмедом (1703-1730) после взятия Шемахи в 1722 г. Это было время, когда Петр I во главе огромной армии двигался на Кавказ, и в специальном манифесте, разосланном к народам Восточного Кавказа, объявлялось, что поход предпринимается с той только целью, чтобы наказать “лезгинских бунтовщиков”.

Неразкрытыми остались и причины борьбы между Тахмасп-Кули-ханом и Сурхай-ханом. Создается впечатление, что Надир предпринял свои кровавые походы в горы Дагестана только из-за того, что Сурхай-хан не принял предложения диктатора Ирана и наотрез отказался передать Шемаху с округой кизылбашам. Несомненно, что отказ Сурхай-хана исполнить требование султана, а затем и самого Надира, сыграл определенную роль и, быть может, ускорил наступление последнего против горцев. Но и то верно, что Надир, который вынашивал далеко идущие планы завоевания Северного Кавказа, вытеснения России с юго-восточных территорий, так или иначе должен был приступить к завоеванию Дагестана, ибо, не подчинив его своей власти, узурпатор не мог реально взяться за осуществление своих завоевательных планов. Известно, что в период многолетней Отечественной войны между горцами Дагестана и “мирозавоевателем” Надиром произошло большое число битв и сражений. Основные из них на базе разнохарактерных источников описаны в анализируемом труде. И что особенно важно, в нем отмечены маршруты движения иранских войск в горы Дагестана. Но поскольку наш автор упоминает лишь исходные пункты движения и место прибытия, то например, при первом походе Надира указаны лишь Шемаха-Хосрек-Кумух, во втором походе — Дербент-Губден-Кумух и, наконец, в третьем походе отмечены Кабала-Шемаха, Кази-Кумух, и читателю трудно понять, где именно проходил путь наступления войск Надира. Что же касается описания боевых действий, они в

основном описаны со знанием дела и правдиво. Лишь некоторые сражения, очевидно описанные по персидским нарративным источникам, как увидим ниже, освещены односторонне. При всем том, несоизмеримая заслуга А.-К. Бакиханова прежде всего заключается в том, что он впервые сумел обосновать и представить историю народов Восточного Кавказа в едином процессе исторического развития, выдвинул саму идею и пустил в оборот концепцию о единстве и боевом содружестве народов региона в освободительной борьбе против “мирозавоевателя” Надира, идею, которую весьма плодотворно разрабатывали и последующие за ним поколения историков.

Интересующая нас проблема получила освещение и в труде крупного ученого-историка, философа и поэта Г.-Э. Алкадари “Асари-Дагестан”. Завершенная в основном в 1891 г., работа была опубликована в 1903 г. на азербайджанском языке. Биограф выдающегося азербайджанского историка А.-К. Бакиханова М. Бахарлы полагал, что изданная на “азербайджанском языке книга Г. Алкадари “Асари-Дагестан” почти целиком содержит тюркский перевод последней части “Гюлистан-и Ирам” А. Бакиханова”. Однако ближайшее изучение текстов этих книг показывает, что М. Бахарлы глубоко ошибался. Несмотря на известное типологическое сходство и известное совпадение в решении ряда вопросов, сочинение Г. Алкадари составлено автором с привлечением разнохарактерных местных и иноязычных источников¹¹. Широко были им использованы также сочинения А.-К. Бакиханова. Но при этом Г. Алкадари в ряде случаев и особенно при описании событий из истории многолетней народно-освободительной борьбы Дагестана и Азербайджана с полчищами Надира-шаха вносит в сочинение своего предшественника существенные дополнения, меняющие наши взгляды на эти события и явления. К примеру, А.-К. Бакиханов пишет, что НаDIR прибыл в Дербент, и отдал приказ дагестанскому сардару собрать в Табасаранском магале Деревья провиант для войска и далее продолжает: “Сам НаDIR во главе отряда двинулся на Будуг и Хиналуг, другой отряд он послал к докузпаринцам и алгыпаринцам, ... а третьему приказал идти в Кабир, в Кюринские владения, чтобы перекрыть беглецам всякую дорогу”¹². Касаясь этих же событий, Г. Алкадари подтверждает, что сам НаDIR “выступил покарать население магалов Етаг и Хиналик и учинил им избиение. Затем, послав около 6 тыс. войск, он подверг каре жителей докузпаринских и алгыпаринских селений, а часть войска направил со стороны сел. Кабир на преграждение пути людям, бежавшим из Ахты в Кумух, так что большинство бежавших оттуда лиц, наткнувшись на преграждающих дорогу, были убиты последними или взяты в плен”¹³. Одно сопоставление этих текстов показывает, что Г. Алкадари не только сообщает некоторые детали, уточняет маршруты движения войск кизылбашей, но и в отличие от своего предшественника, говорит об учиненных НаDIRом избиениях, убийствах и

пленении горцев. Такие примеры не единичны. Неудачна, как нам представляется, и оценка труда Г. Алкадари его сына и переводчика "Асари-Дагестан" А. Гасанова. Эта книга, писал он, "не является научным трудом". Воспитанный исключительно на литературных произведениях мусульманского Востока, ее автор "всецело придерживается изложения и литературных традиций мусульманской культурной среды"¹⁴. Как будто этот аргумент достаточен, чтобы считать анализируемое сочинение не научным трудом. Совершенно отличной от указанных оценок является характеристика выдающегося востоковеда акад. В. В. Бартольда. "Труд "Китаб Асари Дагестан, — отмечал он, — написан не без таланта и содержит много ценных сведений, особенно по части новой истории"¹⁵.

Борьбе горцев Дагестана с Надир-шахом в анализируемой книге посвящен специальный раздел, озаглавленный "О событиях после появления Надир-шаха в Дагестане до момента убийства его..." Однако начальный период антииранской борьбы под предводительством Хаджи-Дауда, Сурхай-хана и уцмий Ахмед-хана освещен в предшествующих этой главе разделах. Здесь, хотя и кратко, но довольно емко изображено как и в каких условиях разворачивалась эта борьба. Большой интерес представляет также характеристика, данная Алкадари предводителям антииранской борьбы Хаджи-Дауду, Сурхай-хану, Ахмед-хану и др. Сурхай-хан, пишет он, "снискал безмерную преданность и расположение в Кази-Кумухском владении. Этот Сурхай и... уцмий Ахмед-хан создали в населении Дагестана возмущение против Кизылбашской державы", к "их союзу примкнул ученый Гаджи-Дауд-Эфенди"¹⁶. Понятно, что для того, чтобы поднять народные массы на вооруженную борьбу, совсем недостаточно призывов хотя и популярных в народе лиц. Для этого необходимо, чтобы эти призывы попадали на благоприятную, подготовленную общественно-политическим развитием почву. Однако наш автор и словом не обмолвился об этом и не привел ни одного факта. Обращает на себя внимание и то, что в труде нет каких-либо сведений, позволяющих представить это антииранское движение инспирированным извне. Интересные сведения и важные выводы содержит небольшая по объему глава, посвященная освещению освободительной борьбы горских народов против Надир-шаха. Однако, рассказывая об умопомрачительных жестокостях кизылбашей, в ней почему-то недостаточно говорится о героической борьбе трудящихся горцев против завоевателей, не раскрытым остается и народный характер этой борьбы. Не может сейчас нас удовлетворить и данное автором описание решающей турчидагско-андаляльской битвы. Этому кульминационному сюжету в книге посвящено всего несколько блеклых строк, в которых, между прочим, сказано: "Надир-шах достиг горы над сел. Чох Андаляльского магала, аварцы сразились с ним и с обеих сторон погибло много людей. И вследствие непроходимос-

ти дорог, а также невозможности больше задерживаться там, ввиду приближения зимы, шах с войсками вернулся в Кази-Кумух¹⁷.

По всей вероятности, это описание наш автор заимствовал у историографа иранского двора Мухаммеда-Казима. На эту мысль наводит нас не только признание самого автора об использовании этого труда¹⁸, но и большое сходство их оценок.

В 1906 г. была опубликована на русском языке работа “Лаки, их прошлое и быт” С. И. Габиева¹⁹. Это, оставшееся незавершенным, небольшое по объему сочинение и поныне сохраняет научную значимость. Предмету наших изысканий в анализируемой работе посвящено всего восемь страниц. В них упоминается о сражении при Деве-Батане, говорится о трудном для персов движении в Кази-Кумух, рассказывается о решающем побоище горцев с войсками Надира на Турчидаге и в Андалае. И что особенно важно, автор иначе освещает решающее сражение горцев с заклятым врагом. НаDIR, пишет С. И. Габиев, направляясь в Аварию, расположился на Турчи-Даге, чтобы дать полчищу отдых, его голодные сардары поедали андалальские хлеба и угоняли табуны и стада овец... Но вот под Турчи-Дагом внезапно появляются Муртузали-бек, сын Чолак-Сурхая, с большим ополчением лаков, андалальцев, хунзахцев и даргинцев. Не дав персианам опомниться, он храбро бросился на многочисленного врага и смял его. Персиане бежали²⁰.

Интересующая нас проблема нашла отражение в опубликованной в 1913 г. “Истории лакского народа” Али Каяева²¹. Небольшая по объему работа написана с использованием сочинений А.-К. Бакиханова, Г. Э. Алкадари и других местных и восточных авторов. Однако анализируемая работа, как могут подумать иные, — не компиляция. В ней встречаются новые, отсутствующие у его предшественников, данные, очевидно, почерпнутые автором из местных источников и исторических преданий. Высоко оценив военные успехи Надира по освобождению Ирана от интервентов, А. Каяев причины наступления Надира на Дагестан объясняет так же, как его предшественники. Но он значительно больше внимания обращает на его методы ведения войны. Хотя и довольно скуп, рассказывает о тех неопишуемых жестокостях, учиняемых шахом на завоеванных территориях, о разорении и истреблении целых сел, о чудовищных преступлениях и убийствах невинных детей, об учиненных им погромах в Самурской долине, Кюре, Кайтаге, Табасаране, Акуша-Дарго, в Кази-Кумухском владении и др. местах. Несомненно представляет интерес для нас также описание подготовки горцев к решающей схватке с “завоевателем вселенной”. “В то время, когда в течении целого месяца НаDIR, у которого в плену находились Сурхай-хан и уцмий Ахмед-хан, — пишет он, — оставался в завоеванном им Кумухе, дети казикакумухского владетеля Магомет-хан и Мургуза-Али вели в Аварии тайную подготовку к предстоящим боям с кизыл-

башами. Узнав об этом, НаDIR двинул свои войска на Турчидагские высоты. Против них во главе горского ополчения выступил Муртаза-Али. Произошло жесткое кровавое побоище, в итоге которого прославленные на весь мир войска Надира были разбиты наголову, потерпели они поражение и на поле битвы в Мегебе и др. местах Андалая. После чего началось их беспорядочное отступление". И добавляет: — "Брошенные ими при побеге орудия можно было видеть и в недавнем времени на Яртму-арив"²².

В начале 50-х годов освободительную борьбу горцев Дагестана против Ирана стали рассматривать несколько в ином плане. Под непосредственным влиянием идеологизированных клише антииранскую борьбу народов Дагестана и Азербайджана, особенно ее начальный этап, искусственно отсекали от единого процесса и бездоказательно характеризовали как "лезгинские грабежи", "бунт поднятый грабительскими элементами". Руководителей же этого сложного и противоречивого явления представляли не иначе, как ставленников султана, боровшихся по его указанию с шиитами-персами. Происки Турции на Кавказе в начале XVIII в., писал В.Н. Левиатов, были в основном направлены на то, чтобы использовать жителей Ширвана и Дагестана, "где было много горючего материала". И происки Турции, направленные к этому были облегчены ввиду того, что "значительная часть населения в особенности Северного Азербайджана и население почти всего Дагестана по исповеданию принадлежали к суннизму, тому течению в исламе, которое являлось. Этим обстоятельством турецкое правительство издавна пользовалось для возбуждения населения Дагестана и Сев. Азербайджана против Ирана"²³. И далее продолжал: "Если в ту пору, когда шла борьба против иранского гнета, деятельность Дауд-бека и Сурхай-хана имела освободительное значение, то потом, когда они стали турецкими пашами и превратились в исполнителей захватнических планов Турции, они, по существу, стали играть роль грабителей и пособников турецких угнетателей"²⁴. Один из разделов этой книги так и назван "Дауд-бек и Сурхай-хан на службе Турции"²⁵. Анализируя работу В.Н. Левиатова, в 1951 г. А.И. Тамая писал, что автором "явно идеализирован авантюрист Сурхай-хан Казикумухский, который из своих личных интересов переходил то на сторону Турции, то на сторону Ирана... забывая, что он вел борьбу против Надира как турецкий паша"²⁶. Аналогичные оценки дает Сурхай-хану и проф. Р. М. Магомедов: "После того, как шамхал ушел со сцены, а в Дагестане наиболее влиятельной фигурой стал Сурхай-хан, турки стали делать ставки на него. Сделали его ханом Шемахинским"²⁷. В монографии, изданной в 1957 г., проф. Р. М. Магомедов отмечал, что Сурхай-хан... и Хаджи-Дауд подавив крестьянский характер восстания, направили усилия крестьян на изгнание с Кавказа "захватчиков — иранцев-шиитов". Их целью было "с помощью восставших, изгнав иранских захватчиков, под покровительством

Турции установить свою власть в Дагестане и Ширване”²⁸.

Довольно схожая оценка антииранской борьбы дается и в коллективно-м обобщающем труде “История Ирана”. В 1711 г., говорится в нем, “началось восстание лезгин и непокорных других дагестанских народностей. Местные феодалы во главе с Сурхай-ханом Казикумухским и представителем суннитского духовенства Хаджи-Даудом сумели подчинить движение своим целям и придать ему завоевательный характер”²⁹. Это мнение с различными нюансами повторялось в обобщающей и справочной литературе. Оценивая начальный этап освободительной борьбы народов Дагестана и Азербайджана в первой половине XVIII в., Х.-М. Хашаев писал: “Во главе антииранского движения был поставлен Гаджи-Дауд Мушкурский — духовный учитель, поднявший пантюркистское знамя борьбы против шиитской Персии. Гаджи-Дауд связался с Сурхай-ханом Казикумухским, а также с уцмием Кайтагским, и с ними разработал план всеобщего восстания против Персии. В 1711 г. началось так называемое лезгинское восстание”³⁰. Нечеткость указанных формулировок, если не сказать больше, совершенно очевидна. И поэтому мы не будем здесь вступать в полемику с автором. Тем более, что последующее изложение в книге *начисто опровергает эти положения. И чтобы не возвращаться к этому сюжету, скажем, что некоторые из указанных авторов склонны считать, что Хаджи-Дауд, Сурхай-хан и др. дважды штурмом брали Шемаху. На самом же деле этот город горцы брали только раз в 1721 г.*

“Время, — говорят арабы, — отец чудес”. И действительно, со временем, в связи с некоторыми переменами в общественно-политической жизни и ослаблением “идеологических оков” и в кавказоведении происходили некоторые созидательные изменения. И более всего это выразилось в оценке народно-освободительной борьбы горцев в 20-50 гг. XIX в., эти изменения коснулись переосмысления и других народно-освободительных движений. К сожалению, в силу ряда причин (о которых речь пойдет ниже), история многолетней борьбы народов Дагестана с Надир-шахом оказалась наименее изученным аспектом проблемы. За исключением нескольких статей и разделов обобщающих работ нет ни одного монографического исследования, посвященного раскрытию этой темы. В 1958 г., после известной доработки защищенной в 1954 г. в Институте истории СССР кандидатской диссертации “Провал захватнических планов шаха Надира в Дагестане”, А. И. Тамай опубликовал основное ее содержание в ряде своих статей³¹. Они основаны на широкой источниковой базе. В них использованы материалы, хранящиеся в Архиве Внешней политики МИД РФ, а также сведения, извлеченные автором из иранских, турецких и местных кавказских источников. Автор широко использовал также исторические легенды, героические песни и другие материалы устного народного творчества. И что особенно важно, А. И. Тамай показал, что пора-

жение Надир в Дагестане было не результатом одного сражения и что победа была достигнута не одним народом Страны Гор, а являлась итогом борьбы всех народов Дагестана. Естественно, что в статьях имеются и определенные недостатки, но они не меняют общей положительной оценки анализируемой работы. Интересны сведения и научно-значимые выводы, содержащиеся в коллективном труде "История Ирана". В 1741-1743 гг., говорится в нем, кизылбашаи предприняли ряд завоевательных походов в Дагестан, "но потерпели неудачу, т. к. сопротивление дагестанских народностей вылилось в настоящую народную войну..., Дагестанская военная экспедиция была первой военной неудачей Надир-шаха"³².

В 1963 г. автор этих строк опубликовал статью "Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в."³³, в которой пересматривалась оценка первого этапа многолетней борьбы горцев с Ираном. Подводя итоги своих изысканий, автор пришел к выводу, что "антииранское движение возникло на местной социально-экономической почве и основной причиной, вызвавшей выступление горцев, был национальный и социальный гнет"³⁴. Однако некоторые положения и характеристики статьи могли бы быть сформулированы значительно четче. И сейчас они нас не могут вполне устраивать. Но это было своеобразной данью времени. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что кардинальные выводы статьи легли в основу монографического исследования автора и соответствующих разделов "Истории Дагестана"³⁵, "История народов Северного Кавказа"³⁶. Первый из этих трудов, посвященный освещению интересующей нас проблемы, назван "Освободительная борьба Дагестана против иранских захватчиков"³⁷. Во втором эти выводы значительно углублены. Показано, что в этой многолетней народно-освободительной войне принимали участие все народы Страны Гор. И именно совместное выступление горцев решило судьбу решающего сражения в 1741 г., да и всей так называемой Дагестанской кампании³⁸. Обращает на себя внимание и суждение Р.М. Магомедова о завершающем периоде борьбы горцев с кизылбашаия. "Когда Надир двигался в горы, — пишет он, — Сурхай-хан приложил много энергии к тому, чтобы объединить силы лезгин, акушинцев и андалалцев. Он вышел навстречу войскам Надир-шаха, но в ходе сражения попал в плен. Его сын Мургузали ушел в Андалал, чтобы продолжать борьбу оттуда..." В Андалале, — продолжал он, — "собрались представители всех народов Дагестана. Именно эти объединенные силы горских отрядов вместе с женщинами из сел. Чох и др. аулов разгромили непобедимые войска шаха Надир"³⁹. Ценные сведения и очень важные выводы, широко использованные нами в настоящей работе, содержатся в работах А.П. Новосельцева⁴⁰. Общественно-экономическое положение Северного Азербайджана и сложившаяся ситуация на Восточном Кавказе подробно описаны в работах Г.Б. Аб-

дуллаева⁴¹. Внешнеполитическое положение в первой половине XVIII в. освещено в известной монографии О.П. Марковой⁴². Ценный фактический материал и интересные выводы, без учета которых нельзя сколько-нибудь полно изучать поставленную проблематику, содержат исследования М.Р. Аруновой, К.З. Ашрафян, проф. Ф.М. Алиева и др.⁴³.

В коллективном труде М.Р. Аруновой, К.З. Ашрафян "Государство Надир-шаха Афшара" дано подробное освещение внутренней и внешней политики "завоевателя вселенной", раскрыты причины многочисленных народных выступлений и освободительных движений в обширной Иранской империи 30-40-х годов XVIII в. И что особенно важно для нашей работы, в книге имеется специальный раздел "Народно-освободительное движение народов Кавказа и Средней Азии". Здесь на основе архивных документов, с использованием персидских источников, дано довольно подробное описание дагестанской кампании 1741-1743 гг. К сожалению, в книге, по существу, отсутствует описание первых двух походов Надира в горы Дагестана в 1734-1735 гг. и даны отрывочные сведения о походе Ибрагим-хана в Джаро-Белоканы. В целом же книга представляет большую ценность для изучающих историю освободительной войны народов Дагестана и Азербайджана против шаха Надира. Широко использовано нами и монографическое исследование проф. Ф. М. Алиева⁴⁴, который внес не только новизну в описание антииранской войны народов Северного Азербайджана и Дагестана, но и сформулировал ряд новых положений, углубляющих наши знания по данной проблеме. Приходится сожалеть, что автор ограниченный рамками темы, не мог уделить равное внимание освещению борьбы народов против Надира, происходившей и в Нагорном Дагестане. Из всего вышесказанного явствует, что в нашей историографии нет ни одного специального монографического исследования, посвященного поставленной нами проблеме. Так что предлагаемая вниманию читателей работа, по существу, является первым специальным сочинением по указанной проблеме.

Для ее написания мы использовали разнообразные по своему происхождению источники; вещественные, письменные и устные. Понятно, что среди указанных памятников первостепенное значение имеют письменные источники. К сожалению, в нашем распоряжении имеется всего несколько документов: писем-обращений руководителей антииранской борьбы к феодальным владетелям, а также сельским обществам с призывом подняться на борьбу с агрессивным и коварным врагом. Писем, написанных духовными лицами к самому Надир-шаху с предложением прекратить военные действия в Дагестане. Располагаем мы также, хотя немногими, но очень ценными для науки памятными записями на арабском языке, оставленными на полях рукописных книг современниками тех кровавых событий. Важное значение для

нас имеют и эпиграфические памятники, свидетельствующие о событиях тех боевых лет. Дошла до нас также рукопись небольшого, но очень важного во всех отношениях сочинения местного автора-современника событий. К сожалению, нам не известно ни точное название этого памятника, ни его автор. Издатели текста назвали книгу "Хроника войн Джара"⁴⁵. Судя по заглавию, в документе речь идет о событиях, которые происходили в Джаро-Тальских союзах сельских общин. И это действительно так. Но, к счастью, автор, не ограничиваясь этим, приводит драгоценные сведения и о Нагорном Дагестане, о совместных выступлениях горцев против иранцев, о помощи жителей Нагорного Дагестана джарцам. Большое внимание анонимный автор уделил также описанию деятельности в эти годы Сурхай-хана, его сына Муртузали, наездника Малачила и др. При таком состоянии источников дагестанского происхождения большое значение приобретают иноязычные памятники. Среди кавказских источников, прежде всего следует упомянуть широко нами использованные сочинения С.Ериванцы, А.Кретаци, А.Шемахеци, А.Ериванцы, Есаи Хасан Джалалаяна⁴⁶, "Армянская анонимная хроника" и др. В этих памятниках хорошо показан кризис Сефевидской державы, усиление эксплуатации народных масс, в том числе и жителей северных окраин государства, приведенные данные, позволяющие раскрыть социально-политические причины, вызвавшие антииранскую борьбу в Ширване и Дагестане. В них также содержатся интересные сведения об узурпации Надиром власти в Иране и о первом этапе его борьбы в Азербайджане. Важные для нашей работы данные имеются в известном труде выдающегося грузинского историка и географа царевича Вахушти Багратиони⁴⁷, а также в сочинении царевича Давида⁴⁸. Некоторые полезные для нас данные мы находили также в переписке грузинских ц

Персидская историография в XVIII в., писал И. П. Петрушевский, дала много трудов, имеющих для нас значение важных источников⁵⁰. И среди них одно из видных мест занимает сочинение Мирзы Мухаммед Мехти-хана Астрабади, придворного историографа и личного секретаря Надира, который имел доступ к государственным архивам, и что не менее важно, сопровождал шаха в его походах в горы Дагестана. Его труд "Тарих и Надири" ("Надирова история") получил широкую популярность и в Европе. Он был переведен сотрудником Оксфордского университета В. Джонсоном и трижды издан на французском языке в Лондоне, на английском, немецком и других языках. Мы пользовались французским переводом⁵¹, изданным в Лондоне, а также переводом отдельных его глав, осуществленным Э. Кидаловой. Нельзя не согласиться с покойным проф. И. П. Петрушевским, что это сочинение отличается насыщенным языком, перегружено метафорами, хронограммами, стихотворными догадками и различными техническими трюками. По изяществу стиля наш автор превосходит многих и не только современников. И не случайно

поэтому говорят даже, что у Мехти-хана литературная форма подавляет содержание. Однако, надо признать, что этот, написанный несомненно талантливым историком, труд содержит ценные для нашего исследования данные и свидетельства, но эти авторские оценки происходивших событий изложены однобоко. Наиболее ярко субъективизм нашего автора проявляется в освещении “неудобных явлений”, каких-либо военных неудач своего патрона, а тем более поражения кизылбашей. Такого рода события обычно он старается обойти молчанием и “спрятать” их в витиеватых рассуждениях, или же представить дело так, как будто ничего особо примечательного не произошло, или завершились они безрезультатно. Кстати сказать, этим пороком страдают все нарративные источники Ирана. Не свободен от такого подхода к освещению истории героической борьбы Дагестана и Ширвана с кизылбашами в первой половине XVIII в. признанный и не только в Иране авторитет Мухаммед Казим. Этот огромный по объему и обхвату важнейших событий материал, хотя и был введен в научный оборот еще в 1919 г. акад. В.В. Бартольд, но использовался немногими учеными. Пожалуй, мы не ошибемся если скажем, что из дагестанских историков сочинения Мухаммеда Казима использовал при написании своей диссертации, о которой речь шла выше, А.И. Тамай. Объяснялось это тем, что еще не был опубликован текст самого сочинения. Естественно, что факсимильная публикация, осуществленная в 1960 г. Н.Д. Миклухо-Маклаем, сделала более доступным исследователям трехтомное сочинение Мухаммеда Казима⁵², но пока все еще сопряжено с большими трудностями его перевода даже для тех ученых, которые владеют персидским языком. Мы пользовались переводами отрывков этого сочинения, опубликованными А.Н. Козловой, а также переводами Ф.М. Алиева, Р.Г. Алиева, К.И. Османова. Очень важные материалы, относящиеся к изучаемому нами времени, содержатся во втором и третьем томах, охватывающих период 1736-1747 гг. Однако при анализе сосредоточенных в этих разделах материалов надобно иметь в виду, что Мухаммед-Казим — последовательный “поклонник” “завоевателя вселенной”. И тем не менее, он в своих суждениях более объективен, чем Мирза Мехти-хан. В сочинениях нашего автора можно встретить такого рода фактические данные, при углубленном анализе которых можно прийти к выводам, противоречащим основной концепции сочинения Мухаммеда Казима. Однако, отдавая должное этому сочинению, следует особо подчеркнуть, что сведения Мухаммеда Казима и особенно его выводы, оценки событий и характеристики главных действующих лиц в описываемых событиях нуждаются в тщательных проверках.

Можно предположить, что в архивах Ирана содержится и документальный материал, имеющий непосредственное отношение к нашей теме. В имеющихся в нашем распоряжении материалах встречаются сведения о том, что

офицеры надырова воинства на месте снимали топографические схемы ландшафта, направления и состояния дорог и мест будущих наступательных марш-рутов “мирозавоевателя”. Можно не сомневаться и в том, что сам НаDIR, его свита и администрация не могли не вести оживленную переписку по вопросам управления снабжения и снаряжения армии, а также обмениваться различного рода рапортами и донесениями с театра военных действий, вести переписку с местной администрацией и надыровской администрации с феодальными владельцами Азербайджана и Дагестана и многое, многое другое. К сожалению, эти и другие материалы не опубликованы и поэтому не доступны исследователям.

В турецкой литературе нет специальных работ, посвященных освещению истории многолетней борьбы народов Дагестана за свою свободу и независимость против иранской агрессии в первой половине XVIII в. Но в ряде сочинений современников тех событий и последующих времен имеются сведения, непосредственно относящиеся к изучаемой нами теме. Это хроники “Тарих и Рашид”, “Тарихи-и-Челяби-заде”. Автор первого сочинения Рашид Мухаммед-Эффенди, скончавшийся в 1735 г., описывает события, происходящие в странах Ближнего Востока с 1660 по 1721 гг. Для нас представляют интерес содержащиеся в труде материалы о взаимоотношении Дагестана с сефевидским Ираном в конце XVII — начале XVIII вв. Этот сюжет как бы продолжает описание событий с 1722 г. и доводит до 1728 г. Исмаил Асим в своей книге, известной под названием “История Челяби-заде”. Другим не менее важным для нас источником является “Каиме” Бедреддин-заде Али-Бей.

По заданию турецкого правительства Али-Бей был направлен в Сефевидский Иран с разведывательными целями. И хотя Али-Бей пробыл здесь недолго, он вполне справился с поставленной перед ним задачей. Среди бесконечного мира явлений он сумел отобрать наиболее важнейшие данные, которые могли представлять стратегические интересы Османской Порты. “Каиме” Бедреддин-заде — это своеобразное донесение, подготовленное автором по поручению Дивана. И поэтому его никогда не размножали и хранится оно в единственном списке в фонде “турецких рукописей библиотеки Стамбульского Университета”. Мы пользовались переводом Г. М. Мамедова, осуществленным с издания Ф. Челика⁵³. В “Каиме” Али-Бей для нас наиболее ценными являются данные, позволяющие раскрыть причины “восстания племен и войн”, происходивших в Иранском государстве, история вторжения афганцев в Персию, поражения шаха Хусейна и его отречения от престола, сведения об антииранском движении в Джарах, Цахуре и Ширване, о вооруженном выступлении горцев под предводительством Хаджи-Дауда, Сурхай-хана Казикумухского и уцмий Ахмед-хана о взятии ими Шемахи и изгнании ставленников сефевидов. Только Гянджа, пишет он, осталась не занятой ими. И это,

если верить нашему автору, было вызвано двумя обстоятельствами. Одно — это ссора между Сурхаем и Хаджи-Даудом. Второе — то, что “если такой очаровательный город как Гянджа пришлось бы брать боем”, то он, “как и прочие местности, стал бы опустошенным и разрушенным”. Поэтому-то “они не изъявили желание (захватить Гянджу)”⁵⁴. И далее Али-бей, прогнозируя дальнейшие события, полагает, что если Сурхай-хан со своими многочисленными войсками сумеет захватить этот город, то он станет правителем Гянджи, оттуда двинется на Тифлис и захватит его. А “Эль-Хадж Дауд вместе с воинами-суннитами Ширвана и лезгинами” мог бы направиться в Тебриз. Пока же, пишет Али-бей, “Сурхай обосновался в местности под названием Табасаран, а Эль-Хадж Дауд — в Шемахе”. Обращает на себя внимание и сообщение Бедреддин-заде об окончательном разрыве между Сурхай-ханом и Хаджи-Даудом. Казикумухский владетель, пишет он, “не смог сдержать свой гнев”. Он говорил шамхалу Адил-Гирею: “Во времена твоего дяди Умалат-хана лезгины не отважились бы на такую непокорность. Ныне в стране, которую я захватил, правит Эль-Хадж Дауд. С этого дня я стану вам союзником, буду вашим слугой и буду прислушиваться к повелениям. Устраните названного Эль-Хадж Дауда”⁵⁵.

Обращаясь в традиционном стиле к Адил-Гирею, Сурхай-хан и не думал, как может показаться читателю, исполнять волю шамхала. Цель его была привлечь на свою сторону Адил-Гирея с тем, чтобы усилить давление на Хаджи-Дауда. Чем завершилась эта ссора между Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом любознательный читатель узнает из нижеследующего текста книги. Однако сведения Али-бея, особенно полученные им из вторых рук, содержат много неточностей и недочетов. Ошибочным является, например, утверждение нашего автора о том, что Адил-Гирей помешал соединению грузинских войск царя Вахтанга VI с армией Петра I. Общеизвестно также и об этом писалось не раз, что Адил-Гирей в период похода Петра I был с ним в союзе и дружбе и никогда не брал крепостей “Дербент и Баку”⁵⁶.

События, происходившие в последующие годы, начиная с 30-х годов вплоть до 1759 г., нашли освещение в хрониках “Тарих — и Сами”, Шакир и Субха”⁵⁷.

Наряду с военными событиями здесь большое внимание уделено освещению дагестано-турецких отношений, приведен ряд писем от феодальных владетелей Дагестана к халифу и его сановникам. В отличие от иранских источников, о которых речь шла выше, здесь военные успехи Надира, как и следовало ожидать, изображены, мягко говоря, более скромно, без всяких победных фанфар и т. п.

В турецкой исторической документальной литературе имеется ряд других работ, которые могут быть причислены к типу исторических хроник⁵⁸

таких, как “Тарих и — Печеви”, “Фезлеке” Катиба Челяби, “Тарих Джевдет”⁵⁹ и др.

Значительное число документов турецкого происхождения хранится в наших архивохранилищах. В массе своей эти материалы представляют собой официальную переписку между Портой и Россией, различного рода трактаты, донесения резидентов и лазутчиков, переписка русских властей с правителями пограничных России и Кавказа пашалыков и многое другое. В этих разнохарактерных по своему происхождению документах встречаются и драгоценные материалы об интересующем нас времени, и, в частности, переписка между правителями Дагестана с султаном и членами его администрации. Самая малая часть их опубликована, и она нами широко использована в настоящей работе. Однако недоступными для исследователей остаются материалы, содержащиеся в архивохранилищах Турции. Они, если судить по незначительному числу документов, хранящихся в архиве восточного отдела Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии, представляют большую научную ценность и для истории народов Северного Кавказа. Документы, о которых идет речь, являются частью огромного фонда, хранящегося в центральном архиве Стамбула *Basvekalet Arsivi*, случайно оказавшиеся в 30 гг. нашего столетия в Болгарии. В коллекции имеются следующие фонды: Тбилиси, Сухуми, Батуми, Ливадия, Азов, Крым, Россия. В этих фондах по отдельным регионам Кавказа имеются разного типа дефтере об Арзеруме, Армении, Азербайджане⁶⁰. С уверенностью можно сказать, что в этом архивохранилище можно обнаружить немалое число документов по истории народов Дагестана, но и они, к сожалению, также оказались недоступными для наших исследований:

Первостепенное, если не главное, место среди документальных источников занимают материалы, хранящиеся в центральных и местных архивохранилищах нашей страны. Это документы Архива внешней политики Министерства иностранных дел (АВП МИД), хранящиеся в фондах “Сношения России с Персией”, “Сношения России с Турцией”, “Сношения России с Грузией”, “Сношения России с Крымом”, “Азиатские дела”, “Кумыкские дела”, “Дела Андреевской деревни”, “Кайтагские дела” и др; Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА) в фондах “Персидские дела”, “Кабинет Петра I”, “Сношения с Турцией”, “Кавказские дела”; Архива АН СССР, ф. 3, Государственного архива Астраханской области, ф. 394; Центрального Государственного военно-исторического архива, в фондах⁶² “Павла Потемкина”, Военно-ученого архива, Центрального исторического архива Грузии, фондов архива Кизлярского коменданта, хранящихся в Центральном Государственном архиве Дагестана и др. Эти материалы большой значимости и научной ценности являются в основном документами русского происхождения, но среди них

немало материалов местного (дагестанского, азербайджанского, грузинского) происхождения. В массе своей они состоят из писем и обращений феодальных владетелей и отдельных сельских общин к России с просьбой принять их в русское подданство, защитить их, оказать им военную помощь. Переписка Сурхай-хана Казикумухского с командующими на Кавказе русскими военачальниками о спорных территориях в Северном Азербайджане, показания лазутчиков с мест о положении дел до начала I в период военных действий в Дагестане и многое другое. Однако среди этих материалов наибольшую ценность как по количеству, так и по содержащейся в них информации, представляют донесения русских резидентов при Надир-шахе И. Калужкина и В. Братищева из Дагестана. В своих обширных по объему и довольно частых по периодичности донесениях, русские резиденты доводят до сведения все, что могло быть достойным внимания русского правительства. А Россию тогда интересовало многое: стратегические и тактические планы Надира, как на данном этапе, так и в перспективе, маршруты движения его войск, результаты сражений и каким путем они достигнуты, настроение окружения шаха и рядовых солдат, обеспеченности иранской армии вооружением, снаряжением и снабжением. И что особенно важно для нас, большое внимание резиденты уделяли освещению борьбы горских народов Дагестана за свою свободу и независимость. Следует также подчеркнуть, что разнохарактерные сведения, собранные русскими резидентами являются чуть ли ни самым надежным источником и не только потому, что составлены представителями третьей, не участвующей в ирано-турецкой войне, державы, но и в силу того, что они собирались для правительства страны, которая в удобном для агрессора случае могла оказаться его жертвой. Поэтому виденное и особенно слышанное до отправки донесения проверялось и перепроверялось имеющимися у них средствами. Но это не значит, что содержащиеся в них сведения следует воспринимать на веру и сполна. Вовсе нет. И этот наиболее надежный источник требует, однако, к себе критического подхода. Нельзя забывать, что целый ряд сведений получали из вторых и даже третьих рук, перепроверить их, в силу ряда независящих от автора причин, не удалось. Кроме того, в данном случае давал о себе знать и такой принцип, как "видят то, куда смотрят". Любопытному читателю небезынтересно знать, что все свои донесения и письма резиденты писали только тайнописью и притом сложной для расшифровки и можно с уверенностью сказать, что если даже эти зашифрованные донесения попали бы в руки местных властей, то им не так легко было бы в них разобраться. К примеру, в такой тайнописи имя Сурхай-хана обозначалось следующим образом /VIYZGOL/. Довольно удачно и четко, с соблюдением правил безопасности была организована и доставка этих зашифрованных документов адресату. Обычно из Закавказья их привозили в Кизляр с помощью

специально привлеченных для этой цели проверенных в надежности местных жителей, а затем их, без какой-либо проволочки, морем или сухим путем доставляли в Астрахань и оттуда в Петербург. Причем эти послания проходили длинный и трудный по тем временам путь с "поспешением". Так что, благодаря четкой работе резидентов, русское правительство хорошо было осведомлено о планах и намерениях иранских властей, а также о тех событиях, которые разворачивались в Дагестане. Так, за несколько месяцев до наступления брата НаDIR-шаха Ибрагим-хана в Джары и планируемых им решительных мер в отношении кавказских повстанцев русский резидент доложил о событиях в Закавказье Кизлярскому коменданту Никите Анфимовичу и докладывая об этом, отправитель просил адресата сообщить эти сведения бригадирю А. Юнгеру и передать один из пакетов в Императорскую государственную коллегию⁶¹. В донесении от октября 1738 г. резидент вновь извещал, что Ибрагим-хан находится в Гяндже, и при нем "войска 15 тыс. человек..., а следует он разорять лезгинцев, ... которые от Гянджи расстоянием в 6 дней езды, к тому же, — слух носится, что он пойдет разорять Сурхая, а которою дорогою пойдет неизвестно"⁶². Следует особо подчеркнуть, что такого рода донесения из Закавказья в Россию в то время шли прямо-таки потоком. Заметим, что при этом резиденты, как правило, предупреждали Кизлярского коменданга отправить все донесения с гонцами "со всяким поспешанием, немало не удержав, отослать его в Астрахань, понеже надобность требует во всякой скорости то отношение к всепросветительному двору могла дойти"⁶³. В 1742 г. русское правительство, ради сношения с резидентом И. Братишевым, учредило специальные "сообщения с Астраханью посредством пагботов"⁶⁴. К сожалению, из большого числа документов русских резидентов опубликованы лишь донесения В. Братишева канцлеру кн. А. М. Черкасскому, состоящие из 68 листов "6 подлинных концептов" из Дербента, которые опубликовал Л. П. Юдин, и то в изложении⁶⁵. Ряд документальных материалов внешнеполитического характера опубликован в Полном собрании Российских законов⁶⁶, в многотомной публикации "Приказы и письма Петра Великого"⁶⁷, а также в сборниках Русского императорского общества⁶⁸, в "Договорах России с Востоком"⁶⁹, в Актах Кавказской Археографической комиссии⁷⁰ и в др. изданиях. Интересные материалы содержат также сборники документов "Русско-дагестанские отношения", "Русско-кабардинские отношения" и др.⁷¹. Правда, эти сборники документов отражают, в основном, научно-значимую проблему, но ведь известно, что документальный материал выполняет не только одно определенное назначение, а чаще всего дает сведения к исследованию и размышлениям по самым различным вопросам исторической эпохи. В этом смысле, вошедшие в указанные публикации документы важны для понимания и внутренней, и особенно внешне-политической обстановки, сложившейся на Кавказе

в первой половине XVIII в. Кроме того, эти сборники содержат материалы, имеющие непосредственное отношение к предмету наших изысканий. Следует, однако, напомнить, что документы этих публикаций, представляющие, главным образом, официальные материалы, также нуждаются в критическом подходе. Из сказанного явствует, что при наличии в наших архивах большого числа ценных документальных материалов, до сих пор не было осуществлено ни одной специальной публикации, посвященной истории многолетней борьбы народов Дагестана и Азербайджана и др. против нашествий шаха Надира. Этот, давно наметившийся в кавказоведении пробел, можно надеяться, в ближайшем обозримом будущем будет преодолен. В настоящее время сотрудники отдела истории досоветского периода ИИЯЛ приступили к работе над составлением сборника документов. Подготавливаемая публикация мыслится как фундаментальное издание разнохарактерных документов, не только материалов русского происхождения, но и местных источников /хронологические записи о событиях тех лет, письма, обращения предводителей антииранской борьбы и др. материалы/, обнаруженные исследователями в частных коллекциях. Прочную основу для изучения поставленной проблемы составляют также путевые записи русских и иностранных государственных деятелей и дипломатов, побывавших на Кавказе и в Иране в первой половине XVIII в. Большую ценность в этом плане представляет интересная во многих отношениях обстоятельная записка, основанная на личных наблюдениях, выдающегося политического деятеля России эпохи Петра Великого А. П. Волынского (1689-1740). Вместе с ним в Иран ездил находящийся на русской службе в качестве врача, шотландец по происхождению, Джон Белл. Он побывал в Дербенте, Шемахе и в Иране. В 1722 г. он еще раз побывал на Кавказе, когда был в Турции и Китае. Вернувшись на родину, он составил описание своих путешествий на английском языке, которое было переведено на ряд европейских, и в том числе на русский язык. Описание Белла являются, как давно заметили кавказоведы, существенным дополнением к сочинению Волынского. И что особенно важно подчеркнуть, Белл не ограничивается описанием Дербента, Низабада, Шемахи, Решта и др., но и описывает Терки, Аграхан, Тарки, а также сообщает интересные сведения о походе Петра I в Прикаспий⁷³. Важное значение для изучения истории первой четверти XVIII в. имеет также описание, составленное капитаном военно-морской службы Ф.И. Саймоновым⁷⁴, журнал А.И. Лопухина⁷⁵, записка русского посланника Ф.Н. Беневина⁷⁶ и особенно сочинение И.Г. Гербера⁷⁷. Несомненный интерес представляет также, составленный на основе полученных из Кавказа документов от лиц, участвовавших в комиссии ген. Румянцева в подписании русско-турецкого договора, записка В. Остермана⁷⁸. В 1733-1735 гг. полномочным представителем России у шаха Надира был кн. С. Д. Галицын, который и заключил с Ираном

Гянджинский договор. До нас дошло составленное с его слов описание, в котором, кроме всего прочего, имеются сведения о взятии Надиром Шемахи, Гянджи и др. местностей Азербайджана. Вместе с ним на Кавказе дважды побывал немец по происхождению, врач на русской службе И. Я. Лерх.⁷⁹ Во время этих путешествий он вел подробный дневник. Он содержит добротное описание Кизляра, Сулака, Тарки, Бойнака, Дербента, а во втором путешествии и дворца шаха Надира в Дербенте /, а также лагерей кизылбашей: Иран-Хараб, Бармака, Мюшкюра, Низовой, Шемахи и др. мест. Важные для нашего исследования данные содержатся в обширном труде английского купца и путешественника Джона Ханвея⁸⁰. Он дважды побывал в Северном Азербайджане, зафиксировав в своем дневнике и путевых записях, которые позднее легли в основу его работы, все, что он видел. Кроме того, он использовал сведения, собранные Д. Эльтоном, Д. Куком и др. Сведения, сообщаемые им, позволяют разобраться во внутренней и внешней политике Иранского государства, в положении трудовых масс, в причинах народных выступлений. Чрезвычайно интересны для нас и его данные об иранской постоянной армии, ее специальных подразделениях, вооружении и снаряжении, об охране шаха и его казны, о жестокостях, проявляемых шахом при расправе с жителями и многом другом. Ценные сведения о событиях, происходивших в 1741-1747 гг. мы находим в письмах миссионера Базена⁸¹, служившего у Надира в качестве личного врача. В них автор сообщает сведения о внутреннем состоянии, о тяжелом положении всех народов государства, о коррупции, о лихоимстве, о характере самого шаха и подготовке его убийства и др. Интересные сведения о положении дел в Турции и Иране в 40-х гг. XVIII в., о восшествии на престол Ирана Надира содержатся в книге путешествия Оттера⁸².

Наряду с письменными источниками в работе критически использованы содержащие важную информацию, хотя и в зашифрованной художественно-поэтической форме, памятники устного народного творчества, легенды, предания, сказания, исторические песни и др., самая незначительная часть из которых помещена в приложении к предлагаемой вниманию читателей книги.

В фольклорных произведениях народов Дагестана Надир, в отличие от идеализированного правителя иранских хроник, как и следовало ожидать, — кровавый деспот, жестокости которого не знают никаких границ. Несправедливый, недальновидный, непроницательный вождь человеконенавистнических полчищ, который при столкновении, будь это состязание на мудрость и проницательность или же встреча на поле боя, всегда и во всем терпел от горцев поражения. И несмотря на это, в надиршаховском цикле горского фольклора содержатся данные о реальных фактах и, что особенно важно, в них отразился рост национального самосознания горцев перед лицом поте-

ри своей свободы и независимости. "Здесь идея борьбы за родную землю и здесь же впервые в истории Дагестана — единение многочисленных племен... в общей борьбе".⁸³

1. Величко В. П. Полн. собр. соч. СПб., 1904. Т. I. С. 180.
2. Гете Г. Соч. М., 1987. Т. X. С. 715.
3. Ключевский В. О. Соч. в 9 томах. М., 1989. Т. I. С. 6.
4. Дарвин Ч. Соч. М.-Л., 1953. С. 134.
5. Алиев Ф. М. Азербайджан в XVII в. // Историческая география. Баку, 1987. С. 136.
6. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 641.
7. Ахмедов Э. М. Выдающийся азербайджанский мыслитель — А. К. Бакиханов. Сочинения, записи, письма. Баку "Элм", 1983. С. 17.
8. Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку "Элм", 1991.
9. Газ. "Кавказ", 1846, № 17, 18.
10. Сборник газеты "Кавказ". Тифлис, 1846. Ч. I. С. 228-247.
11. Русский инвалид, 1846. № 121, 122.
12. Ахмедов Э. М. Указ. соч. С. 304.
13. Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 124.
14. См.: Алкадари Г. Указ. соч. 174
15. Бартольд В. В. Соч. М. "Наука" 1965 Т.3. С. 418 15. Подробно см. Гаджиев В. Г. Алкадари-историк Дагестана // Историко-литературное наследие. Г. Алкадари. Махачкала, 1988. С. 28-42.
16. Алкадари Г. Указ. соч. С. 63.
17. Там же. С. 80.
18. Там же. С. 72.
19. Габиев С. И. Лаки, их прошлое и быт. СМОМПК, Тифлис, 1906. вып. 56.
20. Там же. С. 32.
21. Каяев А. История лакского народа на лакском языке — Литературалул Дагестан. 1990. № 4-5.
22. Там же. С. 72.
23. Левиатов В. Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С. 66-7
24. Там же. С. 98.
25. Там же. С. 96.
26. Тамай А. И. Провал захватнических планов Надира в Дагестане // Рук. фонд. ИИЯЛ. Ф.3. Оп. I. Д. 1746. Л. 26.
27. Магомедов Р. М. Присоединение Дагестана к России // Очерки по истории Дагестана. Махачкала, 1950. Вып. I. С. 116.
28. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX вв. Махачкала, 1957. С. 318.

29. Пигулевская А. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Белецкий Л. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л. Из-во "ЛГУ", 1958. С. 310.
30. Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М. "Наука", 1961. С. 30.
31. Тамай А. И. Восстание в 1711-1712 гг. в Азербайджане // УЗИЯЛ. Махачкала, 1958. Т. III. С. 54-77; Он же. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надир /1741-1743 гг./ УЗИЯЛ. Махачкала, 1958. Т. V. С. 80-108.
32. Пигулевская Н. В. и др. История Ирана... С. 321.
33. УЗИЯЛ. Махачкала, 1963. Т. XI. С. 116-137.
34. Там же. С. 135.
35. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., Наука, 1965. С. 106-109. 125-147; История Дагестана. М., "Наука", 1968. Т. I. С. — 355- 379.
36. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., Наука, 1988. С. 411 (Далее ИНСК)
37. История Дагестана Т. 1 С. 355-373.
38. ИНСК. С. 422-424.
39. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала. Дагучпедгиз. 1968. С. 168.
40. Новосельцев А. П. Классовая борьба в Азербайджане и Восточной Армении в XVII-XVIII вв. № 3, вып. 63. М., 1960; Освободительная борьба народов Закавказья в XVII в // ВИ. №3, 1972.
41. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965.
42. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., "Наука", 1966.
43. Арунова М.Р., Ашрафян К.Э. Государство Надир-шаха. М., 1958.
44. Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку: Элм. 1975.
45. Хроника войн Джара. Баку, 1931. С. 52.
46. Кретацци Абраам (франц. перевод) Collection d' historiens armeniens. Т. II Шемахецы Акол. Походы Тахмасп-Кули-хана (Надир-шаха) и избрание его шахом (переводом С. Тер.-Аветисяна). Ереван, 1932. Ериванци Абрам. История войны 1721-1736 гг. Ереван, 1939. Есаи Каталикос. Краткая история страны Агван (перевод Т.И. Григоряна). Эриван, 1861. Армянская анонимная хроника. Перевод с турецкого Э.М. Бунятова (далее ААХ).
47. Вахушти Багратиони. История царства грузинского (перевод Н.Т. Накашадзе). Тбилиси, 1976.
48. Давид. Краткая история Грузии. Предисловие К.Н. Бегичева. Тифлис. 1983.
49. Переписка грузинских царей и владетельных князей с государством Российским в XVII в. Ст. сост. А.А. Цагорели. СПб, 1980.
50. Пигулевская Н.В. История Ирана с древнейших времен. С. 300.

51. Мехди-хан Астраби. Тарих и Надири. Jones Wileiam, Histore de Nadir-Chan conlusous le nom de Thahmas Kulikhan empereur de Perse Trad d'unmanurist persian. London, 1799.

52. Мухаммед Казим. Тарих и-аламара-ий Надири (Мироукрашающая Надырова книга.)

53. Мамедов Г.М. "Каиме". Бедреддин-заде Али-бея // Известия АН Аз. ССР. Серия истории фил. и права, 1988. № 3, С. 67-69. № 4, С. 72-84.

54. Там же. С. 76.

55. Там же. № 4. С. 77

56. Там же.

57. История Сами, Шапир и Сухри. Истамбул, 1198 г.х (1784/1785).

58. Смирнов Н.А. Россия в XVI-XVIII вв. М. Из-во МГУ, 1946. С. 48. Т.1.

59. Печевн И.Э. История (перевод с турецкого акад. З.М. Буниятова). Баку, 1988.

60. Шенгелия Н.Н. Османские документальные материалы XVII-XVIII вв. об Абхазии // Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985. С. 187-188.

61. ЦГА РД. Ф. ОП. Д. Л. 15.

62 Там же. Л. 19-20.

63.ЦГА РД. Ф.1. Д.1. Л.1.-4

64. Козубский Е.И. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 90.

65. Русский архив, 1899. №3

66. ПСЭ. Т. V. № 2815. Т. VII. № 409, 4537. Т. VIII. С. 323 и др.

67. Приказы и письма Петра Великого. Т. VIII. С. 30 СПб., 1876.

68. Сб. РИО... Т. 49, 55 101.

69. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Сост. Т. Юзидович. СПб., 1889.

70. АКАК. Т. 1. допол. С. 1051-1052.

71. Русско-дагестанские отношения в XVII нач. XVIII вв. /сост. Р.Г. Маршаев/. Махачкала, 1958; Русско-дагестанские отношения в XVII-нач. XIX вв. под. ред. В.Г. Гаджиева. М: Наука, 1988; Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв. Т. II. М., Наука, 1957.

72. Журнал посланника Вольнского 1715-1718 // Зевакин Е. Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1929.

73. Bell J. Travels from St. Petersburg in Russia-to varios. Русский перевод с французского М. Попова: Белевы путешествия через Россию разные азиатские земли, а именно: в Испаган, Пекин, в Дербент и Константинополь. I-III. СПб., 1776.

74. Саймонов. Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваниях СПб., 1767.

75. Лопухин А. Журнал путешествия через Дагестан в 1718 г. // ИГЭД. С. 6-59.

76. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флоридо Беневини в Персию

и Бухару в 1718-1725. М., 1986.

77. Подробно о труде И. Гербера см. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера "Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся", как исторический источник по истории народов Кавказа." М: Наука, 1979.

78. Генеральное состояние дел и интересов Всероссийских со всеми соседями и другими иностранными государствами в 1726 г. составлено В. Остерманом // Северный архив, 1828, № 1.

79. Лерх И. Путешествие /1-ое/, продолжавшееся от 1733 по 1736 гг. из Москвы до Астрахани, и оттуда по странам, лежавшим на западном берегу Каспийского моря. СПб., 1790-1791; Сведения о втором путешествии в Персию, совершенном в 1735-1747. Науч. АИИ Азербайджана /пер. с фран. яз. Абезгуда/ инв. № 489.

80. Hanway J. An Historical Account of British trade over the Caspian sea. vol. 1-2 London, 1754.

81. Letters edifiantes et curieuses, ecrites des mission etrangeres. T. IV Nouv. ed., Paris, 1780

82. Otter I. Voyage en Turquie et en Ptsr, avec une relation des expedition de Thomas Kulikhah, v. 1-2. Paris, 1748.

83. Назаревич А.Ф. Героический эпос горцев и его влияние на дальнейшее развитие литературы народов Дагестана. // Труды 1-й научной сессии. Махачкала, 1947. С. 293.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**

instituteofhistory.ru

ДАГЕСТАН И ШИРВАН В НАЧАЛЕ XVIII в.

Территория Дагестана представляет значительную часть огромной горной системы, простирающейся от Черного до Каспийского моря. За исключением низменной полосы вдоль Каспия, Дагестан представляет горную местность с бесчисленным множеством возвышенных плато, труднодоступных хребтов с крутыми осыпающимися склонами, глубоко расчлененных долин и вполне заслуживает своего названия горной страны или Страны гор. На этой территории с незапамятных времен проживали авары, даргинцы, лаки, лезгинцы, табасараны и др., всего более 30 народностей и этнических групп. В низовьях Терека с середины XVI в. поселились терско-гребенские казаки¹. Около этого времени или чуть раньше в Дагестане появились кочевья ногайцев². Равнинную часть Дагестана, являющуюся продолжением Прикаспийской низменности, от р. Терек до р. Башлы занимали кумыки. В районе Терека проживали тюмени, таджики. Небольшую территорию предгорий к западу от Прикаспийской низменности занимали чеченцы-акинцы, а южнее их, в Салатавии, проживали аварцы. На юго-западе от кумыков проживали даргинцы и родственные им кайтаги. Территорию к югу от кайтагов до реки Чирахской, протяженностью более 50 км и от Дербента на запад более 70 км, занимали табасаранцы. Всю юго-восточную часть Дагестана занимали лезгинцы, которые делились на две части. Первые из них назывались гетигар, от названия сел. Чехе-Гетаг, главного села Кюри, а вторые жителей долины реки Самур — Ахсагар, от названия сел. Ахса (Ахты). Среднюю часть Самура занимали рутулы, а верховья реки — цахуры, в верховьях Чирахского и Курахского ущелий проживали агулы³, в центральном Дагестане жили лаки. Весь нагорный Дагестан от Салатавских гор до границ Грузии населяли аварцы и родственные им андийцы, боллихцы, годоберинцы, чамалалы, богулалы, тиндалы, каратинцы, ахвахцы, цезы (дидойцы), бежтинцы, генухцы, хваршины.

В гор. Дербенте, кр. Святой Крест, а со строительством в 1735 г. и в гор. Кизляре проживали русские, армяне, грузины, греки и др.

Описанная картина расселения народов Дагестана обнаруживает большую стабильность. Однако это не значит, что в Дагестане в течение веков не происходили миграционные процессы. Кроме переселения в Дагестан ряда народов с XVI в. в конце XVII в. и особенно в XVIII в., довольно интенсивным

стало, переселение горцев Дагестана в Северный Азербайджан, в Джаро-Белокан, Елисуйский султанат и в др. места, где проживали аварцы, лезгины и цахуры. К сожалению, точно установить численность каждого народа в Дагестане в целом, в виду отсутствия статистических данных или других надежных источников, не представляется возможным. Имеющиеся в распоряжении историков сведения о народонаселении Дагестана относятся ко второй половине XIX в., к тому же и эти сведения представляют собой лишь приближенные цифры. Чтобы у любознательного читателя создалась хотя бы приблизительная картина, приведем эти данные. В 1860 г. по официальным данным население Дагестана составляло 513265 человек. Естественный рост населения происходил медленно, а в иные времена и вовсе не происходил. Не редки были случаи, когда население Страны гор убавлялось. И тому виною непрекращающиеся нашествия иноземных агрессоров. Немало жизней уносила междоусобная борьба между феодальными владетелями и конечно же стихийные бедствия, голод, и особенно моровые болезни — чума, холера, которые были в Дагестане довольно часты. Достаточно сказать, что по далеко не полным данным, с 30-х годов XVв. до 1730 г. в Дагестане 10 раз возникали страшные эпидемии “черной смерти”, большой чумы, каждая из которых продолжалась несколько лет и уносила тысячи и тысячи жизней⁴.

Известно, что среди населения Дагестана в начале XVIII в. были последователи ислама, христианства и иудаизма. Сами горцы Дагестана исповедовали ислам суннитского направления (называли себя ахль ас-суна — т. е. люди сунны). Только часть жителей гор. Дербента и его округи являлись последователями ислама шиитского направления или просто назывались шиитами. Мусульмане-сунниты придерживались ритуальных, бытовых и социальных правил шафиитского мазхаба*. Лишь жители одного сел. Янги-юрт придерживались ханифитского толка⁴.

Основными занятиями горцев Дагестана, как известно являлось земледелие и скотоводство. Наличие плодородных земель и благоприятные климатические условия позволяли населению равнинного Дагестана зани-

---

*Мазхаб (араб. — путь следования) — религиозно-правовая школа.

Мусульманская юриспруденция (араб. фикх) представлена четырьмя равноправными юридическими школами, которые образовались в VIII-IX в. Мазхабы ханифитский, шафиитский, малакитский и ханбалитский названы по имени их основателей: Абу-Ханифа ибн-Сабит (699-769), Малик ибн Анас (713-795), Абу Абдаллах Мухаммед ибн Идрис аш Шафии (767-819), Абдаллах Ахмед ибн Ханбал аш-Шейбани (780-855). Кроме Дагестана учение аш-Шафии было распространено в Египте, Сирии, Ливане, Йемене, Хоросане, Багдаде и др. местах (Керимов Г. М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978. С. 14-20).

маться земледелием в широких масштабах. Наряду с посевами зерновых (пшеницы, ячменя, ржи, риса) население равнинного и предгорного Дагестана разводило виноградно-фруктовые сады, выращивало бахчевые культуры, занималось мареноводством, шелководством, хлопководством и т. д.

Иную картину представлял нагорный Дагестан, составляющий две трети всей территории края. Здесь земель, пригодных для пахоты было крайне мало. Жители этих мест вели упорную борьбу с природой. Однако, широко распространенная в Кавказоведческой литературе точка зрения, что земледелие в горах было вообще примитивнее, чем на равнине, не соответствует действительности. Именно в горной части Дагестана в изучаемое нами время широко применялись удобрения, орошение, нивелировка местности, террасирование горных склонов, укрепление их каменными стенами, создание на скалистой основе искусственной почвы путем переноса ее с других земельных участков. Затрачивая, таким образом, сверхчеловеческий труд, горец превращал горные склоны в пахотнопригодные земли, улучшал сенокосные участки, которые тоже нередко искусственно орошались и огораживались⁶. Хотя крайняя теснота земельных участков и препятствовала развитию земледелия, все же в хозяйстве жителей нагорного Дагестана полеводство занимало одно из веху их мест.

Основными культурами, возделываемыми горцами были просо, ячмень, овес, пшеница, горох. Малоземелье сковывало полеводство нагорного Дагестана. Однако сложившееся в исторической литературе мнение, будто Дагестан не в состоянии прокормиться своим хлебом, не совсем верно. Общеизвестно, что жители приморского и предгорного Дагестана сбывали излишки хлеба в горные зоны даже за пределы Страны гор. Кроме того, ряд районов обеспечивал себя своим хлебом. А остальная часть выменивала зерно у своих соседей. На это обстоятельство указывают авторы XVIII и XIX вв. И. Гербер и С. Броневский. Очевидно прав акад. Н. Дубровин, который обобщая имеющиеся материалы отмечал, что "несмотря на все невзгоды... малоедящий горец собирает со своих нив столько хлеба, что за прокормлением семейства уделяет часть его на продажу. Вообще же, при умеренности в пище, земледелие, при обыкновенном урожае, удовлетворяло местные потребности"⁷. В незначительных размерах возделывали в горах лен и коноплю, "но не для тканей, а для зерна, каковое высушивая размалывалось в мельницах и перемолов, мешали в виде сухарей, сберегая оные для походов как питательную и легкую пищу"⁸. Во многих районах нагорного Дагестана довольно широко было распространено садоводство и виноградарство⁹.

Ведущей отраслью в хозяйстве народов Дагестана было скотоводство. В равнинной зоне в скотоводческом хозяйстве крупный рогатый скот занимал более значительную часть, тогда как в нагорных районах крупный рогатый

скот разводили в количестве, необходимом для использования в домашнем хозяйстве. В значительно большем количестве они разводили мелкий рогатый скот. Однако, бедно наделенные сенокосными угодьями горцы не могли заготавливать необходимый на зиму корм для скота. Поэтому скотоводство в нагорной зоне и особенно в горной части, носило экстенсивный отгонный характер. Лошадей горцы разводили в ограниченном количестве и использовали их для верховой езды. Животные местной породы были малорослыми и малопродуктивными и тем не менее, они очень высоко ценились, так как от них горцы получали “одежду, пищу и в некоторых местах отопление”¹⁰.

Хозяйство жителей как равнинного, так и нагорного Дагестана носило ярко выраженный натуральный характер. Однако это не значит, что в Дагестане не знали простого товарного производства. В рамках натурального хозяйства развивались надомные отрасли. Причем, домашняя обработка всех видов местного сырья была распространена повсеместно. Сами горцы изготавливали и весь необходимый сельскохозяйственный инвентарь (плуг, серп, косу, борону, молотильные доски и многое др.). Из шерсти делали войлоки, арбабаши, паласы, ковры, хурджуны, платки, наплечные бурки, ткани, вязанную и валенную обувь и др. Из глины изготавливали различного рода посуду. Из дерева домашнюю утварь, различные конструкции для жилья и хозяйственных построек, обрабатывали камень, кость и др. Из металла выделывали оружие (кольчуги, шлемы, мечи, копья, ножи, кинжалы, шашки, пояса конскую сбрую, ружья, пистолеты и многое др.). Слава о мастерах по обработке металла в описываемое время, распространилась далеко за пределы Дагестана и проникла даже в Европу. И не случайно великий француз Вольтер (1694-1778) в своем “Кандиде” упоминает о железе “Кавказских гор, которые куют в кузницах Дербента”¹¹.

Далеко за пределами Дагестана пользовались успехом изделия из металла кубачинцев и кази-кумухцев. “Кубачи, — писал в 1728 г. И. Гербер, — особенно питаются рукоделием, ибо оные все люди мастеровые, у них делается самая лучшая серебрянная работа, оружие, добрые сабли, панцири и прочее, которые не токмо во всех здешних местах, но и в Персии и в Турецкой земле славно, и такое оружие с охотой покупают, от чего они все люди богатые”¹². Отрыв кубачинцев от сельского хозяйства явление очень давнее¹³. Любопытные сведения, позволяющие понять специфику занятий кубачинцев сообщает автор конца XVIII в. Я. Рейнегс. “Кубачинцы..., — писал он, — известные мастера, которые выделывают оружие, пистолеты, сабли, ножи, панцири... Так как ни Персия, ни Анатолия не имеют таких умелых мастеров, их изделия всюду находят спросом добрую оценку...” Полеводство у них совершенно в забросе. Еще менее они занимаются животноводством”¹⁴. Следует однако отметить, что Кубачи был не единственным, вполне сложившимся

центром ремесла в Дагестане в XVII в. Это было время, когда в Дагестане шел процесс углубления специализации селений по отдельным видам ремесла. В расположенном недалеко от Кубачей сел. Амузги, Харбук изготовляли оружейные и пистолетные стволы, топоры, подковы, кости сох. В Сулевкенте, Балхаре было развито гончарное производство, в Кумухе, Унчукатле — металлообработка, Акуша — выделывание сукна, в Голотли, Кахибе и др. — холодное оружие, в Анди, Ансалта — бурки, Ахты, Микрах, Аркит — ковроделы и. д.¹⁵.

Важное место в жизни народов Дагестана занимала внутренняя и внешняя торговля. Однако здесь “торговля производилась большей частью меною: собственных денег не имели; между ними употребляют... так называемые ханские. Они принимают так же и российскую монету. Особенно почитали серебрянные рубли”¹⁶. В этой связи небезинтересно привести свидетельство И. Гербера о том, что Кубачинцы “делают турецкие и персидские серебрянные деньги; начали испытывать делать российские рублевки, однако, — заключает он, — сии деньги имеют надлежащий свой вес серебра, что оных везде берут”¹⁷. Кстати сказать, чуть позже специальная секретная экспедиция Астраханской канцелярии узнала так же, что в Дербенте, Шемахе и других местах, соседствующих с Персией, делают без разрешения Ирана “самовольно серебрянные (монеты) привозимые в Персию (и) российские серебрянные деньги мало ломают и делают из них свои”¹⁸. Аналогичные сведения сообщает в январе 1744 г. и поруч. И. Шаликов¹⁹. Совершенно очевидно, что при чеканке кубачинские и др. мастера должны были уменьшить вес или ухудшить состав серебра добавлением менее ценных металлов. Иначе не было бы смысла их чеканить²⁰. С другой стороны, перечеканка в Дагестане иранских, русских и др. монет показатель углубления процесса денежного обращения в крае.

Горцы Дагестана поддерживали довольно тесные для своего времени торгово-экономические связи со своими ближайшими соседями — Азербайджаном, Грузией и др. народами Закавказья, Северного Кавказа, со странами Ближнего Востока, Россией. Обычно из Дагестана вывозили скот и продукты скотоводства (кожи, шерсть, масло, сыр и др.), сухофрукты, орехи, а так же изделия кустарных промыслов: бурки, оружие, ювелирные, гончарные изделия и другое. В Дагестан же ввозили хлеб, рис, ткани, железо, др. товары. Главными центрами торговли Дагестана были Дербент, Тарки, Эндрей-аул, Ахты, Хунзах, Кумух, Анди др. торгово-ремесленные центры. Большая часть внешней торговли проходила через Дербент, Тарки, Эндрей-аул. Достаточно сказать, что в них, и особенно, в Дербенте имелись торговые ряды иранских, индийских, русских, армянских, грузинских и др. купцов. Однако расширение торговли сильно препятствовали натуральное хозяйство региона, феодаль-

ная раздробленность и связанные с ней, так называемые рахтсрные пошлыны, которые взимались за провоз товаров владельцами. Известно, что товары, следующие с севера в Дербент, или нагорную часть Дагестана 3-4 раза облагались пошлиной. Кроме того, развитию торговли препятствовали состояние дорог, а так же постоянная опасность грабежа. И все же, более и более углубляющееся естественно-географическое общественное разделение труда (равнинная и нагорная части), не затрагивая основ натурального хозяйства, вело к постепенному расширению тогового обмена, к росту товарного производства. Характерной чертой Дагестана в описываемое нами время была неравномерность социально-экономического развития. Это был край, со сложными и пестрыми общественно-экономическими отношениями. И все же, если в целом характеризовать социальные отношения первой половины XVIII в., мы должны признать, что, несмотря на очевидное различие в степени развития отдельных частей региона, все же определяющими были феодальные общественно-экономические отношения. Социальный строй феодальных владений был более развит, чем в так называемых "вольных" обществах Дагестана. Общество феодальных владений и союзов сельских общин распалось на два, хотя и в неравной степени очерченных, класса. К господствующему классу относились шамхалы, ханы, князья, беки, чанки (дети феодалов, рожденные от неравных браков), сала уздени у кумыков, цимирдаи — у лаков и разбогатевшая часть узденства в других владениях и союзах сельских общин. Эксплуатируемый класс состоял излично свободных, но попавших в зависимость различных степеней узденей (догорек уздены, азат уздены, чагары — крепостные, райяты и рабы). Однако в нагорной части Дагестана и особенно в союзах сельских общин менее четко были выражены классовые отношения. Здесь не было резкой классовой дифференциации, масса крестьян еще не была закрепшена. Эксплуатация непосредственно производителя была прикрыта пережитками патриархально-родовых отношений, древними обычаями и псевдородственными связями. Зависимые крестьяне отдавали продукт в виде "родовой взаимопомощи", "дарений", "приношений" и т. п. Наступление представителей господствующего класса на крестьян-общинников вызывало законное овозмущение трудящихся масс горского крестьянства, принуждая их к борьбе за свои права. Классовая борьба здесь проявлялась в различной форме — в поджогах хозяйственных построек, ломке и порче сельскохозяйственных и иных орудий производства, в отказе платить повинности и отбывать подать, в побегах рабов и других зависимых крестьян от своих феодалов²¹.

В описываемое время Дагестан не представлял единой политической целостной территории, он был раздроблен на целый ряд политических единиц: на феодальные владения и на несколько десятков союзов сельских общин. В

приморском районе, между реками Терек и Сулак существовали Аксаевское и Костиковское владения, более известные под названием княжеств. Равнинную предгорную и горную территорию занимали феодальные владения: Шамхальство Тарковское, Мехтулинское ханство, уцмийство Кайтагское, Майсумство и владения кадия Табасарана. В центральном нагорном Дагестане имелись ханства Аварское и Казикумухское. Как известно, после окончательного распада Казикумухского Шамхальства, на территории Лаков образовалось самостоятельное владение, во главе которого стояло управляющее им собрание феодальной знати, называвшиеся "кат" и избирательным предводителем "хахлавчи". В самом конце XVII в. хахлавчи стал Чолак Сурхай (безрукый). К сожалению, еще не установлено точно когда он был провозглашен ханом. Известно одно, что в дошедших до нас документах, еще в первое десятилетие его именуют ханом²². На остальной территории Дагестана существовали союзы сельских общин. Таковыми были аварские и родственные им андо-цезские общества, Салатавские, Гумбетовское, Хиндалалское, Гидатлинское, Андалалское, Адийское Ахвахское, Анкратлинское, Аваршинское, Боголалское, Чамалалское, Технуцальское, Дидойское, Тиндальский томс, Киль и др., Даргинские: Акушинское, Цудахарское, Усишинское, Мугинское, Мекегинское, Урашинское. Первые 5 сельских общин, в свою очередь, объединились в общий союз под названием Акуша-Дарго. В южном Дагестане Ахтышаринское, Докузпаринское, Курахское, Алтышаринское, Рутульское, Цахурское и др. Все эти союзы сельских общин управлялись выборными старшинами.

Феодальные владения, а тем более союзы сельских общин не имели регулярной армии. В случае необходимости Шамхалы, уцми, ханы, майсумы или старшины созывали вооруженное ополчение. В особо важных случаях собирали объединенное ополчение. Следует особо подчеркнуть, что по сложившейся исстари традиции, народы Дагестана в годы опасности нашествия иноземных захватчиков объединялись, и с оружием в руках отстаивали свою свободу и независимость. Так было во времена сасанидов, арабов, монголо-татар, Тамерлана, Сефевидов и др. агрессоров. К ратному делу они приспособлены исторически, что показали и события, о которых речь впереди.

"Область Ширван, — писал А.-К. Бакиханов, — ограничена на востоке Каспийским морем, на юго-западе — рекой Курой, отделяющей ее от Мугана, на северо-западе — рекой Канык (Алазань) и неопределенною чертою, простирающейся через нижнюю часть Елисуйского владения; далее хребтом Кавказа и цепью гор"²³. Как не трудно догадаться, в очерченную учеными границу не только не входят все земли, занимаемые азербайджанцами, но не вошла даже вся территория Северного Азербайджана. Мы ограничимся кратким описанием общественно — политической обстановки, только лишь потому, что именно здесь, в этом регионе разворачивались основные события,

освещению которых посвящено настоящее исследование. Сразу хочется предупредить читателя, что борьба азербайджанского народа против господства сефевидов, а затем и Надира происходила повсеместно, в том числе и в Южном Азербайджане. Но поскольку эти события прямо не связаны с основной темой настоящей книги, о них мы говорим лишь в той мере, в какой это необходимо для освещения поставленной нами проблемы. Мы не будем также останавливаться на этнической истории, экономическом положении и уровне социального развития Азербайджана в описываемое время. Эти проблемы довольно хорошо исследованы историками Азербайджана. Но для того, чтобы читатель смог представить хотя бы общую картину края укажем, что в Ширване совместно с азербайджанцами проживали в Куба-Хачмасской зоне лезгины, известные как кубинские лезгины, таты и горские евреи. К лезгинам, так называемой шахдагской группы народностей относились будухи, кризы, хиналуги. Особую зону историко-этнографического отношения представляют Закатальский и Белоканский районы Северного Азербайджана, где издавна проживали аварцы и цахуры. Это зона известна под названием Джаро-Талы, или Джаро-Белоканы. Следует однако указать, что транскрипция Джар не совсем совпадает с живым произношением аварцев “Тач” и с традицией “Чар”, “Джар”. По имеющимся данным, территория, занимавшаяся жителями Джаро-Белокан, имела около 60 верст в длину и столько же в ширину²⁴. На севере Джаро-Белоканы граничили с хребтом гор, отделяющим их территории от нынешних Тляротинского и Рутульского районов Дагестана, к востоку отделялись р. Капытай от владений Елисуйского султана, их южная граница — р. Алазань и Кизих. С запада “границы чарцев, — говоря словами М. А. Коцебу, — весьма неопределенны, иные принимают за границу самую Кахетию, другие — урочище Лагодехи, а многие речку Нагнал-Емира”²⁵.

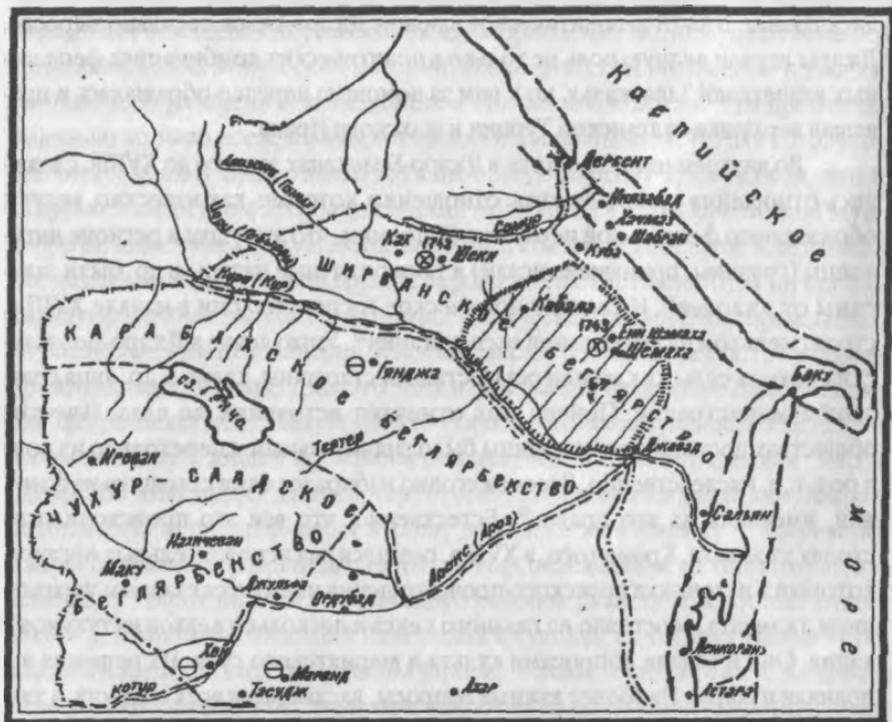
Еще в начале 30-х годов И. П. Петрушевский, касаясь вопроса образования Джаро-Белоканского союза сельских общин, писал, что это случилось не в результате “быстрого завоевания или массовой миграции в одно время”. Освобождение от власти кахетинских царей и образования независимого союза “было, конечно переворотом и притом не мирным, но этот переворот был вызван не хищническим вторжением, а перегруппировкой сил правящих феодальных слоев Закавказья”. Этому способствовали внешние и внутренние обстоятельства, сложившиеся на Кавказе в XVI-XVIII вв., немалое значение имело и известное сочувствие аварам с конца XVII в., открыто ставшим во враждебное отношение к кахетинским феодалам, со стороны закрепощенного грузинского крестьянства²⁶. Согласно имеющимся сведениям, Джаро-Тальский союз объединял 5 основных джамаатов (обществ): Джарское, Белоканское, Тальское, Мухухское и Джинихское. Кроме того, имелись селения, которые не входили ни в одно общество²⁷. Самым богатым и сильным обществом

из них были Джары, объединяющие по данным нач. XIX в. 21 или 29 селений: Белоканское — 4, Тальское — 2, Мухахское — 3, Джинихское — 7.

По данным народной переписи XIX в., в Джаро-Белоканах проживало около 57 тыс. человек. Среди всех селений “союза” самыми главными считались Джары. В XVIII в. политическое влияние Джаро-Белокан сильно выросло. Джары играли видную роль не только в политических комбинациях феодальных владетелей Закавказья, но к ним за помощью нередко обращалась и правящая верхушка султанской Турции и шахского Ирана.

Во внутреннем устройстве в Джаро-Белоканах задолго до XVIII в. сложились отношения суверенитетов, отношения, которые, как известно, ведут к образованию феодальной иерархии. Вспомним, что живущие в регионе индейцы (грузины, принявшие ислам) и тюркоязычные падары и др. были зависимы от джарцев²⁸. И свое экономическое господство они в начале XVIII в. строят целиком на феодальной эксплуатации²⁹. Управление в Джаро-Белоканских союзах сельских общин осуществляли старшины, кадии и др. лица сельской администрации. Причем, как отмечают источники, во владельческих обществах достоинство старшины было значительным и переходило из рода в род; т. е. наследственно. Здесь ежегодно избирался один старшина из фамилий, имеющих на это право³⁰. Естественно, что все это происходило на сходах джамаата. Кроме того, в XVIII в. создан ряд исполнительных органов, который в источниках русского происхождения именуется главным управлением джамаата и состоял из главного кевха и несколько кевхов из тухумов и кадия. Они и ведали вопросами культа и шариатского суда. Их решения исполняли нукеры. Наиболее важные вопросы, касающиеся всех обществ, а также вопросы войны и мира и внешнеполитической ориентации решались на общем сходе “союза”, собираемом в местечке “Агдам” близ сел. Мухади. Джарцы представляли значительную силу и принимали самое активное участие во внешнеполитических комбинациях владений Закавказья и Ближневосточных стран. Самое активное участие, как увидим ниже, они принимали и в антииранской борьбе народов Азербайджана и Дагестана против Ирана в первой половине XVIII в.

Северный Азербайджан, по свидетельству современников, побывавших в крае в первой половине XVIII в. был богатой и относительно экономически развитой страной. Говоря об экономическом положении региона, видный русский государственный деятель, в то время русский посланник А. П. Волынский писал: “Во всей Персии я почитаю лучшие провинции, начав от границ турецкой, Ериван, и Тевриз, которые не бесхлебны бывали, а також и коммерциею не малый интерес Персии приносят... потом провинции, лежащие подле Каспийского моря, Ширванская и Гилян, из которых великая польза персианам. И где я ни был, прибыточнее не видел... Ширвань... жилых мест не мало и

Ширван и Дагестан в начале XVII в.

- Политические границы
- Границы прикаспийских областей, закреплённых за Россией по Константинопольскому договору 1724 г.
- Граница территорий отошедших к Турции
- Территория где правил Хаджи Дауд
- Направление движения русского флота в 1722-1724 гг.
- Направление движения русских сухопутных войск в 1722 г.

многолюдно и во всем довольство имеют, понеже земля плодородна и множество родитца хлеба (которым и другие многие место довольствующа)... так же и скотом довольны и рыбами, а особенно лутчей их интерес их шолк, которого довольно везде родитца и редкая деревня, где бы не было шелковых заводов, как около моря, так и до самой реки Кура³¹. Автор этого сообщения хотя и кратко, но довольно точно определил экономическое положение и основные отрасли сельскохозяйственного производства Ширвана. И действительно, здесь с незапамятных времен занимались земледелием, выращивали хорошие урожаи зерновых, успешно занимались садоводством и виноградарством, разводили крупный и мелкий рогатый скот. Но особое внимание резедентов и иностранных путешественников более всего привлекал производящийся здесь шелк. Пожалуй, не было ни одной страны, которая бы не знала и не зорилась на азербайджанский шелк и центр его производства Шемаху. Богаты были и уловы рыбы в прикаспийской части региона³². Развито было и ремесленное производство. Занимались жители Ширвана горным и др. промыслами. Что же касается социальных отношений, в Ширване опуть феодального развития шел очень давно³³ и к описываемому времени процесс феодального развития зашел довольно далеко³⁴. В начале XVIII в., как и ранее вся территория Ширвана находилась под властью сефевидского Ирана.

Административно Ширван составлял один из четырех беглербегств, на которые сефевидами была подразделена вся территория Азербайджана³⁵. В беглербегство (сохранившееся до 1736 г.) Ширвана с центром г. Шемаха входили провинции Салян, Баку, Шеки и Ареш, Алцут, Куба и Колхан и с середины XVII в. — Дербент с округой³⁶. В каждой области, во главе которой стоял беглербег, назначаемый центральной властью имелись: шейх-ул ислам, ведающий делами шиитского духовенства и шариатскими судами, садр, ведавший вакуфными имуществами и подчиненный дивану высокого садра всего государства (садр ас-садур, "садр-садров"); джанишин — заместитель беглербега, следивший за его действиями и доносивший о них шахскому двору, областной визирь, ведающий финансами и поступлением наличных сумм, подчиненный великому везиру государства. В городах и больших населенных пунктах беглербегства были кади — главы местного шиитского духовенства и калантары — городские старшины, назначаемые шахом, но из местной знати или купечества, также не подчиненных беглербегу³⁷. Как будто, на первый взгляд, довольно централизована была власть в иранском государстве, и беглербегствами управляли ряд лиц, прямо подчиненных ближайшему окружению шаха, и тем самым ограничивали власть самого беглербега. Но на самом деле это было не так. По справедливому замечанию И. А. Петрушевского, власть беглербега "располагавшего военной-силой, большими угодьями и средствами, была велика, и нередко беглербег фактически подчинял себе

формально неподчиненных ему чиновников”³⁸. Бывали даже случаи, когда беглербег Ширвана не выполнял указание самого шаха³⁹. Беглербеги Ширвана, подражая шахскому двору, установили и у себя административные должности по образцу центрального управления. Росту значимости беглербегов Ширвана способствовало и то, что со временем их власть, по существу, стала наследственной. “Передача по наследству беглербегств, — пишет И. П. Петрушевский, — до шаха” Аббаса I было не узаконенным, но тем не менее обычным, порядком”⁴⁰. Однако, начавшееся с шах Аббаса I стремление центральной власти ограничить власть беглербегов достигла значительных успехов. И уже в конце XVII и начале XVIII вв. в Ширване беглербеги не имели право передавать власть своим наследникам и поэтому из-за этого происходило частое смещение беглербегов. Наследственными в XVII в. были улька (олкэ). Причем в Ширване к описываемому времени из старинных местных династий сохранились следующие владения: Шеки, Элису, Цахур, Кабала, Арми и др., Дербент, входящий в Ширванское беглербегство, управлялся назначаемыми шахом хакимами, чаще всего с титулом султана, которые часто смещались⁴¹. Причем султаны Дербента властвовали также над уездами Мушкур, Шизабат, Шабран, Рустау и Бертак (т. е. Кубинским ханством). В самом же гор. Дербенте султан делил власть с наибом, избираемым “из знатнейших тамошних жителей и подтверждаемых от шаха”. “Причем жители города, — пишет И. Г. Бутков, — большей части солдаты и можно было их набрать 1 тысячу конных и 2 тыс. пеших. Они получали жалованья, имели несколько пашен, скота, а особенно пользовались садами. Между ними находилась рота солдат, которая называлась курчи и которая почиталась за охранителей шахского здоровья и великую вольность имели... Наиб был Юзбаш или капитан над ними”⁴². Содержание огромного бюрократического аппарата центральной и местной власти тяжелым бременем ложилось на плечи трудового народа. Финансовые чиновники брали на учет все без исключения объекты налогового обложения. “Реестры (дафтары) с подсчетом всей следуемой с области суммы налоговых поступлений и с подразделением по статьям составлялись в центры области”⁴³. При сборах податей, как единодушно отмечают имеющиеся источники, допускалось ставшим уже нормой произвольное увеличение их, и, как правило взывали с податного сословия 2-3 раза, чем было установлено. “Доходов государственных как сказываю, с Шемахи и со всей провинции Ширванской с подлежащих городов и деревень к Шемахе, — свидетельствует А. Т. Волынский, — собираются по 80. 000 рублей... Однако ж сверх оклада управители обыкновенно вдвое или втрое каждый год собирают и по своим карманам делят, как и быгностью мою Шемахинский хан именем Кей Хосров учинил, который собрал 200. 000 рубелей”⁴⁴. Все это происходило и в Дербенте и в зависимых от Ирана территориях Южного Дагестана. Султаны и наибы Дер-

бента, “имея великую власть” над выше указанными провинциями, чинили произвол и лихоимствовали. “И понеже он, султан, — сообщает И. Гербер, — сам от сих доходов великое жалование имел, и кроме жалованья от шаха уволен был 5000 туманов или 50.000 рублями ежедневно, употреблял в подарки” кожан по всей воле жаловать хотел. К тому же счастье от султанов с доходов никогда и не спрашивается... В близости лежащие оба уезда, Табасаран и Куба, повинны были оному султану послушны быть и по его приказу воинскую службу отправлять”⁴⁵. Наместники шаха в Дербенте неоднократно делали попытки подчинить своей власти прямым вооруженным путем или политическими воздействиями на них подчинить своей власти союзы сельских общин Самурской долины. “Султаны дербентские, — продолжал И. Гербер, — их яко подданными к Персии тчесть хотели и к тому принуждать трудились и для того часто великая команда из Дербента посылалась, чтоб их силою под власть привести”⁴⁶.

Соответственно этому шло усиление эксплуатации народных масс Азербайджана и Дагестана “свыми” феодалами. Увеличение податного бремени, произвол и насилие со стороны шахских и местных властей не могли не вызвать законного протеста трудящихся масс Азербайджана и Дагестана. И они, как увидим ниже, отстаивали свои права всеми имеющимися у них средствами. И это раздражало центральные и местные власти. И что более всего удивительно, что иранские и отчасти европейские и русские исследователи представляли жителей Северо-Восточного Кавказа беспокойными, готовыми по любому поводу взяться за оружие. Как говорится, виноватым оказывался ягненок, которого захотел съесть волк. В свое время мы высказывались по этому случаю в специальной работе. Показали, что народы, о которых идет речь, иные исследователи представляли в ложном свете. Вопреки им передовые прогрессивные деятели культуры России XIX в. А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, А. А. Добролюбов, А. Н. Толстой⁴⁷ глубоко сочувственно относились к кавказским народам и мечтали о тех временах: “Когда народы распри позабыв в великую семью объединятся”. Здесь же хочу привести и лишь одно высказывание видного русского ученого, журналиста и историка В. Л. Величко о народах Азербайджана и Дагестана. “У азербайджанцев, — писал он, — кровь несомненно благородная; они от природы добры, мужественны, великодушны, способны к умственному и нравственному развитию. Идея государственности, и притом сильной, внушающей уважение к власти, традициям и порядку, несомненно им присуща, несмотря на их кажущуюся анархичность, объяснимую историей, географическим положением края и вытекающими отсюда бытовыми условиями”⁴⁸. И далее “если человеку с сердцем симпатичны мусульмане-азербайджанцы, то жители Дагестана еще более вызывают сочувствие. В них много

истинного благородства: мужество, верность, слава, редкая прямота. Многие племена, например считают убийства из засады позорными, и у них есть пословица, гласящая, что “врагу надо смотреть в глаза. Самый поверхностный взгляд на дагестанцев убеждает, что они — люди с достоинством”⁴⁹.

* * *

✓ Первые контакты Дагестана с Ираном возникли в глубокой древности, когда Ахеменидские и особенно сасанидские цари сумели захватить обширную часть территории крупного государства древности — Кавказскую Албанию, в состав которой входили и горские народы 50. Ирану приписывается и строительство Дербентской крепости. Считается, что в 733 г. до н. э., во время правления легендарного Лехрасипа “на месте высокоом, изобильном водою и здоровом по климату” была воздвигнута крепость Нарын-кала⁵¹. Такие сведения встречаются в трудах других восточных авторов, в частности у Хамдалаха Кавзвини⁵². Стало быть, уже ахемениды предпринимали ряд мер для удержания и защиты кавказского прохода⁵³. Позже, в начале VI в. сасанидский царь Кобад и его сын Ануширван вновь завоевали Дербент у хазар⁵⁴, перестроили или заново построили оборонительные сооружения из вытесанного камня⁵⁵. Причем, огромные материальные средства, требующиеся для строительства поистине грандиозного оборонительного комплекса сасаниды выкачивали из местного населения. “Цари персидские, — пишет албанец по происхождению Моисей Каганкатваци, — изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания (дербентских стен — В. Г.), которое сооружали между горой Кавказом и великим морем восточным (Каспийским — В. Г.)”⁵⁶. Некоторые историки готовы признать Ануширвана чуть-ли не основателем известных ранее средневековых “царств” Дагестана. На самом же деле, “царства”, о которых идет речь возникли как результат внутреннего социально-экономического развития Дагестана. Что же касается сасанидского правителя, он лишь подтвердил права уже властвующих в “царствах” владетелей. Со временем, под ударами арабов пала сасанидская держава. Вместе с другими территориями Закавказья от власти Ирана освободился и Дагестан и тут же попал в сферу влияния арабского халифата. В средневековье судьба уготовила для народов Дагестана еще более тяжкие испытания. Не останавливаясь на изложении этих и последовавших за этим многочисленных нашествий на Страну гор, отметим, с XV в. начался новый этап, но не завоевательных и не менее опасных для судеб горцев походов со стороны Ирана, которые продолжались около трех столетий. Однако покорить Дагестан им так и не удалось.

В начале XVI в., когда только что образовавшаяся сефевидская держава

“завоевала” 14 провинций⁵⁸, в том числе часть территорий Южного Дагестана, населенных лезгинами и Дербент с его округой, в долговременную борьбу за овладение Кавказом вступила Оттоманская Порта и ее вассал — крымский хан. С этого времени Кавказ превратился в арену кровавых сражений между ними. Однако жители Дагестана и Ширвана продолжали освободительную борьбу против агрессоров⁵⁹. Особенно тяжелой оказалась для народов Кавказа борьба с шахом Аббасом I. В начале XVII в. он занял Северный Азербайджан и захватил Тбилиси, разграбил Кахетию. Было истреблено около 100 тыс. грузин и столько же взято в плен⁶⁰. Оценивая завоевательные походы шах Аббаса I, автор XVIII в. англичанин Джон Ханвей не без основания подчеркивает, что “перед бесчеловечностью тускнеет слава” его⁶¹. Над Дагестаном нависла реальная угроза иранского поглощения. И тем не менее, жители Дагестана, по словам очевидца говорят, что “им шах Басу не бивати челом и ему служить. И как де на них пойдет и им де всем против его стояти головами своими, и в землю его не пустити”⁶². Однако не все думали так. Некоторые правители, боясь разорения своих земель, колебались⁶³. Но, к счастью, поход шаха Аббаса I в Дагестан не состоялся. И в этом известную роль сыграла Россия, которая предложила шаху Аббасу, чтобы он “дружбе и братству помешки не чинил... на кабардинскую и на кумыцкую землю не наступал”⁶⁴. К тому же в 1616 г. в Закавказье между Ираном и Высокой Портой возобновилась борьба. Преемник шаха Сефи I продолжил агрессивную политику своего предшественника. Он готов был приступить к покорению Дагестана. Однако и ему не удалось осуществить свои планы. И на этот раз Россия твердо заявила шахскому посланнику, что “царскому величеству самому то надобно, чтобы на Койсе и Терке города поставит, потому что та земля царского величества, а кумыцкие люди вечные колоны царского величества”⁶⁵. То что не удалось осуществить его предшественнику, решил осуществить шах Аббас II. Он решил было сместить неугодных ему правителей Дагестана и на их место посадить своих людей. В 1745 г. попытался силой сместить “непослушного” уцмия. Однако владетель Кайтага Рустам-хан сумел нанести поражение вторгшимся шахским войскам. Разгневанный неудачей шах Аббас II направил в Дагестан усиленный отряд, которому удалось занять Кайтаг и изгнать Рустам-хана и посадить на престол уцмия Амир-хан Султана. Чтобы укрепиться в Дагестане он задумал воздвигнуть крепость в сел. Башлы⁶⁶. Как и следовало ожидать, эти события вынудили владетелей Дагестана обратиться за помощью к России⁶⁷. Русское правительство, сконцентрировав в районе Терека значительные воинские силы, потребовало от шаха Ирана вывода войск из Дагестана. Аббас II вынужден был ретироваться и возвратил свои войска в Закавказье. После этого даже возведенный шахом в уцмия Кайтага Амир-хан Султан обратился к русским владетелям с просьбой принять его в подданство России⁶⁸. Само

собой понятно, что шах, не желая смириться с создавшейся ситуацией, стал деятельно готовиться к новому наступлению. В 1651-52 гг. он направил значительные силы для завоевания русского городка на Сунже. И к ним, как ни странно, присоединились некоторые феодалы Дагестана. Но и при этом персы не достигли желаемого. Им не удалось занять Сунженский городок, но эту свою неудачу они с лихвой компенсировали грабежом. Захватив большое число крупного и мелкого скота и другое имущество шахские войска возвратились в Дербент. Однако и после этого шах Аббас II и его преемники не оставляли в покое народы. Время от времени они вмешивались во внутренние дела Дагестана, инспирировали феодальные междоусобицы⁶⁹. Ширванскому беглербегу и султану Дербента было указано, чтобы они делали все возможное, чтобы подчинить своей власти жителей Самурской долины, Кюри, Табасарана и Кайтага. "Султаны дербентские, — сообщает И. Гербер, — их яко подданными к Персии почеть хотели и к тому принуждать трудились и для тою часто великая команда из Дербента посылалась, чтобы их силою под владения привести"⁷⁰. Но особое внимание Иран обращал на шамхала Тарковского. Понимая, что в сложившихся условиях силой покорить это владение не просто, сефевиды стремились привлечь его на свою сторону, рассчитывая через шамхала привести в повиновение народы Дагестана.

Даже этот, далеко не полный обзор со всей очевидностью показывает, что иранская угроза, как Дамоклов меч, висела над Дагестаном, что, естественно не вселяло какую-либо оптимистическую надежду горцев. Постоянная угроза и страх оказывали свое пагубное влияние на взаимоотношения Дагестана с Ираном.

В конце XVII — начале XVIII вв. шахский Иран переживал глубокий экономический и политический кризис. Одним из наиболее решающих факторов, обусловивших разложение и упадок сефевидского государства, была чрезмерная, чем дальше, тем больше возрастающая эксплуатация трудового люда, которая приводила к подрыву сельского хозяйства, ремесла, торговли и других отраслей народного хозяйства⁷¹.

Экономический кризис углублялся междоусобной борьбой феодальных группировок страны, повсеместной коррупцией и разложением Шахского двора. Однако Шах Хусейн (1694-1722 гг.) и его окружение предпринимали чрезвычайные меры, в их понимании направленные на стабилизацию государственной жизни, но на деле приведшие к противоположным результатам, в итоге которых по всему государству, от Авганистана до Закавказья прокатилась волна антишахских выступлений и восстаний. Естественно, что соседние государства и прежде всего Османская Порта, которая в течение двух веков, начиная с XVI в., вела с Шахским Ираном упорную борьбу за овладение Кавказом, задумала воспользоваться благоприятным моментом и осуществ-

вить свою давнюю мечту — прибрать Кавказ к своим рукам. С конца XVII в. в истории Оттоманской Порты, по определению турецких историков, начинается “период отступления” (*ricat devri*)⁷², и тем не менее, Оттоманская империя и в начале XVIII в. оставалась одним из крупных военно-феодальных государств⁷³. Вынужденные после поражения в войне 1683-1699 гг. со “священной лигой” и подписания невыгодного для себя Карловицкого договора (Австрии, Венеции, Польши и России), правящие круги Оттоманской империи стремились компенсировать себя завоеваниями на востоке. С этой целью Османы завершили строительство Еникале (“Новая крепость”), укрепили Керчь, усилили свои позиции на Северо-Западном Кавказе и задумали, говоря словами русского посланника в Константинополе, “Иверскую землю (Грузию — В. Г.) воевать и в подданство привести”⁷⁴. Усиление военно-политической экспансии Османской империи на Кавказе и на юге России значительно усилилось после прихода к власти представителя наиболее агрессивных кругов — султана Ахмеда III. Порта потребовала, чтобы Россия срыла крепость Каменный Затон, уничтожила корабли в Азове. В начавшейся вскоре русско-турецкой войне Османы добились военных успехов. Несмотря на ряд побед над Крымским ханом и Османами в 1711 г. на р. Прут, армия Петра I оказалась в окружении и он вынужден оказался подписать невыгодный для себя мирный договор и уступить Азов Турции. Ободренный этими успехами, Султан обвинил кабардинских князей в измене и в ультимативной форме потребовал от них покорности, в противном случае, он угрожал разорением и истреблением всего населения⁷⁵. Тогда же Крымский хан направил к владельцам Засулакской Кумыкии, шамхалу Адил-Гирею послание с требованием, чтобы они сами и др. владетели Дагестана были “послушны” хану. Посланники привезли указанным владельцам “немалую дачу” и обещали “вперед давать повсягодно”⁷⁶. Одновременно Оттоманская Порта вела деятельную подготовку к вторжению на Кавказ. “Султан Турский, — сообщает Минас-Варданет, — имеет великое приготовление воинское... в Анатолии збирается премного турецкого войска”. “Шах Ирана, — продолжал он, — вельми опасался и боялся, чая, что будут воевать турчанин против него, для того что сам их знает, что он с турчаниным воеват силы и мочи не имеет”⁷⁷. Оттоманская империя, говоря словами известного немецкого историка Хаммера, стремилась добиться “Исключительного господства на Черном и Каспийском морях”⁷⁸.

Само собой понятно, что Россия, имевшая личные интересы в Причерноморье и на Кавказе не могла спокойно смотреть на разворачивающиеся в регионе события. Поэтому Петр I, еще в самом начале XVIII в. велел астраханскому воеводе Мусину-Пушкину укрепить “дружественные и торговые отношения с дагестанскими горцами”⁷⁹, оказывая им возможную помощь, поддержку и покровительство. В 1701 г. в Москве между русским правительством

и представителями Армении велись переговоры “относительно русской помощи в деле освобождения Армении”⁸⁰.

В 1711-1712 гг. ген. Д. Апраксин переселил на левый берег Терека гребенских казаков, которые образовали там несколько станиц. При этом “праю владения казаков затеречными угодьями не оспаривалось ни кумыками, на кабардинцами, ни тем более чеченскими воеводами”⁸¹. Тогда же, для изучения создавшегося положения, а так же для розыска рудных и других богатств, на Северный Кавказ был отправлен доверенный царя, кабардинец по происхождению, А. Бекович-Черкасский. В 1714 г. в своем донесении Петру I он писал из Турции, горским князьям, имеющим владения близ гор между Черным морем и Каспийским, направлены посланцы, которые старались склонить их “со владением своим” под власть султана, за что они могут “многую милость получить и повсягодным жалованием определены будут”. Агенты Порты побывали и во владениях кумыкских князей, Шамхальстве и др. с намерением “дабы всех, тех народов соединить даже со персидской границы, и тко особливо край тот в волю свою привить и подданство услить”. И если, — продолжал он, — Турции удастся подчинить народы Дагестана, то при возникновении войны “могут не малую силу показать, понеже оный народ лучше в войне кроме регулярного войска”. Поэтому, чтобы не допустить такое, Бекович-Черкасский предлагал, не мешкая “привести под власть”, но если турки их под себя утврдят, тогда уже будет поздно”. И при этом никакой трудности “понеже тот народ вольной”, и с давних времен Шамхалы и др. владетели в подданстве России “и детей своих в аманаты давали”⁸². К аналогичному выводу пришел будущий крупный государственный деятель России А. П. Волынский после военно-политического обследования Кавказа и Ирана. “Бог ведет от падения сию корону. И потому “как я здешнюю слабость вижу, то нам без всякого опасения начать можно (войну — В. Г.) ибо не только целую армией, но и малым корпусом великую часть к России присовокупить без труда мочно”⁸³. В другом письме к Петру I он предлагал принять владения Северо-Восточного Дагестана в подданство России. Шамхал Тарковский Адил Гирей, владетель Султан Махмуд и др. в бытность мою там “показали верность. “И если, — продолжал он, — решитесь предпринять такой шаг “дать для охранения Тарков одну роту солдат”⁸⁴ (о чем Шамхал просит — В. Г.). Естественно, что в этой чрезвычайно сложной обстановке, в зависимости от личных интересов, феодальные владетели Дагестана как и всего Кавказа склонялись то на одну, то на другую сторону.⁸⁵ Однако, в первой четверти XVIII в. феодалы и особенно те владения которых были близки к русской государственной границе и издавна поддерживали с Россией тесные торгово-экономические связи, склонялись на ее сторону, и обращались в Москву с просьбой принять в подданство и под покровительство России. В 1717 г. дважды об

этом просил шамхал Адин-Гирей, султан Махмуд Аксаевский, уцмий Кайтага Ахмедхан ⁸⁶ и другие. Однако Россия, будучи занята северной войной не решалась открыто объявить о присоединении Прикаспийского Дагестана к России.

1. Гаджиев В. Г. "Сочинения И. Гербера "Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся", как исторический источник по истории народов Кавказа" М., 1979. С. 25-27. Васильев Д. С. Очерки по истории низовьев Терека (под ред. В. Г. Гаджиева), Махачкала, 1986. С. 8-48.
2. Кочекаев Б. Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв., Алма-Ата, 1988. С. 105-106.
3. Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области — Записки Кавказского отдела имп. Русского географического общества. Тифлис, 1873. С. 14-24.
4. Лавров Л. И. Стихийные бедствия на Северном Кавказе до XIX в. — КЭС Т. УШ. М., 1984. С. 66-67.
5. Комаров А. В. Указ. соч. С. 26.
6. ИНСК... Т. I. С. 378.
7. ИГЭД... С. 83, 291; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. С. I. М., 1923. С. 278; ЦГВИА Ф. ВУА. Д. 6512. 87, 90.
8. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, 1871. Т. I. Кн. I. С. 511.
9. ЦГВИА Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. I. Л. 14.
10. Вольтер. Философские повести. М., 1954. С. 262.
11. ИГЭД... С. 75.
12. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.-Л., 1949. С. 24.
13. Рейнегс Я. "Историческое, топографическое и физическое описание Кавказа и всех различных народов на нем обитающих" рукопись Гос. библиотека им. Салтыкова-Шедрина. Ленинград, Санкт-Петербург, ОЛДПГ; об авторе см. Гаджиев В. Г. Сочинение Я. Рейнегса "Историческое... как истор. источник". Источниковедческие разыскания, 1982, Тбилиси, 1985.
14. ИНСК... Т. I. С. 384.
15. ЦГВИА Ф. ВУА. Д. 18503. Л. 6.
16. ИГЭД... С. 76.
17. ЦГАДА Ф. 276. Д. 647. Л. 51-52.
18. Русско-дагестанские отношения в XVIII-начале XIX вв. Сб. док. под ред. Гаджиева В. Г. М., Наука, 1988. С. 75.
19. Гаджиев В. Г. Сочинения И. Гербера... С. 153.
20. Бакиханов А. — К. Гюлистан — Ирам. Баку, "Эльм", 1991. С. 11.
21. ИГЭД... С. 253.
22. Там же. С. 254.
23. Петрушевский П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX в. Тифлис, 1934. С. 13-14.
24. Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера... С. 248.

28. Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера... С. 248-249.
29. ХВД... С. 55.
30. ИГЭД... С. 253.
31. Журнал посланника А. П. Воынского 1715-1718 гг. Известие общества обследования и изучения Азербайджана. № 8. Вып. 6. Баку, 1929. С. 11-12.
32. ЦГАДА Ф. 276. Д. 616. Л. 12; ЦГВИА Ф. 18486. Л. 71-72; Чулков М. Историческое описание Российской коммерции. М., 1785; Соймонов Ф. Описание Каспийского моря. СПб, 1763 и и др.
33. Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., "Наука", 1988.
34. Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 89. 1547
35. Рахмани А. А. Азербайджан: границы и административное деление в конце XV-XVII вв. — Историческая география Азербайджана. С. 120.
36. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-нач. XIX вв. Л., 1949. С. 117.
37. Там же.
38. Проскинтарий Арсения Суханово. — Полестинский сборник. Т. УП. СПб. 1889. С. 115-116.
39. Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 12.
40. Там же. С. 126.
41. Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 137-141.
42. Бутков П. Г. Указ. соч. С. 27-28.
43. Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 120.
44. Журнал посланника Воынского 1715-1718 гг. В кн. Зевакин Е. Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1929. С. 12.
45. ИГЭХД... С. 85-86.
46. Там же. С. 77.
47. Гаджиев В. Г., Пикман А. М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала, 1972. Второе переработанное издание труда, озаглавленное "Великие демократы России о борьбе горцев под водительством Шамиля". Сдано в изд-во оСеверо-Восточного Научного центра Выс. школы.
48. Величко В. Л. Полн. собр. соч. публицистических СПб, 1904. Т. I. С. 155.
49. Там же. С. 180.
50. ИНСК... Кн. I. С. 83.
51. Гаджиев В. Г. "Дербент-Наме" Мирзы-Кайдара Визирова. — ВИД, Махачкала, 1975. Вып. П. С. 086.
52. Березин И. Н. Путешествие по Дагестану. Казань, 1849. С. 7.
53. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв. М., 1963. С. 30.
54. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории СССР М. — Л., 1941. С. 67.
55. Выдержки из книги Ат-Табари "История посланников и царей" пер. А. Р. Шихсаидова. — Памятники истории и литературы Востока. М., 1986. С. 69.

56. История Моисея Каганкатвади. ЧПБ, Т. I. С. 105.
57. История Азербайджана. Т. I. Баку 1958. С. 82.
58. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1940. Т. 7. С. 206.
59. ИНСК... Кн. I. С. 311-314.
60. Бердзенашвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии. Тбилиси, 1950. Ч. I. ОС. О352.; Накашидзе Н. Т. Грузино-русские политические отношения в пер. пол. XVII в. Тбилиси, 1968. С. 557а
61. Hanvey D. Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. Dul lllh. 1754. p. 117.
62. ПДТС Т. П. СП 6, 1892. С. 381.
63. Кушева Е. Н. Русско-дагестанские отношения в XVI-XVII вв. Махачкала, 1954. С. 20.
64. ДДТС...Т. Ш. СПб., 1989. С. 125.
65. ЦГАДА Ф. 77. 1642. Д. 10. Л. 144.
66. ИНСК... С. 322-323.
67. РДО... С. 176.
68. Там же. С7 169.
69. Подробно о борьбе горцев см. Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973.
70. ИГЭД... С. 77.
71. Иванов М. С. Очерки истории Ирана. М., 1952. С. 78.
72. Tain. Istanbul, 1931 с. 3, 253.
73. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе XVI-XIX вв. М., 1958. С. 57.
74. Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время северной войны. — ИЗ Т. 10. С. О255.
75. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I. Вып. I. СПб., 1897. С. 26-27.
76. КРО Т. П. М., 1957. С. 11.
77. Арутюнян. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., О1954. С. 166.
78. Hammt J Gtschnicnte dts Osmahiscnen Reicher. Pest, 1835. Bd. 4. S. 206-207
79. Газ. "Кавказ", 1869 № 1.
80. Арутюнян П. Т. Указ. соч. С. 143-152.
81. Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб, 1880. С. 97.
82. ПСЗ. Т. У. Док. № 2815. РДО... С. 223-225.
83. Лебедев В. И. Посольство Артемия Воынского в Персию. _ Известия АН СССР. Сер. история и философия. Т. У. М6. С. 535.
84. ЦГАДА, Ф. Кабинет Петра I. Оп. I. Отд. кн. 30. Л. 127.
- 85.. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., "Наука", 1965. С. 104.
86. АВПР, Ф. Кумыкские дела. Д. 6/н Л. 17-18. РДО... С. 225-228.

АНТИИРАНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ И ШИРВАНЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

Отвлекаясь от превратностей судьбы, можно вполне уверенно сказать, что в том кризисном положении, в которое был ввергнут Иран, во многом был повинен бездарный, многословный шах, неподготовленный, а точнее вовсе непригодный к правлению таким обширным, мощным и многонациональным государством, каким была Иранская монархия. На это обстоятельство давно обратили внимание и современники шаха, историки Ирана и сопредельных стран. «В Иране, — свидетельствует А. П. Волынский, — такая ныне глава, что не он над подданными, но у своих подданных подданный, и чаю редко такого дурачка можно сыскать между простых, не токмо из коронованных, того ради сам ни в какие дела вступать не позволен, но во всем положился на своего наместника, Ехтма Давлета, который всякого скота глупее»¹. Ему вторит И. Е. Козубский. «Шах, — писал он, — беспечный и неспособный, посрамительная жизнь которого была одною из причин беспорядков»². Естественно, что шах и его беспомощное окружение были не способны найти выход из создавшегося положения. Пытаясь предотвратить финансовый крах, правящие круги Ирана необдуманно увеличивали налоги, взимаемые с разоренных крестьян страны. Еще большему произволу и насилию подвергалось население покоренных сефевидами окраин. По свидетельству каталикоса Есан Хасана Джалаляна, была произведена общая перепись населения, после чего «по произволу» власти обложили его налогами. Подушная подать была увеличена втрое. Были введены и новые подати: «ихража-и-шахзаде» — сбор на содержание шахских сыновей, «шеш-динар» — сбор в 6 динаров, вскоре утроенный и прочее. Были обложены податью пашни, виноградники, сады, скот³ и другое движимое и недвижимое имущество. К тому же беглербеги и другие представители местной иранской администрации при сборе налогов произвольно их увеличивали, как правило, взыскивая их с податного населения в 2-3 раз больше определенных размеров.

Недовольство народных масс Южного Дагестана вызывало и то, что шахская администрация неоднократно делала попытки подчинить их своей власти.»Выше уже отмечалось, что дербентские султаны посылали войска про-

тив жителей долины Самура, чтобы подчинить их своей власти, но посланные всегда с великим уроном назад возвращались. Табасаранцы должны были прежде сего, по повелению султана Дербентского, служить в войне с платою, однако для их постоянства, мало их употребляли⁵. Тяжелая эксплуатация, лихримство и произвол шахской администрации подрывали производительные силы, вызывая крайнее недовольство широких народных масс. Все это толкало трудящихся на борьбу за свои права. В 1706-1715 гг. в Афганистане, Южном Азербайджане и других регионах государства прокатилась волна народных восстаний. На Кавказе же «народное недовольство и волнения были повсеместно»⁶. Одни из них считали побудительной причиной выступления чуть ли ни прирожденную привычку горцев к набегам и грабегам. Другие полагали, что движение инспирировано извне ставленниками османов. И, наконец, третьи утверждали, что горцы поднялись на борьбу вследствие неуплаты шахом им субсидий, установленных еще в XVII в. за прекращение набегов на подвластные Ирану территории. Английский путешественник, побывавший в 40-х годах в Иране, Джон Ханвей, например, утверждает, что горцы восстали только из-за того, что Иран не задержал причитающуюся им уплату, которая была предусмотрена условиями подписаний с шахом Аббасом⁷.

Эта версия была некритически заимствована рядом последующих историков. Очевидно, что решать однозначно вопрос о причинах, вызвавших антииранское движение, задача не из благонадежных. Анализ имеющихся сведений показывает, что правящие круги Ирана в это время в Дагестане проводили иную политику. Шах присылал правителям фирманы, утверждающие их во владельческих правах, установил им ежегодное жалование. В 1711 г., например, шах Хусейн утвердил Ахмед-Хана Уцмием и «увеличил сумму выплачиваемых ему денег со ста туманов до двухсот»⁸. Эти данные подтверждаются сведениями современника событий И. Гербера. Усмей сообщает он, от шаха получал «по 2000 руб.» За это последний повинен со своими подданными воинскую службу по требованию отправлять⁹. Но особую заботу проявляли шахи Ирана о шамхале. «И чтобы он все... народы в подданстве послушанием, страхом держать и к тому силу иметь мог... каждый год от шаха получал 400 туменов»¹⁰. Уже одно это говорит, что причины, побудившие горцев на борьбу, были значительно глубже в сложных коллизиях общественно-экономических и внешнеполитических условий. Бесспорно, что движение возникло на местной социально-экономической почве. И по своему характеру это было антишахское движение, о чем красноречиво свидетельствует вышеприведенный материал. Его первоначально возглавили Канлы Шабан и Молла Абдуллах, к ним присоединился и «один из шахских должностных лиц цахурский бей Али-Султан»¹¹. Со временем антииранскую борьбу возглавили уроженец сел.

Дедели Мюшкюрского уезда Дауд, которого в исторической литературе называют Хаджи-Дауд-беком или даже "лезгинским владетелем". Другие же считают, что он "родом мужик"¹². Третьи представляли его выходцем из богатых обывателей сел. Дедели¹³. На самом деле он родился в семье зажиточного крестьянина "древнего рода". Ловкий и предприимчивый преподаватель местного медресе совершил паломничество в Мекку, после чего стал хаджем, а затем, когда он встал во главе антииранского движения, присвоил себе звание бека и от того стал именоваться Хаджи-Дауд-беком¹⁴. Первоначально распространял особое духовное учение, которое клонилось к уничтожению светской власти. Можно думать, писал В. А. Комаров, что это учение мало чем различалось от...мюридизма". Не вызывает сомнения, что его учение было направлено самым ближним и способным на такую борьбу, по мнению "ниспровержению власти персиан и освобождение правоверных суннитов от ига еретиков-шиитов"¹⁵. Решившись приступить к активным действиям против владычества Ирана в крае, Хаджи-Дауда, было уцмийство. Тем более, что в начале XVIII в. во владетели Кайтага пробился энергичный и, увидим ниже, последовательный Ахмед-хан, выходец из Кубинской ветви уцмиев¹⁶. Он не заставил долго себя уговаривать и проявил готовность принять самое активное участие в борьбе за изгнание кизылбашей с Кавказа. Связался Хаджи-Дауд и с правителем Кази-Кумуха Сурхаем. Читателю небезынтересно будет знать, что Сурхай происходил из древнего шамхальского рода, который свое родословие возводит к родственникам пророка Магомеда. В середине XVII в. шамхальство, как известно, распалось, и Кази-Кумухом стал править хаклави Большой Алибек. У него было два сына — Сурхай-хан и Гирей. Но оба умерли еще при жизни Алибека. У первого осталось 7 сыновей, а у второго — один сын Сурхай, которого в последствии называли Чолак-Сурхай (безрукий Сурхай). Иные утверждали, что он потерял руку, когда "ходил баранов красть". На самом же деле это произошло, при следующих обстоятельствах. Дети Сурхай шамхала после его изгнания ушли в Акушу, а когда они явились в сел. Ашты, для сбора податей, сюда же прибыл Сурхай который предложил прекратить им незаконные сборы и возвратиться в Кумух. Но двоюродные братья Сурхая отказались выполнить его требования. Разгорелся спор, который завершился рукопашной стычкой, в итоге которой Сурхай лишился кисти левой руки¹⁷. Позже воспользовавшись своими успехами Сурхай стал ханом. Обычно это событие связывают со взятием Шемахи, причем полагают, что оно произошло в 1712 г. Но это не верно, Шемаха, как увидим ниже, была взята не в 1712, а лишь в 1721 г. Надо так же иметь в виду, что документы русского происхождения начала XVIII в. именуют Сурхая ханом. Но вернемся к прерванному рассказу. В 1711 г. отряд, возглавляемый Хаджи-Даудом и Муртазали, выступил против Шабрана и после упорной борьбы взял его. Отсюда они

и двинулись в Кубинское владение, осадили и захватили Худат и расправились с местным правителем¹⁸. К ним присоединился уцмий Кайтага "со своим войском, акушинцами и другими, которых привел на свою сторону посредством подарков". Объединившись в один мощный отряд, Хаджи-Дауд, Сурхай-хан и Ахмед-хан приступили к активным действиям в Северном Азербайджане¹⁹. Отряд в 8 тыс. чел., сообщает А.П. Волынский, "не токмо деревни, но и городок Акташ разорили. И притом, видя, им от персиан принятия никакого нет, пришли они к Шемахе, около которой в пяти и в четырех милях разорили множество деревень. И так мы 5 дней в таком страхе, что ежедневно пришествие их в Шемаху ожидали"²⁰. Однако, взять город горцы не смогли. И поэтому сняли осаду Шемахи. Более удачным оказались их действия в других местах Ширвана, в частности в Шаброне и в Нияз-Абаде. Угрожали они Баку, Дербенту и др. населенным пунктам. Сейчас трудно сказать, были ли действия этих отрядов согласованы и был ли у них в это время единый центр управления, скорее всего нет. По всей вероятности, каждый предводитель отряда действовал на "на свой страх и риск". Но они возымели свое действие. В итоге этих выступлений "были заперты все пути ширванской торговли"²¹. Вместе с тем, действия так называемых "лезгинских отрядов", сопровождающиеся безразборчивым грабежом не связанного с иранской администрацией местного населения, оказывали весьма отрицательное влияние, приведшее в конце концов не только к отходу от движения широких народных масс и повсеместному вооруженному сопротивлению им. А следствием всего этого было то, что Сурхай-хан и др. феодалы со своими отрядами вынуждены были вернуться в Дагестан. Уходом горцев воспользовались силы местной администрации Ирана. Их войска усилили натиск на оставшиеся в Азербайджане отряды, которые не в состоянии были оказать сопротивление иранским войскам. В 1719 г. им даже удалось схватить Хаджи-Дауда и заключить его в Дербентскую крепость. Однако, вскоре Хаджи-Дауду с помощью единомышленников удалось спастись.

Начиная с первого антииранского выступления, активную борьбу с иранцами и их ставленниками на Кавказе вели джаро-белоканцы. Они нанесли ряд чувствительных ударов кизылбашам. Разбили ставленника Ирана в Кахетии Имам-Кули-хана (Давида), позже вторглись в Грузию, "разорили деревни, пленили людей"²². В том же году заключили договор с Имам-Кули-ханом, по условиям которого "он обязывался выдавать 50 туманов и платить по 100 туманов каждый год". Отряды, нападавшие на Грузию возглавляли Каны Шабан и Молла Абдуллах²³.

В 1720 г., используя благоприятную обстановку, Мир-Махмуд Афганский вступил в Иран и начал фронтальное наступление на сефевидов. Пребывавший до этого в полном бездействии шах обратился за помощью к феодаль-

ным владетеля Кавказа и к русскому правительству. Однако, желаемого шах не дождался. Более того, 12 октября 1722 г. шах Хусейн вынужден оказался отдаться на милость Мир-Махмуда и передать ему корону и престол шахиншахов Ирана²⁴. Тем временем вновь начались брожения в Северном Азербайджане и в Дагестане. Стремясь использовать создавшееся положение, Хаджи-Дауд активизировал свои действия. Он рассылал в разные места Дагестана письма с призывами подняться против ненавистных сефевидов. Уговаривал он и феодальных владетелей подняться на антишахскую борьбу. Сурхайхану он говорил: “Нынче нам время себя людьми поставить и обогатиться. Нежели мы сей случай из рук упустим, то мы достойны, чтобы весь свет дураками признал, ибо сила в наших руках, шах от Мир-Махмуда утеснен, и никто мешать не может”²⁵. После встречи с Хаджи-Даудом Сурхай-хан усилил антииранскую пропаганду, “стал разглашать в народе”, что “бек их возбудил всех правоверных мусульманов от еретического персидского и кизылбашского подданства освободить и их холопство, под которым до ныне жили, с себя сбросить, и чтобы все верные сыны к ним приставали и помогли б всех еретических кизылбашей искоренить”²⁶.

Как видим, движение с самого начала приняло антииранский характер. Предводители движения целью борьбы ставили вопрос освобождения мусульман-суннитов из-под власти еретиков-шиитов.

Эти призывы, как и следовало ожидать, попадали на благодатную почву, подготовленную всем ходом исторического развития взаимоотношений Дагестана с Ираном. Пожалуй, этим и объясняется то, что широкие массы откликнулись и поднялись на борьбу с кизылбашами. Эту ситуацию современник событий И. Гербер изобразил следующим образом: “Все куралинцы, курей, дагестанцы, лезгины и прочие из гор, — пишет он, — пристали к повстанцам”²⁷. Понятно, что включившиеся в антииранское движение не под нажимом владетелей, а по своей воле народные массы и руководители движения — феодалы преследовали различные цели. Народные массы рассчитывали освободиться от национального притеснения и религиозного третирования и добиться улучшения социального положения. Правда, в тех исторических условиях рассчитывать на кардинальные изменение своего положения не приходилось. Их вера в улучшение социальной ситуации была наивной и утопичной. Однако, “утопия”, как полагают некоторые авторы, играет в истории огромную роль. Утопия может быть даже движущей силой движения”²⁸. Как бы то ни было в короткое время под знамена Хаджи-Дауда и Сурхай-хана Казикумухского собралось несколько тысяч горцев, готовых на решительную борьбу с кизылбашами.

21 июля 1721 г. повстанцы осадили Шемаху, а 7 августа 1721 г. заняли этот важный торгово-ремесленный и административный центр Северного Азербайджана.

байджана. Причем большую роль в падении Шемахи сыграл переход части горожан на сторону повстанцев. “Тамошние жители соединились с бунтовщиками, оных полки в город ввели”, свидетельствует современник событий, житель Дербента Муртазали²⁹. Шемаха была взята, писал Бакиханов, “с помощью суннитов”³⁰. Взяв Шемаху, повстанцы, по словам А.П. Волынского, “стали зажигать и грабить дома знатных. Между тем хана в полон, а знатных порубили”. Русские купцы, которых обнадежили, что “их грабить не будут, но потом ввечеру и к ним в гостинный двор напали... иных побили..., а товары разграбили, которых было 50000 (в том числе у одного, М. Евреинова на 170000 руб. персидскою монету)”³¹. И.Е. Козубский считает, что “русские купцы, из которых многие были убиты, потерпели громадные убытки до 4 млн. рублей”³². Следует, однако, подчеркнуть, что русские купцы подверглись разорению потому, что в надежде на безопасность пытались скрыть в своих складах ценности шемахинской знати. а вообще христиане, живущие в городе, не пострадали. “Народ армянский — христиане, — свидетельствует каталикос Есай, — как жители города, так же остальных селений, за исключением немногих, не потерпели от резни”³³.

Вблизи Шемахи повстанцы разбили войска гянджинского и эриванского ханов. Многие ставленники шаха, в том числе и правитель Дербента, бежали в Иран. Хаджи-Дауд потом сиделище свое взял в Шемахе и оный город, как и всю провинцию, с Зурхаем разделил”³⁴.

Сообщая об успехах Хаджи-Дауда и Сурхая, А.П. Волынский писал Петру I: “Сколько им войну не продолжать, а где-нибудь, конечно, надобно сыскать безопасный и основательный фундамент, понеже.... Теперь они с двух сторон имеют себе смертельный страх, паче же от в.в., сего ради и паче всего опасаются и чаю, что они, конечно, будут искать протекцию турецкой”³⁵. И действительно дальновидный Хаджи-Дауд еще в апреле 1721 г. обратился к астраханскому воеводе И.В. Кикину. “Преж сего, — писал он, — нам от кызылбаш многие обиды были и покою нам от них”, кызылбаш не было и оттого мочи нашей и не стало для того, что они сделали обиды через силу и за то стали мы с ними, кызылбаш, в неприятстве и за свою кровь им отомстили, Дербень, и Шемаху, и Баку осадили... и в которых числех будем брать и города, и ему, государю верно служить готов, и как придет ваше войско и что понадобится, строить город или иное, что, я буду со всеми своими людьми великому государю служить верностию...”³⁶.

В другом письме на имя того же И.В. Кикина Хаджи-Дауд писал: “Ныне я хочу с вашею милостию дружелюбие иметь и соседство и доноси мои слова великому государю, чтобы по своему государеву указу велел своим торговым людям свинцу и железа и прочее, что нам надобно привозить, а мы сторонним людям продавать не будем и всем зокажем, а от нас буде понадобится

шолк и иное что, то кроме государевых людей продавать не будем и будем заказывать, и у нас шолк поспеет в скорых числах³⁷. С подобными письмами Хаджи-Дауд обращался к России и в последующее время³⁸. Руководители внешней политики России анализировали сложившуюся ситуацию. Особый интерес в этом плане имеет мнение известного уже нам А.П. Волынского. В письме к Петру I он отмечал: “Кажется мне, Дауд-бек ни к чему не потреблен; посылал я отсюда к нему поручика, через которого отвечает ко мне, что конечно желает служить, ... однако ж чтобы вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он конечно отберет города от персиан, и которые ему удобны, те себе оставит (а именно Дербент и Шемаху), а прочие уступит в.в., кои по той стороне Куры реки до самой Испогани, чего в руках никогда не будет, и тако хочет, чтоб ваш был труд, а его польза³⁹. Оказало ли это мнение решающее влияние на Петра I или, не окончив Северную войну, не мог ввызываться в события, развернувшиеся в Северном Дагестане, трудно сказать. Но как бы то ни было предложение Дауд-бека было оставлено без внимания. Тем временем Хаджи-Дауд и Сурхай-хан в борьбе с сефевидами достигли крупных успехов, заняли низовую дорогу, город Шабран, восстание охватило окрестности Дербента. И султан дербентский доносил Ф.Беневине, который “за день приехал, был в Ширване, чтобы бунтовщиков примирить, насили... уходом спасся и приехал в Баку⁴⁰.”

Осенью того же 1721 г. астраханскому губернатору через кабардинских князей стало известно, что Хаджи-Дауд и Сурхай-хан “ребелизанты” (повстанцы — В.Г.) обратились к турецкому султану через крымского хана с просьбой, чтобы “он их принял под свое покровительство и помог войсками”. Россия узнала, что османы доброжелательно встретили посланника руководителей антииранского движения и недвусмысленно дали знать, что они будут взяты в подданство и покровительство Высокой Порты. Обстановка осложнилась. Возникла реальная опасность осуществления Турцией своей заветной мечты — прибрать к рукам Кавказ⁴¹ и стать единственной хозяйкой на Черном и Каспийском морях. Поэтому, выражая опасения, А.П. Волынский предлагал Петру I опередить турок и выступить, используя в качестве повода инцидент в Шемахе. Сам Петр I придерживался таких же взглядов. “Нам — заявил он, — нужна будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже турок тут допустить невозможно⁴² и стал готовиться к походу. Сообщая о мерах, предпринимаемых Петром I, в Прикаспии французский посланник при русском дворе Кампредон писал: “Ему хочется предупредить турок..., которые подали повод к этой войне⁴³. Совершенно очевидно, что утверждение Турции в Прикаспии не только ослабило бы позиции России на Кавказе, но и создало бы реальную угрозу юго-восточным границам империи. Стало быть, Петр I, предпринимая поход на Кавказ, пытался решить ряд задач: пред-

о гвратить овладение Османской Турцией Закавказьем и Прикаспием, а также решить важные для страны экономические и политические проблемы. Присоединив к империи прикаспийские провинции, Петр I надеялся обеспечить необходимым сырьем развивающуюся мануфактурную промышленность России, а также перевести торговлю шелком Ирана и Кавказа с турецкого пути на Астрахань и тем самым превратить Россию в посредницу в торговле между Европой и Востоком. Готовясь к походу, Петр I подтвердил принятие в подданство России владетелей Северного Кавказа и Дагестана⁴⁴. В то же время, учитывая, что Турция могла вторгнуться на Кавказ, русскому посланнику в Константинополе Неплюеву было предписано “на их турецкие поступки... прилежно смотреть и о подлинном их намерении всякими образы проведать и нам о том... доносить”⁴⁵. Резиденту было также предписано предпринимать все меры, чтобы Порта не приняла в свое подданство Хаджи-Дауда и Сурхай-хана.

К маю 1722 г. была завершена подготовка похода. В Астрахани было сосредоточено 46 тыс. войск, построен флот, состоящий из 47 парусных и 400 галерных судов⁴⁶. После всего этого на аудиенции турецкому посланнику в Петербурге было объявлено, что поход предпринимается не для ссоры с султаном и “не для войны с шахом”, а только для “отмщения той обиды” захватившим Шемаху “лезгинским бунтовщикам” и для “получения достойной сатисфакции”. Накануне выступления 15 июля 1722 г. был обнародован манифест на “татарском, турецком и персидском языках”, а для распространения его в Дагестан и Азербайджан был направлен А. Лопухин с 30 всадниками. Манифест извещал о том, что поход предпринимался только с целью наказания “возмутителей и бунтовщиков, а всему населению гарантировал безопасность”⁴⁷. На самом деле шемахинские события использовались Петром I лишь в качестве повода для начала военных действий. В действительности же целью похода было присоединение к России важных для нее в экономическом и политическом отношении прикаспийских провинций Северного Азербайджана. Однако, манифест Петра I в Дагестане был встречен с пониманием. Но зато весть о начале похода русских войск вызвала сильную тревогу в правящих кругах Османской Империи. Константинопольский двор неистовал, а беспрепятственное продвижение Петра I разъярило его еще больше. “В Турции, — доносил Неплюев, — следует великое приготовление к войне. Посылают бесприпятственно и амуницию, и артиллерию в Азов и Арзерум. И во всю Азию указы посланы, чтобы войско собиралось, и чтобы с тем войском маршировать в Дагестанскую землю”⁴⁸.

Тогда же Турция объявила о принятии Хаджи-Дауда в подданство. Официально о его принятии в подданство русскому послу Неплюеву было объявлено на аудиенции 10 февраля 1723 г. Не раз цитированный И. Гербер очень

точно подметил причину склонения руководителей антииранского выступления на сторону Турции. "Как в 1722 г. российская армия к Ширвани приближалась, то Дауд-бек и Сурхай, боясь, что им русским противиться невозможно будет, то поддались турецкому владению"⁴⁹. Того же мнения придерживался знаменитый русский историк С.М. Соловьев. "Лезгины, — писал он, — овладевшие Шемахой, из боязни перед русскими должны были отдаться под покровительство султана"⁵⁰. Все это не оставляет сомнения в том, что ни в малейшей степени нельзя руководителей антииранского движения представлять ставленниками Турции, а тем более утверждать, что они заняли Шемаху по указу и в угоду планам султана. К тому же в подданство Порты в это время был принят Хаджи-Дауд и утверждён грамотой халифа ханом Ширвана, где он задолго до этого был фактически правителем, Сурхай же, хотя и был турками принят "в защищение", однако, только для него и было, и больше о нем не помышляли"⁵¹. Такое бесцеремонное отношение османов к своей персоне сильно задело Сурхай-хана и "возбудило ненависть к своему сотруднику (т.е. Хаджи-Дауду — В.Г.). Он не признавал его ханом, а туркам объявил, что так как они предпочли ему, прирожденному князю, простого мужика по происхождению, то он их защищать более не требует, и не примет ее помощь"⁵².

27 июля 1722 г. Петр I с основными силами высадился в Аграханском заливе. Тем временем направленная из Астрахани сухим путем конница также вступила в Северный Дагестан. 6 августа к ним присоединились владельцы Большой Кабарды Эль-Мирза Черкесский и Малой Кабарды Аслам-бек Кемметов.⁵³ Только эндереевские владельцы Айдемир и Чапалаев, "причинившие в минувшем 1721 г. столько вреда окольным городам Терки, а теперь ожидая российского мщения", с "частью чеченцев"⁵⁴, оказали сопротивление царской кавалерии, но были опрокинуты. 2 августа 1722 г. русская кавалерия, к которой присоединились 10 тыс. донских и малороссийских казаков и 5 тыс. калмыков хана Аюки, прибыли в Аграхан. В то же время к Петру I прибыли посланцы раскаявшихся эндереевцев с просьбой "прошения и принося свое подданство, на которое и дали присягу, включив в оное в первый еще раз и подданных своих чеченцев. По сему государь позволил им паки в Эндери селиться, только без укрепления, и никакую данью не обложены"⁵⁵.

6 августа к Петру I явились владельцы Костекровский, Аксаевский и шамхал Тарковский. Они выразили покорность и изъявили верность России. Кроме того, шамхал передал Петру I 600 быков, запряженных в телеги, и 150 — на пополнение провианта и 3 персидских лошади, "одна из них" с убором, на которой седло оправлено серебром, да машток с золотым набором, 6 лошадей и 100 быков на содержание войск подарил аксаевский владелец⁵⁶. 5 августа, оставив в аграханском ретрашменте отряд и 3000 человек регулярного войска и 1500 казаков, царские войска, предводительствуемые Петром I, мо-

рем и сушей направились на юг. И так как на путях перехода от Сулака на каждой стоянке по приказанию шамхала приготавливались фураж и другое необходимое снабжение, то без задержки и затруднения для войска 12 августа Петр остановился лагерем близ сел. Тарки". На следующий день Петр I со своей супругой Екатериной I гостил в Тарках у шамхала Адил-Гирея⁵⁷. К этому времени из Дербента было получено 3 письма. Одно — от наиба Имама-Кулибека, два — от жителей, подписанные⁴⁰ дербентцами. В них и говорилось, что манифест ими получен "со удовольствием и покорным благодарением" и что дербентцы с нетерпением ждут прихода русских войск в их город, "а которых, чем явятся противны, тех они признают за изменников."⁵⁸ Здесь же шамхал Тарковский предложил Петру I к его услугам "свое войско", но царь отказался и взял лишь несколько отборных наездников, о со своей стороны отправил к шамхалу 12 солдат, которые в виде почетного караула оставались в Тарках до самой кончины императора.

15 августа русские войска двинулись к Дербенту. Султан-Магмут Утемышский оказал сопротивление передовым отрядам царских войск, но был без особого труда разбит.

23 августа войско, предводительствуемое Петром I, подошло к Дербенту. Жители Дербента "все стар и млад вышли навстречу из города". Наиб Имам-Кулибек приветствовал Петра I и вручил ключи от городских ворот. "Наиб сего города, — писал Петр I в Сенат, — встретил нас и ключ от ворот поднес. Правда, что сии люди нелицемерно любовию приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили"⁵⁹. В Дербент к Петру I обратились уцмий Кайтага, кадий и майсум Табасарана, владетель Бойнака и др. с просьбой принять их в подданство России. Народы Кавказа, свидетельствует современник событий историограф иранского двора Мирза Мехти-хан, "опасаясь владычества турок как непримиримых врагов, без разрешения шаха явились к нему (Петру I) с покорностью"⁶⁰.

Обстановка благоприятствовала продолжению похода. Однако, из-за внезапно возникших трудностей в связи с крушением у Аграханского залива двух эскадр с продовольствием для армии, а также ростом заболеваний среди солдат, падежом лошадей, 29 августа 1722 г. было принято решение приостановить поход. Оставив гарнизоны в Дербенте, ретрашментах Рубас, Бойнак и др., Петр I с основными силами вернулся в Аграхан, после смотра которого он велел начать строительство кр. Святой Крест,⁶¹ после чего, поручив командование войсками ген. Матюшкину, отбыл в Астрахань.

Между тем Турция приказала Хаджи-Дауду, "чтобы он всеми мерами старался выгнать российский гарнизон из Дербента и из прочих тамошних краев"⁶². А вскоре турецкие войска вторглись на Кавказ. "Так как водворение русских в тех краях противно было интересам Турции, — признает историо-

граф турецкого двора Джевдет-Паша, — то весной 1723 г. она поспешила “завладеть границей Гюрджистана — Тифлисом, посадила от себя правителя в Шемахе”⁶³. В связи с этим, ген. Матюшкину дан был приказ принять надлежащие меры для защиты Дербента и Баку.

В сентябре 1723 г., нацутанный вторжением турецких войск на Кавказ, Иран подписал с Россией договор. По условиям Петербургского договора шах уступил России “в вечное владение г. Дербент, Баку со всеми прилегающими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожд и провинции Гилан, Мизандеран и Астрабад”⁶⁴. Это еще больше обострило русско-турецкие отношения. Султан объявил о принадлежности Турции всего Ирана, о своем намерении присоединить Дербентское ханство, как издавна ему принадлежащее, а также распорядился, чтобы пограничные паши и крымский хан были готовы к войне с Россией. Вражду турецкого двора по-прежнему поддерживали Англия, Австрия и др. западноевропейские государства. Послы этих государств, — доносил Неплюев, — внушают Турции, что “ныне де он (Петр I) только от Персии некоторые провинции желают себе взять во владение, еже де он, взяв те провинции, не вдалече от тех стран, вас атакует”⁶⁵. Даже Франция, игравшая роль “посредника” в урегулировании Кавказского вопроса между Россией и Турцией, фактически подогривала агрессивные намерения Порты⁶⁶. Над Кавказом сгустились тучи. Свои опасения в связи с агрессией османов, занятием ими Грузии и движением к Шемахе, Петр I выразил в письме к ген. Матюшкину: “Дело опасно, чтоб не захватил Баку”. Войну, казавшуюся неизбежной, все же удалось отвести, благодаря заключенному в Константинополе в июле 1724 г. договору о разделении Кавказской территории на сферы влияния. По условиям этого договора за Россией закреплялись прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана. Остальная же территория Дагестана, Азербайджана, а также Грузии и Армении отходили к Турции. Ширван был объявлен особым ханством Шемахинским под протекторатом Турции. Но сам город Шемаха “останется в прежнем состоянии, без всякого нового укрепления со стороны Высокой Порты, да не будет в нем гарнизона, и неже отправлять туда войска, исключая таких только случаев что или хан взбунтуется и выйдет из послушания, или между жителями провинции той окажутся непорядки, вредные интересам Порты, или они предпримут неприятельские действия на принадлежащие царю места и земли: в таких случаях Порта иметь будет право для пресечения всего того, со своей стороны, потребное число войск отправлять через р. Куру с позволения однако, российских командиров, находящихся в землях, принадлежащих царю”⁶⁸.

Однако народы Кавказа не были довольны Константинопольским договором и не хотели подчиниться власти Оттоманской империи. Не подчинилась власти султана и Сурхай-хан, и др. предводителями сельских общин, оказав-

шиеся в границах Порты. Сурхай-хан, как отмечалось выше, был недоволен османами по причине утверждения шемахинским ханом Хаджи-Дауда. Возымев смертельную ненависть к Хаджи-Дауд-беку, “действовал против него... неприятельски, и всячески досаждал туркам”. Когда же османы, завладев Грузией, хотели было построить крепость, “чтобы знатнейший проход лезгинцев, ... называемый Топкарчан, и джарцев привести в послушание, но джары по побуждению Сурхая собрались тайно, напали... на турков и побили из них более 500 человек. Остальных рассеяли и начатую крепость до основания разорили”⁶⁹. Серьезный урон нанесли горцы османам и в сражении при Джинихе. Учитывая, что Сурхай не удастся подчинить силой, турецкое правительство решило “склонить его голову на сторону ласкою”⁷⁰, отправляло ему щедрые подарки, посылало мнообещающие письма⁷¹. “Кабала ему отдана была, и он, Сурхай, в оном укрепился так же и Агдам, противно повелениям турецким, но власть взял и к тому требовал, чтоб ему Шемахою владеть добром повелено было бы”⁷². В свою очередь Россия также старалась привлечь на свою сторону Сурхая. “Трудились как русские, так и турки, чтобы его каждый в свою сторону привести”⁷³. — свидетельствует И.Г. Гербер. Российский двор, отмечал П.Г. Бутков пытался “преклонить на свою сторону Сурхая, о сем, по данному от двора образцу писал к Сурхаю дербентский комендант, полковник Юнгер, в июле или августе 1723 г. Нет сомнения, что сие касалось до склонения Сурхая на нашу сторону”⁷⁴.

Но Сурхай, умело используя сложившуюся обстановку, выжидал. Волнения в Ширване в это время не прекращались, а османы предъявляли Хаджи-Дауду все большие требования, которых он не в состоянии был выполнить. Не видя другого выхода, Хаджи-Дауд обратился к России с просьбой принять его в подданство. Однако Россия отклонила просьбу Хаджи-Дауда, так как не хотела нарушать условия Константинопольского договора. В 1727 г. султанская Турция предложила Сурхаю чин двухбунчужного паши и жалованье 3 тыс. руб. в год. Сурхай-хан утвердился правителем Шемахи, а Хаджи-Дауд был задержан и переведен в Эрзерум и оттуда на остров Родос, где завершил свою карьеру. Но и после этого Сурхай-хан вел вполне самостоятельную политику, всячески мешая разграничению Кавказских границ между Портой и Россией. Сурхай-хан, пишет современник, став единственным хозяином Шемахи, решил, что он может раговаривать с Россией на равных, стал вмешиваться в дела Кюринской провинции, отошедшей по договору с Турцией к России. “Чтобы этот спор завершить мирным путем, уполномоченные России принесли жалобу Порте, указав, что Сурхай препятствует проведению в жизнь условий договора. Однако, Турция, будучи занята усмирением восставших армян, грузин и азербайджанцев, сочла невыгодным портить отношения с Россией, велела гянджинскому паше предписать Сурхай-хану, чтобы он не вмешивался

“в дела курелов”. Тогда же ген. Румянцев в свою очередь отправил с карательной целью отряд царских войск в Кюру, где эта “экспедиция разорила одно селение и замирена большая часть Кюры.” Раздосадованный этим Сурхай-хан собрал войско, объединил к ним отряд турок в 1000 человек, переправился через Аракс под предлогом борьбы с шекинцами, находящимися под властью России, двинулся к русскому укреплению на р. Куре, перешел реку Куру, разорил часть Сальян. Избегав встречи с царскими войсками, вернулся в Шемаху. И после этого он предложил действовать в Кюре, отправил туда отряд под началом Качая “с тысячью казикумухов”. Здесь между горцами и отрядами царских войск произошла битва, в итоге которой Качай вынужден был отступить. Развивая успех, царские войска “усмирили” 12 кюринских сел. В связи с этим, Румянцев, руководитель русской миссии по разграничению границ, предложил заменить Сурхая. Порта, естественно, не желала выполнить требования России, но если бы даже очень захотела, она бы все равно не смогла выполнить это условия, поэтому османы в свою очередь потребовали от России заменить самого Румянцева. Эти взаимные притязания, если не считать, что визир султана посоветовал Сурхай-хану “не вмешиваться в дела России”⁷⁶, не в состоянии были наладить положение в крае. Более того, обращение визира очень не понравилось Сурхай-хану. Он расценил это незаконным вмешательством в его дела. И с этого времени отношения между султаном и владетелем Шемахи значительно осложнились и чуть ли не привели к разрыву⁷⁷.

В 1730 г. османы жаловались Неплюеву; что им “дагестанские народы многие пакости учинили около Гянжи, а Сурхаевым покушением или собою, того неизвестно. О Сурхае известия не имеются токмо прямо ведомо, что в Шемахе нет”⁷⁸. Вполне самостоятельную политику вел Сурхай-хан и в отношении Ирана. Но об этом в следующей главе.

1. Соловьев С.М. Указ. соч. Т VIII. С. 665.
2. Козубский Е.И. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 70.
3. Сб. статей по истории Азербайджана. Вып. I. Баку, 1949. С. 297.
4. ИГЭД. С. 86.
5. Козубский. Е.И. Указ. соч. С. 88.
6. Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой пол. Баку, 1975. С. 21.
7. Hanway S. Op. cit V. XVII, p. 161.
8. Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.62.
9. ИГЭД. С. 83.
10. Там же. С. 71.
11. Бедреддин-заде Али-бей. “Кайме”, Перев. с турец. яз. Г.М. Магомедова

- // Известия АН Азербайджанской ССР. 1988. №3. С. 71.
12. Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Т.1. С. 3; Левиатов В.Н. Указ. соч. С.68.
  13. Тамай А.И. Восстание 1711-1712 гг. в Азербайджане // УЗ ИИЯЛ. Т.III. Махачкала, 1957. С. 82.
  14. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч 1. С. 3.
  15. Алкадари Г. Указ. соч. С. 63.
  16. Бакиханов А.К. Указ. соч. С. 123; Комаров В.А. Указ. соч. С. 7
  17. Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера. С. 153.
  18. Комаров А.В. Кавикумухские и кюринские ханы. // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 2.С.9.
  19. Алкадари Г. Указ. соч. С.63.
  20. Журнал посланника Вольнского... С. 15.
  21. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С. 3.
  22. Вахушти Багратион. История царства Грузинского (перевод с грузинского Н.Т. Накашидзе). Тбилиси. С. 164-170.
  23. Хроника войн Джара в XVIII столетии (перевод с арабского П.К Жузе. Баку, 1931. С. 10.
  24. Бедреддин-заде Али-бей. Указ. соч. С.71.
  25. Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954. С. 310-311.
  26. ИГЭД. С. 95.
  27. Там же. С. 95.
  28. Бердыев Н. Судьба России. М., 1990. С. 329.
  29. УЗ ИИЯЛ. Махачкала, Т. XI. 1963. С. 128.
  30. Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С.125.
  31. ЦГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. П. Кн. 54. Л. 645-646.
  32. Козубский Е.И. Указ. соч. С. 71.
  33. Джалалян Е. Указ. соч. С. 211; Вестник Европы, 1868. Т.П.С. 172.
  34. ИГЭД. С. 25.
  35. ЦГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. П.Кн. 45. Л. 641.
  36. РДО. С. 240-241.
  37. Там же. С. 241.
  38. Гаджиев В.Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1963. Т.ХI. С. 129.
  39. ЦГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. П.Кн. 54.Л. 641.
  40. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Бенивини в Персию и Бухару в 1718-1725 гг. М., 1986. С.
  41. АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722. Д.4. Л. 41.
  42. Очерки истории СССР XVIII в. Первая четверть. С. 606.
  43. Сб. РИО. Т.49. С. 93.
  44. КРО. Т.П. С. 20, 30-31; РДО.С. 230-243.
  45. АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722. Д.4. Л. 41.
  46. История СССР. М., 1967. Т.II. С. 339.

47. АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722. Д.4. Л. 33; РДО. С. 244-246.
48. АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722. Д. 6. Ч.П. Л. 139.
49. ИГЭД. С. 95.
50. Соловьев С.И. Указ. соч. С. 689.
51. Бутков П.Г. Указ.соч. Ч.1. С. 10.
52. Там же. С, 21.
53. Там же.
54. Там же. С. 23.
55. Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан. СПб., 1847. С. 19; Алкадари Г. Указ. соч. С. 65.
56. ЦГАДА. Ф. Сношения России с Персией. 1723. Д. 17. Л. 620. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С. 23.
57. Походный журнал Петра Великого. СПб., 1855. С. 113-114.
58. Федоров Г.С. Некоторые эпизоды из истории похода Петра I на Кавказе / Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI нач. XX вв. Махачкала, 1988. С. 84-87.
59. Соловьев С.М. Указ.соч. С. 677.
60. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 113.
61. Подробно о кр. Святой Крест см. В.Г. Гаджиев, Соч. И. Гербера. С. 67-74.
62. АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722. Д. 4. Л. 11.
63. Джебдет-Паша. Описание событий в Грузии и Черкессии по отношению к Османской империи с 1192-1202 гг.; Русский архив, 1888.Т.1. С. 372.
64. Гаджиев В.Г. Петербургский договор 1723 г. (История заключения и значение). // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI нач. — XX вв. Махачкала, 1988. С. 66-84.
65. АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722.Д. 6. Ч.1. Л. 234.
66. ЦГАДА.Ф. 9. Оп.1. Д. 30. Л. 368.
67. Там же.
68. Полный текст Константинопольского договора. См. ПСЗ. Т.VI. № 4531. С. 303-309.
69. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С. 88.
70. Неверовский. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 20.
71. Там же. С. 20.
72. Там же. С. 103.
73. ИГЭД. С. 20.
74. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С. 53.
75. АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1729.Д. 6.Л. 54-212.
76. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1540.Л. 108.
77. АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Д. 5. Л. 257.
78. АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1730. Д. 8. Л. II.

ВОЗВЫШЕНИЕ НАДИРА

22 октября 1722 г. Шах Хусейн со своими эмирами, военачальниками и приближёнными сдался предводителю афганских гильзаев Махмуду и передал ему "свою власть и знаки шахского достоинства". Махмуд оставил большинство персидских сановников на своих местах, изменив лишь ряд должностей, в том числе "и важный пост кадия исфаханского представил афганским суннитам"¹. Однако из иранской столицы до его сдачи афганцам удалось бежать сыну шаха Хусейна Тахмаспу, который сразу же объявил себя шахом. В стране возникла довольно сложная ситуация. В столице Ирана шахом был объявлен Мир-Махмуд, а на северо-западе Тахмасп. Большую часть ранее принадлежавших Ирану территорий заняли соседние государства. Восточная часть Ирана и большая часть Закавказья подпала под власть Османской Порты. "Тебриз и Невахенд, Хамадан, Гянджа и Рефан отвоевал у Ирана Ахмед Султан", — говорится в турецком источнике². Часть Прикаспийской территории Кавказа: Гилян, Баку, Дербент отошли к России. Иран оказался на грани катастрофы. В это крайне тяжелое для страны время политические силы иранского общества считая Мир-Махмуда узурпатором стали группироваться вокруг Тахмаспа, скрывавшегося в это время в окрестностях Астрабада на южном берегу Каспийского моря. В 1726 г. на службу к Тахмаспу поступил будущий лидер страны Надир³ который, как увидим ниже, вполне оправдал свое имя (необыкновенный, редкостный, преобразующий). В исторической литературе и особенно в дагестановедении ошибочно называют его Каджаром*, другие пред-

* Каджары — качары (тюрк, Qasag — убегающий, исчезающий). Считается, что Каджарское племя составилось в монгольское время в итоге объединения "осколков трех племен суддуз, джелайр и танут"

Появление их в Иране связано с Каджар-наймом, сыном Сертак-Найма, который пришел в Иран вместе с войсками Хулагу в XIII в. При Гази-хане турки-каджары расселились в Ираке. Тимур переселил их в район Еревана-Гянжи. Шах Аббас I разделил каджаров на 3 части и расселил их в различных районах Иранского государства, часть их поселена была в Хоросане в районе Мерва, для охраны северо-восточных границ от узбеков, вторая — в Астрабаде, на реке Горган, для противодействия туркменским племенам, а третья осталась в Карабахе. В 1794 г. шахский престол занял Ага-Мухаммед-хан Каджар. Основал каджарскую династию, которая правила до 1921 г. В конце XVIII-XIX вв. термин — каджар стал употребляться в отношении всех народов, проживающих под властью иранских шахов, в том числе и в отношении Азербайджанского государства. (Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-нач. XX в., Л. 1949. С. 95. Купцова. Н.А. Иран в первой половине XIX в. М., 1983. С. 8-9, 15; Историческая география Азербайджана. Баку, 1987. С. 114; Волкова. Н. Г. О названии азербайджанцев на Кавказе. Ономастика Востока. М., "Наука", 1980. С. 208-210).

ставляют его "родом из Дагестана в недалеком расстоянии от Дербента".⁴ На самом деле НаDIR происходил из туркменского кочевого племени афшар*.

Первоначально он служил наемником у хоросанских феодалов и уже тогда он успел отличиться своей смелостью, распорядительностью и умением руководить боевыми операциями. К тому времени, когда НаDIR во главе двухтысячного отряда беспредельно преданных ему воинов поступил на службу к Тахмаспу II, он был довольно популярен и пользовался репутацией крупного военачальника. Поступая вместе со своей дружиной на службу к Тахмаспу он рассчитывал с помощью шахских войск добиться в дальнейшем победы над Мелик Махмудом⁴. Возможно, что тогда в его помыслах зрели далеко идущие честолюбивые планы. Но в то время это был патриотический шаг, который не мог пройти незамеченным. Вскоре его работоспособность, распорядительность, а главное — военный талант, выдвинули его в первые эшелоны государственного управления. И он стал чуть ли ни самой заметной фигурой в стане шаха. Параллельно с ростом влияния НаDIRа постепенно, но неуклонно, на задний план отодвигалась фигура самого шаха Тахмаспа. Волевой и энергичный НаDIR все более и более подчинил своему влиянию мало приспособленного к управлению, и тем более в сложившихся в стране экстремальных условиях, сына бездарного шаха Хусейна. Однако, как бы в насмешку над здравым смыслом, НаDIRа в то время называли Тахмасп-Кули-ханом** (букв. хан — раб Тахмаспа). Между тем целеустремленный НаDIR прямой дорогой шел к поставленной цели. Первые удары он направил против туркменских кочевых племен на южном побережье Каспия. И это был очень разумный шаг, ибо раньше всего, в первую очередь необходимо было обезопасить регион, волей судьбы ставший центром возрождающейся иранской государственности. Добившись успеха, Тахмасп-Кули-хан, с присущей ему деловитостью, подготовил к предстоящей борьбе значительное воинство. В 1729 г.

---

* Афшары (персид *afsardan* — давить, нажимать, напирать), в азербайджанском диалекте *avsar* — молоко, в туркменских племенах — вести себя высокомерно, в турецких — крепкий, ловкий, надежный, быстро совершающий дело; недоуздук — тюркское племя, пришедшее вместе с монголами, обитавшими в Северном Хоросане. (Баскаков Н. А. Микроэтнонимы огузских этнических групп Закавказья. Тифлосодиса: М.: Наука, 1986, с. 34-41)

** Этим именем выдающийся полководец был награжден еще в 1727 г. самим Тахмаспом II за достижение крупных успехов в войне с афганцами и с османами, вместе с наместничеством в Хоросане, Кемране, Систане и Мазандеране. Прозвище Тахмасп-Кули-хан, (т.е. Тахмаспа раб-хан), преданного слуги шаха Ирана, считалось большой честью, а рабом сефевидских правителей, которые претендовали на происхождение от пророка Мухаммеда, тем более. Но особенной милостью было присвоение подобного "звания" лично самим шахом (Гафуров. А. Имя и история. М., 1987. С. 37.)

он предпринял наступительные операции против афганцев и в первом же столкновении нанес сокрушительный удар. Взял город Герат, освободил столицу государства Исфаган и сумел освободить от афганцев большую часть своей территории⁵. Оставалось еще вернуть Ирану северо-западные территории государства Курдистан, Хамадан, часть Ирака и все Закавказье.

Слава воинских успехах Надира распространилась по стране и далеко за ее пределами. По его инициативе шах обратился с ультимативным требованием к турецкому султану вернуть шаху занятые Портой иранские территории. "Требуем, — говорилось в грамоте Ирана, — возвратить захваченные вами крепости. Если будет проявлено колебание, то мы начнем с вами войну"⁶. Это требование Ирана оказалось для правящих кругов Турции совершенной неожиданностью. Султан и его окружение были всецело заняты внутренними делами в связи с антифеодальным восстанием, известным в исторической литературе как восстание Патрона Халила. И итоге восстания Султан-Ахмед III был отстранен от власти и на престол возведен Магомет V⁷.

На это обращение шаха Султан-Ахмед III будто бы ответил: "Надлежало бы тебе сперва получить из рук московитян Гилян и затем уже требовать от нас если вообще имеешь право что либо требовать"⁸. Возможно в действительности ответ Порты звучал несколько иначе. Но бесспорно то, что султан не был намерен уступать занятые им, в том числе и кавказские, территории, за которые Порта, как мы указывали, боролась с переменным успехом с XVI в. И составляя свой ответ, султан не столько беспокоился, чтобы он звучал благозвучно, а думал вбить клин в русско-иранские отношения, столкнуть лбами Иран и Россию. Совершенно очевидно, что логическое развитие событий так или иначе поставило бы вопрос о территориях Восточного Кавказа, находящихся под властью России. Кстати сказать, этот вопрос был поднят честолюбивым Набиром почти одновременно с посылкой своего послания султану. В Россию специально был отправлен посол, который и предъявил требования петербургскому двору. Преемники Петра I, которые намного убавили свою активность на Кавказе и не раз подымали вопрос о тягости для государства управлять Прикаспием, но, беспокоясь, что они могут подпасть под власть Порты и беспокоясь о том, что между Ираном и Турцией установятся мирные отношения, вынуждены были продолжать традиционную политику. Именно в свете этого и был составлен Петербургским двором ответ шаху. "Для защиты твоего города от захватчиков (Порты — В.Г.) и для охраны, — говорилось в ответе русского императора, — Я до настоящего времени потратил большие деньги. Если ты дашь обязательство возместить все понесенные мною расходы из расчета 80 тыс. туманов в год вместе с процентами, то я готов тебе вернуть Гилян"⁹.

В июле 1730 г. Тахмасп-Кули-хан отправил в Шемаху к Сурхай-хану спе-

циального посланника, а с ним “подарки и указ, чтобы он (Сурхай-хан — В.Г.) пребыл в его верности, за что учиняет его везиром над Шемахою командиром и дает ему Таркинское шамхальство и над всеми горными учиняет его владельцем”¹⁰. Иначе говоря, НаDIR, даже не узнав мнения самого Сурхай-хана, своим указом превращал Сурхая в правителя значительной части Северного Азербайджана и Дагестана, подчиненной Ирану. Что при этом испытал Сурхай-хан сказать трудно. Известно только, что он принял подарки, послание же правителя Ирана на него не оказало должного воздействия. Все это видимо объясняется тем, что у Сурхая этот указ Надира не вызвал каких-либо положительных эмоций. Его, очевидно не устраивало оказаться правителем значительной части Северного Азербайджана и Дагестана, но зависимым от Ирана. На эту мысль наводит не только безразличие Сурхай-хана к указу повелителя Ирана, но и его категорический отказ Подчиниться Ирану в последующие годы. Однако, до получения ответа от султана, НаDIR начал военные действия против Турции¹¹. Первую победу иранские войска одержали в Южном Азербайджане при г. Мараге¹². Затем НаDIR продвинулся к Тебризу. “Османь, — пишет А. Ериванцы, — не ожидали от него (Надира — В.Г.) чего-либо подобного и вдруг увидели его стоящим перед городом, в то время, как по их предложению он мог явиться из своего города лишь спустя 6 дней¹³. В течение этого срока, османь обороняли город, но поняв, что им не удержать Тебриз, тем более, что против них подняло оружие местное население, отступили в сторону Еревана¹⁴.

В сентябре 1730 г. войска, предводительствуемые Тахмасп-Кули-ханом, заняли Тебриз¹⁵. “И взял Кули-хан, — пишет современник, — Тафриз и все войско османское, какое он там нашел, полностью истребил” и совершенно разрушил воздвигнутые османь оборонительные сооружения¹⁶. А после того, как занял Ардебил¹⁷, НаDIR стал готовить поход на Ереван, но осуществить задуманное ему не удалось. В это время пришла весть, что разорили дом Тахмасп-Кули-хана “и брата его убили”. В связи с этим НаDIR был вынужден вернуться в Хоросан. Однако, еще до отъезда, хорошо зная “полководческие” способности Тахмаспа II, он строго настрого предупредил шаха, чтобы в его отсутствие он не начинал военные действия с Портой. Сам Тахмасп II, естественно, придерживался другого мнения о своих способностях, а главное он хорошо понимал, что только успех на поле боя, победа над османь восстановят павший его авторитет. Он не прислушался к разумному совету своего главнокомандующего и начал против турецких войск военные действия. Однако, как и следовало ожидать, желанного на поле брани шах Ирана не достиг. Бездарный государь Ирана Тахмасп II, который, говоря словами полковника Еропкина, часто находился в “подпитье хмельном”¹⁸, потерпев под Ериванью сокрушительное поражение, вынужден был отступить в Теб-

риз. Однако шах и после этого поражения не одумался. Слишком уж сильны оказались амбиции. Он не хотел смириться с тем, что потерпел поражение и, во чтобы то ни стало, решил добиться успехов. На сей раз шах решил испытать счастье в Закавказья. Деятельно готовя движение на Ширван и Гянджу, он разослал во все концы региона фирманы, в которых призывал народные массы на борьбу с османами. В Шемаху к Сурхай-хану фирман шаха доставили 20 гонцов. Однако правитель Шемахи отнесся к посланцам очень жестоко. 19 человек из "них были побиты" и лишь одному с ответом Сурхая разрешено было вернуться обратно¹⁹. К сожалению, нам не известно во всем объеме, каков был ответ Сурхай-хана. Однако, не беспокоясь впасть в грубую ошибку, вполне определенно можно сказать, что он в категорической форме отклонил просьбу шаха. Некоторые этот шаг Сурхая оценили как верность его Турции. И не случайно русский резидент в Стамбуле завершил свое донесение заключением, что "он (Сурхай — В.Г.) Порте верен"²⁰. Не приходится сомневаться, что Сурхай-хан более лояльно относился к сунниту султану, чем к шаху — шииту. Но при всем этом нельзя забывать, что "верность" Сурхай-хана не была последовательной и, как свидетельствуют архивные документы, довольно своеобразной. На это обстоятельство в свое время обратил внимание сменивший на посту главнокомандующего в Прикаспии ген. Румянцева генлейт. Левашев. В одном из своих донесений генерал писал: "Сурхай по-прежнему живет в Шемахе, турки его ласкают и он их обирает"²¹. О том, что Сурхай-хан не столько был "верен" Порте, сколько из своих взаимоотношений с султаном старался извлечь себе выгоду, свидетельствуют и другие архивные материалы. Узнав о намерениях шаха Тахмаспа По нанесении удара по Гяндже, султан направил специальный указ владельцу Шемахи, чтобы он со своим войском направлялся для защиты указанного города²². Но Сурхай это повеление султана не выполнил, ни он сам, ни его войска не участвовали в битве под Гянджой.

Через 4 дня после того османы разбили шаха Тахмаспа под Ериванью. Сурхай-хан получил от Али-Паши приказ, "чтобы он шел в Тевриз, соединившись с турецкими войсками, которые посланы из Гянджи"²³. Сурхай-хан согласился выступить, но потребовал у паши провианта и денег, чего тот не в состоянии был ему дать, тогда Сурхай разорил многие деревни и ограбил их неприятельски. Сераскир Али-Паша сделал ему "выговор, за что он (Сурхай — В.Г.) рассердился и возвратился в Шемаху"²⁴. И после всего этого османы, говоря словами русского резидента в Стамбуле Неплюева, "Сурхая лстят дабы он совершенно от них не отложился"²⁵. В своих показаниях 19 ноября 1731 г. армянские купцы сообщили о том, что к Сурхаю прибыл посланник султана Сулейман-ага, который привез в подарок хану "более 30 халатов, а также прислано денег 20 тыс. для раздачи войскам Сурхая", или "прислано с 50

тысяч, которых награда наперед сего Сурхай от Порты требовал 60 тысячной суммы²⁶. Для проверки этих сведений Кавказское командование отправило татарина Ахмета, который по возвращении сообщил, что в Шемаху действительно прибыл Сулейман-ага, который привез "Сурхаю от турецкого двора денежную казну на 5 катирях, навьюченных червонцами"²⁷. Однако и эти щедрые подарки не возымели никакого действия. Сурхай-хан войско, которое просили османы, не отдал, а отправил в Стамбул лишь "2 меха горностаевых и несколько штук европейской парчи"²⁸. Такая довольно самостоятельная политика Сурхая возвысила его в глазах горцев и создала ему популярность и славу да и не только в Дагестане. Все это не могло не тревожить Кавказскую администрацию России. Сурхай-хан, писал командующий в Прикаспии генералу Еропкину "между тамошними горскими народами в немалой славе, который всех горских владельцев к себе привлекает, чего он опасен, дабы оные не склонились к Сурхаю, о чем он имеет неотступное смотрение"²⁹.

Тем временем османы наголову разбили войска иранского шаха, сам Тахмасп II едва не попал в плен, и вновь заняли Хамадан, Керманшах, Тавриз и другие города. Теперь для Порты открыт был путь к столице Ирана Исфгану. Однако главнокомандующий турецкой армией Ахмед-Паша, считая, что для взятия столицы Ирана у него недостаточно сил, удовлетворился тем, что опустошил завоеванные территории³⁰. А получив подкрепление и, не желая упустить представившийся шанс, он развернул боевые порядки и начал движение к южному берегу Каспийского моря с намерением привести в жизнь давнюю мечту "утвердиться там"³¹. Потерпев сокрушительное поражение на поле брани, а еще более напуганный возможными последствиями, шах запросил мира.

Весть о военной катастрофе шаха дошла до Тахмасп-Кули-хана, находившегося как мы знаем, далеко от ирано-турецкой войны. В тот же час Надир в самой категоричной форме потребовал, чтобы шах не подписывал договор с Портой о территориальных уступках. Но Тахмасп II и на сей раз не прислушался совету своего военачальника. 10 января 1732 г. между Ираном и Турцией был подписан мирный договор, ратифицированный османами незамедлительно, по условиям которого шах уступал Высокой Порте все территории к северу от Аракса³². Как и следовало ожидать, весть о подписании ирано-турецкого договора привела Надира в крайнее раздражение³³. Он тут же обратился с воззванием к народу, где открыто обвинял шаха, а османам направил категорическое требование о немедленном возвращении занятых ими иранских территорий, в противном случае он грозился заставить их сделать это силой³⁴.

В августе того же года Надир после жестокого подавления восстания в Хоросане вернулся в Исфган, где Тахмасп, как ни в чем ни бывало, безмя-

тежно развлекался. Досконально изучив ситуацию в столице, Тахмасп-Кулихан детально разработал далеко идущий план. И, не откладывая в долгий ящик, приступил к его исполнению. Без всякого шума он сумел вывести из столицы наиболее верные шаху воинские подразделения и рассредоточить их в разных местах страны. Вслед за этим он во всеуслышание объявил о своем отходе от дел и возвращении в родные ему края. А перед отъездом, по сложившейся традиции, желая попрощаться с сановниками государства, НаDIR пригласил их и самого шаха на званый обед. Здесь-то и развернулись основные события по составленному НаDIRом сценарию.

Напоив Тахмаспа II и его окружение, Тахмасп-Кулихан отпустил на отдых стражу, арестовал шаха, затем явился во дворец, схватил ничего не подозревавших жену Тахмаспа, его сестру, дочерей, родных и некоторых сановников и отвел к себе домой. Сестру шаха НаDIR взял себе в жены, других женщин превратил в наложниц, а его мать отправил в Хоросан. Через некоторое время НаDIR созвал военачальников и предложил им возвести на престол Ирана шестимесячного сына Тахмаспа Аббаса. "Его отец, — говорил при этом НаDIR, — пьяница и глупец..., оказался не способным и я его отправил в Хоросан в надежде, что он исправится, наберется ума." Надо отчеканить новые деньги от имени Аббаса III и все дела в государстве решать от его имени. "Мы должны сражаться во имя его, ибо звезда его очень ярка"³⁵. Все это означало, что отныне вся полнота власти в Иранском государстве переходит к НаDIRу. Даже существовавший при Сефевидях шахский совет эмиров, в состав которого входили высшие сановники государства, при НаDIRе потерял былое значение, а со временем был, по существу, вовсе упразднен. Этим, по словам современников, НаDIR дал знать персианам, что "хочет царствовать без 'совместников'"³⁶. Однако некоторая часть населения проявила недовольство в связи переворотом совершенное с молчаливого согласия правящих кругов. Сильное племя Бахтияр объединило в антииранскую оппозицию, "выбрали шахом одного из людей и, собрав войско, двинулись на Испаган, многих пленили, а многих истребили. Таким путем бахтияры разграбили и разрушили 27 сел"³⁷. Вскоре, однако НаDIR жестоко расправился с бахтияром и после чего стал деятельно готовить войско к более трудной борьбе с османами. В стране он установил жестокий порядок. По единодушному признанию современников, став полновластным властелином Ирана, НаDIR не терпел ни малейшего возражения, а всех тех, кто допустил какое-либо ослушание, независимо от того, какое оно, занимал положение в стране, подвергал жестоким наказаниям. Малейшее подозрение стоило самым высокопоставленным чинам администрации потери должности, а нередко и лишения жизни. По свидетельству русского резидента И.П. Калущкина, НаDIR непрестанно смещает везиров и других начальствующих лиц, а "их имения описывает на

себя. Мне не единственный из оных командиров, — заключает русский посланник, — на память не приходит, который при смене своей в достаток не был отобран”³⁸.

В конце 1732 г., подавив внутреннюю оппозицию, Надир начал военные действия против османов. Россия, враждовавшая в это время с Портой, оказывала всяческую поддержку Ирану. Еще 1 февраля 1732 г. в Реште был подписан русско-иранский договор³⁹, по условиям которого царь отказывался в пользу Ирана от Гиляна, Мазандарана и Астрабада, отошедших к России по Петербургскому договору 1723 г. Кроме того Россия, по-прежнему оказывала Надиру помощь инженерами и артиллерией⁴⁰. Рештский мирный договор в государствах был оценен по-разному. Однако большинство из них считало это результатом ослабления позиций России на Кавказе. Так расценивал его и правитель Шемахи Сурхай-хан. Этим, пожалуй, в немалой степени связана активизация его политики, выразившаяся прежде всего в том, что он в ультимативной форме потребовал от России передачи в его управление несколько деревень Кубинский провинции “так как они достались по разграничению турецкой стороне” и чтоб Кубинский наиб выплатил все поборы, собранные им в течении 8 лет, т. е. с 1724 г.⁴¹, в противном случае он грозил нападением на кубинского владетеля с тем, чтобы силой взять причитавшуюся ему сатисфакцию.

Естественно, что Россия делала все от нее зависящее, чтобы решить этот вопрос мирным путем. Однако Сурхай-хан был непреклонен. Русскому уполномоченному, прибывшему к хану с мирными предложениями, Сурхай открыто заявил, что “он те деревни силою оружия отобрать намерен”⁴². Но более всего Сурхай-хана привлекало побережье Каспия. И он не на шутку стал готовиться к захвату этой территории. Ища себе союзников он стал подстрекать феодальных владетелей Дагестана и Азербайджана на борьбу с царскими войсками. Обещая при этом дать “казны сколько потребно”⁴³. Узнав о честолюбивых вождедениях Сурхая, Кавказское командование укрепило свои позиции на спорных территориях. А когда он предпринял нападение на Низабат, царские войска с уроном отогнали его⁴⁴. И все же, несмотря на применение “силовых приемов”, надо признать, что Сурхай-хан вел не ординарную и довольно тонкую внешнюю политику. Все свои претензии он умело завуалировал, придав им законное основание будто бы проистекающие из условий русско-турецкого договора 1724 г. В этом плане известный интерес представляет ответное письмо Сурхай-хана ген. М.М. Барятинскому. Поблагодарив генерала за письмо, Сурхай-хан писал: “Вы изволите писать, якобы в российской вашей границе деревнями владеет наш будуский мелик. Между тем в нашей границе имеются деревни, которыми владеют ваши обыватели и оные у нас в книге по именам написаны. И я приказал теми деревнями своим обывателям

владеть. А ныне я уведомился, что вы изволите таким бездельным людям верить. А о которых деревнях изволили вы ко мне писать, и оными деревнями никогда люди мои не владели и никаких податей с них не брали". И далее ссылаясь на русско-турецкий договор подчеркивает: "А мы не вашему императору служим, я не боюсь и не стыжуся. И между двумя монархами мы никаких обид и пакостей не чинили, а которые в ваших деревнях близ границ подвластные люди нам показывают много обиды и пакости чинят, и никому не объявляя". И я было приказал чтобы "того шпиона поймали и привели ко мне в Кумыки (т.е. Кумух — В.Г.), ибо через ево у нас великая пакости происходят. Но ваши подданные оного шпиона отняли. И между нашею соединенною дружбою так делать не очень хорошо. А я соседской дружбы желаю, только прошу впредь так не делать". А шпиона, о котором идет речь "прикажете сыскать и ко мне возвратно прислать... И прошу на мне не погневаться — увидите за оное, какие и я вам обиды покажу, а ныне я перед вами ни в чем не виноват"⁴⁶. Не удовлетворившись этими объяснениями, Кавказская администрация все более настойчиво требовала от Сурхай-хана отказаться от территориальных претензий. В марте 1732 г. в очередном своем письме к Сурхай-хану генерал-аншеф В. Я. Левашев подчеркивал: "И без всякого определения во владение ваши, некоторые из деревень оных" находящиеся под властью России Вы не праведно присвояете и о прочих претезии имеете". Вместе с тем командование делало все зависящее, чтобы ущемить интересы Сурхая и подорвать в Дагестане его авторитет. Феодалам, находящимся в подданстве и на жаловании России, Кавказская администрация запрещала вести дружбу с Сурхай-ханом. В письме Хасбулат-беку Тарковскому, например, ген. Левашев, извещая о посылке ему и его родственникам жалования, открыто предложил прекратить связи с Сурхай-ханом⁴⁷. Очевидно, что такая политика давала свои плоды. Если верить сведениям, специально посланного для разведки в Кази-Кумух Али-Магомед, "тамошние жители у Сурхая в непослушании слушать не хотят"⁴⁸.

Из поступающих с мест донесений резидентов и, по сообщениям феодальных владетелей, у ген. Левашева создалось впечатление о крайней зыбкости положения Сурхай-хана. "Если бы, писал он в марте 1732 г., — мы сдержали под влиянием е.и.в. обитающих дагестанских народов... то бы Сурхай не только в ширванских своих магалах, но из своего жилища Казикумыках... выгнан быть мог"⁴⁹. Общеизвестно, и многократно об этом написано, что феодальному обществу свойственны междоусобицы и бесконечные распри. На удачливого правителя соседние владетели смотрели с завистью и отчасти с беспокойством и готовы при малейшей возможности, ему навредить, а если представился случай и воспользоваться его богатством. Не исключено и то, что успехи беспокоили соседних феодальных владетелей.

Завидовали ему даже те, которые когда-то участвовали в антииранской борьбе. Можно поверить и тому, что и часть простого люда, также находилась в оппозиции к Сурхай-хану и проводимой им внутренней и внешней политике. И тем не менее надо признать, что Сурхай-хан весной 1732 г. был, если так можно сказать, в зените своей славы. Власть его простиралась на огромные, по масштабам Кавказа, территории. Он проводил независимую политику. И с ним вынуждены были считаться не только Кавказские владетели, но и такие мировые державы как Турция, Иран, Россия.

Выше мы уже приводили факты из истории взаимоотношений Сурхай-хана с указанными государствами. Говорилось также, что Сурхай-хан под любыми благовидными поводами не только не оказывал послушание Стамбулу, но нередко и действовал прямо против интересов Султана. К сказанному следует добавить, что в том же 1732 г., когда между Портой и Ираном возобновились военные действия. Султан нуждался в помощи Сурхай-хана. Он, не оказав Турции поддержку, а перебрался в Кази-Кумух, укрепил свою столицу и приказал, чтобы туда переселили из Шемахи "лучших, богатых армянских, персидских, индийских и прочих купцов!"⁹⁰. Выдавший виды, искусственный правитель правильно определил основные направления складывающейся обстановки. Он хорошо представлял, как будут разворачиваться события в Закавказье. Был уверен и в том, что Надир, решив в свою пользу спор с Портой, не остановится ни перед чем, чтобы поставить на колени горцев. И что ему неоткуда ждать помощи против Надира, тем более, что присутствующая на Кавказе Россия, находясь с ним в неприязненных отношениях была заинтересована в продолжении мирных отношений с Ираном, и по-прежнему оказывала помощь и поддержку кызылбашам.

Отправленные по указанию Султана для борьбы с Ираном в Закавказье крымско-татарские войска под командованием Фати-Гирея, не могли беспрепятственно пройти через Северный Кавказ и подвергались нападению царских войск, сосредоточенных в кр. Святой Крест. А те части, которым все же удалось прорваться в Дагестан, были приняты здесь радушно. Горцы искренно верили, что Султан отправил это войско с единственной целью чтобы защитить Дагестан от "кызылбашских еретиков".

---

* Кызылбаш (тюрк. кызыл — красный, баш — голова, красноголовый, носящий красные шапки). Шейх Хайдар (о нем речь шла в главе работы) придумал им стройную и крепкую организацию. Это он обязал их носить вместо прежней "тюркменской шапки" специальную шапку "кулах" с 12 пурпуровыми полосками в честь 12 шиитских имамов, с тех пор они стали называться кызылбашами (красноголовыми). Эта тюркская этническая группа в Иране усилилась при Шахе Исмаиле. В дальнейшем кызылбашами стали называть всех иранцев. Перед боем они издавали военный клич "О мой пир, о мой муршид, да буду я жертвой за него". (Ханыков Н. Записки по этнографии Персии. М., "Наука", 1977. С. 83; Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 90-92.)

Тем более, что Фати-Гирей, говоря словами Г.Э. Алкадари, портатил до 2500 деньгами и ценными вещами" и провел "ряд волнений и наказаний"⁵¹. В частности, в Тарках от власти был отстранен Хасбулат и назначен шамхалом Ильдар.

В октябре 1732 г. до Стамбула дошла радостная для османов весть о том, что крымское войско прорвалось в Дагестан и с Сурхаем соединились и путь свой в Персию продолжают⁵². Начав военные действия с Портой, в начальный период Надир не имел успеха. И даже вынужден оказался отступить. Но в конце 1732 г. Надир, значительно усилил и перегруппировал свою армию, повел успешное наступление. И за короткое время занял Хамадан, Керманшах, обложил Багдад. Оборона длилась несколько месяцев. И все же ему удалось сломить упорное сопротивление и принудить турецкого главнокомандующего Ахмад-пашу запросить мир. В декабре 1733 г. между воюющими странами был заключен Багдадский мирный договор, по условиям которого Порта обязывалась вернуть Ирану все захваченные османами в течение последних 10 лет земли и установления между договаривающимися государствами, которые были определены Каср-и Шаринским договором 1639 г.⁵³. Однако султан отказался ратифицировать этот договор, хотя и обещал уступить захваченную кавказскую территорию через два года⁵⁴. Это естественно никак не устраивало Иран. Военные действия возобновились. Надир вскоре нанес ряд чувствительных ударов османам, перенес военные действия на территорию самой Турции⁵⁵. В связи с этим турецкий султан вынужден был уступить⁵⁶. Успехи Надира в этот период объясняются не только его военным и дипломатическим талантом, но и, главным образом, той поддержкой, какую оказывали ему народные массы, стремившиеся к освобождению своей страны⁵⁷.

---

1. Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий Л.В. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1958. С.312-313.

2. "История Дестари Салиха", перевод с турецкого А.М. Мусаева — Тюркологический сборник, 1979. С.73.

3. История Ирана с древнейших времен... С.316.

4. Козубский Е.И. История Дербента. Темир-хан-Шура, 1906. С. 89.

5. Миклухо-Маклай Н.Д. История афганского владычества в Иране, — Учен. записки. ЛГУ, №179, 1954. С.89.

6. "История Дестари Салиха", 1985. С. 73.

7. Там же. С.64-65.

8. Ериванцы Абрам. История войны 1721-1736 гг. Ериван; 1936. С. 75.

9. ААХ... С. 50.

10. АВГР Ф. Сношения России с Персией 1730. Д. 22.Л. 39.

11. АВПР Ф. Сношения России с Персией. 1730. Д. 14. Л. 16.
12. Мухаммад Казим. Наме-ий Аламара-ий Надири. С. 86; Алиев Ф.М. С.
98. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в., Баку, 1975. С. 98.
13. Ериванцы А. Указ. соч. С. 153.
14. Мухаммад Казим. Указ. соч. С. 104; Алиев Ф.М. С. 98.
15. АВПР Ф. Сношения России с Персией, 1739. Д. 14. Д.96.
16. Ериванцы А. Указ. соч. С. 54.
17. ЦГВИА Ф. ВУА. Д. 1540. Л. 113.
18. АВПР Ф. Сношения России с Персией. 1731. Д. 6. Л. 472.
19. АВПР Ф. Сношения России с Персией. 1731. Д. 11. Л. 136.
20. Там же.
21. АВПР Сношения России с Персией. 1730. Д. 22. Л. 5.
22. АВПР Сношения России с Персией. 1731. Д. 7. Л. 140.
23. АВПР Ф. Сношения России с Персией. 1731. Д. 8. Л. 194.
24. Там же. Д. 7. Л. 371.
25. Там же. Д. 7. Л. 479.
26. АВПР Ф. Сношения России с Персией. 1731 Д. 15. Л. 78.
27. Там же. Д. 15. Л. 82.
28. Там же. Д. 15. Л. 13.
29. Там же. Л. 13.
30. Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 101.
31. АВПР Сношения России с Персией. 1731. Д. 3. Л. 4.
32. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 110.
33. Иванов М.С. Указ. соч. С. 95.
34. Там же.
35. ААХ С. 40-41.
36. История о персидском шахе Тахмасп-Кули-хане (перев. с франц. на русский язык профессора Степана Решетова). СПб, 1799. С. 185.
37. АХХ С. 42.
38. АВПР Ф. Сношения России с Персией 1758. Д. 7. Л. 11.
39. Полный текст Рештского договора. См. "Договоры России с Востоком". Под редакц. Т. Юзифович. СПб, 1869. С. 194-202.
40. Иванов М.С. Указ. соч. С. 96.
41. АВПР Ф. Сношения России с Персией. 1732. Д. 14. Л. 19.
42. Там же. Д. 7. Л. 58.
43. Там же. Д. 14. Л. 20.
44. Там же. Л. 18.
45. Русско-дагестанские отношения в XVIII-нач. XIX вв. (сб. док.) под ред. В.Г. Гаджиева. М., "Наука". 1988. С. 62.
46. Там же. С. 63.
47. Там же. С. 63-65.
48. АВПР Ф. Сношения России и Пруссией. 1732. Д. 14. Л. 19.
49. Там же. Д. 11. Л. 59.

50. АВПР Ф. Сношения России и Турцией. 1732. Д. 11. Л. 190.
51. Алкадари Г.Э. Указ. соч. С. 75.
52. АВПР Ф. Сношения России с Турцией 1733. Д. 7. Ч.1. Л. 13.
53. Миллер А.Ф. Краткая история Турции. М., 1958. С. 268. Иванов М.С. Указ. соч. С. 95-96.
54. Минорский В. Тарихче-е Надир-шах (на перс. яз.). Тегеран, 1813. С. 44; Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 106.
55. Иванов М.С. Указ. соч. С.96.
56. Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 107.
57. История Ирана с древнейших времен... С. 317.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИИ РАН**

instituteofhistory.ru

НАШЕСТВИЕ НАДИРА НА КАВКАЗ. ПЕРВЫЙ ПОХОД НА ДАГЕСТАН

“Если шах глуп, он пойдет войной на лезгин” — гласит иранская пословица. Она, как свидетельствует английский купец и ученый Джон Ханвей, возникла еще в XVII в. и была довольно широко распространена в Иране и в первой половине XVIII в. Этой народной мудростью, возникшей, как надо полагать, не в одночасье, а сложившейся в итоге внимательного наблюдения, раздумья и тщательного переосмысления множества фактов из многовековой истории дагестано-иранских отношений, пренебрег самодовольный узурпатор и с присущей ему небрежностью отверг этот многовековой опыт народа.

Известно, что с историей не спорят. Истории не мстят. Ее не переделывают, историю надо только понимать. Кстати сказать, эту казалось бы, довольно простую истину, как показывает все прошлое человечества, сильные мира сего не воспринимают и с ней не считаются. Возвысившись над обществом, уверившись в свою силу, вседозволенность и непогрешимость, не считаясь ни с чем, чинят насилие над историей. Но каждый раз история мстит за отступничество, пренебрежение и неуважительное отношение к себе.

Так было и на сей раз. Тахмас-Кули-Хан не прислушался к народной мудрости и, как увидим ниже, глубоко просчитался. Сосредоточив в своих руках неограниченную власть, Надир собрал в руках огромную по тем временам до зубов вооруженную армию. Он был уверен, что с этой силой он станет победителем Высокой Порты, сравнительно легко справится с разрозненными отрядами раздираемых, как ему казалось, внутренними противоречиями феодальных владетелей Закавказья и Дагестана. Он не понимал и представить себе не мог, что придется иметь дело не только с малочисленным, необученным и плохо вооруженным ополчением феодальных владетелей, а со всем народом, с народно-освободительной войной. Уверенность Надира в своих силах подкреплялась и тем, что поверженная Порта по Багдадскому мирному договору, как указывалось выше, отказалась в пользу Ирана от всех своих завоеваний на Кавказе, а наместник бога на земле, Халиф правоверных — султан Турции по требованию Персии отправил через правителя Багдада Ахмеда-пашу, “Хатт-и-шериф”. “Высокое повеление” султана ко владетелям на местах с извещением, что Порта уступает Ирану территорию, которой последняя ранее владела “Хатт-и-шериф” от султана получили и правитель Шема-

хи. Султан требовал от Сурхай-хана уступить Ширван Ирану, а самому вернуться в свое владение. Однако, Сурхай-хан "Высокое повеление" оставил без всякого внимания. Он и не думал оставлять Ширван.

Согласно устной традиции, не то один из закавказских владетелей, не то прибывший специально из Южного Азербайджана правитель, подвластный Надиру, советовали Сурхай-хану покориться Ирану. Тахмасп-Кули-хан, говорил он, многим одарит и еще более возвысит тебя. Сурхай-хан этот совет решительно отклонил, сказав, ты мне советуешь стать рабом чужеземца, но ведь какое бы положение не занимал раб, он остается рабом*, не вкусившим прелести свободы. Упорство Сурхай-хана, как и следовало ожидать, привело узурпатора Ирана Надира в ярость.

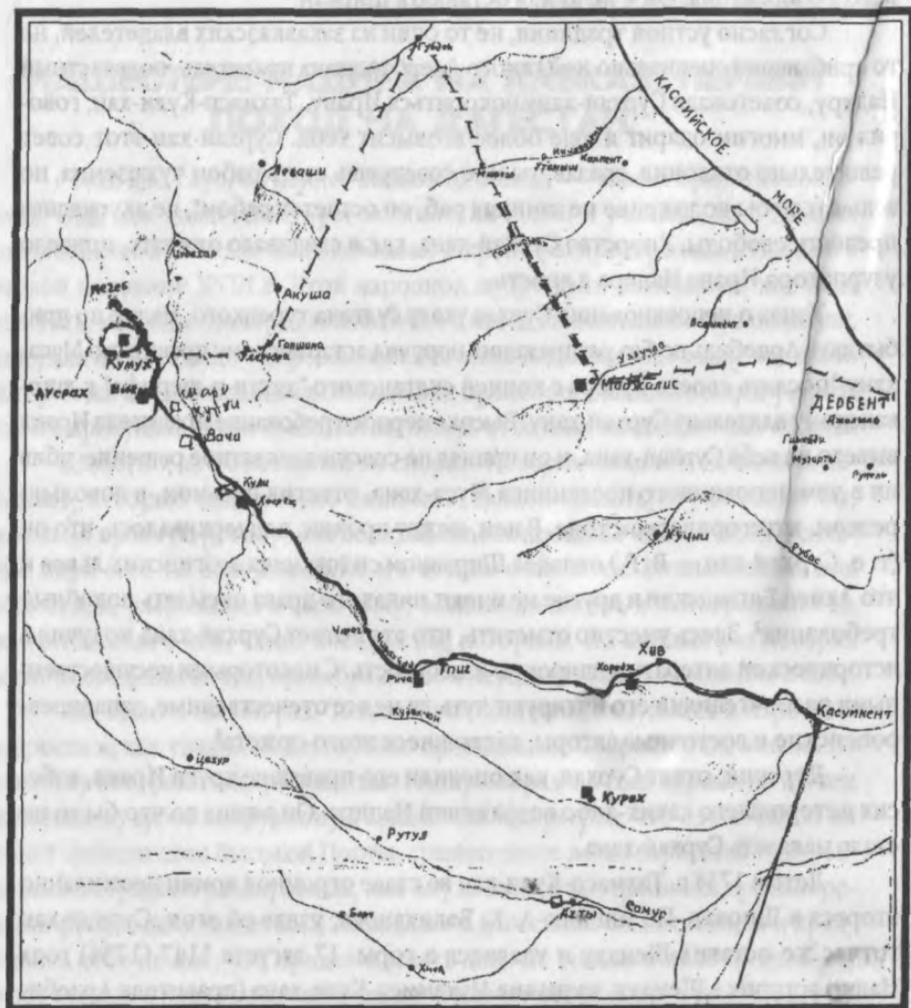
Узнав о неповиновении Сурхая указу султана турецкого, Надир по прибытию в Ардебиль не без раздражения поручил астаринскому правителю Муса-хану "послать своего нукера с копией султанского "хатти-и-шерифа" к ширванскому владельцу Сурхай-хану. Высокомерное требование правителя Ирана вывело из себя Сурхай-хана, и он принял не совсем адекватное решение: убив ни в чем неповинного посланника Муса-хана, ответил письмом, в довольно резком, категорическом тоне. В нем, между прочим, подчеркивалось, что он (т. е. Сурхай-хан — В. Г.) овладел Ширваном силою меча лезгинских львов и что Ахмед Багдадский и другие не имеют никакого права посылать подобные требования². Здесь уместно отметить, что этот ответ Сурхай-хана получил в исторической литературе широкую известность. С некоторыми несущественными разночтениями его цитируют чуть ли не все отечественные, западноевропейские и восточные авторы, касающиеся этого сюжета³.

Дерзкий, ответ Сурхая, как оценили его правящие круги Ирана, взбесил нетерпящего каких-либо возражений Надира. Он решил во что бы то ни стало наказать Сурхай-хана.

Летом 1734 г. Тахмасп-Кули-хан во главе огромной армии неожиданно вторгся в Ширван. По мнению А. К. Бакиханова, узнав об этом, Сурхай-хан тотчас же оставил Шемаху и удалился в горы. 17 августа 1147 (1734) года Надир вступил в Шемаху, назначил Мухаммед-Кули-хана (правителя Ардебилья) правителем Шемахи⁴. Другие авторы этот эпизод описывают несколько

---

*Любознательному читателю небезынтересно будет узнать, что высказывания Сурхая во многом напоминают ответ спартанцев посланнику Гидари (родом перс). По словам Геродота, спартанцы последнему сказали: "Гидари! Твой совет, кажется, не со всех сторон хорошо обдуман. Ведь ты даешь его нам, имея опыт лишь в одном, в другом же его у тебя нет. Тебе прекрасно известно, что значит быть рабом, а о том, что такое свобода — сладка ли она или горька, ты ничего не знаешь. Если бы тебе пришлось отведать свободы, то, пожалуй, ты дал нам совет сражаться за нее не только копьем, но и секирой". Геродот. История. Л., "Наука", 1972. С. 347.

Маршруты первого и второго похода Надира на Кази-Кумух.

- — маршрут первого похода Надир-шаха в Кумух
- — — — — маршрут второго похода
- — место основной битвы Надира с Сурхай-ханом
- — — — — путь Надира из Кумуха в Андалляль
- — места крупных сражений горцев с кизылбашами

иначе. Так, современник событий анонимный автор "Хроники воин Джара" не отрицал того, что Надир-Кули-хан не применяя силу, занял столицу Ширвана. Причем горожане узнали об этом "только после того, как он вошел в город"⁵. Французский миссионер, посетивший в это время Азербайджан, также подтверждает, что Надир не встретил в Шемахе никакого сопротивления. "Персы, — пишет он, — видя, что никто не оказывает сопротивления их продвижению, спокойно перешли реку и подошли к Шемахе, ворота которой были им открыты. Для города этого было счастьем, что в нем не было войска, способного оказать сопротивление персам, так как Тахмасп-Кули-хан своим (войскам В. Г.) разрешил грабить в том случае, если он встретит малейшее сопротивление"⁶. Очень схожего с этим утверждением мнения придерживался В. Ф. Минорский. Однако не все кавказоведы согласны с этим положением. П. Г. Бутков, например, считает, что Шемаха была взята после двухмесячной осады⁷. Это мнение, хотя и не прямо, подтверждают сведения, содержащиеся в трудах современников событий И. Я. Лерха, А. Ериванцы, А. Кретацы, исследователя С. О. Кишмишева⁸ и др. Мы привели здесь самые известные и чаще всего цитируемые кавказоведами суждения. Читатель, наверное, уже заметил приведенные нами данные различаются между собой и даже взаимно исключают друг друга. Однако критическое изучение всего комплекса имеющихся в распоряжении науки источников позволило нашим исследователям правильно решить эту сложную и довольно запутанную проблему. Можно согласиться с мнением проф. Ф. М. Алиева, который, обобщив большой и разносторонний материал, пишет: "Есть основание полагать, что хотя Сурхай-хан избежал встречи с Надир-Кули-ханом и удалился в Дагестан, однако иранские войска заняли Шемаху небеспрятственно"⁹.

С этим выводом согласуется и положение, сформированное М. Р. Аруновой и К. З. Ашрафян о том, что "жестокая расправа с жителями Шемахи и разрушение города были наказанием за упорное сопротивление войску Надира"¹⁰. Мы же со своей стороны добавим, что Сурхай-хан, очевидно, задолго до приближения войск Ирана к своей резиденции принял решение, дать Надиру сражение не в самом городе, а в другом, более удобном для своих войск месте. И это было стратегически верное решение, ибо в городе, в силу сложившихся обстоятельств, он не в состоянии был организовать достойный отпор завоевателю. О заранее продуманной тактике говорит и тот факт, что всю свою казну и имущество Сурхай-хан перевез в Казикумух. Очевидно, покидая свою резиденцию, он заблаговременно подготовил силы, которые должны были оказать сопротивление кизылбашам. Как бы то ни было в Шемахе Надир задержался на определенное время, что позволило Сурхай-хану подготовиться к предстоящему сражению. Горцы и "часть ширванцев, — пишет А.-К. Бакиханов, — укрепились в Миджи в трех фарсенгах от Шемахи"¹¹.

Узнав об этом, Надир, не откладывая решение в долгий ящик, отправил против горцев часть своего войска, которая без особого труда разбила “непокорных” и доставила, как немногословно утверждает А. К. Бакиханов, своему владыке “500 пленных и неприятельские головы”¹².

По справедливому замечанию В. Н. Левиатова, “обстоятельства сложились так, что с этого момента Сурхай-хан Казикумухский стал одной из важнейших фигур в борьбе против иранского завоевателя. С этих пор на некоторое время он привлек симпатии населения Дагестана и Азербайджана за свою борьбу против Надира, стремившихся к обладанию этими странами”¹³. Сурхай-хан собрал в Кабалинском магале большое ополчение, готовое сразиться с грозным и жестоким врагом. На помощь Сурхаяу пришло большое число джаро-белоканцев. Эти события анонимный автор описал следующим образом. “В начале Мухаррама* в 1147 (17340)-джарцы начали один за другим переходить к Сурхай-хану по его требованию, так что в Джаре осталось весьма мало людей. Каждому из приходивших к нему Сурхай-хан отдавал халат и серебрянные монеты соответственно положению”¹³. На помощь Сурхай-хану пришел пробившийся через Северный Кавказ отряд из 8 тысяч турок и татар под командованием Мустафы-паши, Нур-паши и Фатих-Гирея. У самого Сурхай-хана было 12 тыс. воинов горцев. Таким образом, владыке Ирана Надиру противостояло более 20 тысячное войско.

По логике развития событий казалось, что кизылбаши всей своей мощью навалются на позицию, занятую горцами. Сурхай-хан и его окружение ожидали этого и надеялись на свой успех в открытом бою. Но крупный стратег Надир предпринял неожиданно хитрый маневр. Оставив в Шемахе основные силы под присмотром своего сына, Риза-Кули Мирзы, сам во главе 12-тысячного отряда с артиллерией, имея целью захватить Кази-Кумух, оставив в стороне укрепленную позицию Сурхая, окольным путем двинулся в Дагестан. При этом “Сардару фарса Тахмасп-Кули-хан” приказал начать наступление на Сурхая лишь на третий день после его выступления¹³. Естественно, все это было сделано в строжайшей тайне. И ничего не зная об этом, предводители горцев безмятежно ожидали приближения кизылбашей. Следует особо подчеркнуть, что горцы заняли стратегически очень выгодную позицию в урочище Деве-Батан между Шемахой и Кабалой. Место, выбранное Сурхай-ханом, представляло собой возвышенность с лесом, господствующую на местности. Свое войско Сурхай и его окружение разместили очень удачно. Заняв лес, горцы расположились амфитеатром оборонительными эшелонами. Однако, хорошо продуманный план оказался невыполненным. Подступившие к лагерю горцев персы сходу нанесли очень мощный удар по первой оборо-

---

* Мухаррам — первый месяц мусульманского года.

нительной линии горцев, полагая, что имеют дело с Сурхай-ханом и его "невольником" Каратом, который от имени своего господина долгое время управлял Ширваном. Опрокинутые неприятелем горцы откатились ко второй линии обороны. Оборонящиеся, судя по мощности натиска, уверили в то, что наступлением командует сам НаDIR. "И эта мысль, — по словам А. К. Бакиханова, — оказалась для Сурхая гибельной". Второй эшелон тоже не выдержал все усиливающийся натиск кизылбашей. А затем и третий эшелон, которым командовал сам Сурхай, "разделил смятение второго", и вскоре горцы стали отступать, "неся большие потери"¹⁴. И тут, когда сражение было уже проиграно, Сурхай-хан узнал о движении Надира на Казии-Кумух. Как следовало ожидать, Сурхай, не задумываясь, кинулся спасать свою столицу, а османы и татары, находившиеся с ним, отступили в беспорядке к Гяндже¹⁵. Проигранная Сурхаем битва получила широкий резонанс не только на Кавказе, но и на Ближнем Востоке, в России и даже в Западной Европе. Согласно полученным сведениям, доносил английский консул при русском дворе, "Тахмасп-Кулихан одержал полную победу над Сурхай-ханом" (Surgai-Khan)¹⁶. Узнав о том, что разбитый Сурхай-хан с небольшим отрядом в спешном порядке двигается в свое владение через Кюру, НаDIR попытался было преградить путь. Но ничего из этого не вышло. Сурхай-хан обогнал кизылбашей и по кратчайшему пути горными тропами достиг сел. Хосрех /нынешнего Кулинского района/.

Этот же путь НаDIR прошел за 10 переходов¹⁷. Само собой понятно, что НаDIRу приходилось делать и вынужденные остановки, главным образом, связанные с сопротивлением жителей горских сел, встречавших в пути его следования. А сопротивление ему, надо сказать, оказывали чуть ли ни каждый населенный пункт. И подавлял он сопротивление горцев с завидной последовательностью. Всюду, где ступали ноги его воинов, они сеяли смерть, разорение жилищ и разрушение сел. С именем Надира связано уму непостижимое, совершенно зверское деяние, получившее название в Дагестане "Шах-хирман" /молотьба шаха или шахская молотьба/. По приказу самого Надира, потерявшие голову кизылбашии собирали со всей округи грудных и малолетних детей в определенное место и на глазах обезумевших родителей пускали конницу, которая затаптывала несчастные жертвы. Ниже мы еще коснемся этого, ужасного, жестокого наказания, изобретенного узурпатором с целью устрашения горцев. Здесь же скажем, что всюду, наводя ужас, после долгих и опасных переходов по Могу-Дере через сел. Чирах добрался да границ Лакии. По пути его движения остались разоренные и разрушенные Курах, Чирах и многие др. села Южного и Центрального Дагестана и масса трупов женщин, детей и стариков. В районе лакского селения Хосрех ожидал Надира, Сурхай-хан. Противостоящие силы были неравны. Двенадцатитысячному воинству

Надира Сурхай-хан мог противопоставить лишь небольшие силы горцев. Но они были полны решимости умереть защищая родину, за свою свободу. И вот эти неравные силы (физическая мощь кизылбашей-завоевателей и горстка волевых защитников своей свободы и чести) сошлись в тяжелой и бескомпромиссной схватке. Естественно, что по идее воля, решимость, порыв борцов за справедливость во много крат увеличивает силы. Но в данном случае силы были вообще несоизмеримыми. Несмотря на самоотверженную и отчаянно мужественную борьбу горцев, которая, по словам автора "Хроники...", продолжалась "три дня и победа осталась за кизылбашами"¹⁸. Сурхай отступил в местечко Кабуд (?) с отрядом "приблизительно в тысячу человек". Кизылбашаи, превышающие более чем в семь раз, напали на лакцев и вновь нанесли им поражение. После этих кровопролитных схваток, казалось, перед Тахмасп-Кули-ханом путь на Кази-Кумух был открыт. И сам Сурхай-хан хорошо понимал, что кампания по существу проиграна и поэтому продолжение борьбы с Надиром не сулит его народу решительных перемен. Осознав бесперспективность вооруженного сопротивления, дальновидный Сурхай-хан решил использовать, хотя и безнадежный, шанс — обратился к предводителю персов с письмом, в котором предлагал мирное решение вопроса. Однако, как и следовало ожидать, к этой инициативе хана Надир отнесся недоверчиво. Не поверив в искренность намерений владельца Кази-Кумуха, Надир потребовал немедленно явиться к нему лично и просить прощения, "а иначе, — продолжал он, — не оставит своего плана из-за сомнительных обещаний"¹⁹. Естественно, что Сурхай-хан не мог согласиться, да и не согласился на эти условия. Борьба возобновилась. Сурхай-хан стал готовиться к сражению. У сел Шовкра разрушил мост через Казикумухское Койсу, укрепил противоположный берег и занял крепкую оборону. Узнав о мерах Сурхай-хана, Надир безотлагательно двинулся из района Хосрек "на город Кази-Кумух, что составляет однодневный переход"²⁰. И вскоре подошел к позиции, занятой отрядом Сурхай-хана. После проведенной рекогносцировки Надир убедился, что выбить Сурхай-хана с занятой позиции будет не так легко. И на самом деле казалось, что эту естественную преграду персам не преодолеть. Но в войсках Надира были специальные части, составленных из афганцев, которым сподручна была горная война. Поэтому-то правитель Ирана им и поручил начать наступательные действия. Ганихану Абдалинскому Надир приказал переправиться с афганской конницей через Казикумухское Койсу и мощным ударом принудить защитников противоположного берега покинуть занятые им позиции. Перед наступлением кизылбашей началась отчаянная перестрелка, как бы мы сейчас сказали, своего рода артиллерийская подготовка. Пользуясь некоторым замешательством горцев, афганская конница начала наступление. Горная река бурлила белой пеной, берега Койсу были чрезвычайно круты и скалисты, но это не устраши-

ло испытанных бойцов Надира. Чуть выше занимаемых горцами позиций афганцы бросились отчаянно в реку и по обнаруженному броду сумели переправиться. И, как говорится, в одно мгновение оказались на другой стороне реки. Остановить их массированное наступление небольшому отряду горцев было выше всяких сил. Над обороняющимися нависла угроза полного окружения. И вот в это время Сурхай решился на вынужденное отступление. Узнав об этом, отряд Надира бросился за ним, но схватить его им так и не удалось. Сурхай-хан первым прискакал в Кази-Кумух и, взяв свою семью и самое необходимое, поспешно ушел в Андаляльский союз сельских общин. НаDIR вошел в Кази-Кумух. Основная цель похода как-будто была достигнута, хотя Сурхай-хана и не удалось пленить. Правитель Ирана оставался в Кумухе семь дней. Но за этот небольшой срок он успел натворить здесь такое, что другому не удалось бы нанести Лакии подобное и в несколько месяцев.

Кроме того, что захватил все сокровища Сурхай-хана²¹, разграбил дво-

Сел. Кази-кумух (общий вид).

На горе развалины крепости. Фото проф. М.Х.Кажлаева. 1926 г.

рец правителя, забрал имущество его ближайшего окружения, реквизировал у населения не только Кази-Кумуха, но и всех населенных пунктов всего владения продукты питания и скот. В обнаруженных в свое время Али Каяевым записях в старинных книгах современник этих событий, хотя и очень скупо, но емко, охарактеризовал нечеловеческие жестокости завоевателя. После произведенных его сатрапами всеохватывающих грабежей, читаем в записях, не было хозяйства, в котором можно было бы найти дневное пропитание для семьи²² В другой надписи указывается, что после всеобъемлющих кизылбашских грабежей так были разорены жители владения, что у них ничего съестного не оказалось²³ Иначе говоря, люди были обречены на голодную смерть. Нам трудно себе даже представить, какое количество людей погибло и как остальные умудрились спастись от голода и смерти. А расправы над беззащитным населением продолжались и не было видно конца им. Но в это время в Кази-Кумух к Надиру прибыл отстраненный от власти шамхала Тарковского Хасбулат, сын шамхала Адил-Гирея, сосланного самодержавием за неповиновение и антицарское выступление в Астраханскую губернию, где он, кстати сказать, и скончался. НаDIR не задумываясь тотчас же своей властью объявил о возведении Хасбулата во владельческие права шамхала Тарковского. Узурпатор даже не подумал, что с этого времени в Тарковском владении окажется два правителя. Это и понятно. НаDIR хотел видеть во главе владений послушных ему правителей. Пользуясь расположением к себе Тахмасп-Кули-хана, Хасбулат прямо-таки выпросил у него пощаду для жителей Кази-Кумуха. Он же добился и освобождения захваченных в плен лакцев. Учитывая, что в сложившейся обстановке продолжение борьбы с Сурхай-ханом не имеет смысла и беря в расчет, что разворачивающиеся в Северном Азербайджане события требуют скорейшего его возвращения, НаDIR по истечении недели своего пребывания в Кази-Кумухе решил вернуться в Закавказье. Возможно, на принятие этого решения в какой-то степени мог подействовать и Хасбулат. Как бы то ни было, хотя кизылбашам, как указывалось выше, не удалось захватить главного противника, НаDIR был уверен, что цель его похода достигнута сполна. Он сумел преподать горцам такой урок устрашения, который они не скоро забудут. Они будут помнить, с кем имеют дело и в случае повторного ослушания и неповиновения воле властелина Ирана, непременно последуют еще более страшные наказания. Однако, как показали развернувшиеся вскоре же после ухода НаDIRа из Кази-Кумуха события, он глубоко ошибался. НаDIR не ведал, да и понять не мог, что гордые и свободолюбивые народы Дагестана не так-то легко поставить на колени. Они и не думали покоряться кизылбашам. Основные события справедливой антииранской борьбы еще были впереди. Кстати сказать, вскоре и сам владыка Ирана убедился в этом. И как было не понять, что горцы далеки от того, чтобы сложить ору-

жие, когда чуть ли ни на каждом шагу ему при возвращении приходилось преодолевать сопротивление местного населения. Не успели, как говорится, шахские войска прибыть в Самурский вилайет, как кизылбашей здесь ожидал сюрприз. Непокорные жители Южного Дагестана близ сел. Ахты, разрушив мост через реку Самур, укрепились на горе в старинной крепости Шабани и приготовились к обороне. Ценой огромных усилий, по приказу Надира в течение дня удалось восстановить разрушенный горцами мост, а к вечеру кизылбаши переправились на противоположный берег на ахтынскую сторону и расположились вблизи обороняемой горцами крепости. Утром следующего дня Надир разделил находящиеся под его рукой войска на два отряда, одному из которых было поручено штурмом овладеть крепостью, а перед вторым была поставлена задача обнаружить скрывающиеся со своим имуществом семьи непокорных. После жестокого штурма кизылбаши овладели крепостью, а расправится со скрывающимися беззащитными было не так уж и трудно. «Часть их рассеяли, часть же убили и истязали. Некоторых... шах в порыве гнева наказывал даже самолично»²⁴. На следующий день после этой кровавой расправы Надир, отослав обоз из Ахтов по мискинжинской дороге через Шах-Даг в Кабалу, сам торопливо «двинулся по очень тесной и затруднительной хачмасской дороге, которую Сурхай-хан проложил по крутым хребтам гор»²⁵. 3 октября он прибыл в сел. Куткашен, а затем, переправившись через Куру, на десятый день подошел к сел. Килиса-Кенду, где и остановился лагерем. Перед ним была непокорная Гянджа, которую узурпатор решил во что бы то ни стало подчинить своей власти. Гянджу оборонял довольно крупный гарнизон, состоящий из отступивших после побоища в урочище Дебе-Батан турецких и крымско-татарских подразделений под начальством правителя города Али-паши и султана Крыма Фатиха Пирсея. После глубокой рекогносцировки Надир приступил к осаде этого главного опорного пункта османов в Северном Азербайджане. Имеются сведения о том, что в осаде Гянджи Надиру помогали русские инженеры. Об этом, в частности, пишут современные иранские историки²⁶. Достоверно известно, что в походе Надира сопровождал и русский посланник кн. С. Д. Голицин. «Турки и татары, — пишет А. К. Бакиханов, — заперлись в крепости. Надир приступил к осаде и подвел под крепость 7 мин в разных направлениях, одну из которых османам удалось уничтожить, но три из них, которые были начинены 3500 батманов пороха, произвели свое действие, взорвали часть крепостных стен»²⁷. Однако, взять Гянджу штурмом не удалось. Осада крепости продолжалась 4 месяца. Естественно, все это Надиру стоило многих денег, а брать их было неоткуда, казна была пуста. И поэтому Тахмасп-Кули-хан всю тяжесть этой войны решил переложить на плечи трудового люда Северного Азербайджана.

Естественно, что ограбленное и разоренное попеременно то османа-

ми, то персами местное население не желало, да и не могло предоставить необходимые Надиру для ведения войны продукты питания. Однако, узурпатор и слышать об этом не хотел и стал применять силу против беззащитного населения; насильничать и грабить их. Об этом недвусмысленно пишет современник событий анонимный автор "Хроники". Тахмасп-Кули-хан, сообщает он, "так жестоко и несправедливо собирал харадж, что население восстало против него, вызвало на помощь отряды из Джиниха, Талы и других мест"²⁸.

Повстанцы, кстати сказать, ринулись на отряды Надира, "перебили много их воинов и захватили их имущество". Джарцы, по словам автора, в этих событиях не участвовали. Но, узнав о случившемся, "они выступили и заняли триста домов в сел. Биладжик,²⁹ располагавшееся в 20 километрах от Нухи". В связи с этим, Тахмасп-Кули-хан снарядил против Джаро-Белоканских сельских общин специальную карательную экспедицию с сераскиром Мухаммед-Кули-ханом, правителем Шемахи во главе³⁰.

Военные действия за Гянджу при этом продолжались. Одновременно на Кавказе произошли весьма важные для его народов события внешнеполитического характера. Дело в том, что после подписания между Ираном и Россией Рештского договора (1732 г.) о постепенном выводе из Гиляна царских войск, Османская империя решила, что настала благоприятная ситуация, чтобы прибрать Северо-Восточный Кавказ к своим рукам. Русскому посланнику в Стамбуле предъявлено было письмо, якобы полученное крымским ханом от уцмий Кайтага, шамхала Тарковского и других владетелей Дагестана. В нем указывалось, если нынче Россия намеревается возвратить "остальные завоеванные провинции Тахмасп-Кули-хану и достаются вкуче с оными нам жесточайшее мучение и сами они, дагестанские народы, того ради прилежно просят, чтобы его, салтанское величество по единоверию соизволил за нас вступить и прислал к ним довольное число войск"³¹.

Султанская Турция, как доносил посланник Неплюев, решила "дагестанов всех без изъятия в протекции своей объявить и туда хана крымского со 80-ю тысячами татар послать"³².

На аудиенции у верховного визиря Высокой Порты русский посланник заявил решительный протест, чтобы Турция "никогда не занимала берега Каспийского моря, — сказал, — императорский двор никогда татарам проходить в свои области не позволит, а меньше еще согласится на принятие Портою в подданство дагестанцев"³³. Канцлер Остерман сделал посланнику Неплюеву внушение указов, что уступление России Ирану касаются лишь "до одних городов (Баку, Дербент — В. Г.), а не дагестанских народов"³⁴. Чуть позже русский канцлер с решительностью и со всей откровенностью ответил Стамбульскому двору, что "Порта заступаться за дагестанские народы ни малейшего права не имеет"³⁵. В то же время в правящих кругах России, решив не

допускать прохода крымских татар в Дагестан, самым тщательным образом обсуждался вопрос “возможности сохранения” своего влияния на Дагестан. Вернувшийся из Ирана барон Шафиров даже предлагал царскому правительству “перехватить инициативу и самим утвердиться в Дагестане” и для этого “дагестанских владельцев и впредь милостивым награждением”³⁶ привлечь на сторону России. Турции было решительно заявлено, что Дагестан находится в подданстве России, дает ей аманатов и поэтому не может допустить господства турок над Дагестаном и пропустить крымские войска”. Одновременно русское правительство отправило специальный отряд в Крым, чтобы отвлечь крымские войска от покушения на Кавказ, а командующему в Северном Кавказе ген. Левашеву приказано было преградить путь в Дагестан. Все это красноречиво свидетельствует о том, что Россия не намерена была оставить Северо-Восточный Кавказ и готова была отстаивать его от притязаний со стороны Оттоманской империи³⁷. В то же время ставилась задача, чтобы стараться “тайно и искусно под рукою побуждать Тахмасп-Кули-хана к непрерывному продолжению с турками войны, чтобы все персидские провинции возвратить от них оружием”³⁸ к Надиру был отправлен кн. С. Галицын³⁹. Однако, Надир продолжение военных действий против османов связывал с уступкой Россией Ирану городов Баку, Дербента и другой отошедший по невалидному Петербургскому договору территории Восточного Кавказа. Шах говорил Галицыну: “Я был на турок сердит и хотел итти на них войною, но вы принудили меня остановится, потому, что Баку всей своей и Дербента и требуемых мною людей не отдаете и не в чем другом не соглашаетесь”⁴⁰. В сложившейся обстановке России не желательно было осложнять свои отношения с правителем Ирана. Тем более, что в это время русско-турецкие отношения осложнились настолько, что в воздухе запахло грозой. Учитывая эти обстоятельства Россия согласилась заключить мирный договор, который был подписан 6 марта 1735 г. Согласно условиям гянджинского договора Россия обязывалась вывести войска и передать г. Баку в течение двух недель, а Дербент и его округу в течение двух месяцев, а Иранское государство в свою очередь обещало “вечно с Российской империей пребывать в союзной дружбе и крепко содержать российских приятелей за приятелей, а неприятелей российских за неприятелей иметь и кто против их двух высоких дворов войну начнет: то оба высокие дворы против того неприятеля войну начать и во всех случаях друг другу помогать должны... Иранскому государству всякими прилагать старание, и начатую против неприятеля (Турции ВГ) войну с крайним тщанием и ревностью продолжая, должное отмщение получить”⁴¹/ Как видно договор, подписанный при Гядже всецело был направлен против Оттоманской империи⁴²/. Между тем Тахмасп-Кули Ха желая как можно быстрее отнять всякую надежду у гарнизона Гянжи усилил количество войск, осаждающих Ганджу, а осталь-

ную часть войск отправил с карательной целью в джаро-белоканский союз сельских общин. Войска кизылбашей подкрепленные артиллерией и поддержанный отрядами султана Цахурского Гядж-Али Султана близ Али-Абада нанесли поражения джаро-белоканцам и пришедшим к ним на помощь отряду из Дагестана. Затем приблизившись к крепости Дженик-Рух кизылбаши потребовали от Джара и Талы людей в (заложники) и джарцы выдали им 6 человек а тальцы четырех. После чего кизылбаши потребовали передать еще 150 человек для службы Тахмасп-Кули-Хану. А когда кизылбаши "хитростью и обманом" заняли Талы, потребовали выдать еще 350 человек. Сверх того от самого предводителя персов прибыло письмо, в котором он требовал выдать еще 150 человек. "Я, — писал он, — с самого начала, когда ко мне явились ваши представители, по моему возвращению из Гумыка, потребовал от вас выдать мне 300 человек"⁴³. Во избежание непредвиденных осложнений джаро-Тальский союз сельской общины послали к Надиру "требуемое количество людей, которые состояли большей частью из рабов, вольноотпущенников и рабочих"⁴⁴. Однако, не дождавшись их прибытия кизылбаши выступили против джаро-белоканцев. Последние вынуждены были обороняться. Не далеко от Закал произошла битва; горцы сражались отчаянно. Но силы были не равны Персы одолели их. Отряд же прибывший из Дагестана вынужден оказался вернуться к себе. Развивая успех кизылбаши всей своей мощью обрушились на мирные горские села региона, захватили, ограбили и разрушили села Катехи, Джары, Талы, Чардахли и др. "Сожгли так же весь округ Енисель, выгнали из них всех жителей, кроме тех, что бежали в горы... И область Енисель опустела"⁴⁵. Кизылбаши, продолжает анонимный летописец, "разграбили все имущество мусульман и вырубали их фруктовые деревья и виноградники"⁴⁶. И завершая свой рассказ, он подчеркивает: "Боже сохрани нас от их коварства. Мусульмане, не доверяйтесь им, ибо они самые коварные люди. Да истребит их бог всех, да накажет их самым страшным наказанием и да проклянет их, ибо они неверны, что ясно из их действий и слов: они оскорбляли Коран и сжигали его"⁴⁷. Об этих событиях пишет и Вахушти Багратион. Тахмасп-Кули-хан, сообщает он, дал грузинскому царю Таймуразу "большое войско и отправил для разорения Чары (Джары — В. Г.). Узнав об этом, османы оставили крепость Карагаджи и ушли в Тбилиси. Увидели это кахи, пошли и разрушили крепость Карагаджи, забрали пушки, а часть разбили и оставили. Затем собрались и встретили Таймураза, пошли впереди кизылбашского войска и напали (на Чары), однако чарцы укрепились и вступили в бой, но одолели их кизылбаши и кахи и перебили многих, разрушили их башни и крепости разорили, захватили добычу и ушли"⁴⁸. Между тем борьба за Гянджу обострялась.⁴⁹ Надир предпринимал отчаянные меры. Проводя подкопы, кизылбашам удалось даже частично взорвать крепостные стены. Но это не дало ощутимых

результатов. Ни к чему не привела и попытка Тахмасп-Кули-хана окружить крепость с трех сторон земляным валом, в который было отведено русло реки, рассчитывая, что вода подмоет и разрушит крепостные стены, но защитникам крепости удалось пушечными ядрами разбить построенный кизылбашами вал и пустить воду. Осажденные продолжали настойчиво сражаться, рассчитывая на помощь войск султана, прибытие которых из Карса и Эривана ждали со дня на день. Тахмасп-Кули-хан, «желая как можно скорее отнять всякую надежду у гарнизона, оставил часть под Гянджой, а другую послал в Агдам, чтобы держать в страхе джарцев и других лезгин» (горцев Дагестана — В. Г.) Сам, имея целью покончить с 80-ю тысячной османской армией, во главе с сераскиром Абдулла-пашой и Сары-Мустафа-пашой, находившихся в Эриване и Карсе, во главе специального отряда, численность которого по подсчетам составляла от 40 до 50453 тыс. человек. Сераскир, не решившись на открытый бой, скрылся в крепости⁵⁰. НаDIR приготовился к осаде. Обращаясь к командному составу своей армии, НаDIR сказал: «Мои храбрые офицеры, знайте, что если османские войска выйдут из укреплений, то Аллах отдаст победу нам, а если они не выйдут, то победа будет дарована им. Поэтому сначала мы бросимся на них и, как только они откроют по нам огонь, мы сделаем вид, что отступаем и станем отходить назад, чтобы они стали преследовать. И как только они выйдут из-за укреплений, мы внезапно нападём на них и нанесем сокрушительный удар»⁵¹. Этот маневр был весьма удачно претворен в жизнь.

Однажды ночью, совсем уже готовые к штурму войска Тахмасп-Кули-хана, вдруг поспешно стали отступать по направлению Эривана. Главнокомандующий султанских войск клюнул на наживку, поставленную НаDIRом, что и необходимо было великому узурпатору. Полагая, что настал час, когда смелой и решительной вылазкой можно решить исход войны в свою пользу, Сераскир во главе основных сил стал преследовать кизылбашей. И когда османы отошли на довольно значительное расстояние от крепости, НаDIR внезапно повернул войска и как снег на голову напал на османов.

Произошла кровопролитная битва, в которой погиб сам неудачливый Сераскир, а его войска, разбитое наголову, разбежалось, преследуемое НаDIRом до Меджкерт и гор. Хасанкала по дороге к Арзруму. Абдулла-паша был взят в плен и убит. Кизылбаша захватили у османов и огромные трофеи⁵².

Разгром султанских войск под Эчмеадзином⁵³ имел огромное значение, он лишил всяческой надежды на скорую помощь османскому войску, дислоцированному в Гяндже, Тбилиси и других местах Закавказья.

В это время османскими войсками командовал в Тбилиси Исхак-паша, при нем «находился сын Сурхай-хана Муртаза-Али-бек, во главе трехсот дагестанцев»⁵⁴. Видя совершенно бесполезным продолжать борьбу с кизылбаша-

ми, начальник османских гарнизонов Закавказья запросил мира. Он согласился принять все условия. "После этой блистательной победы, — пишет А. К. Бакиханов, — гарнизоны Тифлиса, Эривана и Гянджи запросили пощады у победителя и, отдав Надиру всю артиллерию и пленных, ушли в Турцию"⁵⁵. При этом османы выпросили лишь, чтобы кизылбашы беспрепятственно пропустили их в Турцию. Прежде всего османы покинули крепость Топ-Караагат; находившиеся здесь крымские войска перешли в Гумук, а затем — в Крым, оставив в крепости артиллерию, арсенал и много имущества, которые достались грузинам". В Дагестан со своим отрядом вернулся и Муртаза-Алибек. В числе осаждающих Тбилиси войск кизылбашей под командованием Ханджал-хана находилось и кахетинское войско. Но это не может явиться свидетельством того, что грузины в это время были партнерами и сотрудничали с кизылбашами. На самом же деле они ненавидели Надира и готовы были сделать все, чтобы избавиться от его власти, но в силу сложившихся обстоятельств вынуждены были считаться с мощью кизылбашами. А верный себе деспот НаDIR, как везде и всюду своевольничал и тиранил попавших под его власть. "Тамаз-хан, — пишет Вахушти, прислал из Гянджи человека и потребовал дочь Имама-Кули-хана (т. е. Давида — В. Г.), так как его брат Махамад Мирза тоже погиб в бою с Топал-пашой. И эти, — продолжает летописец Грузии сочли, что могут выслужиться и послали ту женщину. "После этого Таймураз собрал кахов — епископов и вельмож и отправился к Надиру. Но последний их "встретил неподобающе, лишь незначительно их одарив". А когда Тахмасп-Кули-хан одолел османов под командованием Кофруля, он "призвал Таймураза в Еривань, а вскоре последний был арестован и отправлен в Тбилиси", откуда кахетинскому царю удалось убежать в Телави"⁵⁷. Затем в Тбилиси прибыл сам НаDIR. А дружинники грузины ушли все кроме Абашидзе. Тахмасп-Кули-хан отправил отряд кизылбашей на Бардзима на р. Арагви, "но оттуда их прогнали" в Верхний Картли и Сацициано". НаDIR обошелся жестоко, "забрал многих душ и отправил в Хоросан"⁵⁸. Не ограничиваясь этим, НаDIR "собрался было полностью разорить Картли"⁵⁹, однако обстоятельства сложились так, что он с войском решил совершить еще один поход на Кази-Кумух, но об этом в следующей главе настоящей работы.

---

1. Решетов. История о персидском шахе. С. 163.

2. Мирза-Мехти Астрабади. Указ. соч. Л. 85; Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 138; Алкадари Г. Указ. соч. С. 75.

3. Hamner S. Geschchte des Osmanichen...p. 485 Hanmer S Histore de l'empire Ottoman depuis son origine nos jours. P., 1839 t. 15. p 485; Алиев Ф. М. указ. С. 108 ИНСК... М. 1988. с 419.

4. Бакиханов А. К. Указ. соч: С. 138.

5. ХВД... С. 18.
6. Выдержки из записей французских миссионеров Маза, Башуда, Флорио и др. (перевод с франц.). НАИИ. №771. 44 в. Л. 70; Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 108.
7. Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 126.
8. Лерх И. Я. Сведение о втором путешествии в Персию, совершенном в 1745-1747 гг. НАИИ. инв. №489. Л.61; А. Ериванцы. Указ. соч. С. 79; Кретацци А. Указ. соч. С. 145; Кишмишев С. О. Походы Надир-шаха в Герат, Гандахар и Индию и события после его смерти в Персии, 1898. С. 93.
9. Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 109.
10. Арунова М. Р., Ашрафян К. Э. Указ. соч. С. 187.
11. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 138.
12. Там же. С
13. Левиатов В. Н. Указ. соч. С. 101-102.
14. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 138.
15. Там же
16. СБ. РИО, №70. 1891. С. 345.
17. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 139.
18. ХВД... С. 18.
19. Там же.
20. Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 73.
21. Каяев Али. История лаков. // Литературный Дагестан (на лакском яз.). №5, 1990. С. 70.
22. Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 73.
23. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 138.
24. Каяев А. Материалы по истории лаков. // Рук. фонд ИИЯЛ. Ф. 25. Оп. I. Д. 1642, Л. 155.
25. Там же. Л. 157.
26. Алиев Ф. М. Э. Указ. соч. С. 73-74.
27. Там же; ХВД... С. 19.
28. Мухаммед Хиджаси. Холасе-е тарих-е Иран. Тегеран, 1335 (С. 188. Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 114.
29. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 140.
30. ХВД... С. 19.
31. Там же.
32. Там же.
33. АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1735. Д. 6. Л. 104-105.
34. АВПР. Ф. Азиатские дела 1724-1735. З. Л. 10.
35. Там же. Л. 7-8.
36. АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1735. Д. 6. Л. 39.
37. Там же. Л. 16-18.
38. Там же. Д. 7. Л. 9.
39. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958
40. Соловьев С. М. Указ. соч. Т. XX. С. 1332.

41. ПСЗ. Т. IX. №6707. Договоры России с Востоком. С. 202-207.
42. Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 130-133.
43. Сб. РИО. Т. 76. 1891. С. 345.
44. ХВД... С. 20.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же... С. 21.
48. Вахушти. Указ. соч. С. 177.
49. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 141.
50. ААХ... С. 55-56.
51. Там же. С. 56, 61; Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 141.
52. Сб. РИО. Т. 76. С. 419.
53. ХВД... С. 22.
54. Там же.
55. Там же.
56. Вахушти. Указ. соч. С. 177-178.
57. Там же. С. 119-120.
58. Там же.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВТОРОЙ ПОХОД ТАХМАСП-КУЛИ-ХАНА В КАЗИ-КУМУХ

В 1730-1735 гг. Тахмасп-Кули-хан добился крупных успехов как внутри страны, так и во вне Ирана. За это время сам он из военачальника шаха, по существу, превратился в "некоронованного короля" обширного иранского государства. Взоры грозного тирана теперь были направлены на чужие территории. Он мечтал о завоевании ближних и дальних стран. Он хорошо понимал, что для претворения в жизнь этих, далеко идущих планов, необходим крепкий и послушный тыл. Вот почему его так волновали и приводили в ярость малейшие антииранские выступления на Кавказе. А здесь было далеко неспокойно. Надиру приходилось организовывать частые карательные экспедиции, которые хотя и завершались успехом, но сковывали большие силы его армии. Если Надир и его военачальники одерживали победу и опустошали весь регион и казалось, что край окончательно покорен, то в это же время вспыхивало восстание в другом районе. На подавление восстания вновь направлялись войска кизылбашей, стоило однако уйти из опустошенного района, как "Феникс" тут же как из пепла подымалось население на вооруженную борьбу. Самоотверженность, стойкость и упорство в борьбе горцев с сильным, вооруженным до зубов врагом не могут не вызвать удивление и восхищение. Было видно, что гордые, свободолюбивые горцы были готовы положить свои головы ради спасения родины и сохранения своей независимости. Так и на этот раз не успел, как говорится, Надир вернуться из первого своего похода в горы Дагестана, Сурхай-хан и часть владетелей Дагестана, открыто объявили о своей полной независимости от кизылбашей и готовности сделать все, чтобы изгнать их из родного края. Это стремление горских владетелей было тут же поддержано не только жителями Страны Гор, но и окружающими ее народами. Документальные данные вскрывают то, что было общего во всех антииранских выступлениях первой половины XVIII в., где бы они не происходили и под каким бы знаменем они не развивались. Прежде всего, в этих событиях довольно прозрачно проглядывалась прогрессивная сторона, направленная своим острием против социального и национального гнета, борьбы горцев против иранских шахов и их ставленников на местах. Руководство антииранской борьбой, по существу, находилось в руках части феодалов и

феодализирующей верхушки общества, чувствующих стремление широких народных масс. Однако интересы самих предводителей не были адекватны желаниям и чаяниям основной массы — горского крестьянства. К сожалению, о целом ряде руководителей повстанческого движения, особенно о выходцах из социальных низов общества, мы знаем ничтожно мало. По существу, кроме упоминания их имен или однозначных оценок современников, степень достоверности которых измеряется в зависимости от отношения к народно-освободительной борьбе, характеризующей их помыслы и чаяния, и их программы остались закрытыми, непроницаемым туманом таинственности.

Явное или тайное международное соперничество мировых держав на Кавказе оказывало также довольно серьезно влияние на природу справедливой, освободительной борьбы народов против агрессии Ирана. Соперничавшими государствами ставился вопрос о народах Кавказа однозначно: кому из них владеть этими территориями. Борьба же самих народов Закавказья и Дагестана, поставившая своей целью освободиться от социального гнета и национального бесправия, не имела для этих государств решительно никакого значения.

Каждая из борющихся сторон стремилась использовать народно-освободительную борьбу кавказских народов в личных интересах. Именно эта сторона вопроса и определяла в основном поведение соперничающих государств в отношении горских народов.

Выше указывалось, что сразу после возвращения в Закавказье Тахмасп-Кули-хана во владениях Дагестана установились прежние порядки. Каждый из правителей стал в своей вотчине править самостоятельно. Как и следовало ожидать в значительной степени в регионе ухудшилось положение ставленников Ирана в Дагестане. Началось движение за отстранение от шамхальского престола ставленника Надира Хасбулата и его изгнание из Тарковского владения. “В это время, — пишет А. К. Бакиханов, — беспокойные кубинцы, призвав на помощь дагестанских лезгин, осадили крепость Худат”¹. Эти скудные данные дополняет Г. Э. Алкадари. Он уже не называет участников антииранского выступления “непокойными”, а прямо подчеркивает, что “кубинцы, ахтынцы и кюринцы, объединившись, напали на крепость Худат Кубинского уезда, на Гусейн-Али-хана, сына Султан-Ахмед-хана, который будучи ханом по назначению Шаха (Тахмасп-Кули-хана — В. Г.) правил там”². Повстанцы держали его в такой крепости в осаде пока ему на помощь в Худат не прибыли начальник дербентского гарнизона и шамхал Хасбулат-хан. При этом, по данным А. К. Бакиханова, “мятежники (так он называет горцев, борющихся за свою свободу — В. Г.) потеряли 300 человек убитыми и пленными”³. Что касается участия Хасбулата на стороне кызылбашей разумеется, что шамхал Хасбулат предпринял. За этот, не совсем дальновидный шаг поплатились жи-

тели его владения. Пока Хасбулат-хан находился в походе на Кубу, в Тарковское владение с небольшим отрядом вступил аварский владетель Ума-хан. Первоначально жители владения, как будто поддерживали его. Во всяком случае, нет никаких сведений о том, что шамхальцы оказали Ума-хану какое бы то ни было сопротивление. Однако самовольничание ополченцев Ума-хана разочаровало жителей шамхальства. Тогда местное население сразилось с Ума-ханом около сел. Параул, причем в этой битве Ума-хан был убит⁴. Между тем вооруженная борьба с непрошенными гостями развернулась в джаро-белоканских союзах сельских общин.

В это же время произошло и другое важное событие. Нарушив условия Гянджинского трактата 1735 г. с Россией*, “великий узурпатор” заключил договор с Османской империей, по условиям которого султан “возвращал” Ирану Грузию, Восточную Армению и Северный Азербайджан. И чтобы привести в окончательную подчиненность джаро-тальские общества, начал, как указывалось выше, тотальное наступление на них. И уже в первых вооруженных схватках кизылбашам повезло. Надир нанес джаро-белоканцам сокрушительный удар и принудил их признать власть Ирана. Однако, как только Надир покинул территорию узанских джамаатов, не желающих примириться с потерей свободы, джаро-белоканцы вновь восстали. “Между джарцами и грузинами из Кахетии, — свидетельствует анонимный автор “Хроники”, — произошло сражение, которое завершилось победой горцев”. “Причем, — продолжает он, — в руки джарцев попала богатая добыча, и они вместе с талаяцами погнали жителей Падара** от горы Канбагда в их селение Даначи⁵ (вероятно Таначи, селение, расположенное в км. 20 юго-западнее от Джара).

Затем с сыном Сурхай-хана Муртузали-Али-беком джарцы, талаяцы и отряды Джиника, Большой и Малой Мухахи напали на сел. Ках, расположенное в 30 км. от Джар и которое входило в состав Елисуйского султанства, придерживавшееся проиранской ориентации, учинили им разгром⁶. Эти события происходили в то время, когда Надир был занят борьбой с османами и поэтому, естественно, не мог оперативно отреагировать на эти события. Но как только он покончил с Османами, Надир решил всей своей мощью обрушиться на Дагестан и джаро-белоканцев. Как отмечалось выше, он подверг джаро-тальские союзы сельских общин настоящему погрому. Достаточно ска-

* По условиям Гянджинского мира Иран обязывался не заключать договор с Портой, без участия в переговорах и согласия на это России.

** Падари (персид. padari — отцовский, идущие по следам отцов в отношении религии, либо персид. padar — хозяин), название тюркск. — этнич. группы (Баскаков Н. А. Указ. соч. С. 31-41).

зять, что после ухода Надира джары и талайцы, заключив договор с царем Грузии Таймуразом, “покупали в Кахетии провиант. Цена тагара кукурузы и чалтыка дошла до 8 золотых (алгун), а тагар пшеницы — до двенадцати”; все это, — заключает очевидец, — из-за голода, царившего среди людей даже в стране Каха, так что некоторые питались мякиной, древесной корой, сеном и травой”⁷. Кстати сказать, это было обычной тактикой кровавого Надира. Где бы ни ступала его нога страна подвергалась страшному опустошению. В стране, подвергшейся нашествию его войск Надира. Такое же опустошение производил он во всех местах, где ступала его нога. Завоеватель не понимал или не хотел понять, что “несправедливость противной стороны, говоря словами А. С. Грибоедова, вызывает справедливую войну другой”⁸. Такую войну за свои несправедливости и страшную жестокость он получил в Дагестане. Кровавый Надир был убежден, что насилие, разрушение сел, уничтожение сельскохозяйственных угодий, поголовный угон скота, истребление населения, в том числе женщин, малолетних детей и немощных стариков, поставит на грань вымирания горцев, а главное внушить им неизбежность своей гибели, если они не устроятся и не склонят свои головы перед всемогущим властелином Ирана. Однако, он не учел, что он имеет дело с гордым и свободолюбивым народом.

В то время, когда войска кизылбашей были заняты подавлением антииранского выступления в Джаро-Белоканах и кубинских лезгин, до Надира дошла весть о приближении к Дагестану крымско-татарских войск. Дело в том, что в самый разгар ирано-турецкой войны, по повелению султана через Северный Кавказ как говорилось выше было отправлена 80 тыс. армия крымско-татарских войск под командованием самого Каплан-Гирея⁹. В то время в Дербенте не было уже русских войск. Дербентом правил назначенный Надиром султан Фередун и юзбаши Мамед Гусейн¹⁰. Они не обладали такой силой, которая могла бы противостоять надвигающимся войскам. Поэтому-то Тахмасп-Кули-хан, отправив отряды для подавления антииранского восстания кубинцев и южно-дагестанцев (о чем шла речь выше), сам, с основными силами двинулся в сторону Дербента. Тем временем, ничего не зная о подписании Ирано-турецкого договора, крымско-татарские войска дошли до кефальской равнины, непосредственно примыкающей с северной стороны к Дербенту. Каплан-Гирей узнал о договоре, подписанном между султаноом и Надиром, и в связи с этим вынужден был приостановить дальнейшее движение, а затем и вернуться на родину. Но перед тем, как начать обратное движение, Каплан-Гирей “объявил о служебных назначениях по Дагестану согласно полученных им раньше распоряжений Турции” В частности, Чолак Сурхай-хан должен был остаться в Ширванском владении в должности хана; власть дербентского правителя и каятагского уцмия должна была быть вручена уцмию Ахмед-хану,

Хасбулат-хан отстранялся от звания шамхала и вместо него правителем Тарковского владения назначался Эльдар, сын Муртаза-Али¹¹. Эти распоряжения Крымского хана в Дагестане, особенно теми владельцами, о которых шла речь, были встречены радушно". Сурхай-хан даже выслал на встречу крымскому правителю своего сына Муртаза-Али с пятьюстами конницы, который со своим отрядом оставался на службе у крымского губернатора до его обратного выступления¹². "Кроме всего прочего, только указанным лицам Каплан-Гирей отдал 2500 туманов деньгами и ценными вещами"¹³.

Узнав обо всем этом, разъяренный Тахмасп-Кули-хан, несмотря на глубокую осень (конец октября) и трудности, с которыми непременно придется встретиться при движении, решил организовать поход в горы Дагестана. Этим НаDIR одновременно желал, как подчеркивает Л. Локхарт продемонстрировать свою мощь России¹⁴. Перейдя через горы Алты Агача, "страшный" НаDIR прибыл в Табасаран в магал Дерё, а бывшему в Дербенте своему наместнику приказал заготовить здесь все необходимое для войска продовольствие и для лошадей фураж¹⁵. Отправив из Дерё-магала под присмотром своего сына Риза-Кули-Мирзы тяжести, неудобные для горного похода в Дербент, остальное войско разделил на 3 части. Первый отряд, под личным его командованием двинулся на Будут и Хиналуг, другой отряд, численностью в 6 тыс. чел. отправил наказать докузпаринцев и ахтыпаринцев, а третий отправил в Кюринское сел. Кабир "на преграждение путей людям, бежавшим из Ахтов в Кумух, так что большинство бежавших оттуда лиц, наткнувшись на преграждавших дорогу, были кизылбаши убиты или взяты в плен, уведены в неволю¹⁶. Причем убивали кизылбаши без какого-либо повода. В сел. Гюльчирой, которое было расположено недалеко от современного сел. Мюжгур, кизылбаши потребовали от жителей зерно для своих лошадей. При этом воины Тахмасп-Кули-хана заходили в каждый дом и там, где находили зерно — забирали, где не оказывалось зерна — убивали хозяев дома. В итоге такого обхода кизылбашей, по существу, были истреблены чуть ли не половина жителей. Так же войска НаDIR поступили и в других селениях.

В письменных источниках, к сожалению, нет точного списка селений, разоренных и истребленных войсками НаDIRа. Согласно историческим легендам, в сел. Джаба войска НаDIRа были дважды, первый раз, очевидно, когда он возвращался из Кумуха и имел сражение с ахтынцами. Тогда НаDIR, взяв Джабу, забрав необходимые продукты, ушел¹⁷. Вторично кизылбаши заняли это селение и, здесь узнали, что их ставленники были сельчанами убиты. И тогда они "собрали всех жителей, которые попались им в руки, уложили на току и пустили по ним быков с молотильными досками", т. е. устроили уже известный читателям "шах-хирман". Кстати сказать, место, где проходило это чудовищное наказание, жители до сих пор так и называют¹⁸. В

сел. Теки-пир-кент, кроме всего прочего, забрал себе понравившихся девочек. Старожилы высокогорного села Куруш помнят, что в селении имелася каменная плита, на которой было написано о двукратном нападении Надира на это селение. Первый раз, как-будто Надиру не удалось захватить Куруш. Второй раз кызылбаши пришли в Куруш через Кубу, после подавления выступления кубинских лезгин. На этот раз селение было взято. И здесь кызылбаши совершили то, что они чинили во всех завоеванных селениях.

Недалеко от Кураха, в районе современного сел. Гильяр по приданию был населенный пункт, называющийся Гияр-Шаер окруженный оборонительной стеной. Кызылбаши осадили и после ожесточенного сражения захватили и до основания разрушили его. Такой же участи подверглись еще семь селений: Кулах, Циюрюх, Чюрюхюр, Кикенхюр, Сернер, Генек, Четхюр. Причем за малейшее неповиновение кызылбаши "убивали детей, стариков, женщин, не щадили никого". А в сел. Нуказ, собрав на току всех оставшихся в живых растоптали их конницей. Те же из жителей, кому посчастливилось бежать, расселились в Кумухе, и др. местах. Некогда в селении Фите было 700 хозяйств. В селении Хоредж, в завоевании которого лично участвовал НаDIR, случилось непредвиденное: видя невозможность оказать захватчикам сопротивление, население разбежалось, замая полупустое селение персы собрали оставшихся здесь детей и женщин и растоптали их на току лошадьми. Уходя из селения, они разрушили почти все строения, забрали с собой скот и имущество несчастных¹⁹. Таким образом, учинив в Южном Дагестане настоящий погром, истребив большое число жителей, разграбив и разорив села Самурского вилаята, Кюри и Табасарана, НаDIR прибыл в Дербент и, пройдя его 11 ноября, расположился на равнине, севернее города на отдых. К этому времени, как отмечалось выше, предводитель крымско-татарских войск, раздав владельцам Дагестана различного рода подарки, вернулся в Крым²⁰. "Артиллерию и арсенал с топчи баша: читаем в "Хронике" — владетель Крыма оставил уцмия Кайтага". Неугомонный, жаждущий победы "страшный" НаDIR не мог позволить сколько-нибудь продолжительного отдыха для своего войска. К тому же ему донесли, что "новый шамхал Тарковский Эльдар, уцмий Кайтага Ахмед-хан и Сурхай-хан Казикумухский собирается напасть на шамхала Хасбулата. И что Эльдар собрал в сел. Казанище преданных ему воинов и готов был начать наступление на своего соперника. А уцмий Ахмед-хан с набранным войском "стоит в Кайтаге и, послав своего сына Хан-Магомеда в сел. Маджалис заставил там соорудить большие окопы и собрать там войско"²². В случае наступления войск кызылбашей он должен был преградить им путь в Кайтаг. Узнав обо всем этом, НаDIR тотчас поднял войско и направился к Маджалису и с ходу напал на "окопы, возведенные Хан-Магомедом, взял и разрушил их а попавших в плен убил". А вслед за этим персы разграбили скот и все движимое

имущество этого селения и другие окрестные села”²³. Сам Хан-Магомед, захватив оставленные крымско-татарскими войсками орудия, бежал в горы, в бывшую столицу уцмийства Кайтагского, непреступную Кара-Курейш²⁴. Скупые слова источника о грабежах в предгорном Кайтаге на самом деле означали, что верный своей тактике ведения борьбы НаDIR и здесь сметал все на своем пути и не оставлял ничего живого. Несколько характерных примеров. Жители даргинского селения Меусиша, если верить дошедшим до нас преданиям, оказали упорное сопротивление кизылбашам. Поэтому-то персы в 300 метрах от селения на местности, называемой Сигла-дуреи, устроили очередной “шах-хирман”, загнали сюда меусишинских детей и растоптали конницей²⁵. Согласно сведениям арабоязычным надписям, дополненным данными исторических преданий выясняется, что в период иноземных завоеваний прекращались как внутри сел, так и между селениями распри, сглаживались противоречия, и горские общества становились единым фронтом, борьбы с врагом. Выше об этом уже говорилось. Но, думается, не излишне подчеркнуть, еще раз, что, когда жители даргинского селения Накхи сразились с кизылбашами и к ним на помощь пришли жители сел. Бутри и других сел союзов сельских общин Акуша-Дарго. И многие из них погибли на поле брани.

В местности Кусеку сохранилось до наших дней несколько надгробных памятников, сооруженных погибшим смертью храбрых благодарными бутринцами и др. горцам²⁶. Кроме того, в сел. Накхи обнаружена памятная запись на полях рукописной книги, в которой говорится: “Это сообщение о тех, которые остались в живых после этого дня (имеется в виду день страшного сражения — В. Г.). Село разрушено кизылбашами в 1735 г. Среди... убитых насчитывается 635 человек”. По другой версии в Накхи было убито 6055 человек²⁷. (Забегая вперед скажем, что эта запись при возвращении после тургидага-андалалского побоища Надира с пленным Сурхай-ханом из Кумуха в Дербент была, прочитана Тахмасп-Кули-ханом в присутствии Сурхай-хана, Шамхала и др. улемов)²⁸. Соседи накхтинцев указывают на развалины “хабши” трех селений в местности Укруца. И далее передают, что кизылбашаи сравнивали с землей город Кунтрат, около нынешнего села Кураш. Оставшиеся в живых люди из трех сел “Хабши” переселились в нынешнюю Гапшиму.

После погромов в Кайтаге НаDIR направился в сел. Губден на выручку своего ставленника шамхала Хасбулата. Путь его лежал по равнине и предгорьям Юго-Восточного Дагестана. На этом пути, согласно данным “Хроники”, кизылбашаи взяли Алхаб-кылдым, Губданаб, Баршалиб²⁹. По всей вероятности здесь искажены наименования населенных пунктов. Возможно Алхаб-кызым это Ахаджикент, а Губданаб, Боршалиб — может быть Губден и Боршамай или даже кумыкское селение Башлы. Как бы то ни было, нет никакого сомнения в том, что кизылбашаи разграбили, разрушили встретившихся на пути следова-

ния в Губден значительное число даргинских и кумыкских селений: Капкайкент, Алхожакент, Утамыш, Джавакент, Дешлагар и др. селения. «Надир, — пишет А. К. Бакиханов, — опустошая мечом и огнем все на пути, прибыл в деревню Губден»³⁰. Здесь, Тахмасп-Кули-хан встретил напуганного действиями горских владетелей Хасбулат-хана.

Предводитель кизылбашей, говоря словами Г. Э. Алкадари, успокоил сердце шамхала Хасбулата³¹. Претендующий на шамхальский престол Эльдар, понимая бессмысленность открытого выступления против кизылбашей, со своими приближенными отступил в горы, в Аварию. В свое владение вернулся и Сурхай-хан. Так что союз трех владетелей Дагестана, по существу, распался. Однако горцы еще не сложили оружие. Сурхай-хан в Кумухе стал собирать под свои знамена не только из своего владения, но и всех тех, которые готовы были бороться за свободу и независимость родины. Надир другого и не ожидал и был готов к такому ходу развития событий. Имея целью не дать Сурхай-хану достаточно времени для подготовки к борьбе, Тахмасп-Кули-хан, взяв с собой Хасбулат-хана, ускоренным шагом двинулся через сел. Уллучара на Казикумух. Пройдя этот труднопроходимый путь, Надир 20 декабря достиг «урочища Шаррат (Шавурдал — рат В.Г.), что в трех милях от Казикумуха»³². Здесь он узнал, что в местности, называемой Дусрак (Дусраши), Сурхай-хан, с довольно значительным отрядом горцев, готов к бою. Позиция горцами была выбрана весьма удачно. Горцы занимали господствующую на местности высоты. Надиру предстояло занять самой природой укрепленную горную крепость. И здесь, в борьбе за эту непреступную позицию проявился незаурядный полководческий талант Надира. Производя тщательную рекогносцировку на местности, но Надир так расположил свое войско, что обороняющихся хана находились на возвышенности, по существу, оказались в окружении. И не дав горцам, как говорится, опомниться, Надир двинул свои полки с четырех сторон на штурм позиции Сурхай-хана. Афганцы и на этот раз отличились. Они «первые взобрались на гору и вступили в упорнейшую схватку». За ними двинулись и другие войска. Наступление все более и более нарастало. Силы горцев стали иссякать. Несмотря на отчаянное сопротивление и массовый героизм, горцы не могли остановить все возрастающий натиск кизылбашей. И в концов-концов вынуждены оказались отступить с большими потерями. Не меньше потерь было и со стороны персов. Сурхай-хан частью своего отряда отступил и «вовсе не задерживаясь в Кумухе переправился в Аварию»³³. Наступила ночь. Из-за трудности перехода Надир остался ночевать в бывшем лагере горцев, приказав части «джазирчи занять вершину горы»³⁴. В это время на окрестных высотах появился отряд Эльдара Тарковского, спешивший на помощь борющимся горцам. Многие из отряда Эльдара были убиты и еще большее число их попало в плен к кизылбашам. Это случилось,

говоря словами Г. Алкадари, в виду того, что воины Эльдара приняли людей, занимающие горные высоты за отряд Сурхай-хана, “вышли в долину без предосторожностей и попали в круг стрелков”³⁵ иранских. Теперь кизылбашам ничего не мешало занять Кази-Кумух. Однако на следующий день в лагерь Надира прибыли депутаты Кази-Кумуха с повинной. Старшины, главари и почетные лица ряда селений Казикумухского владения явились к предводителю Надиру и объявили, что “со времени его ухода из Кази-Кумуха они не подчинялись Сурхай-хану, так что тот, “как не возвращался больше в Кази-Кумух, и что сейчас он ушел в Аварию”. Тогда, заключает Алкадари, НаDIR “считая достаточным свидание не пошел на Кази-Кумух”³⁶. Конечно же, старшины и власть держащие Кази-Кумуха лукавили предводителю кизылбашей. Наверняка об этом знал и сам НаDIR³⁷. Но на этот раз ему было более приятно эту явную ложь принять за правду. Откажется от “преследования неуловимого Сурхая, ради наказания которого, собственно говоря, и предпринят был этот поход, — как справедливо пишет А. Гасанов, — может быть объяснен только непреодолимым для Надира... препятствием к продолжению похода. В чем бы это препятствие не выражалось, в больших ли потерях людьми, в недостатке ли провизии и фуража или в трудных переходах по плохим горным дорогам, подвергавшимся постоянной порче со стороны партизанских отрядов горцев, все равно, поход надо признать неудачным, а приветливые слова мирных кумухцев лишь благовидным предложением для (Надира) отступить с полдороги”³⁸. В Дагестане возвращение Надира было оценено как поражение. По поводу этого в горах Дагестана возникла даже легенда, которая рассказывает, будто бы Шах осадил Кази-Кумух, но жители этого аула так упорно защищались, что персы, сделавши несколько раз приступы, не могли вновь взять его. Тогда шах НаDIR велел отрубить у своей лошади челку (у него была хорошая лошадь), раздал всю свою казну и сказал: “теперь я равен с Вами, берите же аул приступом”. Но шах все-таки потерпел поражение”³⁹. И так какие бы то ни были причины НаDIR решил вернуться в Закавказье. И при этом проявил удивительное, не свойственное ему великодушие и освободил даже пленных горцев, попавших ему в руки в последнем сражении. Но при всем этом, он не отказал себе в наказании кадия Акушинского, а заодно и весь народ Акуша-Дарго, и уцмий Кайтага. Остракизму они, по мнению диктатора, подлежали за то, что кайтагский уцмий Ахмед-хан и раньше не являлся к нему с повинной, а акушинский кади, “который в бытность Надира в Кази-Кумухе явился к нему и удостоен был внимания, на этот раз вышел из повиновения, перешел на сторону Сурхай-хана”⁴⁰. И чтоб наказать акушинцев, отправил против них специальный карательный отряд. “Акушинцы упорно защищались, но были совершенно разбиты. НаDIR опустошал их деревни и многих жителей захватил в плен”⁴¹. Остальным даргинцам, передает легенда, Шах велел “собраться

без оружия в Махаб Майдан, или как его называют “Марл”, получивший свое название от того, что здесь река вышла из берегов и затопила значительную площадь. Когда же даргинцы все собрались... Шах выпустил на них свою конницу и подавил всех”⁴². Лишенный всякой возможности к сопротивлению кади-Акушинский явился к Тахмасп-Кули-хану с повинной и обещанием не поднимать оружия против кизылбашей. НаDIR снизошел и простил кадия, а взятых в плен акушинцев освободил. После всего этого НаDIR направился в Нагорный Кайтаг и окружил труднодоступное селение-крепость Кара-Курейш, где заперся уцмий Ахмед-хан. Вскоре ясно стало, что маленькому селению с небольшим гарнизоном не устоять против полчищ НаDIRа. Поэтому-то уцмием к владыке кизылбашей были направлены почтенные лица и вместе с ними в гарем НаDIRа “уцмий послал свою дочь” и просил “пощады и прощения”. Приняв все это “в уважение раскаяния” Тахмасп-Кули-хан простил уцмия-⁴³. А дочь уцмия НаDIR “с почетом выдал замуж за бывшего при нем кубинского хана Гусейн-Али-хана, сына Султан-Ахмед-хана.” Этот самый хан, — заключает Г. Э. Алкадари, — который, будучи из рода уцмиев, был увезен еще ребенком в Самурский округ, когда отец его был убит в крепости Худат. Этим браком шах примирил его с уцмием”⁴⁴. Вскоре в Кайтаг к Тахмасп-Кули-хану прибыла депутация от Самур-виялата, в частности, от док узпаринского союза сельских общин, где жители главного селения, как об этом говорилось, исповедовали шиизм, привезли в подарок предводителю персов тысячу голов лошадей. Однако НаDIR потребовал от них выдать несколько заложников, “чтобы они впредь ему не изменяли”. Вслед за этим он, со свойственной ему манере разрушил, разграбил табасаранские села. Способных к сопротивлению истребили или взяли в плен. Несчастные горцы, лишённые крова и очага, и не будучи в состоянии продолжать борьбу с могучей армией кизылбашей, запросили мир. Почетные лица магала явились в лагерь персов и просили пощадить их. НаDIR снизошел до их просьбы. Но потребовал, чтобы табасаранцы отправили в Дербент заложников. После всего этого, “осчастливив разными милостями и почетной одеждой шамхала Хасбулата и прочих дагестанских старейшин”, Тахмасп-Кули-хан через Дербент прибыл в кубинскую деревню Гасан-Кала, а оттуда направился в гор. Аксу⁴⁵.

Казалось бы, НаDIR достиг желаемого: изгнал Сурхай-хана, добился признания его власти целым рядом владетелей Дагестана и “обещаний повиноваться во всем” его воле. И для соблюдения своих обещаний получил от каждого союза сельских общин “несколько заложников из почетных семей”. Все это так. Но вместе с тем надобно признать, что НаDIR и в итоге этого похода не достиг основной цели. Не весь Дагестан оказался им покоренным. Да и слово, данное на верность ему феодалными владетелями не много значило. Это вовсе не означало, что горцы, действительно будут признавать

власть кизылбашей и обязательно сдержат слово, данное им. Было ясно, что такое положение не могло продолжаться долго. Кстати сказать, сама жизнь вскоре подтвердила эти опасения. Вскорости же народы Дагестана вышли из повиновения Ирана, и как только представился удобный случай, они, как увидим ниже, тотчас же взялись за оружие и начали с новой силой антииранскую освободительную борьбу.

1. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 142.
2. Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 74.
3. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 142.
4. Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 74,
5. ХВД... С. 22.
6. Там же.
7. Там же. С. 25.
8. Грибоедов А. С. О разборе вольного перевода Бюргеровской баллады "Ленора". Полн. собр. соч. С.³⁶4.
9. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958. С. 75-76.
10. Козубский И. Е. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 86.
11. Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 74.
12. Там же С. 74-75.
13. Там же. С. 75.
14. Lockhartl. Nadir, shah critical study, based upon contemporary sources, London, 1938. p 92.
15. Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 75. Ср. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 143.
16. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 143; Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 75.
17. Алиев Б. Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала, 1988. С. 88.
18. Там же.
19. Там же. С. 88-90.
20. Сб. РИО. Т. 76. С. 485.
21. ХВД... С. 25.
22. Алкадари Г. Указ. соч. С. 75. История Надира. Ч. I. С. 18. Рук. фонд ИИЯЛ ф. 3. Оп. I. Д. 12. Л. 85.
23. ХВД... С. 25.
24. Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 93.
25. Там же. С. 92-93.
26. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. С. 138.
27. Магомедов Р. М. Дагестан. — Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 153.
28. Там же.
29. ХВД... С. 25.
30. Бакиханов А.К. Указ. соч. С. 143.

31. Алкадари Г. Указ. соч. С. 76.
32. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 143.
33. Алкадари Г. Указ. соч. С. 76.
34. Бакиханов А. Указ. соч. С. 144.
35. Там же.
36. Бакиханов А.К. Указ. соч. С. 144
37. Алкадари Г. Указ. соч. С. 76; Каяев А. Указ. соч. С. 71.
38. См. Алкадари Г. Указ. соч. С. 184. Курсив автора.
39. Карнаилов О. Аул Чох. СМОМПК вып. 4. Тифлис, 1884. С. 22.
40. Алкадари Г. Указ. соч. С. 77.
41. Бакиханов А.К. Указ. соч. С. 144.
42. Карнаилов О. Указ. соч. С. 22.
43. Бакиханов А.К. Указ. соч. С. 144.
44. Алкадари Г. Указ. соч. С. 77.
45. Бакиханов А.К. Указ. соч. С. 144; Алкадари Г. Указ. соч. С.77.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ТАХМАСП - КУЛИ-ХАН — ШАХ НАДИР

“*Multa petenitibus desunt multa*” — говорили древние. К началу 1736 г. Тахмасп-Кули-хан был в зените своей славы. За короткое время ему удалось возвратить отошедшие в пору экономического, политического кризиса и распада сефевидской династии к Порте и России территории на Западе Ирана и Закавказье. Причем некоторые из них он получил мирным путем по договору, а другие, как мы видели, ему пришлось завоевывать в итоге упорной борьбы. Справедливости ради следует указать, что после смерти Петра I Верховный тайный совет России, опасаясь новых осложнений из-за прикаспийской провинции, стал разыскивать возможность передачи их Ирану, но с условием, что эти районы ни при каких случаях не попадут в руки Высокой Порты. Уже 13 февраля 1729 г. Россия заключила с Ираном договор, по которому она обещала передать эти территории шахскому правительству при условии, что “помянутые провинции таки со всеми их принадлежностями вечно да не отлучны от Империи Российской”². Но ввиду того, что в Иране происходила междоусобная война, этот договор остался не исполненным. И в январе 1732 г., когда положение в Иране стабилизировалось, и по существу, правителем Ирана, как отмечалось выше, стал Тахмасп-Кули-хан, в г. Реште был заключен русско-иранский договор, “имевший антитурецкую направленность”³. По условиям этого договора Ирану были переданы Гилянская и Астрабадская провинция. Остальные провинции Прикаспия Россия обещала передать Ирану, когда возникнут такие условия, чтобы они не подпали под власть Турции. 10 марта 1735 г. был подписан новый русско-иранский договор, согласно условиям которого к Персии отходили Баку, Дербент. И это, как подчеркивалось выше, имело ярко выраженную антитурецкую направленность. Иран обязывался вести борьбу с Портой до победного конца и обязывался также не заключать мира с Портой без участия России. Кроме того, договора представляли русским купцам привилегии на беспощинную торговлю⁴. Ряд местных закавказских феодалов, беспокоясь за свою судьбу, заблаговременно, еще до подписания Гянджинского договора перешли на сторону обладателя огромной силы и власти — Тахмасп-Кули-хана. К “некоронованному коро-

* “Кто много добивается, тому много не достает” Гораций, Оды, III, 16, 42.

лю" Ирана явился и Кахетинский Таймураз со свитой своих приближенных⁵. "Таймураз и Ираклий, — писал Г. Кикодзе, — своим политическим инстинктом правильно предугадали, какое преимущество имел вышедший из недр простого народа и продвинувшийся благодаря своему личному таланту иранский полководец перед турецкими военачальниками... И они без колебаний примкнули к Надиру, как только он появился на территории Азербайджана"⁶. И, наконец, Тахмасп-Кули-хан в итоге двух кровавых походов в Дагестан нанес ряд чувствительных ударов горцам, занял Кази-Кумух. И хотя ему не удалось схватить Сурхай-хана, который, как мы видели выше, оба раза бежал в Аварию, остался непокоренным и не сложил оружия, правитель Ирана был уверен, что горцы еще не скоро смогут оправиться от нанесенного им поражения. А полученные от некоторых горских обществ, по обычаю времени, несколько аманатов еще больше укрепляли его надежду на покорность горцев власти Ирана. И такие мысли и мечты, как видим ниже, были преждевременны и глубоко ошибочны. Но в то время так думал всемогущий правитель Ирана и с ним во всем были согласны его окружавшие. В этом же они старались убедить народные массы, уверившись, что это возвышает личность правителя. Добившись крупных военно-политических успехов и приобретая, говоря словами А. Шемахецы, "среди персидского войска большой авторитет, Тахмасп-Кули-хан понял, что "настал удачный день и выгодное время"⁷. Для осуществления своей заветной мечты — из некоронованного узурпатора власти стать законным, с неограниченной властью шахин-шахом Ирана. Он правильно определил, что для его восшествия на престол Ирана ничто и никто не препятствовал. Однако предстояло "выдержать" спектакль по избранию шахом. И как вскоре всем стало ясно, он к тому же оказался непревзойденным мистификатором. По единодушному признанию современников, по сценарию самого претендента на Мугане, у слияния рек Куры и Аракса собрались представители феодальной знати Иранского государства, ханы, султаны, государственные служащие, влиятельные, духовные и именитые люди из всех подвластных ему областей и городов. Для устройства вельмож Иранской империи был построен специальный, богато благоустроенный городок⁸, застроенный по сведениям А. К. Бакиханова, 12 тысячами временных домов, воздвигнуты были мечети, бани, караван-сарай и др. строения. Сюда привезено было большое число музыкантов, певцов, акробатов для увеселения присутствующих на Курултае, поваров для приготовления пищи и восточных сладостей и большое количество прислуги. Для самого Тахмасп-Кули-хана были сооружены огромнейшие шатры, на устройство которых употребили самые дорогие шелковые и парчевые ткани, внутреннее устройство шатров сверкало серебром, золотом и драгоценными камнями⁹. Численность собравшихся на Курултае и обслуживающих его членов исчислялась до 20 тысяч человек¹⁰. По данным же А.

К. Бакиханова, число жителей этого красочного лагеря доходило до 100 тысяч человек¹¹. Сам Надир прибыл в лагерь на Мугани 12 или 13 января 1736 г. И с этого времени в лагере началась целенаправленная работа по обработке участников Курултая. Причем, для достижения поставленной цели использовались разные приемы, от простого уговора и до сильного нажима. И лишь когда дело было сделано, Тахмасп-Кули-хан предложил собравшимся ханам, султанам, бекам, агам, почетному халифэ армян и всем прибывшим избрать себе на царство, достойного человека, "Ибо Аббас III — ребенок и шах только по имени"¹² тогда как "сам он до сих пор потрудился обезопасить государство со стороны врагов, довел его до силы и размеров, превосходящи древнее его состояние"¹³. Для достижения этого, продолжал он, "несколько лет я ради вас не вкладываю мой меч в ножны. Я разгромил авганцев османов и москвитов, отобрал у них все города и, покончив со всеми этими делами, я прибыл сюда. Теперь, когда наши враги разбиты и заключено перемирие, вам остается выполнить лишь одно дело — возвести своего владыку"¹⁴. Возможно, Тахмасп-Кули-хан говорил не этими словами, но не приходится сомневаться что суть его выступления источники передают верно. Сомнение вызывают лишь содержащиеся в источниках сведения о том, что он сам предложил свою кандидатуру на шахский престол. Он был достаточно опытным и тонким политиком, чтобы подвести слушателей к этой мысли, иными средствами. И не случайно, ведь в конце своего выступления, как сообщают очевидцы, сказал, что "желает больше от государственных дел отдохнуть в покое". И тогда за своих молчавших сановников, после трехкратного повторения заключительных слов речи, будто бы один из участников сказал: "Наш господин произнес очень правильные слова. Если вы пожелаете, мы приведем сюда шаха Тахмаспа (свергнутого в свое время Надиром — В. Г.) и возведем его на престол, чтобы он стал нашим владыкой"¹⁵. Надир не смог даже скрыть свое негодование: рассвирепевший Тахмасп-Кули-хан тотчас же повелел лишить говорившего жизни, что тотчас же и было выполнено. И, присутствовавшие трижды выкрикнули "ты наш государь" и что нет лица более достойнее царствовать в Иране и все настойчиво просили его принять корону и престол Персии"¹⁶. Надир потребовал все это зафиксировать и лишь после этого "внял просьбам участников Курултая". Но при этом Надир поставил условие, чтобы "они не отвергали трех халифов" и чтобы "подражали вероучению имама

---

* Халиф (араб. приемник, заместитель) — в раннем исламе и затем у суннитов глава мусульманской общины. В принципе, Халиф был главой всех мусульман. Первым халифом был соратник Мухаммеда Абу-Бакр, следующими Омар, Осман, Али. Их называли "праведные халифы". Во время халифата Али произошел раскол на суннитов и последователей Али — шиитов. (И. П. Петрушевский Ислам в Иране в VII-XV в. Л. Из-во ЛГУ 1966. С. 30-61). В данном случае имеют в виду первых трех халифов Абу-Бакар 11/632, Умар ибн ал Хаттаб 13/634, Усман ибн Аффан 35-40/656-661. (Босворт. Мусульманские династии. Пер. с англ. Грязневича П. А. М., "Наука", 1971. С. 27-28).

Джафара-Садыка *... чтобы ладили с суннитами и при паломничестве были с ними солидарны как единоверцы, подобно тому, как они ладили до выступления шаха Исмаила, сына Шейх-Хайдара Сафави¹⁷ (о котором речь шла в первой главе издания). Этим Надир хотел примирить оба направления ислама. С этой же целью он предложил, чтобы ученые-богословы шиитов и суннитов «согласовали между собой некоторые разделяющие их положения и этим вдвинули бы спокойствие в мусульманском мире.» «Персидское духовенство, — заключает А. К. Бакиханов, — рассмотрев предложение Надир-шаха, изъявило свое согласие, но турки с негодованием отвергли эту мысль, хотя персы неоднократно пытались привести ее в исполнение¹⁸. Интересные в этом плане сведения сообщает автор «Хроники войн Джара». Надир, — пишет он, — сумел угодить великому имаму тем, что убил главного из улемов (духовных лиц) за то, что тот поносил Абу-Бакра, Омара, и тем, что со своим войском свое вероисповедание, приняв для видимости вероисповедание суннитов¹⁹. Нет надобности доказывать, что все эти шаги шах Надир предпринимал в своих корыстных целях. Религиозная реформа должна была содействовать его завоевательной внешней политике. Забегая вперед скажем, что Надир и в последующие годы не раз возвращался к этой идее и делал практические попытки сблизить мусульман суннитов и шиитов, они, как и следовало ожидать, не привели, да и привести не могли к сколько-нибудь положительным результатам. И все же сами по себе эти попытки представляют особый интерес. Следует также указать, что сам Надир не был фанатичен. Более того, он, как свидетельствуют источники, был вообще равнодушен к обоим толкам ислама²⁰. И даже публично заявлял, что сам себя почитает не меньше, чем пророка и Али, которые стали великими, потому что были хорошими воинами и, наконец утверждал, что он тоже достиг такой славы, которой обладали они²¹.

В целом же Курултай, несмотря на некоторые эксцессы, завершился благополучно. Осуществилась голубой мечты, Надира это произошло по данным — в конце февраля, по другим — в марте 1736 г. Это было специально

---

* Джафар ас Садик (700-765) — шестой имам шиитов-имамитов, основатель махсаба джафаритов. Джафар Садик не принимал никакого участия в политической деятельности и в оппозиционных движениях. Имамитаы считают его создателем особой теологической системы. В данном случае речь идет о попытке Надира положить конец давней шиитско-суннитской розни между Ираном и Турцией. Он объявил об отказе от шиизма, как государственной религии и о введении новой, сильно смягченной формы шиизма, — духовной главой которой должен был стать Джафар ас-Садыки. К сожалению, этот примирительный жест не принес реального облегчения напряженности между Османами и Ираном. (Ислам ... С. 49, Босворт К. Э. Указ. соч. С. 230-231)

приурочено к Навруз-Байраму*. Курултай единодушно провозгласил Надира шахом Ирана. После этого "Надир присвоил своему имени Хугбу** и также на государственной печати велел изображать "Султан-Надир"²². После "выборов" новый шах щедро одарил присутствовавших. Низложенный 4-х летний шах Аббас III был отослан к отцу в Хоросан, где оба они позднее были умертвлены. Династия афшаров²³. 28 сентября 1736 г. Надир официально был признан османами шахом Ирана²⁴. В отличие от утверждений апологетов Надира, иранских придворных или близких к ним ученых, историки других стран утверждают, что Тахмасп-Кули-хан был возведен на шахский трон Ирана феодальной аристократией под нажимом покорной ему армии. Видный немецкий историк Хамер без всяких обиняков, и не без основания, называет избрание Надира шахом Ирана кукольной комедией, свободным голосованием под мечом, висевшим над головами участников Курултая. Аналогичны оценки, данные и другими современниками. Ханвей, А. Шемажеци,²⁵ Ериванцы²⁶, Мирза-Адигезал Бек²⁷ и др.

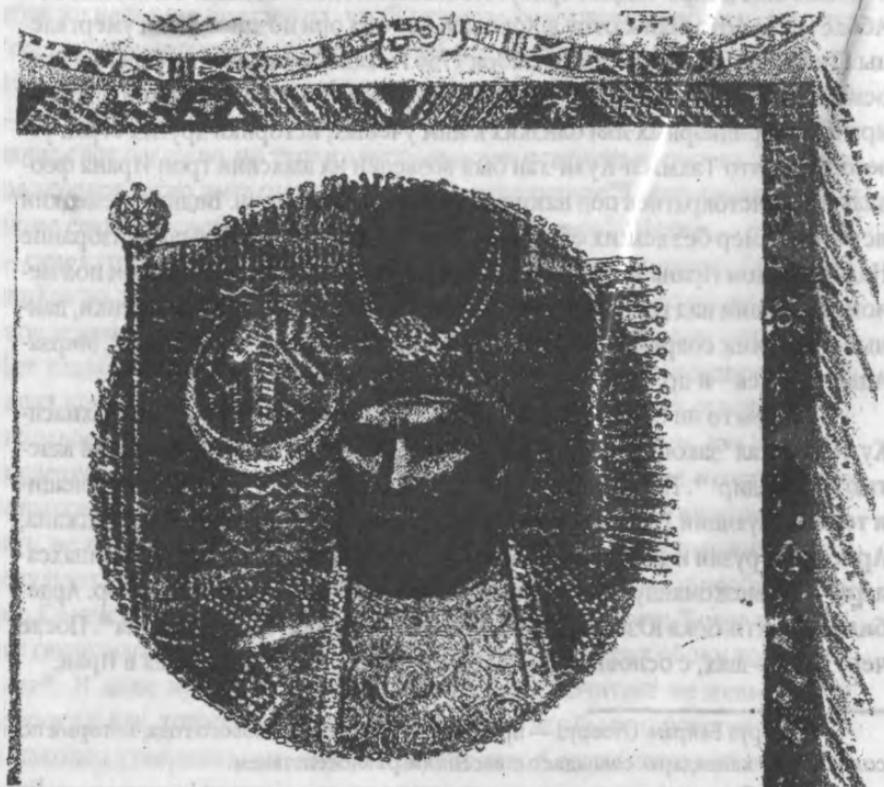
Как бы то ни было, в начале 1736 г. "некоронованный король" Тахмасп-Кули-хан стал "законно избранным" правителем Ирана с неограниченной властью шах Надир^{***}. После своего, с позволения сказать, избрания и коронации торжествующий Надир-шах назначил главным правителем Азербайджана, Армении, Грузии и Дагестана своего брата Ибрагим-хана (с титулом сипахсалара — главнокомандующего), который своей резиденцией избрал гор. Ардебиль, а Мехти-бека Юзбаши с титулом хана — правителем Ширвана²⁸. После чего Надир-шах, с основной частью своих войск торопливо ушел в Иран.

---

* Новруз Байрам. (Новруз — прес — новый) Праздник нового года, который по солнечному календарю совпадает с весенним равноденствием.

** Хутба — молитва за здоровье монарха во время пятничной молитвы и начертание имени на государственной печати; в мусульманских странах являлось прерогативой государя.

*** Правители Ирана не всегда назывались шахами. В эпоху Ахеменидов они носили титул "царя царей" (Хшайатиа хшай-атенем). Этот титул переходил последующим династиям, постепенно изменяясь фонетически пока не принял форму Шахиншах (шаханшах). После завоевания Ирана арабами этот титул исчез более чем на три столетия, но это был скорее эпитет, чем официальный титул. Шахиншахами именовались и монгольские ханы, и Тимурид Хахрух. Шахами назывались и правители отдельных областей Хорезма, Кабула, Кирмана, Морва, Сеистана и др. Но постоянным титулом он стал после создания Сефевидского государства. В 1501 г. Сефевид Исмаил официально принял титул Шахиншаха, и его имя стали употреблять со словами шах, который можно считать сокращением титула Шахиншаха. Дричем, все сефевиды это слово ставили впереди имени каджары — пришедшие к власти в конце XVIII в. после имени. Надира чаще, очевидно по традиции, называли Шах-Надир. (Гафуров А. Имя и история. М., "Наука", С. 77-78).

Надир-шах Афшар

В начале 1737 г. шах Надир, во главе 80-тысячного войска завоевательный поход на Восток, вторгся в Афганистан, обложил окруженный тройными стенами Кандагар. Но взять сходу эту крепость ему не удалось. Чтобы принудить к сдаче город, “блокгаузы и укрепления” были окружены кольцом. Но ни многочисленные штурмы, ни длительная осада не давали результатов, причем снабжение своей оккупационной армии шах целиком и полностью возложил на население провинций Ирана: Сеистана, Кермана, Гумбуруна²⁹. Попозже, в связи с затяжной войной, когда не стало хватать вьючных животных для доставки продовольствия армии, Надир приказал вместо вьючных животных использовать бедных крестьян Кермана и Сеистана. От непосильного труда и голода они массами гибли в пути.

Тем времени шах, расположившись в небольшом городе, названном в его честь Надир-Аббдом, принялся покорять соседние с Кандагаром авганские области. Здесь ему сопутствовало счастье, его власти покорились племена Буст, Кельт-и Гилзан, Зиминдовар. А затянувшаяся осада Кандагара завершилась успешно лишь через одиннадцать месяцев. Первоначально Надир овладел частью укреплений Кандагара на горах Кайтан, а затем перетащив сюда на руках тяжелую артиллерию, стал бомбардировать город. 23 марта 1738 г. защитники Кандагара сложили оружие. Город Кандагар был разрушен до основания³⁰. Правителем кандагарской провинции был назначен Абдул-Ганихан Абдалий. Правителями других областей были назначены ханы афшарских племен, главным образом абдалин, отличившиеся при покорении Кандагара. В Кабуле и в других городах были размещены отряды кызылбашей с семьями. “Все эти мероприятия, — писал проф. И. М. Рейснер, — были продиктованы стремлением Надир-шаха, во-первых, создать себе относительно спокойный тыл на время индийского похода, во-вторых, использовать афганские контингенты для пополнения своих поредевших войск”³¹. С этой целью же шах переселил племя гильзаев в Хоросан, в Афганистан, на их земли западнее Кандагара перевел племя абдалин³². Эти меры шаха Надира “обеспечили ему превосходный воинский контингент афганской конницы”, а племенам абдалин, точнее их ханам дал возможность захватить “поливные земли, которые обрабатывало сидевшее на этих землях таджикское крестьянство Кандагарского оазиса”³³. А это в свою очередь закреплялось крепкими узами абдалиев с политикой шаха. Пройдя, как говорится, Афганистан огнем и мечом, насильно переместив целые племена, он предъявил ультимативные требования Могольской империи. Поводом для этого был использован следующий инцидент. Когда еще шли бои при Кандагаре, многие афганцы бежали в принадлежавшую в то время моголам провинцию Кабул. Надир отправил в Дели своего посла с протестом. Однако посла там задержали, а протест шаха оставили без всякого внимания. И вот после того, как прошел почти год, шах вновь предъ-

явил протест. “От этого удачливого туркмена (Надир-шаха — В. Г.), — пишут индийские историки Н. К. Синха, А. Г. Бенерджи, — не так-то легко было отделаться. Он решил вторгнуться в Индию”³⁴. Могольская империя, пришедшая в упадок не смогла найти в себе силы оказать сопротивление иранским войскам. Полагаясь “прежде всего на свою конницу, Надир-шах в то же время с большим успехом использовал и пехоту”³⁵. Умелым маневром и согласованными действиями конницы и пехоты в первой же встрече он нанес индийским войскам чувствительный удар. Дойдя Хайберского перевала, который защищал полководец могольской армии Насар-хан, Надир-шах тут же приступил к разработке дороги, по которой должны были войска двигаться вперед. Насар-хан и его окружение уверились, что иранцы перейдут перевал и ударят ему в лоб. Однако иранская кавалерия под начальством самого шаха, пройдя за восемнадцать часов горными тропами 80 км., вышла в тыл к защитникам Хайберского перевала. Эти операции иранских войск начались ночью. Дорогу войску освещали факельщики. Участник этого ночного перехода, будущий царь Грузии Ираклий II в письме к своей сестре писал: “Двигаясь с факельщиками в свите шаха, мы подъехали к непроходимым горам и скалам. Тридцать тысяч человек попали в теснину, где такой холод, что мы почти зачоченели. Лошади и люди запрудили теснину. Вся армия стоит в этом холоде и кричит “Аллах” Аллах!... На второй день под вечер, к шаху прискакал с известием гонец, что Насар хана взяли в плен, а войско его обратилось в бегство”³⁶. Затем был взят Шахджанабд... На третью ночь раздались топот и ружейная стрельба. Оказывается, нам изменили. Шах, сев на лошадь, поехал в позолоченную мечеть. Он остановился под навесом и приказал разгромить город. Дай бог тебе столько здоровья, сколько там истребили мужчин, женщин и детей... Они обогатились всем, чем только мог пожелать человек: драгоценными камнями, золотом, серебром... 4 мая шах выехал, он увел 500 отборных слонов и забрал казну неисчислимую”³⁷. Затем, сломив сопротивление наместника монголов Закария-хана, покорил Пенджаб, двинулся из Лахора в Карнал, встретился с превосходящими силами могольской армии. Искусно обойдя могольские войска, Надир атаковал их и после трехчасового кровопролитного сражения принудил запросить мир. В поражении моголов, которые оказались в катастрофическом положении, прежде всего были повинны правящие круги империи. “Поведение могольского двора во время вторжения Надир-шаха является примером позорного бессилия и глупости”, — справедливо оценивают их потомки³⁸. Вскоре завоеватель занял Дели. Однако население города, не желая смириться со случившимся, поднялось на вооруженную борьбу и даже сумело нанести иранским войскам заметный удар. С повстанцами Надир-шах расправился самым жестоким образом, истребив 20 тысяч человек. В Дели шах Надир оставался более двух месяцев, чеканил здесь

монету со своим именем. В мечетях в его славу, как верховному правителю читались молитвы. Здесь он захватил добычу, оцененную в 700 миллион рупий, в том числе драгоценности падишаха моголов — знаменитый бриллиант Кох-и-нур (гора света) и “павлиный трон” (из бриллиантов) шах Джохана. Перед своим возвращением в Иран он возложил корону Индостана на голову Мухаммед-шаха, который отдал Ирану принадлежавшие моголам владения, территории к северо-западу от Индии. Это означало, что моголы окончательно потеряли Афганистан. Кроме того, могольский наместник Лахор обязан был ежегодно посылать Надир-шаху два миллиона рупий — налоговое поступление с четырех провинций к востоку от Инда, которые шах Ирана завоевал у местных князей. Даже этот очень краткий обзор завоевательного похода шаха Надира в Индию показывает, что он принес народу Индии неисчислимые бедствия и страдания. После вторжения Надир-шаха, говорится в выше упомянутой истории, Могольская империя осталась “истекающей кровью и обессиленной”, ее слабость стала очевидной для всех, а от ее престижа не осталось и следа³⁹. Сам Шах прибыл в свой любимый город Мешхед, здесь пробыл 42 дня⁴⁰, и занялся обустройством столицы, хотя, как пишут современники, на самом деле “настоящей столицей империи были седло и спина коня”⁴¹. Выбор в качестве столицы государства небольшого города Хоросана был не случайным. Здесь значительно меньше было сторонников свергнутых им сефевидов, чем в старой столице Исфахани. К тому же Мешхед был расположен в центре Иранской империи. В Мешхед привезены набранные со всех концов Ирана и завоеванных территорий⁴² строители и другие мастера. За короткое время благоустроили город, построили великолепные здания. Украсили гробницу святого Имама-Ризы множеством шелковых и 14 лампами из золота. Среди новостроек красовались построенное Надиром “великолепное надгробие для самого себя”. Рассказывают, что когда это надгробие было закончено, какой-то остряк сделал на нем надпись: “Твоя известность в каждом ключе; мир полон тобой, но твое настоящее место свободно”⁴³. Не успел, как говорится, завершить дела в столице, как ему доложили, что снова поднялись на антииранскую борьбу джаро-галайцы. Он тут же приказал Гани-хану Абдалинскому, взяв достаточное войско, наказать джарцев. Вскоре и сам шах после завершения подготовки к походу на Кавказ, оставив в Мешхеде Насрулла-Мирзу, взяв с собой сына Риза-Кули-Мирзу, покинул Мешхед. В пути, случилось непредвиденное, когда картеж Надира с гаремом проходил вдоль узкой дороги, в Савад-Гухуле из зарослей раздался выстрел. Пуля, пущенная неизвестным заговорщиком, едва коснувшись его руки, попала в шею коня, животное вместе с всадником упало. Это событие, как и следовало ожидать привело всех к неподдельному замешательству. Однако произведенный во главе Риза-Кули-Мирзой тщательный осмотр местности, откуда раздался выстрел, не дал поло-

жительных результатов. Покушавшегося на жизнь монарха не удалось обнаружить. Движение Надира возобновилось. Но этот эпизод до основания потряс шаха и оказал на него и на его окружение самое серьезное воздействие. Известный своей злопамятностью шах в категорической форме приказал во что бы то ни стало найти заговорщика. Впоследствии этот эпизод по разному был оценен исследователями. "Хорошо было бы для Ирана и сохранения репутации самого Надира, если бы тот покушавшийся не промахнулся, ибо в то время он достиг бы вершины своей славы. Не только освободил свою страну Персию от ига афганцев, вернул Ирану ранее уступленные последними сефевидскими шахами территории"⁴⁴. Мы же в свою очередь подчеркиваем, что такое развитие событий было бы несомненным благом и для всех народов, Азербайджана и Дагестана, на свободу и честь которых он постоянно покушался. Однако судьба распорядилась иначе. "Страшный" Надир-шах, озлобленный, словно раненный зверь, надвигался на Кавказ как черная туча, обещая народам разорение и истребление. Даже вспышки ярости, которые и раньше проявлялись в его характере, теперь же все более участились.

-
1. Нагорная А. Русско-иранские договоры 1732-1735 гг.-Арабские страны: Турция, Иран, Афганистан. История. Экономика М., 1973. С. 117.
  2. Сычев С.И., Волков В.К.Советско-иранские отношения в договорах, концепциях и соглашениях. М., 1946. С. 11.
  3. Нагорная А.Указ.соч.С.118.
  4. Там же. С.22-23.
  5. Новые ежемесячные сочинения. Т. 43. СПб., 1790 с. 52.
  6. Кикодзе Г.Ираклий П. Тбилиси, 1945.
  7. Походы Тахмасп-Кули-хана (Надир-шаха и избрание его шахом в описании Шемахецы (перевод с армянского С. Тер-Аветисяна). Ериван, 1932, С.15.
  8. Там же. С. 15.
  9. Левиатов В.Н. Указ. соч. С, 106.
  10. Ериванцы Абрам. История войн. 1721-1736 гг. Ериван, 1939. С. 43
  11. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 144.
  12. Шемахецы А. Указ. соч. С. 15. История Ирана с древнейших времен. С. 319.
  13. Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 77.
  14. ААХ.. С. 56-57.
  15. Там же.
  16. Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 78.
  17. Там же.
  18. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 145.
  19. АХА... С. 26.

20. Napway op. cit. v. II. p. 404.
21. Цит. Арунова М. Р. Ашрафян К. Э. Указ. соч. С. 140
22. История Ирана с древнейших времен. С. 320.
23. Намтег, op. cit, p, 348 Арунова М. Р, , Ашрафян К. Э. Указ. соч. С. 141.
24. Napway Op. cit vii, p. 338-343.
25. Шемахеци А. Указ. соч. С. 15-19.
26. Ереванцы А. Указ. соч. С. 84.
27. Мирза-Адигезал Бек. Караб-наме. Баку, 1950.
28. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 145; Левиатов В. Н. Указ. соч. С. 108.
29. Lockhart. L. Op cit p. 113-114.
30. Рейснер И. М. Указ. соч. С. 316.
31. Там же. С. 317.
32. Мехди-хан. Указ. соч. С. 275.
33. Рейснер И. М. Указ. соч. 318
34. Синха Н. К., Бенерджи А. Г. История Индии. Перев. с английского Степанова А. В., Ястребов И. П. ред. Антонова К. А. М., 1954. С. 278.
35. Там же.
36. Цит. Кикодзе Г. Ираклий второй. Тбилиси, 1945. С. 19.
37. Там же. С. 20.
38. Синха А. и др. Указ. соч. 279.
39. Там же.
40. Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 209.
41. Мухаммед-Мехти-хан. Указ. соч. С. 123.
42. Журнал Томсона. Т. I. С. 35.
43. Lockhart. L Op. cit. p. 42.
44. Там же.

instituteofhistory.ru

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ АЗЕРБАЙДЖАНА И ДАГЕСТАНА в 1736-1740 гг.

Торжествующий Надир-шах не успел с основными силами перейти реку Аракс и направиться в свою столицу, как в Ширване и Дагестане началось антишахское движение в Ахсу, Шабране, Баку, Низабаде, Мюшкюре, Дербенте и в других местах¹. Характерной чертой народных выступлений этого времени, по справедливому замечанию проф. Ф. М. Алиева, "было то, что она сочетала в себе борьбу народа за свою независимость и борьбу против все возрастающей феодальной эксплуатации"². И действительно, подчинив своей власти кавказские территории, Надир-шах проводил экономическую политику в покоренных районах, в том числе и на Кавказе, мало чем отличающуюся от мероприятий Сефевидов. Нуждаясь в огромных средствах для продолжения агрессии, он осуществлял здесь суровую налоговую политику, что естественно было непосильным бременем для разоренных и истощенных народных масс.

"Поборы, — писал современник событий, — ... с крайним изнурением продолжают... от чего все подданные день ото дня в разорение приходят"³. К тому же продолжительная борьба, происходившая на Кавказе между ирано-турецкими захватчиками, разрушала производительные силы страны. Захватчики уничтожали посевы, угоняли скот. И как следствие всего этого, говоря словами каталикоса армян Кретаци: "В тех областях был большой недостаток в хлебе"⁴. И ничего удивительного в том нет, что жители Кавказа крайне отрицательно относились к Надиру и его администрации, осуществляющих ничем не прикрытый грабёж, обрекая народные массы на голод и вымирание. Поэтому-то широкие народные массы всегда были готовы поддержать антииранские выступления. Само собой понятно, что и социальный состав любого антииранского выступления был крайне пестрым. В них наряду с трудовыми слоями общества активную роль играли феодалы и другие сословия.

Весной 1736 г. Сурхай-хан напал на старую Шемаху и Дербент⁵. Бывший правитель Ширвана Мурад-Али-Султан Устаджлу, заключив союз с Сурхай-ханом, решил действовать против ставленника Надира беглербега Ширвана Мехти Кули-хана. Им стоило лишь дать сигнал, как среди горожан Дербента началось брожение. А когда Мехти Кули-хан прибыл в Дербент с намерением подавить выступление горожан в зародыше, на помощь к ним во главе значи-

тельных сил прибыли Сурхай-хан с Султан-Мурадом и заняли крепость. При этом беглербег Ширвана Мехти Кули-хан был убит. Характеризуя эти события, резидент И. Калужкин с беспокойством сообщал, что в стране происходит постоянная вооруженная борьба, “старые утихают, а новые настают, как в Дербенте учинилось, что обыватели, не вытерпев наемни присланного туда шемахинского беглербега, не токмо ему учинились непослушны, но его самого с великим безчестием таскали по улицам и били смертным боем”⁶. После чего в Дербенте укрепился Султан-Мурад-хан. Однако недолго суждено было ему остаться в этом качестве. Направленные иранской администрацией значительные воинские силы ценой больших потерь одолели оборонявшихся и ворвались в гор. Дербент. При этом часть повстанцев бежала к уцмию Кайтага Ахмед-хану, а другие заперлись в крепости Нарын-кала. Однако после ожесточенной схватки крепость была занята правительственными войсками. Мурад-Али-Султан был схвачен и вскоре представлен Надир-шаху, который велел казнить его, что тут же было исполнено. Уцмия Ахмед-хана принудили выдать дербентских беженцев. Сардар-хан переселил в гор. Ахсу несколько семей, очевидно, самых активных участников борьбы, “а вместо них перевел из Ширвана племя Цорцор (Сурсур)”.

Сардар-бек Кырыклу Афшар, с титулом хана, был утвержден правителем Ширвана, а в Дербент правителем был назначен Неджеф-Султан. Было принято так же решение выселить из Дербента в глубь Ирана в Хамадан 100 семейств⁸. Лазутчики Бамурзин и Блишков слышали в Дербенте от горожан о намерении шаха выселить всех дербентцев, “перевести в город Куросаны (Хоросан — В. Г.), а в Дербент на их место” перевести персиан из внутреннего Ирана⁹.”

Весной 1736 г. предводитель Анцуха Галега “с дагестанскими войсками в количестве 1500 человек” двинулся в Кахетию и остановился перед сел. Шильди. Мы точно не знаем, какие претензии предъявили горцы жителям Шильди, но известно, что вскоре между ними разгорелась кровавая схватка. Чаша весов стала склоняться на сторону горцев, к концу однодневного и довольно ожесточенного боя между ними было достигнуто перемирие. К сожалению, неизвестным осталось на каких условиях был заключен между ними мир. Однако последовавшие за этим действия Галеги свидетельствуют, что достигнутые условия были в пользу горцев. Иначе никто бы не согласился, чтобы здесь в Шильди горцы могли оставить 20 вооруженных воинов, которые, как надо полагать, обязаны были выполнять какие-то политические акции. Оставив в Шильди этот контингент, Галега направился в Кара-калхан, где “захватил много добычи”. Когда весть об этих событиях дошла до иранской администрации, комендант г. Тбилиси, или как его еще называли — командующий персидскими войсками Сефи-хан призвал к себе “кызылбашское войско в Эриван и Гян-

жу” и собрав таким образом в один кулак значительные воинские силы, двинулся против отряда, возглавляемого Галегой. Вскоре между горцами и кизылбашами завязалась ожесточенная схватка. Борьба шла в течение нескольких дней, но одолеть друг друга они так и не смогли. Немногословный местный источник, к сожалению, не раскрывает всего драматизма этого сражения, указывая лишь на то, что борющиеся стороны “разошлись из-за снега и больших холодов”¹⁰.

Однако не приходится сомневаться в том, что горцы сражались с кизылбашами самоотверженно, если те, при наличии намного превосходящей силы, подкрепленной артиллерией, не в состоянии оказались разбить Галегу. После этой схватки непобежденные горцы вернулись в Шильди и в пути движения узнав, что оставленные ими в селении 20 человек убиты и их имущество разграблено, стремительно напали на Шильди, Кварел и Гаваза, но “им удалось захватить там лишь немного пленных и добра, так как жители названных селений убежали в недоступные места”. После чего горцы, “за исключением немногих”, вернулись в Дагестан¹¹.

Основной смысл этой нелегкой борьбы заключался в стремлении джаро-белоканских обществ, как и других районов края, освободиться от чужеземных захватчиков. Характеризуя сложившуюся в крае обстановку, И. Калущкин подчеркивал: “И такие великие волнения шаху успокоить трудно, что повсюду бы надобно войско, которого за всеконечным оскудением людей набрать негде, разве всех торговых людей из персиан поголовно побрать, да и за крайним разорением и содержать будет нечем”¹².

И действительно, антииранская борьба все более и более обострялась. Пожалуй, наиболее активные действия в Голода (Джаро-Белоканах) продолжали и вышеупомянутый Галега и сын Сурхай-хана Муртуза-Али. Чаще всего они действовали согласовано.

“В месяц льва (т. е. июль-август 1737 г. — В. Г.), — читаем в хронике, — дагестанцы вместе с некоторыми джарцами выступили в поход, держа путь в сторону Тифлиса и там они захватили большую добычу”¹³. Иначе говоря, совместными действиями горцы нанесли неприятелю чувствительный удар.

Осенью того же 1737 года Галега вместе с джарцами напал на Ареш, “перебил там много людей, взял в плен их детей, ограбил их имущество, убил мужчин и это, — осуждающе пишет анонимный автор, — несмотря на то, что арешцы были мусульмане”. В середине осени Галега, минув Белоканы, прибыл в Хизих, “заключил с их жителями мир”, а затем двинулся к р. Куре, но, наткнувшись на врагов, вернулся в Шеку и “осаждал в продолжение целого дня” укрепления кизылбашей перед Нухой. В это время, рассказывает автор Хроники, прибыл отряд Муртаза-Али и остановился перед деревней Чардах, но узнав о действиях Галеги под Нухой, этот отряд поспешил им на помощь.

Однако, до прихода Муртаза-Али кизылбаши у речки Агры нанесли сильный удар Галеге, после чего его отряд вынужден был отступить и в руки кизылбашей попало очень много лошадей и оружия¹⁴. Как бы в отместку за проигранный бой и материальные потери, “некоторые воины из отряда Галеги ограбили имущество Шеки”; основная часть джарцев, объединившись с отрядом Муртуза-Али, штурмовала опорный пункт кизылбашей, борьба за который длилась целый день. Однако, к кизылбашам прибыла подмога и она то и решила судьбу сражения. К тому же среди руководителей горских отрядов возникли разногласия и Муртаза-Али со своим отрядом ушел в горы. Галега вместе с оставшимися с ним 300 бойцами из Дагестана вернулся в район Белокан, где они, говоря словами источника, “нападали на кызылбашских купцов”, начиная от Тифлиса и Карабаха и кончая Шекой и Ширваном.

Тем временем важные во всех отношениях события происходили в Грузии. Дело в том, что свободолюбивые грузины, всегда тяготившиеся гнетом персиан, в любой удобный момент готовы были сбросить его со своих плеч.

В описываемое время в правящих кругах Грузии стало складываться мнение, что настал удобный момент для освобождения страны от шахского ига. В зиму 1738 г. омусульманенный Али Мирза-хан, сын Имама-Кули-хана, оставленный Надиром еще в 1735 г.¹⁵ в Тбилиси наподобие вали “... по предложению Абеда Моурава замыслил отложиться от шаха” и захватить Кахети. С этой целью он стал добиваться, чтобы царица Тамара в отсутствие своего мужа-царя Таймураза, который в то время находился в войсках Надира в Афганистане, помогла ему. Однако царица Тамара категорически отвергла предложение Али-Мирзы и предупредила “кисикцев и тушев, чтобы не случилось такое”. Али-Мирза, потерпев полное фиаско, дабы не случилось не предвиденное, вынужден был “отправиться в Кандагар к шаху Надиру”¹⁶. Павительницей Кахетии в это время, по существу, была жена Таймураза. Лишь после возвращения летом 1738 г. из Кандагара шах Надир пожаловал Али-Мирзе Кахетию, но при этом он должен был подчиняться “пребывающему в Тбилиси хану”. Естественно, иранская администрация делала все от нее зависящее, чтобы подавить все более и более возрастающее повстанческое движение народов Закавказья и Дагестана. Для этого кизылбаши принимали политические, экономические и иные меры воздействия на народные массы. И все же, основной формой “усмирения” непокорных были насильственные меры. При чем главный удар кизылбаши направляли против населения Северного Азербайджана, джаро-тальских обществ и сосредоточившихся там повстанческих отрядов горцев Дагестана. Так было и зимой 1737 г.: усиленный отряд персов внезапно напал на сел. Халхал, расположенное в 35 км к юго-востоку от Нухи и Хачмаса и разрушил их. Но, не удовлетворившись этим, кизылбаши “почти все время проливали кровь их жителей, уводили их в плен и грабили их пото-

му, что те не захотели подчиниться¹⁷ Ирану. Само собой понятно, что повстанцы не могли оставить в беде своих сородичей и пришли им на помощь. Первым, с наскоро сколоченным, небольшим по численности отрядом, прибыл известный нам предводитель горцев Галега¹⁸. К сожалению, мы не знаем подробностей действий его отряда. Однако, судя по косвенным данным, с большой вероятностью можно полагать, что, несмотря на малочисленность отряда, Галега добился известных успехов. Этим, пожалуй, и объяснимо то, что персы снарядили и отправили против него специальную карательную экспедицию из Тбилиси. Понятно, что перед этим, хорошо вооруженным, подразделением иранских войск трудно было устоять горским смельчакам. И все же Галега и его сподвижники оказались на высоте положения. Кизылбаши окружили церковь, в которой сосредоточился горский отряд и решили штурмом взять ее. Но эту задумку осуществить оказалось не так легко. Они не смогли ее взять и при втором, третьем и других штурмах.

Горцы держали оборону в течение 7 дней. Силы были на исходе, но из-за выпавшего большого снега, «отступить незаметно для врага они не могли, голодали, и все же продолжали сопротивляться. Но в конце концов силы истекли и они вынуждены были сдаться на милость персам, «поверив данному ими аману и мягким словам, но кизылбаши увели их всех и в цепях отправили в крепость Тифлис»¹⁹. К сожалению, нам неизвестна дальнейшая судьба этих, поистине героических и обманутых властью имущими, людей.

Казалось, персы достигли желаемого, подавили один из основных очагов повстанцев. И действительно эти события имели последствия. Феодалы отошли от борьбы. Но не все. Уцмий Кайтага и сын Сурхай-хана Муртаза-Али, как подчеркивает иранский историк Мухаммед-Казим, не только не признавали власть Ирана, но и продолжали призывать народные массы к борьбе против шаха²⁰. Так что, антииранское движение не только не было подавлено, но и все более и более расширялось и углублялось. Поэтому-то наместник Ирана на Кавказе Ибрагим-хан стал сменять иранских ставленников на местах. Он был уверен, что именно представители местной власти были основными виновниками антииранской борьбы народов Азербайджана и Дагестана. Не приходится сомневаться в том, что беглербеги и другие ставленники Ирана своими непродуманными действиями, произволом, не знаящим границ лихостью раздражали народные массы и толкали их на крайние меры, однако основные причины, вызвавшие антииранское движение, были значительно глубже. Наместнику Ирана было невдомек, что свободолюбивые народы Кавказа ведут определяемую глубокими социально-политическими причинами народно-освободительную борьбу за свою независимость.

Выше мы привели лишь небольшую часть фактов той героической освободительной борьбы, зафиксированную в местных источниках. На самом

же деле, судя по лаконичным утверждениям современников и устной традиции народов Азербайджана и Дагестана, можно, не беспокоясь впасть в грубую ошибку, сказать, что антииранская борьба, изобилующая героическими эпизодами, развивалась с нарастающей силой и к описываемому времени стала принимать угрожающий характер. Именно это и побудило иранские власти принять решающие меры.

Осенью 1738 г. была организована мощная карательная экспедиция «в целях приведения страны к полной покорности»²¹. «Надыр шахов брат Авраим-хан, — доносил русский резидент кизлярскому коменданту Никите Анфимовичу, — и при нем 12 тыс. человек, намерение имеет Сурхая искоренить, ис Тевриза надеяться можно уже путь продолжает... через Муганскую степь и Шемаху, а в Дербенте те войска никакого собрания нету»²². Поход корпуса возглавил сам сипахсалар Ибрагим-хан. Иранские историки дают странное объяснение побудительных причин организации этого дорогостоящего мероприятия. Оказывается, поводом для выступления послужил дошедший до наместника Кавказа Ибрагим-хана слух о блестящих победах сына шаха Риза-Кули-хана, завершившихся завоеванием Мавераннахара. Он в таком молодом возрасте, будто-бы сказал Ибрагим-хан, добился таких крупных успехов. «Нам надо так же пойти и захватить страну Дагестан»²³. Понятно, что субъективный фактор и особенно честолюбивые вождения играют в истории немалую роль. Признавая, что зависть к успехам племянника и страстное желание прославиться на военном поприще могли играть определенную роль в принятии такого рода решения. Но все же, совершенно очевидно, что основной побудительной причиной начала наступательных действий послужило стремление подавить нестихающее антииранское движение. Надо полагать, официальный иранский историк с умыслом не обращает внимание на это обстоятельство. Как бы то ни было, Ибрагим-хан во главе значительной армии вторгся на Кавказ. К нему присоединились также иранские войска, расквартированные в «Ширване, Мугане, Ардебиле, Эриване, Гянже, из Грузии и Кахетинской земли» и ещё «набрал из магалов, дистриктов, Саубулаге, Карадаге, Бергушта и прочих других». Всего, по словам современника, у него было войска «без малого 20 тыс. человек с артиллерией»²⁴. По другим данным численность этого войска достигла 30-32 тыс. человек. Вступив на Кавказ, Ибрагим-хан потребовал, чтобы азербайджанцы, дагестанцы и др. народы покорились и выдали ему «надежных людей». На это обращение наместника откликнулся лишь цахурский владелец, которого в отличие от правителя Кайтага источники называют «малый уцмий». Сопровождавший кизылбашские войска иранский историк Мухаммед-Казим следующим образом осветил эти события: «Когда Ибрагим-хан, — пишет он, — с войсками подобно волнующему морю перешел воды Аракса и Куры, он сразу же написал письма на имя

малого уцмий: “Если ты в союзе и в единении с нами, то насколько возможно обеспечить продовольствием победоносное войско, сам же явись в высочайшую ставку, тогда будешь награжден безмерною милостью”²⁵. Не останавливаясь на выяснении, какую помощь могло оказать небольшое владение иранским войскам, скажем, что “малый уцмий” послал кизылбашам “по одному человеку и заключил с ними мир, не внося ему (Ибрагим-хану — В.Г.) ничего — ни податей, ни заложников, ничего другого”²⁶. Все остальные владельцы Дагестана наотрез отказались подчиниться кизылбашам. Более того, против “малого уцмийа” выступил сын Сурхай-хана Казикумухского Муртаза — Али. Его отряд, возглавляемый Микаилом, отнял все, что вез Цахурский владетель в подарок Ибрагим — хану: “тысяча ашрафи деньгами и какое-то количество ткани и прочего...” Сам же “малый уцмий”, по словам иранского историка Мухаммеда-Казима, добрался до кизылбашей “большой скоростью”²⁷. Это вполне удовлетворило Ибрагим-хана. Он уверился, что цель достигнута и после этого задумано было даже обложить оброком Сурхай — хана и шамхала Тарковского. Однако, как заключил дальновидный русский резидент И. Калужский, от этого шага “никакого доброго следствия ожидать не можно. Ибо неуповательно есть, что оные горские владельцы на себя поборы расположат, понеже с них никаких податей никогда не брано”. Народные массы Азербайджана и Дагестана совершенно иначе расценили поступок Ибрагим-хана. Они были уверены в том, что Ибрагим-хан, прибывший с карательными целями, с “малым уцмием” заключил договор из-за слабости своих позиций. Противостояние еще больше обострилось. Забурлили джаро-белоканские союзы сельских общин, их во всем поддерживали шекинцы, нухинцы и жители других городов и селений Северного Азербайджана. Жители Хачмасского магала не только отказались подчиниться персам, но и оказали им сопротивление. Во время движения кизылбашских войск многие шекинцы и ширванцы, выступавшие против персов, бежали в Джаро-белоканы²⁸. В Ширване, Шеке, Карабахе и других местах Северного Азербайджана действовали как местные, так и прибывшие отряды самообороны. В связи с этим кизылбашши вынуждены были продвигаться с особыми предосторожностями. Чтобы обезопасить войска, Ибрагим-хан отправил специальное подразделение войск в тысячу человек против отряда Микаила и “на каждой остановке, — по свидетельству Мухаммеда Казима, — встречали неприступные укрепления и таким путем прибыли в крепость Ках”²⁹. Здесь, во владении “малого уцмийа”, близ кр. Ак-Бурдж, сооруженной еще в XVII в. шахом Аббасом, решено было воздвигнуть мощное укрепление, которое должно было стать основной базой иранской армии. Здесь же было создано большое совещание командующих подразделений — “предводители и тысячники”. Ибрагим-хан спросил их мнение о походе в Джаро — Белоканы. После обсуждения, по свидетельству Мухаммеда-Казима,

“военачальники решили выступить с этого привала, оставить свой обоз и тяжелое снаряжение вблизи Ак-бурдж... и часть победоносного войска поместить во вновь построенной крепости”, а самим направиться в Джары и Талы. “Ибрагим-хан одобрил сей совет и побудил победоносное войско как можно быстрее построить крепость, чтобы затем двинуться на Джар”³⁰.

Над народом края нависла угроза. Либо они должны были покориться грозной силе Ирана, либо, сплотившись воедино, принять вызов кизылбашей и встать на защиту своей родины, свободы и независимости. Согласно сообщению Мухаммеда-Казима джарцы и тальцы, узнав о наступлении иранских войск, подкрепленных отрядами грузинского, ширванского и карабахского наместников, обратились за помощью к своим братьям — горцам Дагестана. В обращении к кази-кумухскому хану, уцмию Кайтага, владельцу Табасарана и др. правителям они писали: “Сейчас нечестивые кизылбашские воины во главе с Ибрагим-ханом... вошли в пределы Дагестана. Вам следует теперь прибыть к нам ради народа, религии и веры... проявить единение с нами и оказать помощь”³¹. Мы уже выше говорили, что в годы лихолетья народы Дагестана, несмотря на их разноязычье, дружно поддерживали друг друга. Так случилось и на этот раз. Получив письма, Сурхай-хан, уцмий Ахмед-хан и другие правители Дагестана укрепили обороноспособность своих владений и занялись организацией военной помощи джаро-белоканцам. Выше цитированный автор, не без удивления, и даже можно сказать с какой-то внутренней завистью, пишет, что вскоре из Табасарана, Хыналыга, Ахтыпары, Курали и других мест прибыло в Джары подкрепление в количестве 20 тысяч человек³².

Восточная мудрость гласит: “Кто хорошо знает себя и неприятеля, тот всегда побеждает; кто только себя знает, тот может раз победить, а другой потерпит поражение; кто же не знает ни себя, ни неприятеля, тот никогда не побеждает”.

Главнокомандующий персидской армией, как показали последующие события, не знал горские народы. Прибыв в Джаро-Белоканы, он незамедлительно приступил к подготовке войск к наступлению против горцев. После строительства 5 опорных пунктов, каждый из которых был построен в кратчайший срок, как образно говорит местный источник, “в одни сутки так, как другой не сделал бы и за месяц и 12 дней”³³. Затем Ибрагим-хан вызвал к себе “представителей Джары и Талы для заключения с ними мира, и те послали в подарок ему двух мужчин с двумя слугами, и он их принял, но мира не заключил”³⁴. Это насторожило джаробелоканцев и они, оставив свое пристанище, ушли в более укрепленные места. В то же время Ибрагим — хан потребовал от царя Грузии, чтобы он с войском, кахов и картлийцев выступил против джаро-белоканских обществ. “И Таймураз, — сообщает Вахушти Багратион, — пошел быстро с радостью к Спасалару с войском кахов, напали они на Чары,

перебили, истребили, разорили и сожгли, затем вступили в Малые Чары и с ними поступили так же и до (самых) Кавказских гор разрушили укрепленные башни”³⁵. Еще более жестокими оказались кизылбаши, возглавляемые самим Ибрагим-ханом. Следуя, как мы сказали выше, “тактике выжженной земли”, излюбленному приему своего брата Надира, Ибрагим-хан беспощадно истреблял всех, попадавшихся ему на пути, грабил и сжигал населенные пункты. Казалось, горцам не избежать поражения перед этими вооруженными до зубов и ожесточенными воинами. К чести джаро-белоканцев и прибывших из Дагестана горцев, они не только выстояли. “Среди джарцев, — пишет Мухаммед-Казим, — были два знаменитых предводителя, которые в смелости походили на Рустам-Дастана, а в щедрости — на Хатым-Таш. Один был прозван Ибрагим Дованом, другой Халилом. Узнав об отступлении лезгин, они не пали духом. Первым делом они поручили примерно двум тысячам прославленных стрелков захватить все заставы, проходы и дороги, по которым должно было пройти победоносное войско. Сами же они занялись сбором войска”³⁶. И действительно, огромная по численности армия персов, подкрепленная отрядами грузинского царя и других закавказских беглербегов и объединенные отряды горцев встретились в тесном ущелье гор Джаник. Предводители горцев Ибрагим Дован и Халил, умело используя ландшафт местности, расположили свои силы в дефиле, через которое должны были пройти наступающие войска Ибрагим — хана. Находившиеся в засаде горцы метким огнем встретили наступающие войска. Иранский историк Мухаммед-Казим, с характерной для него витееватостью, изобразил начало этого сражения. Как ни старались предводители войск, пишет он, “чтоб что-нибудь разглядеть, устремляя взоры во все стороны, они ничего не видели, кроме пуль, которые сыпались подобно каплям весеннего ливня. Ибрагим — хан познал коварство и хитрость лезгин, хотя он побуждал хоросанских стрелков к сражению... В разгар этой схватки, — продолжает он, — Ибрагим Дован узнал Ибрагим-хана и послал в его сторону смертельную пулю. По божьей воле и вечному предопределению, та пуля попала в голову Ибрагим-хана”³⁷. Другие источники несколько иначе описывают эти события. В начале сражения во много раз превосходящие силы кизылбашей оттеснили горцев. Ибрагим-хан решил, что дело сделано, враг разбит. “Спасалар, — сообщает Вахушти, —... увидев опустошение их и не видя никого из врагов... приказал войску удалиться. Беглербеги, — продолжает грузинский историограф, — отговаривали его от этого, но не послушался он их и отправил войско, а сам с немногими людьми остался. И следуя (за войском) на одной красивой тростниковой поляне спасалар сошел с коня, чтобы выкурить трубку и выпить кофе”³⁸. Зорко наблюдавшие за действиями Ибрагим-хана несколько горцев-смельчаков незаметно подкрались к месту стоянки главнокомандующего шахскими войсками и метким

прицельным выстрелом ранили Ибрагим-хана и некоторых лиц из его окружения. Увидев истекающего кровью Ибрагим-хана, гянджинский беглербег Угурлу-хан, будучи и сам ранен, подозревая своего брата Гасан-хана, сказал ему: “Выведи его из кошмара, если, не дай бог, что-нибудь с ним случится, то завтра от великого гнева Сахибкуруана (шаха Надира — В. Г.) сгорит весь Азербайджан”³⁹. Однако, вывести Ибрагим-хана с поля сражения не удалось. Вторая пуля, настигшая его, оказалась смертельной⁴⁰. После чего горцы, участвовавшие в этой акции мести, сели на кизылбашских коней и напали на иранцев. Это послужило как бы призывом к яростной атаке горцев. Наступление горцев было ошеломляющим, персы не могли даже определить, в какую сторону направить свои ружья⁴¹. “В этот тягостный день, — признает Мухаммед-Казим, — страх перед смертью вселился в славных сарабазов и храбрецов. Не дожидаясь смерти, они бежали с поля битвы, а лезгинские воины в тот день убивали кизылбашских бахадуров. По небесному предопределению и вечному року такое славное и гордое войско было разбито и побеждено”⁴². На самом деле кизылбашам здесь была учинена настоящая бойня и они стали беспорядочно отступать. Горцы преследовали иранцев, нанося им сокрушительные удары. Они, сообщает современник, гнали неприятеля “до самого обоза... и на побеге великое множество порубили и обозом овладели, ибо обретающиеся в оном войска не в состоянии были неприятелям сопротивление чинить”⁴³.

Аналогичные сведения о сражении сообщает и Вахушти. “Затем, — пишет он, — бежавшие навалились на другие отряды кизылбашей и побежали все. Лезгины гнались за ними и истребляли безжалостно до Алазани, потом захватили богатство Спасалара и имущество войска, и добычу огромную”⁴⁴. Из сказанного явствует, что войско Ирана и их “союзники” были горцами разбиты наголову. Кроме самого главнокомандующего Ибрагим-хана в этом бою были убиты Угуреу-хан, Афшар-хан, Халхан-хан, Беркуай-хан, Керим ага, векил Казаха и другие различного ранга командиры подразделений иранской армии. В руки горцев достались значительные трофеи: оружие, артиллерия, воинское снаряжение и многое другое⁴⁵. “Союзники” Ирана как будто не понесли таких больших потерь. Согласно данным Вахушти, грузинское войско, хотя и принимало участие на стороне персов, не пострадало. “Кахи и картлинцы, — пишет он, — ушли невредимыми и даже с захваченной кизылбашами добычей”⁴⁶.

Позже, ценой значительных усилий, Мухаммед-хану Афшару удалось собрать без оглядки бегущие остатки еще недавно мощной иранской армии и привести их к берегам Аракса. По имеющимся данным от 30-тысячного корпуса Ирана осталось 7 или 8 тысяч человек, “остальное же войско погибло”⁴⁷, убежали также коменданты окопов Каха, Шеки и Ширвана. Народы Азербайд-

жана и Дагестана ликовали. Победа над грозным врагом вселила надежду в их сердца, вследствие чего антииранское движение охватило огромную территорию Северного Азербайджана. В период этого подъема народного духа высветились и другие позиции и цели антииранского движения. Это обстоятельство своеобразно осветил анонимный автор "Хроники". После победоносного сражения, пишет он, джарцы и тальцы захватили округа Шеки и Каха. "И задумали даже назначить над ними Мухаммеда-бека, сына Али-Султана с тем, чтобы он вносил определенное количество податей, а именно: 1500 туманов с одной только Шеки, со сложением с нею 1500 туманов за период управления кызылбашами с Сурхай-ханом", Однако, завершая свой рассказ, анонимный автор писал: "Усмей (имия в виду цахурского правителя — В. Г.) и Генж — Али убежали в Гянджу, а народ сжег их дома, угнал их мелкий скот и коров"⁴⁸.

"После изгнания иранских войск с Кавказа, — по сведениям И. Калушкина, — повстанцы Дагестана от старой Шемахи, даже до Дербента в великом собрании стоят, и путь так затворили, что ни конному, ни пешему пробиться никак нельзя"⁴⁹.

Характеризуя сложившуюся после убийства Ибрагим-хана обстановку, английский посланник в Петербурге Рондо в своем донесении от 26 мая 1739 г. лорду Гаррингтону писал: "Лезгины — племя, живущее между морями Каспийским и Черным под начальством главы своего, хана Сакая со значительными силами вторглись в Ширван и завладели Шемахой, разбив персидскую армию под начальством родного брата шаха; сам он лег на месте. Если это верно, шаху Надиру достаточно дел дома, он вряд ли начнет войну с турками как надеется русский двор"⁵⁰. Не все в этом донесении передано точно. И это понятно, что английскому посланнику, пользующемуся сведениями из вторых рук, было трудно разобраться в общественно-политической ситуации описываемого региона и знать точно их владетелей. И все же эти сведения представляют определенный интерес. "Хан Сакай"? По созвучию им мог быть владетель Шеки. Но в это время, как справедливо заметил В. Н. Левиатов, в Шеки "правлящего хана не было"⁵¹. Видимо, под ханом Сакай, скорее всего, имеется в виду Сурхай-хан. Тем более, что в 1738-1739 гг., как указывалось выше, "могущественный и властный" Муртаза — Али-бек, сын Сурхай-хана, собравшись с силами, выступил с дагестанскими войсками против окопа Шабрана и взял его после трехмесячной осады. При этом он пленил богатую добычу "и разрушил окоп". Правителем же "над округом Шабран Муртуза — Али назначил сподвижника отца Карат-бека". Но еще до взятия укрепления сюда "прибыл Сурхай-хан с тремя тысячами человек и он взял казну Абдулла-хана, а Малладж* с тремя тысячами воинов спокойно

вернулся из Шабрана”⁵². После этого, сообщает Вахушти, “чарцы укрепились и усилились. А в Кахетии опять было разорение и пленения и убийства от дагестанских лезгин. И Кахи тоже промышляли над ними из (своих) крепостей”⁵³. Идентичные события происходили и в Северо-Восточной части страны. После победоносного сражения с кызылбашами часть джарцев направилась в сторону Баку. Вскоре сюда же прибыли “мушурцы, куралинды и других званий народы осадили гор. Баку”⁵⁴, который, кстати сказать, по словам того же И. Калушкина, оборонял маломощный гарнизон.

Оказавшись в безвыходном положении и понимая, что “город устоять никак не мог”⁵⁵, беглербег города обратился за помощью к командующему русским флотом, зимовавшим в бухте, который и передал осажденным “... 4 пушки, пороху и свинцу так же и одного пушкаря”⁵⁶. И лишь стрельба из этих пушек вынудила горцев снять осаду и отступить от Баку. Это, однако, не означало, что позиции повстанцев пошатнулись. Они по-прежнему господствовали в Прикаспии, контролировали почти все торговые пути. И не случайно ведь очевидец подчеркивал, что “... ныне от Кизляра до самой Шемахи в проезде от лезгинцев состоит всякая опасность, где только через дачи денег едва проехать можно”⁵⁷.

Однако, как убедительно показал проф. Ф. А. Алиев, даже в этой напряженной обстановке русские купцы провозили свои товары в Дербент, Шамуху, Баку и др. торговые центры Кавказа⁵⁸.

Естественно, что весть о поражении иранских войск в Джарах, убийстве брата Ибрагим-хана и обо всем том, что стояло за этими событиями, дошла и до Надир-шаха, который в это время находился в походе в Индии. Можно только представить, в какую ярость он пришел и какое мщение он задумал горцам. Злость его не знала пределов. “День и ночь, — пишет иранский историограф, — Надир горевал по своему возлюбленному брату... проводил он в мыслях о мести и наказании жителей Дагестана”⁵⁹. Он готов был стереть с лица земли Страну гор. И вовсе не стеснялся и даже бравировал этим. На одном из приемов он открыто объявил ближайшим военачальникам, что непременно отомстит за смерть брата. “Я, — говорил он, — взял под свою власть Хиндустан, земли Турана и Ирана, а сейчас я так пожелал: с огромным, бесчисленным войском вступить в царство Кумух и сделать новое

---

* Малладж — точнее Малачил — аварец по-национальности, прославленный наездник — предводитель горских отрядов. Он упоминается в целом ряде документов русского и иностранного происхождения вплоть до 70-х годов XVIII в. Активное участие Малачил принимал и в движении Гиви Амилахвари. См.: Грамоты и др. исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Под ред. А. А. Цагорели. СПб, 1891. Т. I. С. 108, 456. Кикодзе Г. Указ. соч. С. 24-25.

клеймо (даг)* на той стране. От такого клейма огонь пойдет по всему миру”⁶⁰.

Однако, вернуться сразу, оставив незавершенным победоносное движение в глубь Индии, Надир не мог. Своим ближним он заявил: “Дела областей Азербайджана таковы, что если описать тамошние, то это происшествие (гибель Ибрагим-хана) станет поводом к осмелению врагов и озлоблению большинства храбрецов, сокрушающих ряды (неприятеля). Если мы направимся в Иран, то все кочевые племена в Индии, Белуджистане и афганы будут (нас) преследовать и не допустят, чтобы хотя один человек ушел из этой страны”⁶¹. И поэтому он решительным образом предписал немедленно двинуть большие силы на Кавказ, занять Ширван и самым жестоким образом наказать горцев Дагестана. Эта миссия, по повелению Надир-шаха, была возложена на опытного военачальника Гани-хана Абдалинского. Для исполнения этой, надо сказать, не совсем простой задачи, ему были выделены значительные воинские силы. Сам Надир-шах, зная норы горцев, посоветовал Гани-хану “выступить против джарцев зимой, когда горные проходы делаются непроходимыми с тем, чтобы они не могли получить помощь из Дагестана или сами уйти в горы”. Правителем Азербайджана был назначен эмир Аслан-хан Кырклу, а Сафи-хана Багаири — сардара Грузии перевел в том же звании в Азербайджан и приказал им по возможности защищать Ширван от набегов горцев до его во возвращения из Индии⁶².

Другие источники несколько иначе освещают эти назначения. Сын Надира Риза-Кули Мирза отправил в “Азербайджан сардаром Амираслан-хана. Однако, о принятии им мер против дагестанцев еще не слышно токмо”⁶³, — писал И. Калужкин. Позже стало известно, что он не достиг желаемых успехов. Проф. Ф. М. Алиев справедливо полагает, что Эмир-Аслан-хану не удалось собрать сколько-нибудь значительное наемное войско, т. к. в этих местах мужчины, способные носить оружие, удалились в горы, организуя партизанские отряды для борьбы с иноземными поработителями”⁶⁴. Вот почему иранский принц Реза-Кули-Мирза строго предупредил ширванского беглебега Таги-хана набрать в “тамошних приморских местах и в Ширванской губернии” 8 тысяч воинов⁶⁵. Однако и эта попытка не дала положительных результатов⁶⁶. Что же касается Сафи-хана Багаири, он действительно “прежде сидел ханом в Тбилиси, но по доносу грузин отозван был Надир-ханом с гневом”⁶⁷. Летом 1739 г. принцем Ирана он был назначен командиром специальной экспедиции, направленной против горцев. И тотчас же приступил к выполнению воли иранского двора. Однако горцы, узнав о приближении многочисленных иранских войск в Шабран, говоря словами современника,

---

* Игра слов: Дагестан (страна) и слово “даг” в персидском языке означает “клеймо” — прим. переводчика.

“ретировались в свои жилища в горы” и поэтому кизылбаши, “без малейшего от оных сопротивления дошел до Кубы”, и теперь, заключает он, “дорога от Баку до... Дербента... безопасна”⁶⁸. Развивая успех, Сефи-хан двинулся вперед с частью преданных ему войск, обосновался в Ареше, а другую часть он оставил на мосту Арап для охраны пути, так как “округи Кабалы и Шеки не подчинялись ему”. В Кабале расположился с отрядом горцев Маллачил, а войско с Мухаммед бекон в это же время приступило к осаде Нухинской крепости, которая продолжалась пять дней. Для подмоги горцам прибыл отряд Маллачила. “Он, — пишет современник, — стрелял в окопы каждый день, стараясь в них сделать брешь”, а в это время осаждавшим Нуху горцам “давали провизию” жители Шеки⁶⁹. Снять осаду Нухи не удалось. Вскоре, часть осаждавших Нуху горцев отступила к Баладжике, а другая часть ушла в сторону Дашюза. Но, спустя некоторое время, обе эти части объединились в один отряд и вновь двинулись против кизылбашей. И все же Сафи-хану удалось не только нейтрализовать, но и поставить горцев в затруднительное положение. А добился он этого, в значительной мере, путем политического воздействия на горцев и особенно на их предводителей. Говоря словами автора “Хроники”, “различными известиями и пушками” он успокоил горцев и добился от них обещания, что они будут подчиняться местным властям. Но ставленнику Ирана было невдомек, что джарцы, тальцы и другие горцы не будут долго подчиняться иранской власти. Вскоре так оно и случилось.

Как только Сефи-хан с войском вернулся под Шабран, горцы прогнали ставленника Ирана и начали “взыскивать штраф с тех, кто признал власть Али-султана и кизылбашей”. Сефи-хану ничего не оставалось, как вновь двинуться против “ослушников”. Узнав о выступлении Сефи-хана из Шабрана, ушел ставленник казикумухского хана Карат и кизылбаши заняли и укрепили Шабран, построив здесь окопы, а их предводитель “помирился с Сурхай-ханом и его детьми”⁷⁰. После чего Сефи-хан направился в Тбилиси. В пути, не доезжая до Гянжи, он узнал, что часть войск Джара и Тала так же двинулась в Грузию. В это время “вали Тбилиси Хаджал — хан находился в Гурхане и Уч-Колисе”⁷¹, а “войска Маллачила и всего Дагестана” у грузинского, точнее арагвинского моурава Шанше, который в это время вел бескомпромиссную борьбу с грузинскими царями. И не раз, говоря словами Вахушти, “разорял Картли с помощью лезгин”⁷². Возникла совсем непростая ситуация. Обо всем этом Сефи-хан узнал, будучи в Казахи и хорошо представил что может случиться, если немедленно не выступить против горцев. Сефи-хан, который, как мы уже знаем, ранее сидел ханом в Тифлисе, во главе пятитысячного отряда пришел в Димониси, забрал с собой Кайхосро, настиг горцев во время перехода их из Таширы, “атаковал и истребил так, что немногие смогли убежать. Затем вновь успел перейти в Кахети и вышедших из Картли (лезгин)

побил многих. Кызылбаши также побили их многожды⁷³. И все же кызылбаши и отряды грузинских феодалов оказались не в состоянии подавить выступление горцев. Более того, вскоре горцы начали активные действия и, как свидетельствуют источники, во многом преуспели. К сожалению, приходится отметить, что ряд авторов, анализируя эти события, чаще всего действия горцев сводят к одним лишь грабежам. Несомненно, что грабежи и насилие имели место. Но вместе с тем упомянем, что горцы вели самоотверженную антииранскую освободительную войну. Кызылбаши и их «кавказские союзники» делали все возможное, чтобы подавить выступления горцев, но добиться желаемого они так и не смогли. Горцы же своей мужественной, самоотверженной и, можно сказать, довольно изобретательной борьбой, оказывали не только яростное сопротивление превосходящим их числом, вооружением, и снаряжением силам кызылбашей, но и наносили им чувствительные удары. Всем своим поведением доказывали кызылбашам, что они ни за что не покорятся Ирану и будут бороться за свою свободу и независимость до последнего. Вот и очередной раз войска иранского Сардара, подкрепленные отрядами грузинских феодалов, начали (какой уж раз?) наступление «против войска Дагестана, стоявшего у Санаша». Между ними завязался бой, который «продолжался день или два, закончившийся победой войск ислама» (так источник называет отряды горцев). Преследуя кызылбашей, горцы дошли до Ахмета и вновь вступили в бой, «сначала с кахетинцами, а затем с самим сардаром, но потерпели поражение»⁷⁴. После чего Сефи-хан с основными силами вернулся в Гянжу, а непокорившиеся «джарцы и тальцы продолжали воевать, сражаться». Тем временем «сыновья Сурхай-хана выступили во главе дагестанского войска против Шемахи и осаждали крепость Новой Шемахи около месяца, но потом, будучи подкреплены табасаранцами, попросившими амана, они разошлись»⁷⁵.

В конце 1739 г. во главе многочисленных войск Гани-хан, перед которым, как говорилось выше, была поставлена задача покорить и истребить горцев, прибыл в северный Азербайджан. Фахт-Али-хан, Коса Ахмедлау и Мехмед-Али-хан, Сардар Азербайджанский, с 15 тысячами хорасанских войск и всеми военачальниками Грузии получили приказание участвовать в этом походе⁷⁶. Эти войска, готовые к истреблению джарцев, прибыли к берегам Алазани. Над Джаро-Белоканскими союзами сельских общин нависла смертельная угроза. Однако горцы не дрогнули. Они твердо решили не склонять головы перед наступающей огромной силой кызылбашей, умереть, но не сдать персам. Полные решимости к жестокой борьбе они обновили укрепления Джары, Кавыхе и расположенной на горе крепости Агзыбуре. Как и следовало ожидать, военные действия начались осадой Джар. Кызылбаши штурмовали, горцы отчаянно сопротивлялись. Укрепления покидали лишь тогда, когда

их защита становилась совершенно невозможной. Боевые действия продолжались в течение 7 дней. 3 дня разрушали кизылбаши Джары. Только после того, как они очутились в безвыходном положении, горцы оставили Джары и все оставшиеся в живых, еще способные защищаться перешли в крепость Агзыбир⁷⁷, стоящую на высокой горе, на краю отвесной скалы. Подоспевшие кизылбаши сходу хотели было взять эту крепость, но отчаянное сопротивление горцев разрушило все планы персов. Однако иранцы не унимались. Наступление продолжалось, но одолеть защитников им не удалось. В полночь кизылбаши большими силами начали штурм крепости. В итоге невероятных усилий, ценой больших жертв, персам удалось ворваться в крепость. Здесь разыгралась настоящая трагедия: горцы вступили в рукопашную схватку с намного раз превосходящими силами. Они гибли в неравной борьбе, но не сдавались. Лишенные всех возможностей, некоторые защитники, предпочитая смерть плену, бросались с отвесных скал в пропасть. Истребив почти всех защитников, кизылбаши заняли крепость. “Остальные жители и их семьи скрывались в горах”, но кизылбаши огнем и мечом прошли всю горную часть вплоть до аварского селения Кусур в верховьях Самура. Часть населения этого района была вырезана, а часть захвачена в плен⁷⁸. Настоящую расправу учинили жестокие военачальники Ирана во всех Джаро-Белоканских обществах. В течение нескольких месяцев разграбили, разрушили десятки сел края, уничтожили все хозяйственные заведения. Некогда оживленный, многолюдный край совершенно был опустошен. Оставшееся в живых население ушло в горы. В районе не было видно каких-либо признаков жизни, “селения лежали в пепелищах и развалинах”⁷⁹.

Рассказывая об экспедиции Гани-хана Абдальского в Джаро-Белоканы, Г. Э. Алкадари писал: “И они (персы — В. Г.) разграбили имущество и стада магалов, разрушили их селения, а также, заняв дороги, ведущие в другие края, убивали и грабили и брали в плен бежавших по ним. В общем, они там не оставили следов оседлости и разрушили все селения”⁸⁰. Одновременно кизылбаши совершенно опустошили Шеки. “Опустошая Шеки, Ширван, — как справедливо заметил В. Н. Левиатов, — военачальники Надир-шаха преследовали политическую цель: они хотели голодом заморить население непокорного Дагестана”⁸¹.

---

1 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1736. Д. 5. Л. 410.

2 Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 119.

3 Рук. фонд ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 12.

- 4 Кретацци А. Указ. соч. С. 154.
- 5 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1736. Д. 5. Л. 410.
- 6 АВПР. Там же. Д. 10. Л. 74.
- 7 Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 145.
- 8 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1736. Д. 8. Л. 410.
- 9 ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 614. Л. 82. Цит. Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 128.
- 129.
- 10 ХВД... С. 26.
- 11 Там же. 26-27.
- 12 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1736. Д. 8. Л. 411; Арунова М. Р. Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958.
- 13 ХВД... С. 27.
- 14 Там же.
- 15 Там же. С. 28.
- 16 Там же. Вахушти. Б. Указ. соч. С., 171.
- 17 Там же. С. 179.
- 18 ХВД... С. 28-29.
- 19 Там же. С. 29.
- 20 Мухаммед-Казим. Тарих-и аламара-йи Надири. Т. II. Л. 169 — 170; Арунова М. Р. Ашрафян К. З. Указ. соч. С. 189.
- 21 Левиатов В. Н. Указ. соч. С. 108.
- 22 ЦГА РД. Ф. КК. Д. 312. Л. 15.
- 23 Цит.: Козлова А. Н. Страницы истории освободительной борьбы народов Дагестана. // Страны и народы Востока, вып. XVШ. М.: Наука, 1976. С. 126. (Далее СНВ.)
- 24 ГААОФ. 394. Оп. 1. Д. 614. Л. 82.
- 25 СНВ... С. 126.
- 26 ХВД... С. 27.
- 27 СНВ... С. 128.
- 28 Левиатов В. Н. Указ. соч. С. 108.
29. СНВ... С. 128-129.
- 30 Там же.
- 31 Там же. С. 129.
- 32 Там же.
- 33 ХВД... С. 29-30.
- 34 Там же. С. 29.
- 35 Вахушти Б. Указ. соч. С. 179.
- 36 СНВ... С. 129.
- 37 Там же.
- 38 Вахушти Б. Указ. соч. С. 179.
- 37 Там же.

- 38 Там же. С. 179.
- 39 Мухаммед-Казим. Указ. соч., С. 175. Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 135.
- 40 Там же.
- 41 Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 132-135.
- 42 СНВ... С. 132.
- 43 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1738. Д. 7. Л. 154.
- 44 Вахушти Б. Указ. соч. С. 179.
- 45 ХВД... С. 30.
- 46 Вахушти Б. Указ. соч. С. 179.
- 47 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1738. Д. 7. Л. 755.
- 48 Там же. С. 30-31.
- 49 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1738. Д. 7. Л. 755.
- 50 СБ. РИО. Т. 80. С. 490.
- 51 Левиатов В. Н. Указ. соч. С. 109.
- 52 ХВД... С. 31.
- 53 Вахушти Б. Указ. соч. С. 180.
- 54 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1739. Д. 5. Л. 37.
- 55 Там же.
- 56 Там же. Л. 39.
- 57 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1738. Д. 7. Л. 756.
- 58 Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 139, 140.
- 59 Цит.: Козлова А. Н. "Найме-йи Алмара-йи Надири Мухаммед Казима о первом этапе похода шаха Надира на Табасаран. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 72.
- 60 Там же. С. 73.
- 61 Там же. С. 72.
- 62 Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 146.
- 63 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1739. Д. 5. Л. 37.
- 64 Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 141.
- 65 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1739. Д. 5. Л. 108.
- 66 Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 141.
- 67 Вахушти Б. Указ. соч. С. 121.
- 68 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1739. Д. 5. Л. 346.
- 69 ХВД... С. 31.
- 70 Там же. С. 32.
- 71 Там же.
- 72 Вахуштин, Б. Указ. соч. С. 121.
- 73 Там же.
- 74 ХВД... С. 32.
- 75 Там же. С. 32-33.
- 76 Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 146.

77 ХВД... С. 33. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 146.

78 Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 146.

79 Левиатов В. Н. Указ. соч. С. 209.

80 Алкадари Г. Указ. соч. С. 79.

81 Левиатов В. Н. Указ. соч. С. 109.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

РАЗГРОМ НАДИР-ШАХА в ДАГЕСТАНЕ

Из Индии шах НаDIR вернулся, чувствуя себя уже “завоевателем вселенной”. Без малейшего чувства угрызения совести он открыто объявил: “Стоило мне одной ногой лягнуть и вся Индия разрушилась с престолом Великого Могола. Ежели мы обеими ногами лягнем, то весь свет может в пепел обратиться”¹. Пребывая в такой эйфории, шах видел себя в роли предводителя огромной армии, победоносно шагающим по ближним и дальним государствам. И было от чего оказаться в таком состоянии. Ведь многое было достигнуто: освобожден Иран, повержены ближайшие к стране государства, покорена Индия. Шах стал таким заносчивым и нетерпеливым, уверившись в том, что на всем свете нет такой силы, которая могла бы с ним соперничать и ему противостоять. То состояние, в котором пребывал сам шах, передалось и его подданным. Однако, среди этого многоголосого восторженного хора были и голоса, воспринимавшие все это трезво и с чувством юмора. Небезынтересно знать, что по этому поводу в стране широкое распространение получил анекдот с довольно глубоким смыслом. Шах НаDIR, говорится в нем, слушал однажды некоего проповедника, который рассказывал о божественной силе, о рае и других святынях мусульман. “Эй, проповедник, — крикнул шах, — а есть ли в раю мне противник, которого нужно победить?” “Там нету противников и не бывает вражды, — ответил ему проповедник. “Ну, тогда кончай проповедь, мне нечего делать там”², — будто-бы заключил НаDIR.

Надо полагать, что с умыслом и скорее всего с целью показать свою мощь и оказать на соседние государства и народы ошеломляющее впечатление, в 1740 г. НаDIR-шах решил отправить в Петербург специальное посольство к русскому императору в сопровождении 16-ти тысячного войска с 20-ю пушками. Пройдя Дербент и достигнув Терека, посольство, ввиду настояний русского правительства, продолжало свой путь лишь с 3-мя тыс. воинов, а остальное же войско через Дербент вернулось назад³.

При первом же знакомстве с вышеприведенными заявлениями шаха НаDIRа легко можно подумать, что это ни что иное, как поза и бахвальство, уверившего в себя, в свою силу, и предназначение диктатора Ирана и не более того. Но это не так. Сравнение этого заявления с имеющимися в нашем распоряжении документальными материалами не оставляет сомнения в том,

что узурпатор, хотя и был не прочь похвастаться, все же в его заявлениях высвечивается намеченный им план с ярко выраженной антинародной и агрессивной идеей на ближайшее обозримое будущее. Все это находит подтверждение и в донесениях русского резидента И. П. Калущкина.

Из его показаний видно, что “великий узурпатор”, начиная военные действия против горцев Дагестана, преследовал далеко идущие цели, и прежде всего в отношении России и ее юго-восточных территорий. “Шах Надир, — писал И. Калущкин, — польщения свои на Россию не оставляет”, он намерен сперва отправить к русскому двору “новое посольство с домогательством о возвращении всех денежных доходов”, которые якобы получены с городов, бывших 12 лет в Российском владении... и о выдаче находящихся в России персидских подданных”. Но если шаху в этом откажут, “тогда (он) хочет сей обман употребить” для начала войны с Россией, “ударить на Кизляр, идти прямо не только до Астрахани, но и до Царицина”. “А тем временем, — продолжает И. Калущкин, — Надир, не откладывая все это в долгий ящик, велел подготовить “ландкарту дагестанским местам, через которые можно в Крым войти, а с другой стороны усмеева и шамхалова владения, равномерно и сопряженные с оными российских границ обоим Кабарды и Кизляра, к чему приказал присовокупить описания, присланные от персидского посольства, Астраханские стены”. К этой работе привлечены были представители народов Северного Кавказа, знающие “русские рубежи... причем особое старание о положении российских мест, а паче о казачьих городках, точное изъяснение дорог, урочищ, довольства кормов дать с показанием о состоянии кочевых тама народов”⁴.

Первоначально русское правительство, получая от своих резидентов тревожные сведения, рекомендовало не спешить с выводами, а где можно относиться лояльно и доброжелательно, как подобает добрым соседям дружественной страны. Петербургский двор об этом прямо писал И. Калущкину: “Вы должны, — говорилось в рескрипте к резиденту, — стараться всеми средствами войти в кредит у шаха — Надыра и при всяком случае заверить его в нашем истинном намерении жить в дружбе с персидским государством”⁵. Однако настойчивые сообщения от сопровождающего шаха резидента и других лазутчиков с Северного Кавказа не могли не влиять на правящие круги России. Да и как можно было не задуматься над этими, весьма тревожными сообщениями и не искать адекватных мер для их решения. В очередной раз И. Калущкин, предупреждая о надвигающейся опасности со стороны Ирана, писал: “Хотя Надыр намерен иметь дело со всем светом..., виды и приготовления наиглавнейшие против Российской империи устремляются”⁶.

Аналогичные сведения в Петербург, как указывалось выше, поступали и с Северного Кавказа. Они не только подтверждали тревожные сообщения И.

Калушкина, но и во многом уточняли и конкретизировали его сведения. Данные эти Кавказская администрация получала от некоторых, имеющихся в самом Кизляре, а также находящихся “и в тавлинцах, и в дагестанцах шпионов своих”⁷. В них говорилось не только о намерениях шаха, не могущих не обеспокоить здравый смысл, но и о предпринимаемых “великим узурпатором” конкретных мерах, о его движении на север и о вступлении его эмиссаров в тайные связи с некоторыми кумыкскими, ногойскими, кабардинскими и калмыкскими феодалами⁸.

Об этом стало известно и в западно-европейских странах. “Россия, — писал близкий к петербургскому двору французский посол маркиз де ля Шетарди министру иностранных дел гр. Амело, — не считает свободной от опасности со стороны Тахмасп-Кули-хана. Выяснил, что здесь считают положение близким к разрыву.... Если до сих пор, — продолжал он, — Тахмасп-Кули-хан имел успех, то здравая политика требует, чтобы для поддержания своей узурпаторской власти войско оставалось всегда вооруженным”. И если он, подчинив себе Кандагар, Порту с Великим Моголом и узбеками, “сочтет себя вынужденным продолжать свои действия, то ничто не является для него более подходящим, чем Астрахань. Астраханское царство всегда было магометанским”. И нет ничего удивительного в том, что он всегда “будет смотреть на Астрахань как на город, который может осуществить достижение для него такой цели”⁹.

Очевидность угрозы, нависшей над юго-восточными территориями России, признает и исследователь истории “великого узурпатора”, крупный английский историк Л. Локкарт. Он убежден, что если бы Надир в описываемое время “вдруг атаковал Россию, то он мог бы вырвать у нее Кизляр и Астрахань”¹⁰. Да и сам Надир, по единодушному свидетельству имеющихся материалов, “самым серьезным образом обдумывал поход на своего северного соседа, но удобный случай был упущен”. Можно только себе представить, чем бы обернулась судьба, как бы развернулись в дальнейшем события, сколько горя, лишений, мучений и страданий пришлось бы испытать народам Северного Кавказа и юга России от “страшного” Надира, от его ничем не ограниченной и не обузданной страсти и не менее бредового замысла “в пепел превратить весь свет”, если бы народы Дагестана не приняли на себя основной удар и если бы шах на долгое время не увяз в Стране Гор, если бы свободолюбивым горским народам, ценой бесчисленных жертв и невероятных усилий, не удалось бы остановить победоносное шествие шаха по соседним странам. Но судьбе было угодно, чтобы все это случилось. Судьба уготовила трагические испытания и тяжкую проверку духа и силы многострадальным горцам Дагестана. Естественно, что они тоже представляли катастрофичность нависшей над ними угрозы, хорошо понимали, что Надир поставил на карту все, чтобы

уничтожить и истребить горцев. И поэтому, в силу своих возможностей и готовились к неумолимо надвигающемуся на них испытанию.

В это чрезвычайно сложное время ряд горских правителей обратились за помощью к соседним государствам, в том числе и к России. Однако последняя, в силу ряда причин, не в состоянии была оказать действенную вооруженную помощь Дагестану. Дело в том, что в это время Россия сама находилась в “немалых затруднениях”¹¹ в связи с войной со Швецией. Значительная часть донских казаков, калмыков и др., находящихся на царской службе, в это время были в Финляндии.

Довольно отрицательную роль в политическом решении данного вопроса сыграло так же происходившее в этот период в Петербурге частое перемещение правящих особ, которое влекло за собой внутренние потрясения и изменения во внешнеполитической ситуации страны.

И тем не менее, Россия стала на Кавказе принимать меры предосторожности. Кизлярская крепость была “лучшим образом укреплена и приведена в оборонительное положение; сделаны в нужных местах надолбы и засеки, и везде по границе терской и в гребнях взята крепкая предосторожность”. Кроме того, “находящиеся в Кизляре крещенные персиане (были) отосланы в отдаленные места. Впуск сухопутно и морем в наши границы индийских и персидских пустынников (был) запрещен, что они скрывали в себе шпионов. Прием в крепость Кизлярскую азиатцев не иначе производился как тайно и ночью”¹². С той же целью в низовья Терека были переведены дополнительно некоторые воинские подразделения, усиленно вооружено гребенское и терско — семейное казачество, на которое до этого была возложена “охрана русских границ на Кавказе, а также почтовая гоньба по всей терской линии”. Они же должны были строить мосты, держать в готовности паромы и каюаки для переправы через Терек¹³.

Касаясь сложившейся на Северо-Восточном Кавказе ситуации, английский посол при русском дворе Э. Финч 13 декабря 1740 г. доносил в Лондон: “Слышал я, — писал он, — будто русское правительство за последнее время несколько встревожено движением Надир-шаха: будто бывший регент даже с особенною поспешностью отправил курьера с приказанием привести Астрахань к состоянию выдержать крепкую оборону”¹⁴. Летом 1741 г. Маркиз де ля Шетарди доносил министру Каstellане: “Русские хорошо понимали, что шаха Надира привлекает гор. Астрахань и поэтому, когда он пошел в Дагестан, были посланы инженеры в Терки и в кр. Святого Андрея, чтобы восстановить два эти укрепления. Кроме того, ген. Татищев и ген. Бренви, француз, отправлены в Астрахань, чтобы укрепить его наскоро и собрать там все войска, какие возможно”¹⁵.

В это крайне тяжелое время обращались горцы Дагестана за поддерж-

кой и к единоверной Османской Порте, которая также не смогла оказать какую-либо помощь жителям Страны Гор. Поверженная в недавнем прошлом Турция беспокоилась вызвать на себя гнев “мирозавоевателя”. Кроме того, им пришлось дорого заплатить западноевропейским государствам за их помощь в русско-турецкой войне 1736-1739 гг.. К тому же, в 1740 г. Порта выдала Франции новые капитуляции, т.е. подписала неравноправный договор, представляющий ей особые привилегии¹⁶.

Так что народы Дагестана остались с глазу на глаз, один на один с готовой наброситься на них иранской армией, во главе с “грозой вселенной”. Они могли рассчитывать только на собственные силы и на собственное мужество, настойчивость и умение.

Однако, как единодушно отмечают современники, османы и особенно правящие круги Стамбула самым внимательным образом следили за событиями, разворачивающимися в Дагестане, сочувствовали горцам и искренно желали им успехов в борьбе с традиционным соперником — шахским Ираном. Но маловероятно, чтобы кто-нибудь из правящих кругов Турции верил и надеялся, что горцы смогут противостоять непобедимой, как им казалось, огромной армии Надира.

Ведя основательную подготовку к дагестанской кампании, Надир, как отмечалось выше, отправил бывшего правителя Герата, известного полководца Гани-хана, с Фет-Али-ханом, Коса Ахмедлу и Мехмед-Али-хана сардара Азербайджана с усиленной армией против непокорных джарцев. Им должны были оказывать посильную помощь все начальники отрядов, дислоцированных в Грузии¹⁷. К ним должен был так же присоединиться грузинский царь Таймураз¹⁸. Эти войска, как мы видели выше, учинили в Джаро-Белокахах настоящий погром, что вполне удовлетворило кровожадного “мирозавоевателя”. Будучи уверенным в том, что они не скоро поднимут головы, весной 1741 г. Надир-шах во главе не то 100, не то 150 тысячной, хорошо вооруженной и снаряженной армии двинулся на Кавказ. Не раз нами цитированный английский историк Д. Ханвей, со ссылкой на иранского историка Барзани, пишет, что в составе этой многочисленной орды были индийцы, узбеки, татары, афганцы и др. Что же касается самих персиян — в армии шаха их было меньше, чем остальных¹⁹. “Знамена, которые покорили мир, покидают Хорасан и продвигаются в Дагестан”²⁰, — так озаглавил специальную IV главу своего сочинения историограф шаха Мирза-Мехти Астрабади. Вскоре кизылбаши добрались до южных границ Дагестана. Сделав необходимые в таких случаях распоряжения, Надир во главе до зубов вооруженной армии вторгся в Дагестан. “Весь Иран, — говорится в предании народов Дагестана, — на нас поднялся, все равнины на предгорьях затопили орды злые”²¹. И пошло, по словам лезгинского фольклора, “огромное стадо кабанов в черных латах”²².

Героико-историческая песня образно передает движение иранских войск в Страну Гор:

“Серебром украшены каджары,
А лошади в золото убранны у них.
Пушки на повозках выставив впереди,
Тронулись каджары завоевывать свет”²³.

Этот сюжет как бы развивает и дополняет историческая песня лакцев, посвященная описанию борьбы народов Дагестана против злобного шаха. С помощью огромного войска, закованного в металл, оснащенного наилучшим вооружением, изготовленным в наиболее известных оружейных центрах чуть ли ни всего мира, говорится в ней, шах “пожелав стать богом и хозяином мира, решил сломить дух Дагестана. Многочисленное, как песчинки, вражье войско двинулось в горы, словно муравьи”²⁴. Кстати сказать, сам “мирозавоеватель” отнюдь не скрывал ни целей похода, ни избранных им методов борьбы, которыми он намерен был добиться успеха. Еще перед началом вторжения в Дагестан одному из своих военачальников он открыто приказал взять 20 тыс. войско и двинуться на Дагестан, уничтожить их жилища, все “только подчистую”, и чтоб “всех горских людей рубил наповал”. Сам же диктатор Ирана поклялся “горских людей в остаток истребить”²⁵. Перед войском была поставлена задача превратить горцев в толпу, охваченную паникой и таким путем подорвать их силы и уничтожить все живое. Об этих, леденящих сердце задумках шаха было известно далеко за пределами Кавказа. Немецкий ученый, врач и путешественник И. Лерх, посетивший в то время Кавказ, в своих путевых записках подчеркивал, что Надир задумал истребить горцев или же “выселить из их гор”²⁶.

Согласно стратегическим планам, войска кизылбашей должны были двигаться к намеченной цели двумя колоннами. Одна из них, под командованием Лютф-Али-хана, Гайдар-бека и Фет-Али-хана должна была из Дербента, через Кайтаг и шамхальство Тарковское двигаться на столицу Мехгулинского ханства — Дженгутай. Другая, более значительная колонна под командованием самого шаха по уже известному пути из Кабалы через Шах-Даг, Могу-даре — в направлении Казии-Кумуха.

Горские народы и их предводители довольно хорошо знали повадки “великого узурпатора”. Представляли, что борьба за национальное освобождение и самобытное развитие народов будет очень тяжелой, изматывающей и крайне опасной. Но они и думать не могли, до какой степени дойдет звериная озлобленность “мирозавоевателя”. И не могли даже подозревать о предстоящих, уму не постижимых, тяжелейших испытаниях. Вступив в Дагестан, кизылбашаи уничтожили первые попавшиеся 14 горских аулов²⁷. Так поступали шахские войска и в дальнейшем. И не случайно здесь ряд мест до сих пор

называют “гора крови”, “кровавые потоки” и т. п.

Та колонна, которая двинулась из Дербента, выйдя на равнину и предгорья Кайтага, учинила здесь жестокую расправу, круша, разрушая и сметая все живое на своем пути, прошла во владения дружественного персам Хасбулата — шамхала и дальше, ускоренным шагом, двинулась к намеченной цели — на Дженгутай. Забегая вперед, укажем, что все деревни, расположенные на пути движения кизылбашей оказывали им упорное сопротивление. Героической борьбой жителей Мехтулинского ханства руководил только что ставший правителем владения Ахмед-Хан²⁸.

Еще более изощренные жестокости совершал на своем пути НаDIR. Сопровождавший его И. Калущкин сообщал, что “по указу шахову ни одного человека... живого не оставляют, всех рубят наповал”²⁹. В ряде мест он устраивал содрагающие душу и разум человеческий “шах-хирманы”: в сел. Хоредж, Хусигиль, Гилияр и др. Достаточно полно и убедительно эти события отражены в устном народном творчестве Дагестана. “Поливая кровью пройденные дороги, — говорится в лакской героико-исторической песне, — сея кости в захваченных землях, шел и шел кадjar Надыр-шах”³⁰. До недавнего времени историки полагали и не раз об этом писали, что огромная армия под предводительством самого “мирозавоевателя” двигалась во внутренний Дагестан с боями, преодолевая сопротивление джамаатов, встречавшихся на пути движения кизылбашей. Иранцы громили одно общество за другим, захватывали один район за другим. Именно так точно проходило, как мы видели выше, движение Надира в горы Дагестана при первых двух его походах. Но на сей раз в Дагестане, в сопротивлении горцев произошли качественно новые явления. Кизылбашаи увидели, что на этот раз жителям южного Дагестана помогают их собратья из центральной и нагорной части края. Согласно свидетельству историографа Ирана Мухаммеда-Казима, когда НаDIR вторгся в Дагестан, к нему явилась “группа предводителей в качестве послов”, которые полагали, что этим шагом им удастся отвлечь от своего народа надвигающуюся на них беду. Они “удостоились чести целования порога и сделались гордыми и высокомерными в следствие безграничной шахиншахской милости”³¹. Однако “мирозавоеватель не захотел выслушать их пустые слова и сразу отправил обратно. Сам же порешил так: Пусть все вернутся в свои края, а Сурхай, большой уцмий (Кайтага — В. Г.), который есть надишах и повелитель, должен удостоиться целования порога (Надира) в округе Демиркабы”* (Дербента)³². Однако, Сурхай-хан Казикумухский и уцмий Кайтага Ахмед-хан не пошли на поклон к “завоевателю вселенной”. Они, по словам того же Мухаммеда-Казима,

---

* Демиркабы — железные ворота.

подумали: “Поступки уника эпохи (шаха Надира) хитры и коварны. Намерения его таковы: когда высокопоставленный падишах Шамхал и Сурхай явятся к нему, (он) пленит, подчинит всю страну Дагестан и произведет всеобщее избиение”³³. Сурхай-хан и другие предводители, продолжает историк Ирана, “решили бороться и биться, избрав мятеж своим промыслом”. Тогда же предводители горцев договорились, “чтобы около пятидесяти тысяч тюфенчи (стрелков) преградили проходы и входы в ущелья и установили охрану. Сам (Сурхай) послал людей во все города Дагестана вплоть до округов татаров * и аваров, чтобы прибыли со своим войском”³⁴. И действительно, в горах Дагестана в это время горцы готовились к продолжительной войне с могущественным и злобным врагом рода человеческого. Из аула в аул спешили глашатаи — пропагандисты, готовя народ к предстоящей схватке. В каждом ауле образовались, как бы мы сейчас сказали, патриотические клубы, которые руководили подготовкой населения к предстоящей смертельной борьбе. Все силы, все действия, помыслы и чаяния горцев в это время были направлены на всемерную подготовку народных масс к предстоящей чрезвычайно трудной и столь же опасной вооруженной схватке с озверевшим, беспощадным, и к тому же очень сильным и опасным завоевателем. Короче говоря, господствующее в это время в горах Дагестана общественное мнение способно было вдохнуть храбрость даже в душу труса. Значительную роль в мобилизации сил и подготовке народа к священной борьбе за свободу и независимость сыграли алимы, преподаватели примечетских школ, да и все представители местного мусульманского духовенства. Чуть ли ни в каждом селении проходили молебны, в которых проклинали и поносили отвергнутых Аллахом еретиков — кызылбашей, призывали народ, все как один, подняться на священную войну. А когда Надир-шах узнал о подготовке Сурхай-хана к сражению, он “из местности Самур-чай направил поводья движения в Чирок (Чирах)”³⁵. Однако, в это время, если верить Мухаммеду-Казиму, к Надиру прибыли “с покорностью и послушанием Масум-хан, Киан-хан, Курели и Сефи-Кули-хан, ... Хаджи Навруз, Огурлу Нугой, Аслам-бек, Мехди-бек, Махмуд-бек табасаранский. Все они обещали до конца своей жизни самоотверженно служить священной особе Надира, предоставить ему сколько бы он ни пожелал воинов и заложников”. С этой целью они “отправили группу сахиб-керанских** ясаулов со своими кетхудами к своим племенам, чтобы они первым делом... привезли продовольствие для победоносного войска в высочайший лагерь”³⁶. Приведенные

---

* Возможно, что автор имеет в виду крымских татар (прим. переводчика)

** Сахиб-Керан — рожденный под знаком Венеры и Юпитера или Венеры и Солнца: обладатель счастливого сочетания звезд. (Прим. переводчика).

нашим автором сведения вызывают сомнение. В них упомянуты мусульманские имена, нехарактерные для народов Дагестана или очень мало встречающиеся среди жителей в Стране Гор. Среди них имеется и название части территории южного Дагестана Курели. А главное, в 40-х годах XVIII в. в Дагестане, как справедливо заметила А. Н. Козлова, среди владетелей Дагестана кроме майсума не встречаются названные правители. Внимательное знакомство с текстом наводит на мысль, что Мухаммед-Казим произвольно перечислил первые вспомнившиеся ему имена. Но дело не только в этом. Гораздо важнее выяснить, что обещанная ими помощь и содействие в дальнейшем ни в чем не проявилась. Кстати сказать, в никчемности данных ими обещаний вскоре убедился и сам НаDIR. Шах, подчеркивает Мухаммед-Казим, никогда не прибегал к помощи упомянутых выше физических лиц. Тем временем народы южного Дагестана продолжали неравную борьбу с завоевателем. И не случайно кизылбаши поднявшихся на борьбу горцев называли не иначе как “необузданными”, “злумышленниками” и т. п. Но среди них, без всякого стеснения пишет Мухаммед Казим, “часть лезгин известная под названием табасаранцев, была зловреднейшей из упомянутого племени”³⁷.

Мухаммед-Казим пишет, что “Хакан, покоритель мира,” НаDIR приказал “так как бунт и мятеж начали люди Табасарана и Рутула, лучше будет в первую очередь пойти на них, стереть их с лица земли и перебить жителей того края”³⁸. И для этой цели в Табасаран был направлен отряд в 2 тыс. человек. Однако, продолжает историограф Ирана, табасаранцы заняли оборону. “Примерно 30 тыс. лезгин закрыли вход в ущелье, ожидая приход победоносного войска”³⁹. Не приходится сомневаться, что автор не без умысла преувеличил численность оборонявшихся. И тем не менее, можно с уверенностью сказать, что горцев, собравшихся здесь, было значительное количество. И среди этой массы ополченцев были не только отряды из Табасарана, но и из других мест Дагестана. На эту мысль наводит нас хотя бы то, что оборонявшихся Мухаммед-Казим называет не хорошо известным ему этнонимом “табасаранцы”, а общим для всех народов Дагестана термином “лезгины”. Разгоревшаяся между ними битва длилась целый день и в конце концов завершилась победой горцев. Кизылбаши под покровом ночи отступили в свой лагерь.

НаDIRу же военачальники сообщили, что находящиеся в их распоряжении войска малочисленны, и в силу этого, не способны выполнить поставленную задачу и попросили подкрепление. Узурпатор им в помощь “назначил правителя Грузии Хан-Джана с десятитысячным войском, приказав выступить немедленно. На следующий день сам НаDIR с войском, подобным страшному суду, также направился туда”⁴⁰. Утром следующего дня сражение возобновилось. Самоотверженно сражавшиеся горцы навалились с такой силой на пер-

сов, что они, не выдержав натиска, дрогнули и стали пятиться.

Историограф Надира, как и подобает в таких случаях, вместо того, чтобы писать правду, отмечает, что войско шаха хотело занять для себя выгодную позицию, но лезгины увидя врага в таком положении, сочли это передвижение “за бегство и еще более усилили нажим”. В итоге всего этого “лезгины окружили и каждый раз, когда стреляли, повергали в прах не менее трехсот-четырёхсот человек”⁴¹. В это трагическое для кизылбашей время подошло войско Хан-Джана, но наступила ночь и борющиеся прекратили сражение. На третий день продолжилась еще более ожесточенная схватка. Мухаммед-Казим в свойственном ему стиле описал это сражение: “Со всех сторон Дагестана пришло много лезгин на помощь табасаранцам. Собралось огромное множество людей, так что гора, склоны ее и вся земля были полны... лезгинскими стрелами”.

Со своей стороны кизылбаша, “уповая на Али и Аллаха, вступили в битву. И сколько бы они ни старались, ничего не помогло им, час от часу росло могущество лезгинского племени. Целый день те два войска не щадили друг друга. Множество людей с обеих сторон было убито. Когда усталость овладела сторонами, поневоле оба жаждущих мести войска направились к своим стоянкам... Они (кизылбаша) удивлялись мужеству и жажде к победе победоносного племени (лезгин)”⁴². Прошла ночь, лезгины окружили кизылбашей и не выпустили ни одного перса из окружения. Казалось, их судьба решена. Но их спасло только прибытие Надира во главе огромного войска. В связи с этим горцы вынуждены оказались оставить свои позиции и отойти. Однако этим не завершилась борьба в Табасаране. Рассказывают, что при сел. Дюбек “лезгины заняли вершины и склоны той горы со всех сторон и преградили путь для движения, перекрыли проходы так, что если даже птица пролетала, они повергали ее стремительным выстрелом”⁴³. Увидев эту преграду, Надир пришел в неописуемую ярость, а войскам велел, во чтобы то ни стало, оттеснить горцев и занять очень важные в стратегическом отношении склоны. Сам же Надир решил лично возглавить отряд, предназначенный для нанесения главного удара. Автор пишет, что он воевал с Сурхаем. И здесь, в этой жестокой битве шах был ранен в руку, но не покинул поля боя. На следующий день битва возобновилась и после многочасовой схватки, которая шла с переменным успехом, говоря словами Мухаммеда-Казима, “в конце концов ветер победы подул в счастливые знамена Надира”⁴⁴. Горцы отступили. Но, заняв все проходы и выходы из ущелий, горцы поставили кизылбашей в тяжелое положение, а затем искусным маневром заманили их в глубь гор, где завязалась битва, в “которой в течение двух часов примерно восемьдесят тысяч человек (кизылбашей) покинули этот беспокойный мир”. После чего кизылбаша отступили. Узнав об этой неудаче, “мирозавоеватель велел

связать руки и сбросить с горы командующего иранскими войсками” и еще четырех пятисотников и предводителей за то, что “не оказали помощь в сражении”⁴⁵. Отряд кизылбашей, пишет иранский историк, который трое суток сражался с Сурхаем, отступил, а Сурхай ушел в горы.⁴⁶ И все же кизылбаши, несмотря на отчаянную самоотверженную борьбу горцев, хотя и медленно, но неуклонно, разрушая и истребляя все на своем пути, продвигались к намеченной цели. И ничего удивительного и неожиданного в этом не было. Ведь на горцев наступала превьющая в десятки и даже сотни раз сила, хорошо вооруженная иранская армия, обученная западно-европейскими инструкторами. Ей противостояло ополчение горских народов. К этому времени еще не завершилось объединение народов Дагестана, хотя в этом направлении делалось очень и очень многое. Так что каждое отдельное село или, в лучшем случае, союз или ряд союзов сельских общин, на свой страх и риск, поднимались на защиту своей, как бы мы сейчас сказали, малой родины. Естественно, что эта несогласованность действий, отсутствие единого центра управления, имели свои отрицательные последствия. И как бы горцы отчаянно, самоотверженно ни боролись, нанося персидским войскам чувствительные удары, сделать большего они не могли и не в силах были задержать, а тем более опрокинуть, шахскую армаду. В самом начале августа НаDIR, разорив и разрушив на своем пути множество горских деревень, в том числе, как свидетельствует И. Калушкин, “и пустые деревни, ибо все жители из них выбрались”⁴⁷, вступил в Казикумухское ханство и потребовал от Сурхая покорности. К сожалению в распоряжении исследователей нет документальных материалов, подробно рассказывающих о борьбе Сурхай-хана с НаDIR-шахом в этот период. Встречающиеся в местных источниках отрывочные сведения не в состоянии воссоздать правдивую картину тех грозных и героических событий, происходивших в Дагестане. В этих условиях чрезвычайную ценность приобретает содержащее важную информацию, хотя и в завуалированной художественно-поэтической форме, устное народное творчество Дагестана. Тем более, что устная традиция, сохранившаяся в народной памяти, рассказывающая о происходивших в это время на поле брани событиях, не оставляет сомнения в том, что шла упорная борьба. Горцы старались использовать каждый удобный случай, чтобы нанести кизылбашам удар. Но силы были слишком неравны. Кизылбаши, шаг за шагом продвигаясь в глубь Казикумухского ханства, через Хосрех прибыли к сел. Хурхи и Шара⁴⁸. В сел. Шара, где на отдых расположился НаDIR, Сухай-хан отправил посланника Гамзата с предложением мира. Ознакомившись с письмом владельца Казикумуха, НаDIR демонстративно порвал его и надменно сказал, что не желает тратить время и чернила на ответ, а повелевает передать своему хану “Если Сурхай действительно желает мира, то он, НаDIR-шах, подпишет его в Казикумухе на груди

супруги казикумухского хана”. Посланнику ничего не оставалось делать, как вернуться в лагерь горцев, расположенный на местности “Шавкулал баку и Кирахалил рат”. Тотчас же были собраны на совет приближенные хана, перед которыми Сурхай поставил один, решающий судьбу народа, вопрос. Что делать и какие шаги предпринять в этой действительно критической ситуации? Под рукой Сурхай-хана было всего 7 тысяч ополченцев и более 5 тысяч воинов находилось под командованием сына его Муртуза-Али. Мог ли в открытом бою 12-ти тысячный отряд горских воинов проивостоять огромной армии НаDIR-шаха? Конечно же нет. Всем участникам совещания было ясно, что силы их не равны. И тем не менее, на совете единодушно было принято решение сразиться с кизылбашами. При этом Сурхай-хан предусмотрительно “вывел из игры” отряд Муртуза-Али, перед которым, как увидим ниже, была поставлена очень ответственная задача. А пока горцы заседали, НаDIR вплотную подошел к лагерю горцев. И вот тут-то НаDIR-шах, как бы в издевку, прислал к Сурхай-хану своего уполномоченного с предложением “мира”. Но владелец Кази-Кумух воспринял все это слишком болезненно и в порыве злобы убил посланника шаха, и начал сражение. Через час после начала сражения в Кази-Кумух было доставлено более 700 раненных, убитых было еще больше. Стало ясно, что сражение проиграно⁴⁹. Вскоре Сурхай-хан оказался в плену у НаDIRа. Его примеру последовал и уцмий и шамхал. История капитуляции непримиримых врагов кизылбашей до сих пор вызывает разноречивые толки. Ниже и мы коснемся этого вопроса. Здесь же отметим, что капитуляция трех наиболее влиятельных владетелей Дагестана, как и следовало ожидать, обрадовала захватчиков. Они уверились в том, что главное свершилось и что окончательное покорение горцев Дагестана — дело времени. Однако, как показали дальнейшие события, ликование кизылбашей было преждевременным. Тщательный анализ дошедших до нас фактов раскрывает любопытную картину, предшествующую сдаче в плен Сурхай-хана. До того, как он предпринял этот не простой в его жизни шаг, Сурхай-хан подготовил почву для дальнейшей борьбы с кизылбашами и сыновей своих Муртуза-Али и Магомедбека самолично, надо полагать руководствуясь благими намерениями и далеко идущими целями, отправил в Андалал для продолжения освободительной борьбы с конным отрядом, численность которого превышала 5 тыс. воинов. Одновременно он выдал своим сыновьям достаточную сумму для набора дополнительного ополчения, их экипировки, снабжения и подготовки их к предстоящему сражению⁵⁰. Кроме того Сурхай-хан написал письма “Акушинскому

---

* Между Сурхай-ханом и жителями Чоха в начале XVIII в. было заключено соглашение, где между прочим указано, что “жители города Чох будут рядом с Сурхаем и его сыновьями подобно тому, как их предки были с его предками”. (Письменные памятники Дагестана XVIII-XIX вв. Махачкала, 1989. С. 15-16).

обществу и Хунзахскому хану Нуцалу”, а так же к андаляльским джамаатам* и другим аварским и андопезским союзам сельских общин. Есть сведения, что письмо с призывом подняться на борьбу с кизылбашами он отправил даже довольно отдаленному от места предстоящих событий Гунзибскому обществу, граничащему с Грузией. Содержание этих писем было между собой очень схожее. Основной идеей, красной нитью проходящей в них, было беспокойство за судьбу горских народов и призыв подняться на священную войну с кизылбашами, грозящими горцам физическим истреблением. Вот образец такого письма-обращения, написанного Сурхай-ханом жителям сел. Чох: “От требующего помощи Сурхая своим дорогим братьям, самым лучшим друзьям, чохским ученым, хаджиям, молодежи. Эй, люди, имеющие в своих сердцах веру в объеме хотя бы одного золотника, выходите все воевать с кизылбашами. Сегодняшний день — это день, когда каждый мусульманин свято обязан идти на войну с проклятыми людьми”⁵¹. Кроме того, “Чолак Сурхай поручил своему писарю Али Мансуру написать обращение к Акушинскому обществу и хунзахскому хану Нуцалу, чтобы те оказывали помощь Муртуза-Али”⁵². Все это говорит о том, что опытный политик и дипломат Сурхай-хан хорошо понимал, что в сложившейся ситуации ему не устоять против несметных полчищ Надир-шаха. И он принял единственно разумный, как ему казалось, шаг в сложившейся обстановке — пошел “на мировую” с Надир-шахом. Этим решением, как можно судить по развернувшимся вслед за этим событиями, Сурхай-хан надеялся также усыпить внимание “мирозавоевателя”, выиграть время с тем, чтобы можно было подготовиться к решающей борьбе с кизылбашами. Проверим каждый из этих моментов.

Доподлинно известно, что 9 августа 1741 г. Сурхай-хан в сопровождении казикумухских старшин явился в стан кизылбашей и сдался на милость Надир-шаха. Последний занял Кази-Кумух, а основную часть войска своего расположил на местности “Гумучиял кур” между сел. Шовкра и резиденцией ханства. “Сурхай-хан, — свидетельствует И. Калушкин, — видя свое изнеможение против шаха стоять, запотребно признал со знатными старшинами шаху покорность принести”. И далее, развивая эту мысль, он продолжал: “Сурхай, видя горских людей в крайнем несогласии и себя самого от сыновей своих оставлен, через Гани-хана изъявил покорность”. Из этого пассажа не трудно догадаться, что бывалый русский резидент поверил официальной версии. Но мы-то хорошо знаем, что в Дагестане в это время, вопреки утверждениям современника, шло сплочение и объединение сил свободолюбивых горцев. И сыновьями, как увидим ниже, Сурхай-хан вовсе не был оставлен⁵³.

Это же событие, но с присущей ему витееватостью и известной гиперболизацией описал историограф шаха, Мирза-Мехти-хан. Хасбулат, Сурхай, уцмий и др. начальники, пишет он, “прибыли в славный лагерь и поцеловали

священное подножье, и снискали себе большие милости у его величества, они получили великолепные платья и лошадей с золотыми попонами”⁵⁴. Автор этого пассажа несколько сместил акценты. Шамхал Хасбулат, как сторонник, а точнее ставленник Надира не вел борьбу с Надиром. Удмий Кайтага сложил оружие и явился к шаху после того, как Сурхай-хан оказался в плену у шаха. Но дело не только в этом. Факт остается фактом, что все они, независимо от времени, оказались в стане кизылбашей и были “обласканы” Надиром. Всем им, как свидетельствуют источники, шах вручил халаты и другие подарки и возвеличил их⁵⁵. Что все это означает, и как можно оценить их пребывание в ставке завоевателя. Может быть, и на эту мысль наводят вышеприведенные сведения, это — заранее обдуманый и согласованный план действий. Если же это так, то, очевидно, надобно так же признать и то, что Сурхай-хан перед своей сдачей в плен разработал во всех деталях план и не менее расчетливо и удачно его осуществили Муртаза-Али и другие конкретные исполнители. Не вызывает так же никакого сомнения то, что шах поверил, что горцы уже повержены и тем самым упустил наивыгоднейший момент для вторжения в Аварию. Он не учел, что покорив часть Дагестана, нельзя считать, что горцы окончательно повержены. На это обстоятельство указывает известный английский историк Л. Локкарт. “Пока Авария, — писал он, — оставалась независимой, ключ к Дагестану оставался вне досягаемости Надира-шаха”⁵⁶. Если же “завоеватель вселенной” сразу же и внезапно со всей своей мощью вторгся бы в Аварию, еще неизвестно, чем могла бы закончиться эта, так называемая, Дагестанская кампания. Ведь тогда ни Андалал, ни другие общества да и само Хунзахское ханство не были готовы к борьбе. К счастью, этого не случилось. Было выиграно драгоценное время для подготовки к борьбе с могущественной армией шаха Надира.

Тем временем, как отмечалось выше, сыновья Сурхай-хана Муртуза-Али и Магомед-хан со своим отрядом а также с присоединившимся к ним конным отрядом даргинцев⁵⁷, полные решимостью довести до конца дело борьбы с кизылбашами, прибыли в Андалал. Это был не первый приезд Муртуза-Али в Согратль. Здесь он в юности пробыв ряд лет, обучаясь различным наукам. Возможно даже Муртуза-Али находился в Согратле в качестве эмчека у атылыка. Ведь известно, что в первой половине XVIII в. атылычество функционировало в горах Дагестана⁵⁸. Но как бы то ни было, Согратль был хорошо знаком Муртуза-Али и согратлинпы так же хорошо знали его. И поэтому, как говорится, он здесь был своим человеком⁵⁹. В первый же день своего приезда Муртуза-Али рассказал отцам Согратля обо всем сложившемся в Кази-Кумухе и о своем намерении продолжать борьбу с ненавистными кизылбашами. Весть об этом “разнеслась в Андалале с быстротой молнии. Во все села поскакали конные с приглашением на борьбу”⁶⁰. Мы же со своей стороны добавим, что

гонцы из Согратля ускакали и в отдаленные селения Аварии, и в другие районы Дагестана. Так что, начатая ранее подготовка к решающему сражению вступила во вторую, завершающую фазу. Характерно, однако, что дальновидные предводители горцев энергичную подготовку к новым схваткам вели в глубокой тайне, соблюдая осторожность, чтобы сведения об этом не дошли до кизылбашского руководства. Ничего не подозревающий шах НаDIR, упоенный своей победой над Сурхаем, с надеждой ждал, что коленопреклоненными к нему явятся почетные представители из разных концов Дагестана. «Видя Сурхая и усмея власти своей покорены, — свидетельствует И. Калущкин, — час от часу в такую заносчивую гордость приходит, которую и описать трудно и он хочет со всего Дагестана потребовать в службу до двадцати тысяч, а достальных перевести на житье в Персию. И для того в окрестные места разослал едва не все свое войско, между которыми и сопротивляющимися лезгинцами, понеже они о переселении слышать не хотят, непрестанные схватки происходят. Однако не могли против персиан (устоять) наконец принудимы бывают сдаваться, токмо по указу шаха ни единого человека живого не оставляют, но всех рубят напополам, а жен и детей их и по сие время достать не могут»⁶¹. Все это вызывало дополнительную ненависть к завоевателям. Простые горцы поняли, что их спасение только в борьбе и начали непрерывную партизанскую войну. Больше всего войска шаха беспокоили внезапные ночные нападения горцев, при которых они захватывали обозы, угоняли скот. «Даже вокруг лагеря шаха, — свидетельствует И. Калущкин, — из ближайших сел ушли в горы, оттуда в лагерь без боязни нападают по ночам, шах против воли своей с терпением все сносит». К тому же горцы, уходя из своих селений, уносили с собой буквально все съестное, не оставляя ни единого зернышка. И где бы не появлялись кизылбаши, их всюду встречали горцы с оружием в руках. «Хотя некоторые малочисленные деревни, — сообщает И. Калущкин, — без долгого сопротивления (шах) и преодолел», однако потом от других «крепкую оборону видел», из которых одна в «15 верстах от нашего лагеря, лежащая на горе, на некоторой, способной к обороне, высоте, по причине учиненного от нея и к вящему персианам посмеятельному руганию отпора заслужила имя, выступателям своим достопамятна была. В этом селении, — продолжает он, — всего 600 человек могли оказать вооруженное сопротивление. Против них был отправлен отряд в 1 тыс. воинов и с ними же был отправлен отборный отряд кизылбашей на всякий случай. В течение 10 дней происходила эта неравная борьба. Горцы сражались отчаянно, и все это время персы «принуждены были с нарочитым уроном отступать». Наконец, горцы предприняли самоотверженную вылазку, в ней вместе с мужчинами участвовали и женщины. Они врасплох застали персиан и из «оных с триста человек убили и много на поле полегли». Неожиданное для всех поражение

передового отряда кизылбашей внесло переполох в ряды запасного отряда, в итоге чего он так и не вышел из засады. На следующий день кизылбаши обнаружили, что ночью горцы покинули селение и ушли в горы. Озлобленные персы разрушили совершенно пустое селение⁶². Даже в самом Казикумухе, где были расположены специальные подразделения персидских войск, власть Надира, как совершенно справедливо подчеркивают М. Р. Арунова и К. З. Ашрафян, оставалась призрачной⁶³. Этим, пожалуй, и объясняется то, что кизылбаши встретили непреодолимое сопротивление попытке набрать на шахскую службу горцев. “И по сие время (т. е. 29 августа — В. Г.) из покоренных деревень, — заключает И. Калужкин, — в службу набрано только 200 человек”⁶⁴. Очевидно, шах понимал, что обстановка крайне обострилась и решимость народа не покоряться с каждым днем все более и более растет, но почему-то не отказывался или не был способен отказаться от традиционных мер и не пытался предпринять решительные шаги в сторону облегчения участи горцев и улучшения с ними взаимоотношений. Вместо того самоуверенный шах потребовал от Сурхай-хана и уцмия Кайтага Ахмед-хана снарядить по одному отряду войск в тысячу человек, поставить возможное количество провианта для кизылбашей и определить по тысячи человек для переселения в глубь Ирана. “Умеренность этих требований Надира, — заключает И. Калужкин, — объясняется опасением шаха не злобить и не ожесточать горцев против кизылбашей”. Возможно, что сравнение этих требований с тем, что он намеревался сделать, действительно были умерены. Но ведь выполнить их находящиеся под властью Надира владетели были не в состоянии. Если бы даже они вместе с кизылбаши приступили к выполнению “умеренных” требований Надира, все равно ненависть народных масс против завоевателей в несколько раз усилилась бы.

К этому времени шах НаDIR стал подозревать в неверности Сурхай-хана и подумывать, что он водит его за нос. А когда до шаха дошли достоверные сведения о том, что в Андалыле ведется подготовка к битве и что аварский хан помогает его недругам, шаху изменило терпение. “Ты, старый подлец, — кричал НаDIR на Сурхай, — скажи мне, что все это значит, где твой сын Муртуза-Али и что он с нудалом затевает?”⁶⁵.

Оказавшись в сложнейшей ситуации, Сурхай стал оправдываться и прикинулся в полной неосведомленности о событиях, происходящих в Аварии. И для пущей важности, явившись в сопровождении 400 воинов к “мирозавоевателю”, Сурхай-хан заявил, что он отказывается от владельческих прав, “понеже все его деревни, имея с аварским усеем (т. е. ханом — В. Г.) сообщение, учинились ослушны, а о сыновьях своих, где они скрывались и знать не может”⁶⁶. Не приходится сомневаться в том, что это было ни что иное, как очередная уловка дальновидного Сурхай-хана. Мы-то знаем, что он сам не только

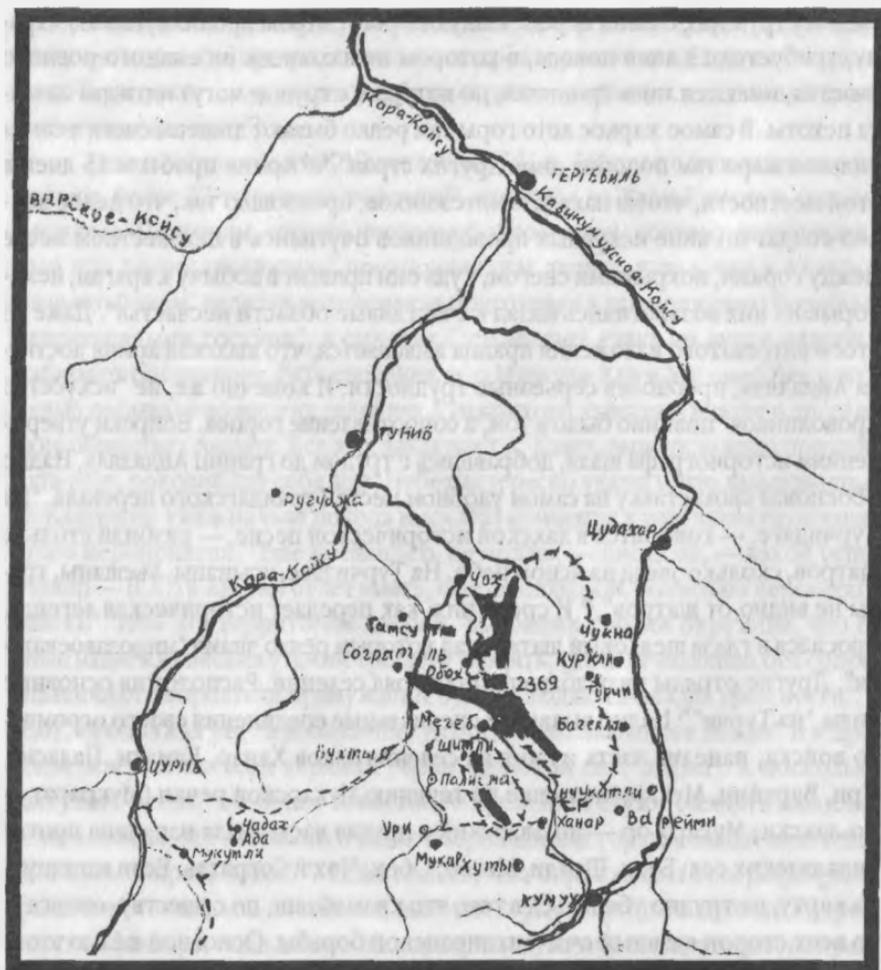
благословил, но и отправил своих сыновей в Аварию со специальным заданием — продолжать антииранскую войну. Он был так же в курсе всего того, что происходит в соседней Аварии, и еще лучше знал, что делают, чем заняты там его сыновья и по всей вероятности продолжал руководить их действиями. Как бы то ни было, полученные Надиром из Аварии неприятные для него вести ускорили выступление шаха из Кази-Кумуха.

В начале сентября 1741 года Надир-шах отправил большой отряд кизылбашей под командованием Лютф-Али-хана и Гайдар-бека в Аварию через Аймакинское ущелье, перед которым была поставлена задача не только отвлечения войск, как полагают иные, но и наступление с тыла, чтобы окружить Аварию. Шамхалу Хасбулату Тарковскому было велено действовать в центральном Дагестане, закрыть все дороги, ведущие в Аварию, с тем, чтобы в район будущих боев не смогли прибыть жители равнинной и предгорной зон Дагестана на помощь борющимся горцам. Даже по этим отрывочным данным вырисовываются основные направления стратегического плана Надира. Становится очевидным, что “мирозавоеватель” задумал окружить последний оплот свободолюбивых горцев Дагестана — Аварию со всех сторон, а затем планомерно по частям разбить и уничтожить горцев и поставить жителей гор на колени. Забегая несколько вперед, скажем, этой хитроумной задумке выдающегося для своего времени полководца Надира не суждено было осуществиться. Своими решительными и самоотверженными действиями, как увидим ниже, горцы предупредили ее. Бывалый военачальник шаха Лютф-Али-хан первоначально достиг тактических успехов, оттеснив горцев, опустошил весь Аймакинский район. Увлечшись борьбой, кизылбашаи проникли в Аймакинское ущелье, где их ожидало настоящее испытание: окружив кизылбашей, горцы, возглавляемые Ахмедханом Мехтулинским, учинили им настоящую резню. Большая часть 20-ти тысячного войска была истреблена⁶⁷. Разбитые наголову персиане, преследуемые горцами, бежали без оглядки. Такой же участи подверглись и отряды кизылбашей под командованием Гайдар-бека и Джалал-бека. От 4 тысячного его отряда осталось всего 500 человек, а потери Джалал-бека были еще более разительные. От 5 тысяч воинов у него осталось всего 600 человек. Победителям досталось много трофеев: 19 пушек, много боеприпасов и весь обоз⁶⁸. Горцы одержали так же внушительную победу в местности Койлюдере (?) над отрядами кизылбашей, предводительствуемыми Атаханом, Мухаммед-Яр-ханом и Джалал-ханом. При этом погибло большое число кизылбашских солдат и офицеров и среди них сам Джалал-хан. Горцы пленили более тысячи человек, захватили артиллерию и большое число боеприпасов и др. трофеев⁶⁹. Только командному составу и небольшому числу рядовых, пишет Каяев, удалось спастись бегством⁷⁰. Столь же безуспешны были действия Хасбулат-шамхала. В Кайтаге горцы напали на кизылбашей,

разбили специальный отряд, сопровождавший огромную сумму, присланную шаху из Индии. Вскоре такой же случай произошел во владении самого шамхала Тарковского, где горцы разбили отряд кизылбашей и захватили казну, которую везли шаху⁷¹.

Еще до этих событий, 12 сентября 1741 г., Надир с основными своими силами, более 52 тысячным войском⁷², двинулся из Кази-Кумуха в сторону Андалаяла. Повторим, что это несколько запоздалый, поэтому недальновидный шаг “мирозавоеватель” предпринял, как только узнал, что в Андалаяле “под его боком” ведется интенсивная подготовка к продолжению борьбы “с непрошенными гостями”, а сыновья Сурхай-хана ездят по аулам Аварии и набирают ополченцев. Есть сведения, что Муртуза-Али и Магомед-бек с этой целью побывали во многих селениях Хунзахского ханства, Гидатле и др. сельских обществах Аварии. Все это, заключает А. Каяев, вынудило шаха предпринять этот, роковой для себя шаг. Небезынтересно указать, что дальновидный И. Калушкин уже в начале похода высказал сомнения в успешном окончании этого мероприятия. “Еще предвидеть не можно, — писал он, — какой успех (Надир — В. Г.) в Аварии будет иметь, еще не инако как бездельно персидское войско”. Ибо эта территория Аварии “высокими горами окружена, что на оные надлежит весьма узкими тропами входить, где наступающим без сопротивления от неприятеля принуждены будут в людях и лошадях урон нести”. К тому, продолжал он, “в добавление непрестанно льющиеся дожди” и в прошлом “августе по всем верхним горам глубокий снег выпал”. А поскольку наступает осень, “то более ненастного времени и стужи ожидать надобно, отчего войска, яко же слыша о таких непроходимых горах, с вящим нехотением в путь отправляются”⁷³. Естественно, что окружающая географическая среда: пересеченность местности, высокие горы, отсутствие колесных дорог, и другие факторы сказывались на моральном духе и боевой готовности иранской армии. Однако, не это было основной причиной моральной подавленности многотысячной шахской армии, привыкшей воевать в горных условиях Афганистана, Индии и др., а главным образом то, что они, загнанные сюда волей Надира, были вынуждены бороться и умирать за несправедливое дело с противником, проявляющим неслыханное упорство в сопротивлении и решимость горцев умереть, но не покориться. Трудно преодолеть народ, который поднялся, как один, в защиту своей родины, чести и свободы, который умело и с толком ведет партизанскую войну. Победа или смерть — другой альтернативы у горцев не было. Поэтому при переходе из Кумуха в Андалаял кизылбашам пришлось испытать немало драматических часов. Эти события, в присущей ему манере, обрисовал историограф шахского двора Мирза-Мехти-хан. “Надир-шах, — пишет он, — выступил в поход против мятежников Авара, которые живут в наиболее отдаленной части Дагестана... Невозможно опи-

сать эту трудную, сильно пересеченную дорогу. Чтобы проникнуть в эту страну, требуется 12 дней похода, в котором не находишь ни единого ровного участка, имеются лишь тропинки, по которым с трудом могут идти два солдата пехоты. В самое жаркое лето горы там редко бывают лишены снега и самая сильная жара там подобна зиме других стран”⁷⁴. “Армия пробыла 15 дней в этой местности, чтобы наказать мятежников; произошло так, что целое войско солдат по вине искусных проводников очутились в неизвестном месте между горами, покрытыми снегом, куда они пришли в добычу к врагам, некоторые из них возвратились назад в счастливые области несчастья”. Даже из этого витееватого изложения иранца выясняется, что шахская армия достигла Андалаяла, преодолев серьезные трудности. И конечно же, не “искусство проводников” повинно было в том, а сопротивление горцев. Вопреки утверждениям историографа шаха, добравшись с трудом до границ Андалаяла, Надир обосновал свою ставку на самом удобном месте Турчидагского перевала. “На Турчидаге, — говорится в лакской исторической песне, — разбили столько шатров, сколько звезд на ясном небе. На Турчидаге, усыпаны, увешаны, травы не видно от шатров”⁷⁵. И среди них, как передает историческая легенда, бросался в глаза шелковый шатер, над которым реяло знамя “мирозавоевателя”. Другие отряды кизылбашей заняли ряд селений. Расположив основные силы “на Турчи”⁷⁶ Надир выдвинул специальные соединения своего огромного войска, нацелив часть из них на селения лаков Ханар, Камахи, Паласма, Ури, Варайми, Мукар, “лежащие по течению Мукарской речки (Мукрарат — по-лакски; Мукара-ор — по-аварски), а другая часть была нацелена против андалаяльских сел. Бухи, Шитли, Мегеб, Обох, Чох и Согратль. Если взглянуть на карту, не трудно убедиться в том, что кизылбаши, по существу, опоясали со всех сторон главный очаг антииранской борьбы. Основной целью этого стратегического плана шаха, надо полагать, было то, чтобы постепенным сужением кольца окружения устроить горцам “котел”, штурмом овладеть Согратлем и уничтожить всех обороняющихся. Как мы уже отмечали, в Андалаяле подготовка к решающему сражению шла уже давно, а после прибытия сюда со специальным отрядом сыновей Сурхая Муртуза-Али и Магомеда, она приобрела еще большую интенсивность. По всему Дагестану разнесли гонцы весть, “зовущую на войну прославленных героев. Кто хочет победы над врагом отчины, говорилось в призыве, тот пусть прибудет в долину Согратля”. Этот тревожный голос был услышан во всех частях и всеми народами многоязычного Дагестана. И как следовало ожидать, многие горцы по зову сердца откликнулись на призыв из Андалаяла. И началось небывалое до этого единение горских народов. Все увеличивающимся потоком шли в Андалаял горцы, пол-

Турцидагско-Андалялское сражение

— Турчи-даг.

— Расположение войск Надир-шаха на Турчи-даге.

— Направление наступления иранских войск.

— Ставка Надир-шаха на Турчи-даге, откуда виднелся Согратль, Гамсутль и очертания Обоха, Мегеба и др. сел.

ные решимости победить или умереть, но не склонить гордые головы перед презренным завоевателем. “Словно потоки после грозы, — говорится в лакской героико-исторической песне, — стали стекаться юноши — лакские воины.

*Аварцы, кюринцы отрядами шли,
Акушинцы, кумыки, кайтагцы и даргинцы.
Шли, как будто родники, текущие в реку”*⁷⁷.

Этот же мотив объединения горцев присутствует в исторических песнях чуть-ли ни всех народов Дагестана, посвященных их борьбе с Надиршахом. Как только разнесся по горам клич о предстоящей борьбе с кизылбашами, говорится в аварском эпосе,

*“Снарядились хунзахские “дайтили”.
Оделись в панцири Билала
Перекинули через плечо андийские бурки,
Взяли кремневки в чехлах из волчьего меха,
Оседлали лошадей седлами из Гиляса,
Подпоясались саблями, рассекающими лошадь с человеком,
Сели на коней, опережающих на скаку дичь
Выступили в поход соколы индийские”*⁷⁸.

Предание “Дайтилал”, записанное в свое время проф. Р. М. Магомедовым в Аварии передает, что тухум Дайтиевых вместе с тухумом Угузилал во время нашествия кизылбашей проявили инициативу “сплочения народа и организации ополчения, отличившегося в решающей битве у Согратля”⁷⁹.

В одном из вариантов аварской героической песни говорится:

*Люди Андаляла так обратились
К племенам соседним, братьям их верным:
Эй, вы, гидатлинцы и какрхинцы,
Эй, вы, телетлинцы, и вы, хелинцы!
Поспешите, братья, придти на помощь!*⁸⁰

В этом варианте отмечен только факт обращения андаляльцев к своим ближайшим соседям, к жителям аварских союзов сельских общин. Кстати сказать, эти сведения, как увидим ниже, находят документальные подтверждения в дошедших до нас обращениях организаторов борьбы с кизылбашами. И эти призывы, доходившие до сердца каждого горца, народные массы встречали с пониманием и оказали, как известно, огромное воздействие в подготовке народной борьбы. Об этом образно писал табасаранский поэт XVIII в. Мирза Калукский:

*“Подъемемся все, как один,
Как горные смелые львы.
Тот, кто может не устоять.*

Сел. Чох. Фото конца XIX в.

*Пусть не выходит на поле боя.
Горцы Дагестана, как братья,
Сплотятся в единую семью:
Тавлинцы, жоринцы, кайтаги и яхулы*
Братья — все помогут”⁸¹.*

Народным откликом на необходимость объединения горцев различных районов в борьбе с заклятым врагом являются бытующие до нашего времени в Южном Дагестане песни, предания и легенды. В лезгинской “Песне о разгроме Надир-шаха” говорится:

*“Лезгины, лакцы, восстаньте!
Вспомните матерей, вскормивших вас.
Уничтожьте врагов, причинивших столько горя и зла”⁸².*

Прибывших в Андалал ополченцев опытные горцы обучали приемам борьбы, стрельбы, рукопашного боя. Эти занятия, согласно устной традиции аварцев, проходили в местности Агилав, Эбул-раал, в приближенной к боевой обстановке⁸³. В то же время с большим старанием, настойчивостью, целеустремленностью и умением велась работа по сплочению и объединению сил горцев Дагестана. Используя свой авторитет и популярность, алимы, преподаватели мусульманского духовенства обращались к народу словом и делом и делали все возможное, чтобы укрепить, сплотить и воодушевить горцев на ратный подвиг. В своих многочисленных проповедях и письмах-обращениях, разносимых гонцами буквально в каждый горский аул, они не только готовили народ к священной войне с кизылбашами, но и конкретными советами помогали горцам крепить оборону. К сожалению, из большого числа писем — обращений, сыгравших значительную роль в подготовке горцев к предстоящим боевым схваткам, не все дошли до нас. По всей вероятности, какая-то часть уцелевших документов еще хранится в тайниках личных коллекций, а другие, возможно, безвозвратно утеряны для науки. Однако, быть может, самая малая часть находящихся в распоряжении исследователей довольно прозрачно говорит о характере этих драгоценных для нас документов. Думается, что фронтальное обследование частных коллекций, существующих в районах Дагестана и фондов архивохранилищ страны, может дать в руки исследователей дополнительный материал, а их публикация, отвечающая современным требованиям, будет иметь не только научно-познавательное значение, но и практическое применение. Но это дело ближайшего обозримого будущего. А пока рассмотрим некоторые из дошедших до нас материалов. В одном из своих обращений к населению Гидатлинского союза сельских обществ из-

---

* Тавлинцы — аварцы, яхулы — лакцы.

вестный в то время в горах богослов Ибрагим-Хаджи Гидатлинский, наряду с призывами подняться на борьбу с кизылбашами, писал: “Вам необходимо построить вал вокруг села Тидиб, запастись провиантом”, и в свою очередь обещал предпринять все усилия, чтобы объединить мусульман “и по мере возможности призвать врагов к миру”⁸⁴.

В письмах, адресованных жителям союзов сельских общин, вместе с традиционным для того времени обращением он подчеркивал о “необходимости незамедлительно подготовиться к борьбе, так как сейчас самое подходящее время”. Следует особо подчеркнуть, что ученые-богословы Дагестана сделали попытку предотвратить кровопролитие и мирным путем решить спор с “завоевателем вселенной”. С этой целью лично к Надир-шаху с большим письмом обратился Ибрагим-Хаджи Гидатлинский. Как подобает ученому, он начинает свое письмо с традиционного восхваления Аллаха, затем передает от себя и всего Гидатлинского общества (джамаата) салам (привет) “вождю огромной силы” и продолжает: “Вы, всемогущий властелин, если вы прибыли в Дагестан с огромной армией, с шамхалом, с намерением разорить жилища и унижить мусульман, да помилует вас Аллах! До сих пор мы не обращали внимания на всякого рода призывы, зовущие нас на борьбу, и оставались спокойными. Учтывая указания Корана, который гласит: “Как бы вы хотели чтобы с вами обращались, так обращайтесь и вы с другими”. И ныне вам говорим: “Ай Тамаз (Тахмасп-Кули-хан — В. Г.) вы сполна отомстили Сурхаю. Забрали все его имущество, разорили его села, истребили его людей. Какие же претензии у вас к остальным джамаатам Дагестана? И с какой целью шамхал отправлен в сторону Аймакинского ущелья? Опомнитесь! Ради Аллаха, просим прислушаться к аятам Корана и указаниям нашего пророка, где сказано, что творящие насилие на земле — враги Аллаха, поэтому-то Аллах призывает насильников к ответу. Прислушайтесь к словам нашего пророка! Вернитесь к себе домой! Клянемся Аллахом, мы не хотим с вами воевать, особенно с шамхалом, ибо с ним у нас издавна велась дружба... Надо ведь с насильниками сражаться до тех пор, пока они не будут послушны Аллаху. Таково требование Корана. Мы бы из своих домов не вышли бы и вы не проливайте кровь мусульман. Мы не ваши райяты, и мы никаких податей и повинностей вам не несем. И мы не какие-то кяфиры, чтобы с нами воевать. Поэтому-то мы просим вас, возвращайтесь назад. И если вы, не приняв во внимание нашу просьбу, не вернетесь обратно, мы положимся на великодушие Аллаха и как сказано “будет то, что будет, но не будет того, что не предписал Аллах”⁸⁵. У нас нет никаких сведений о том, как отреагировал шах на это объемистое и встревоженное письмо ученого. Однако, из последующих действий кизылбашей видно, что Надир и на сей раз не прислушался к мудрому совету старца. Как бы то ни было, в другом варианте, а может быть во вторичном письме Ибра-

гим-Хаджи написал предупреждение шаху. “Вы, — писал он пророчески, — не гордитесь, что вас много, что вам никто не оказал достойного сопротивления. Аллах сказал: “Ваше общество не поможет вам, сколько бы вас ни было. Помощь будет только от Аллаха”. Как сказал пророк: “Угнетатель выполняет волю Аллаха на земле, а потом Аллах наказывает угнетателя за людей”. Вы возвращайтесь домой, ради Аллаха, с вашей гордостью. Возвращайтесь, пока жители не начали проклинать вас. Как сказал пророк: “Один день мы выигрываем, на другой день проигрываем”. Мы не хотим с вами воевать, хотя мы знаем, что одолеем вас... А вы, не проливайте кровь мусульман. И не думайте, что вы все время будете побеждать... Как сказал один хаким: “Кто борется за справедливость, тот победит”⁸⁶. Убедившись в том, что его обращения к предводителю кизылбашей остаются “гласом вопиющего в пустыне”, Ибрагим-Хаджи, так же как и другие патриотически настроенные алимы, стал призывать народ к открытой вооруженной борьбе. В письме, адресованном чародинцам, Ибрагим-Хаджи писал: “До каких пор вы будете осторожничать и не выйдете врагу навстречу. Вы что думаете, что вас оставят спать в своих постелях, если кизылбаши завоюют остальной Дагестан. Если у вас имеется хоть зерно совести, то выходите и спешите... Вы не верьте всяким слухам, задерживающим ваше выступление. Скорей, скорей выходите. И передайте наш призыв окружающим”⁸⁷. Тогда же он, совместно с предводителем гидатлинского отряда Денга, обратились к “гумбетовцам, боглихцам и ансалтинцам”. “Вы готовьтесь, — говорилось в призыве — выйти навстречу врагу. Аллах наделил Вас храбростью и отвагой. Мы сейчас убедились, что одолеем врага, поэтому послали в разные края призывы объединиться для борьбы с врагом! Не смотрите на тех, кто не может взяться за оружие. Если бы вы знали то, что знаем мы о положении врага, то вы бы выступили незамедлительно”⁸⁸.

Аналогичные письма Ибрагим-Хаджи и его сын в то тревожное время разослали и в другие районы. В одном из них, адресованном “молодым героям Каралал, Багулал — ахвахам и жителям сел. Асхаб”, сын Ибрагим-Хаджи от себя и “всей гидатлинской молодежи” писал: “Да сохранит Вас Аллах от злорадства врага. Аминь!”. Затем: “Когда мы получили известие от другого кунака, храбреца Каблани Герейхана, мы устыдились, испугались Аллаха. Нам стало стыдно от своих детей. Он выступил, чтобы защитить нас от врага. Почему мы ждем, когда мы ему нужны. Мы не услышали призыв Сурхай-хана. Мы надеемся на ваше героичество, что вы поможете нам на этот раз. После получения этого послания вы должны выступить. Мы ждем вас. Выступить мы должны в четверг, 8 числа августа”. Затем сын Гаджи писал: “Я прибыл к Сурхай-хану. Он обещал обеспечить нас питанием и фуражом для лошадей. Вы не волнуйтесь”⁸⁹.

Небезынтересно указать, что накануне наступления Надира на Андалал

с ним лично встретился известный богослов и поэт Абу-Бакар Гаджи Аймакинский. К сожалению, нам точно не известно какие вопросы обсуждались при аудиенции у шаха Ирана. Но не приходится сомневаться в том, что алим приложил максимум усилий, чтобы убедить Надира приостановить движение и отвлечь кровопролитие. Но как и следовало ожидать, его призывы к благоразумию оказались безрезультатными. Впоследствии Абу-Бакар говорил слушающим, что до этого к нему во сне являлся «посланник Аллаха Мухаммед много раз. На ковре угнетателя Тахмасп-хана я встретился для переговоров между ним и мусульманами. Я одел подаренный мне халат и взял его подарки. После возвращения от Надира я больше не видел (во сне) посланника Аллаха Мухаммеда⁹⁰.

Даже накануне рашающего сражения предводители горцев, в надежде избежать кровопролития, отправили шаху представительную депутацию с мирным предложением. Однако шах, вероломно нарушив нормы издавна сложившихся традиций обращения с парламентарями, убил всех членов депутации. И когда эта печальная весть о коварстве шаха Надира дошла до Согратля, кади будто-бы сказал: «Теперь между нами не может быть мира. Пока рассудок наш не помутится, будем воевать и уничтожим вторгшегося врага»⁹¹.

Детально проанализировав сведения памятников устного народного творчества Дагестана, известный кавказовед Л. И. Лавров пришел к выводу, что заключительную часть борьбы с Надиром и общее руководство горскими отрядами осуществлял сын Сурхай-хана Муртуза-Али. «Песни и предания, — подчеркивает он, — приписывают ему военное руководство дагестанскими народами при отражении нашествия Надир-шаха»⁹². Другие полагают, что руководство осуществлял андалальский кади Пир-Магомед или даже согратлинский кади Дибир-Муса. При движении на Андалал, говорится в предании, записанном проф. Р. М. Магомедовым в сел. Мегеб, «в Согратле находился тогда глава андалалцев — согратлинский кади Дибир-Муса»⁹³. В исторической легенде, записанной им же в сел. Согратль, говорится, что в завершающем сражении главой согратлинцев стоял Магомед-Кадиг⁹⁴.

Согласно устной традиции, на совещании военачальников, состоявшемся в Согратле, «все присутствующие просили Муртуза-Али взять на себя общее руководство операцией»⁹⁵. К сожалению, каков был результат этой просьбы и было ли по этому вопросу принято решение, исторические легенды до нас не донесли. Но в ряде фольклорных произведений, в том числе и в большинстве вариантов аварского эпоса, во главе изображающихся событий поставлен подвиг Муртуза-Али⁹⁶. Кажется, в одном только варианте, подготовленном в 1943 г. к. ф. н. М.-С. Саидовым и Ш. Кадиевой⁹⁷ этот образ, как подчеркивал А. Ф. Назаревич, второплановый⁹⁸. Но почему такое произошло в сводном тексте, подготовленном М.-С. Саидовым и Ш. Кадиевой, составите-

ли и комментаторы не объяснили. А. И. Тамай со сноской на сочинения “Тарих” пишет, что “военными действиями на территории Андалаля руководил Ахмед-хан Мехтулинский”⁹⁹. Иначе говоря, автор склонен считать, что Ахмед-хан руководил обороной указанных Андалалских селений¹⁰⁰. В недавно опубликованной статье журналист М. Абакаров среди наиболее отличившихся героев Андалалского сражения упоминает “взявшего общее руководство над ополчением Пир-Магомеда”¹⁰¹. В отличие от него Н. Сотавов утверждает, что прибывшие из различных концов Дагестана воины объединились вокруг сыновей Сурхая — Муртуза-Али и Магомеда и осуществлявшего общее руководство военными операциями Ахмед-хана Дженгутаевского¹⁰². Все это общее и неконкретно. А главное, все упомянутые авторы говорят о руководящей роли лишь при обороне андалалских сел. Но ведь произошло сражение объединенных отрядов и при Турчи-Даге? Такой разброс мнений о руководителе борьбы очевидно объясняется тем, что решающее сражение, как полагают иные, проходило не на одном поле боя. Кстати сказать, на большой территории, протяженностью от лакского сел. Убра до андалалских сел Чох и Согратль, с учетом сильно пересеченного ландшафта и бездорожья, трудно, если не сказать — невозможно, управлять битвой из одного центра, одним главнокомандующим. В главной ставке могла быть поставлена общая задача предпринять согласованность сражения, а отдельными, в равной степени важными, направлениями боя руководили выше указанные лица. Можно признать, что сражением на Турчи-Даге руководил Муртуза-Али, боями при Согратле, Чохе и др. местах Андалаля — Ахмед-хан Мехтулинский, кади Согратля и Чоха. Началось сражение на Турчи-Даге, и продолжалось “одновременным нападением кызылбашей” на Согратль, Обох и Чох. И все же надо признать, что этот важный во всех отношениях вопрос нуждается в дальнейшем объективном и аргументированном изучении. А сейчас же совершенно очевидно, что все эти лица, о которых шла речь, все вместе, и каждый по-своему, сыграли выдающуюся роль в решающей битве, о чем речь ниже. К сожалению, до сих пор невыясненным остается так же вопрос об авторстве стратегического плана сражения, решившего судьбу так называемой дагестанской кампании. Согласно же дошедшим до нас устным преданиям, на совещании горских военачальников, после довольно острых дебатов, многие участники его как будто готовы были принять оборонительный план, который сводился к тому, что горцы должны были вступить в борьбу после того, как кызылбаши начнут фронтальное наступление. Не приходится сомневаться, что в этом случае горские отряды чуть ли ни добровольно уступали бы инициативу надировской орде. Принятие этого плана, изначально чреватого многими трудностями, поставило бы горцев перед лицом поражения. В партизанской войне, которую вели горцы, ни в коем случае нельзя упускать инициативу. К счастью

этого на сей раз не случилось. Когда обсуждение вопроса дошло до своего апогея, поднялся высокого роста старец и предложил такой план: "Следует напасть первыми, не ожидая нападения врага, — сказал он. Сперва нужно напасть на табун иранской кавалерии, перебить или захватить ее, это лишит иранцев их лошадей, а потом можно нападать на их лагерь"¹⁰⁴. По всей вероятности легенда не точно передает последовательность происходившего на совещании обсуждения плана решающего сражения и конечно же не передает дословно сказанного "высоким стариком". Не исключена также возможность, что некоторые детали легенды являются поздним осмыслением. Такое, как известно, часто наблюдается в исторических сказаниях. Но как бы то ни было, независимо от того, кто автор и кто именно осуществлял практическое руководство им в сражении, надо признать, что это был единственно верный план, который в какой-то степени уравнивал силы борющихся. Вместе с тем нельзя не удивляться и не восторгаться гением горского стратега и простотой исполнения замысла. Очаровывает и главный герой этого плана — простой горец-исполин с его беспрецедентным подвигом. На совещании, как бы мы сейчас сказали, в главной ставке командования помимо принятия стратегического плана были намечены и конкретные его исполнители. Все наличные силы горцев были разбиты на 6 крупных отрядов, утверждены их командующие. И как подобает в таких случаях, было "решено сохранить осторожность и секретность", чтобы о нем не узнали кизылбаши¹⁰⁵. Предводители горцев, имея целью подбодрить, выступали перед ополчением. "Горячее огня речь он (т. е. Мургуза-Али) произнес", — говорится в лакской героико-исторической песне.

"Герои, мы объединились, чтобы сражаться.

Мы готовы отомстить врагу

Сегодня на поле покажите,

Что в нас еще живо мужество отцов.

Кто сегодня погибнет, его имя вечно будет жить.

Мы сегодня должны врага истребить,

Отчий край должны освободить.

Ведь настоящие герои умирают в бою,

При родах умирают молодые матери.

Вода, текущая вниз, если вспять потечет,

И тогда не отступим, только вперед пойдем!

Если даже встанут покойники из могил,

Не подставим спины пулям врага!

Если даже солнце с запада взойдет,

Не сложим оружие, пока враг жив!

С ненавистным врагом в жестоком бою

Иль умрем, иль победим в священной войне!"¹⁰⁶

Надо полагать, что такую речь перед собравшимися действительно мог произнести не только Муртуза-Али, но и другие предводители горцев. Кроме того, согласно аварскому эпосу:

“И каждый день глашатай Согратля кричал:

От оробевшего в бою жена пусть уйдет!

А ну-ка, молодцы, эй, вы, красавцы! —

Сегодня ослабевший — не приятель мне.

В бою оробевший не товарищ мне!

Саблями стальными разите, молодцы,

Пока на лезвии не сгустится кровь!

Из метких кремневок стреляйте, молодцы,

Пока на дулах кремневок не застелется дым”¹⁰⁷.

Как и было условлено, вечером накануне сражения горские смельчаки незаметно подкрались к лагерю кизылбашей, бесшумно сняли часовых, порезали у части коней сухожилия, а значительную часть их угнали в лагерь лакского предводителя Муртуза-Али как сказано в легенде, записанной проф. Р. М. Магомедовым¹⁰⁸, кизылбаши очнувшись утром, узнали о случившемся. Это было плохое предзнаменование, это был чувствительный удар по боеспособности кизылбашей. Из-за своей неосторожности и неосмотрительности, вот так вдруг, они лишились большого числа лошадей, что ограничило подвижность шахской армии и лишило ее маневренности, но поправить положение уже было нельзя. Они не могли не начинать уже по существу начавшиеся боевые действия. Шах и его окружение были уверены, что горцы не смогут противостоять мощному натиску многочисленных войск кизылбашей. Надеялись, что им без особого труда удастся смять и принудить горцев просить пощады. Уверившись в свои силы, шах Надир перед началом выступления, согласно устной традиции, послал к горцам длинное послание с требованием покориться и принять его условия, в противном случае, угрожал он, жителей ждет катастрофа. Ответ согратлинцев был очень коротким, всего два слова: “Если..., а если!” Первоначально шах и его окружение не могли решить эту горскую шараду. Однако один из наиболее проникательных иранцев расшифровал смысл этого загадочного ответа горцев. Он означал: “Если люди идут по правильному пути — бог на их стороне, а если нет — то им следует винить лишь самих себя”¹⁰⁹. Думается, что этот глубокий по смыслу ответ не нуждается в особых комментариях. И так ясно, что идущие по правильному пути — это горцы, а персам, насильникам, идущим не по праведному пути, не приходится рассчитывать на Всевышнего. Кизылбаши все поняли и уразумели. Но не прислушались к разумному совету. И грянул бой. А начался он, если верить горским сказаниям, с поединка между иранскими и горскими богатырями. Чуть ли ни из каждого андаляльского селения, Согратля, Чоха и др. мест

горские богатыри выходили победителями. И лишь тогда на многих участках начиналась затяжная, жестокая кровопролитная борьба. “Громом огласились, — говорит лакский эпос, — горные долины. Казалось, небо валится на землю. То не гром гремел, низвергая ливень, а герои горцы метали пули на вражескую рать, обрушиваясь на них свинцом. Крепко прижав длинные пики, мчатся на быстроногих скакунах, развивая на ветру андийские бурки, как орлы двинулись на врага отряды горцев. Цудахарский кремль сыпал огненные искры, как огонь лился на врага горячий свинец. От грохота глухли уши, от яркого пламени ослеплялись глаза, как будто ад извергал огненное пламя. Разгоралась кровавая битва, как будто небо сражалось с землей”¹¹⁰. В другой исторической легенде начало боя описывается следующим образом: “Войска сошлись, потекли реки крови, гул стоял в долинах горных. Это не был буран, приносящий обвалы, и не гром, сопровождающий грозу. Это были пули, посланные героями и накрывшие врагов словно иней”. И каждое сражение завершалось рукопашной схваткой. Горцы дрались отчаянно, самозабвенно и самоотверженно. Во вражеское войско, подобно льву, врывается Нур-Магомед, падают скошенной травой кизылбаши перед Гаджи-Мусою¹¹¹. “Убитых лишь уберут, — по пяти” падают, говорится в предании. Все до единого отчаянно сражаются горцы, “как будто всех их окрылил Аллах”. Со своего командного пункта за боем наблюдает Надир-шах и вдруг в поле его зрения попадает всадник на вороном коне. Удивленный смелостью всадника и ведомого им отряда, встревоженный шах Надир спрашивает у сидящего рядом пленного Сурхай-хана: “Знаешь ли кто на вороном коне и откуда подоспел пришедший отряд?” Ему с усмешкой отвечает Сурхай: “Подоспевший отряд — хунзахские дайти, огнем оружий вспалившие мир. Не слыхивал разве о хороших храбрецах? Всадник на вороном коне — мой Муртуза-Али, да отвалятся обе его руки за то, что без моего разрешения начал бой”. Как бы не обращая внимания на последние слова, Надир причитает Сурхаю:

*“Пусть твои руки отвалятся, безрукий Сурхай!
Не грешно ли это желать такому храбрецу!
Дагестан и Гуржистан были бы твоими, Сурхай,
А мне взамен твои хунзахские дайти, Сурхай,
А мне бы твоего иметь Муртуза-Али, Сурхай”.*

Этот сюжет нами заимствован из аварского эпоса. Аналогичное описание этого эпизода с приемом диалога содержит и лакская историко-героическая песня, а также исторические легенды, зафиксированные учеными в Кази-Кумухе, Чохе и др. селах нагорного Дагестана¹¹². Вчитываясь в эти памятники, отражающие исторические реалии, убеждаешься в том, что они, дополняя и уточняя друг друга, привносят много ценного в восстановление объективного хода истории сражения. Несмотря на героическую и самоот-

верженную борьбу, войска шаха волнообразной лавиной двинулись на горцев. Уверенный в своей победе Надир, согласно преданиям, с усмешкой обратился к своему пленнику и спросил:

*“Погляди, погляди безрукий Сурхай, —
На твои скопища, на мое войско!
• Погляди со вниманием, горный Сурхай
На моих котлов, на твоих мышей!?”*

Добиваясь определенной эмоциональной нагрузки, как бы подогревая напряжение слушателей, безымянный автор вкладывает в уста хорошо знавшего горский нрав, проницательного Сурхая пророческие слова:

*“Не говори, каджар, таких слов:
За день возвращается солнечный мир.
Волчий нрав имеют горы эти,
К завтрашнему дню узнаешь каковы они”¹¹³.*

И действительно, в последующие дни сражения персы на себе почувствовали силу гнева горцев. По всем направлениям битвы горцы нанесли персам ощутимые удары. Кажется персам удалось оттеснить горцев у селения Обох. В 1154 г., т. е. в 1741 г., кизылбаши, согласно памятной записи, “вошли в селение Мухи и в Убух (т. е. Меgeb и Обох), а из них пошли в сел. Сугур (Согратль — В. Г.) и при помощи Аллаха были обращены в бегство”¹¹⁴. Это произошло на пятый день сражения. Как и предполагалось по плану, горцы дали кизылбашам вблизи Согратля бой на наклонной плоскости, ограниченной рекой у довольно крупного горного отрога. Местность эта была выбрана не случайно. Здесь не могли быть использованы ни крупные кавалерийские силы, ни большое число пехоты. Не могли персы в полной мере использовать и свою довольно мощную артиллерию с тем, чтобы не угодить в своих солдат. Все это как бы уравнивало силы сторон, лишая противника маневра крупными силами, что крайне выгодно было горцам. Но задача состояла в том, как и каким образом завлечь кизылбашей именно на эту местность. И эта задача, как вскоре убедились и сами враги, горцами была выполнена блестяще. С этой целью небольшие, но мобильные горские отряды молниеносно нападали и нанося кизылбашам ощутимый удар, тут же отступали. Говорят, шах заподозрил какой-то подвох в этих действиях горцев, но будучи увлечен желанием завершить сражение победой, поддался своим эмоциям и приказал войску уничтожить отряды горцев. Традиционная тактика горцев и на этот раз оправдала себя. Дело было сделано. Врага принудили принять бой на выгодной для горцев местности. Началось сражение. Кизылбаши навалились всей своей мощью. Оборона горцев едва сдерживала мощный наступательный порыв обезумевших в своей злобе кизылбашей. На ряде участков оборона стала давать сбой. Возникла критическая ситуация. Казалось, никто и ничто

не в состоянии удержать наступательный порыв персов. “Надир в диком восторге предвкушал победу”. Горцы бились из последних сил. Весть о нависшей над горцами беде с быстротой молнии разнеслась по ближайшим селам края. И в этот трагический для горцев, сражавшихся с персами, момент неизвестно по чьей инициативе и под чьим командованием собрались женщины окрестных аулов и хуторов, вооруженные чем попало, и с таким напором набросились на персов, что первоначально те опешили, а затем, под все возрастающим их натиском — потеснились. Это явилось как бы сигналом для новой схватки. Неимоверной мобилизацией сил горцы нанесли удар такой силы, что принудили кизылбашей к отходу. В это решающее время пленник Наидира Сурхай-хан по преданию стал подбадривать находившегося в самой гуще кровавого сражения сына Муртуза-Али. Само собой понятно, что такого диалога во время битвы не могло произойти между пленным отцом и отчаянно сражающимся сыном, но несомненно, что этот диалог представляет большой интерес и не только как литературный прием, воздействующий на слушателей, но и для уяснения взаимоотношений отца и сына и для понимания душевного состояния плененного Сурхая. Не приходится сомневаться в том, что мечтал он о победе объединенных сил горцев. А когда горцы стали теснить кизылбашей, он раскрылся:

*“И стал кричать безрукий Сурхай-хан:
— Прошу, прошу, сын Муртуза-Али,
Если сможешь, постарайся,
Не давай скряться воинам каджар”.*

Находящемуся на командном пункте Надира отцу Муртуза-Али отвечал:
*“Сверху не кричи, мой отец Сурхай,
Рука моя правая отнялась совсем...
В моих глазах цвета яшмы кровавый пот”.*

Не обращая внимания на слова сына, отец подбадривает его: “Если рука твоя болит, и в глазах твоих кровавый пот, найду лекарей, заставлю вылечить”. Муртаза-Али сетует еще, что “согнулось острие египетской сабли и задеревенели губы у моего коня”. На это Сурхай отвечает: “С золотой рукояткой дамасскую саблю пришлю тебе и боевого коня гнедой масти пришлю... Постарайся, мой сын Муртуза-Али”. Тем временем Муртуза-Али истребил многих кизылбашей. И вновь обратился к отцу. “Мои львиные руки отнялись”, — крикнул он. Как бы успокаивая сына, Сурхай ответил: “Если львиные руки твои отнялись, под стать тебе отряд за тобой стоит”¹¹⁵. Небезынтересно отметить, что в аварском эпосе пленный Сурхай предстает непреклонным

сторонником победы горцев и изгнания кизылбашей из Дагестана. Когда же на поле сражения события стали разворачиваться в пользу горцев, он с нескрываемой радостью и внутренней насмешкой сказал “непобедимому” Надир-ру: “Погляди каджар на своих котов. Погляди со вниманием на моих мышей”¹¹⁶.

Наступил вечер. Сражение прекратилось, чтобы с самого раннего утра следующего дня возобновиться с еще большей силой. За ночь горцы приняли, а на следующий день практически осуществили, хитроумный план. Переодели участвовавших в предыдущем бою горянок в мужской костюм, вручили положенное оружие и поставили на участке, выгодном для выполнения основной стратегической задачи всей кампании. Ничего не подозревавшие персы основные силы направили на этот участок. И когда кизылбаши, не зная с кем имеют дело, начали более и более теснить их и дошли до определенного рубежа, горцы — ополченцы напали на персов с тыла и нанесли такой сокрушительный удар, которого кизылбаши не ожидали. Не знавшее доселе поражение, воинство Надир-шаха дрогнуло, а затем стало отступать. И тогда женщины — аварки сел Чоха, Согратля и др., лачки сел Турчи, Ури, Мухар и др. вооруженные чем попало бросились на помощь горским воинам. Сражение разгорелось с новой силой. Сестры, жены, матери и дочери, говорится в историческом предании, “рука в руку со своими родными сломили силу напора врага. Вражеские войска разбежались беспорядочно, как напуганное стадо: позорно побежали закованные в железо афганцы, понеслись быстрее ланей силачи — мазандеранцы, покатались за ними курды, лазы, туркмены. Надир-шах не верил своим глазам и никак не мог распознать злые ли духи, или кто они, когда вслед позорно бегущим его воинам понесся радостный и звонкий хохот победивших горянок”¹¹⁶. Развивая этот успех, горцы принудили их к паническому бегству. Однако, дороги, по которым кизылбаши могли уйти с поля боя, оказались занятыми предусмотрительными горцами. Бегущих кизылбашей всюду ожидали смерть и позор.

Таким образом, в ожесточенной битве, длившейся в течение пяти дней, непобедимая армия “мирозавоевателя” была наголову разбита объединенными отрядами горских народов в Андалае. Поражение кизылбашей, доносил близкий Петербургскому двору французский посол в России маркиз де-ля Шетарди своему патрону гр. Амело: “Было тем более значительнее, Надир-шах дал заманить себя в ловушку и попал в ущелье, где скрытые с двух сторон войска произвели ужасную резню над большею частью его армии. Уверяют, что он лишился при этом своего сына и после этого ни разу не показывался народу”¹¹⁸. Русский двор, свидетельствовал французский консул, вздохнул и встретил весть о поражении с удовлетворением. “Даже политические соображения не в состоянии были заставить удержаться от радости, выражающейся

здесь. Эта радость имела свои основания”¹¹⁹. Радоваться было чему, Потерпевший сокрушительное поражение НаDIR, по единодушному мнению, не скоро сможет восстановить свою основательно потрепанную армию и начать, если это вообще будет возможно, активные действия против России. Еще с большей радостью весть о поражении НаDIRа в горах Дагестана была встречена многострадальными народами и, особенно, азербайджанским народом, который бок о бок с горцами Дагестана с 1706 г. вел самоотверженную борьбу против господства Ирана на Кавказе. Торжествовали грузины, которые в период нашествия НаDIRа в Дагестан поднялись под предводительством Г. Амилохвари на вооруженную борьбу против кизылбашей и тем самым отвлекли часть шахских войск на себя, оказав этим известную помощь борющимся горцам. Ликовали народы Северо-Восточного Кавказа: победа горцев Дагестана избавила их, в буквальном смысле слова, от неминуемого нашествия кизылбашей. С облегчением вздохнули и все другие народы Кавказа. Как и следовало ожидать, с нескрываемой радостью весть о поражении НаDIRа встретило правительство Оттоманской Порты. Очень многое пришлось претерпеть от НаDIRа османам. НаDIR в течение 40 лет не знал такого случая, чтоб “противник так с ним расправился”. Нечего сказать, победа над НаDIRом была внушительной, что даже его историограф Мирза Мехти-хан окрестил Андалал “областью несчастья”, где кизылбаши “пришли в добычу горцам”¹²⁰.

Опомнившись после неслыханного поражения и унижения, “завоеватель вселенной” круто изменил свою тактику в отношении горских предводителей. Всевозможными обещаниями, посулами и щедрыми подарками решил смягчить их воинственный настрой, а если возможно и привлечь их на свою сторону. Изменение политики шаха после андалалского поражения получило отражение в устном народном творчестве Дагестана.

“Поднес НаDIR трубу к глазам и взглянул, — говорится в аварском эпосе, — Видит он: истреблена каджарская страна. “Давайте, горцы, теперь заключим мы мир”. И предлагает им богатые подарки. Однако горцы отказываются от предлагаемых подарков, говоря: “Все, что ты предлагаешь, добыли мы своими ружьями и саблями”. И действительно, горцы не поддались на посулы кизылбашей, они отклонили предложения шаха”¹²¹. “Горцы, — свидетельствует И. Калупкин, — не поддались на уловки шаха и не имеют на это ни малой склонности..., но паче все его ласкательные увещевания в обман вменяли и ко учинению крепкой обороны не ослабевали”¹²². Муртуза-Али, аварский хан, мехтулинский хан, удмий Кайтага и др. начисто отвергли предложения шаха. В лакском эпосе Муртуза-Али отвечает НаDIRу:

“Что мне золото, данное тобой?”

Золото добуду острым клинком.

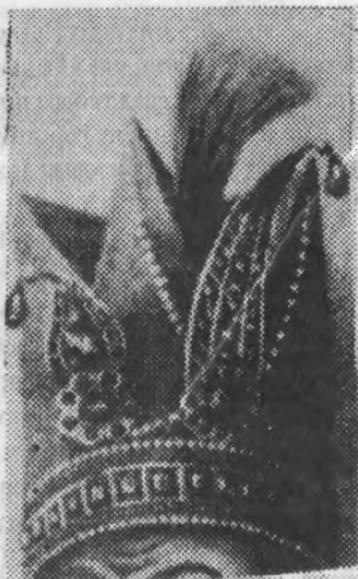
Что мне серебро, данное тобой?”

Серебро добуду ружейным огнем” ¹²³.

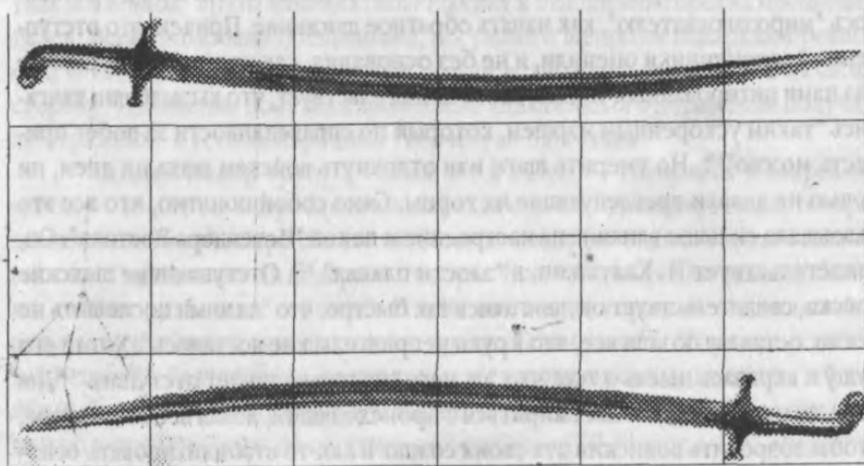
Аварский хан, не без иронии, ответил шаху Надиру письмом следующего содержания: “Ты упрекаешь меня в том, что я не явился к тебе на поклон. Я воздержался от этого потому, что ожидал твоего прибытия к себе, чтобы принять и проводить тебя по нашему дикому горскому обычаю. Я слышал, что между тобою и нашими пастухами произошла драка. Уверю тебя, что наши добрые воины не участвовали в этом, и я не мог допустить этого, ибо драться с пастушым сыном (намек на происхождение Надира) подобает лишь пастухам. Именно поэтому, увидев, что в руках наших пастухов огромное количество персидских баб (намек на трусость шахских воинов), пленных верблюдов, мулов, лошадей и драгоценностей, наши добрые воины обвиняют меня в том, что им ничего не досталось. Для чего ты пришел к нам и оставил здесь столько богатства? Не мы же имели дело с твоим братом (намек на убитого в 1739 г. Ибрагим-хана), его убили джарцы. Он был человек такой же бешенный, как ты, и потерял свою голову в горах. Я советую тебе, иди скорее назад в Иран и больше не приходи к нам, а то мы пошлем в пекло, чтобы ты мог там найти своего брата (Ибрагим-хана — В. Г.). Правда мы слышали о твоих великих делах и вначале опасались тебя. Но твоя слава миновала. Теперь тебе самому видно, что ты не такой страшный человек, чтобы нельзя было справиться с тобой”¹²⁴.

В ультимативной форме написанное письмо с требованием “по добру по здорову” покинуть Дагестан получил шах и позже¹²⁵. Ничего не оставалось “мирозавоевателю”, как начать обратное движение. Причем, это отступление современники оценили, и не без основания, как настоящий побег. Не раз нами цитированный И. Калушкин свидетельствует, что кызылбаши двигались “таким ускоренным маршем, который по справедливости за побег причесть можно”¹²⁶. Но умерить шаги или отдохнуть войскам шаха ни днем, ни ночью не давали преследующие их горцы. Само собой понятно, что все это оказывало сильное влияние на настроение и покой “Искандера Востока”. Он, свидетельствует И. Калушкин, в “злости плакал”¹²⁷. Отступающие шахские войска, свидетельствует он, двигались так быстро, что “за ними поспешить не могли, оставляя позади все, что в руки неприятельские досталось”. Хотя в его душу и вкралась мысль о том, что “от него счастье начинает отступать”¹²⁸, на деле же никак он не хотел смириться с происходящим, делая все возможное, чтобы возродить воинский дух своих солдат и как-то стабилизировать основательно пошатнувшееся свое положение. Однако, предпринятые им меры не достигли желаемого. А тем временем преследующие их по пятам горцы держали кызылбашей под постоянным прицелом, устраивали в удобных местах засады, били их, захватывали и пленных, отнимали обозы, “даже самого шаха принуждали неоднократно в обороне назад оборачиваться”¹²⁹.

Однажды НаDIR со своей свитой едва избежал горского плена. Они

Корона Надир-шаха.

Сабля Тимура и Надир-шаха

спаслись бегством, оставив в качестве трофея горцам личные вещи “мирозавоевателя” и его окружения, в числе которых была и государственная корона шаха, которая оказалась в руках победителей.

Любознательному читателю будет интересно знать, что более чем через 100 лет корона и седло шаха Надира оказались в руках имама Дагестана и Чечни Шамиля. Вот как сам третий имам рассказывал о том, как эта корона попала к нему. Разорив все на своем пути, рассказывал Шамиль, “Надир явился наконец на Турчидаг для покорения этого края. Но вместо ожидаемой покорности, он был разбит горцами наголову. Потеряв большую часть войска, весь обоз и казну, шах Надир мог спастись сам, только обратившись в простого воина. В этот момент, когда окончательное поражение его сделалось очевидным, Надир сбросил с себя корону и, пересаживаясь со своей лошади на другую, провозгласил: “Да будет проклят тот из моих потомков, кто вздумает еще когда-нибудь прийти в эти страшные места”. Узнав, что личные вещи Надира находятся в Дагестане, Шамиль велел их разыскать и купить. Поиск этот увенчался успехом. Итак, личные вещи шаха Надира, которые переходили из рук в руки, достались имаму в совершенно истерзанном виде, большая часть драгоценных камней была вынута. Из рассказов Шамиля, его пристав пришел к выводу, что корона напоминала католическую митру. Вокруг широкого конца был золотой обод шириной немного меньше ладони. На нем была надпись *. Над ней красовались два больших изумруда, испускавшие от себя наискось по одному перу из золота”, а среди них третий изумруд, с таким же пером, но только вставленным вертикально. Продолжением этого пера за верхнюю конечность короны служило тоже перо, только из бриллиантов. “К сожалению, корона и седло шаха во время перехода Шамиля из Ведено в Гуниб вместе с другим имуществом имама попали в руки горцев при разграблении транспорта”¹³⁰. Какова дальнейшая судьба этих вещей, неизвестно. Потери шаха в Дагестанской кампании были велики. После сражения поле “Хурбиян Хабуне”, говорится в источнике, было усеяно трупами кизылбашей и обильно орошено их кровью. Место это стало столь нечистым, что несколько лет над ним и дождь не шел¹³¹. На холме Махаба, близ Чоха, где происходила ожесточенная битва, сообщает О. Карнайлов, до сих пор (т. е. в конце XIX в.) имеются костные останки павших здесь персиян. По преданию, говорит он, на том месте, где произошла битва, скот не ест траву¹³². Аналогичные сведения о больших потерях кизылбашей и битвах на Турчи-Даге при сел.

---

* В надписи говорилось: “Мы даровали тебе победу. Бог простит тебе грехи твои, прежние и будущие. Он изольет на тебя милость свою. Он наставит тебя на путь истинный: он твой помощник”. Перев. Турминского.

Меgeb, Бутри и, особенно, при Согратле сохранились в народной памяти горцев Дагестана¹³³. По данным И. Калушкина, потери Надира в Андалале были огромны: из 52-тысячного войска едва ли осталось 37-38 тыс., среди которых было “много хворых и раненных”, содержавшихся “в гнусном состоянии”¹³⁴. “Шах, — пишет анонимный автор, — возвратился с половиной своего войска в Шабран, лишившись своей казны, имущества и почти всех выючных животных”¹³⁵. В походе на Дагестан Надир потерял более 30 тыс. человек, более 38 тыс. лошадей и верблюдов, 79 пушек, большую часть вооружения и снаряжения¹³⁶. Большие потери понесли и горцы Дагестана. К сожалению, мы не знаем точное число погибших и раненных в боевых действиях в Андалале. Однако, не боясь впасть в грубую ошибку, можно сказать, что многие горцы пали смертью храбрых, сложили свои головы в борьбе за независимость и свободу родины. Погибли многие Дайтиевы и др.¹³⁷ Через 2-3 месяца скончался и Муртуза-Али. Народная молва передает, что во время решающего сражения Муртуза-Али так сильно бился, что у него рука заоченела и от этого недуга будто бы он умер¹³⁸.

Но это, пишет С. И. Габиев, не согласуется с исторической истиной¹³⁹. С этим утверждением нельзя не согласиться. По всей вероятности, он скончался от полученных во время боя ран в Казии-Кумухе, где и похоронен на ханском кладбище*. Оставшиеся в живых горцы вернулись домой с победой в Казии-Кумух, Акуша, Кайтаг, Кубачи¹⁴⁰ и в другие районы Дагестана, в то время, как бесславным провалом завершилась дагестанская кампания “завоевателя вселенной”.

История слишком парадоксальна, слишком иронична и непредсказуема. Ну кто бы мог подумать, а тем более предсказать, что горцы Дагестана найдут в себе силы противостоять самому “Искандеру Востока”, остановить его завоевательное шествие, а тем более разгромить его и с позором и унижением выдворить с его хваленным войском из Страны Гор. Здесь, в далеких от его родины горах Дагестана суждено было закатиться звезде “завоевателя вселенной”. Это был не только провал военной кампании, но и предвестник крушения державы Надира¹⁴¹.

---

* На могильном памятнике имеется эпитафия на двух языках, начало на персидском языке: “Протяжение этого мира из конца в конец — крошки огромного. Все земное — ничтожный клочок созданного мирового царства в то время, когда овладевший Востоком и Западом не остался неизвестным”. И далее на арабском языке: “Владычество принадлежит всевышнему Аллаху. Величие у всевышнего Аллаха. Эта могила Муртуза-Али б. Сурхай-хана, да будет прощением им обоим. Дата: тысяча сто пятьдесят четвертый год. О, люди, знайте, что он эмир самый великий (этого) времени, храбрый советник прославленный. Он явился, и повиновались храбрецы (этого) края...” Лавров Л. И. Указ. соч. Ч. II. С. 55-56, 134.

1. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 266-267.
2. Персидские анекдоты (перевод с перс. М. Ашрафи, А. Бертельса, Н. Кондыревой, Н. Османова, Т. Шаповой) М., 1963. С. 78.
3. Козубский Е. И. Указ. соч. С. 89-90.
4. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 226-227.
5. Там же.
6. Там же.
7. Буганов П. Г. Указ. соч. С. 223.
8. Очерки Истории Дагестана. Ч. 1. Махачкала, 1957. С. 168.
9. Lockhart L. Op. cit. P. 200.
10. Ibid.
11. Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 52.
12. Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 223.
13. Заседателяева Л. Б. Терские казаки. М., 1974. С. 2-1.
14. Сб. РИО. 1893. № 85, С. 146.
15. Сб. РИО. 1896. № 96. С. 365.
16. Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М., 1948. С. 30, 270.
17. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 146.
18. Вахушти. Багратиони. Указ. соч. С. 313.
19. Lockhart L. Op. cit. P. 241
20. Мирза-Мехти. Указ. соч. С. 118.
21. Тамай А. И. К вопросу о провале дагестанской кампании Шаха Надира (1741-1743 гг.) УЗИИЯЛ Т. V., Махачкала, 1958. С. 103.
22. см. Приложение
23. см. Приложение
24. см. Приложение
25. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. л. 223.
26. Сведения о втором путешествии в Персию 1745-1747 гг. доктора И. Я. Лерха. Перевод М. М. Абезгуз... С. 89.
27. ИНСК. Кн. 1. С. 422.
28. Тамай А. И. Указ. соч. С. 118.; Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 114.
29. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 299
30. см. Приложение.
31. Цит.: Козлова А. Н. "Наме-йи аламара-йи Надири" Мухаммед-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1976, С. 74.
32. Там же.

33. Там же.
34. Там же. С. 74-75.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же. С. 76.
38. Там же С. 77.
39. Там же.
40. Там же.
41. Там же
42. Там же.
43. Там же. С. 79.
44. Там же.

instituteofhistory.ru

45. Там же. С. 81.
46. Там же.
47. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 223.
48. Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 113
49. Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. С. 136.
50. Каяев А. Материалы по истории лаков... С. 158.
51. Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 136.
52. Там же.
53. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 282.
54. Мирза-Мехти. Указ. соч. С. 125.
55. Каяев А. История... С. 72.
56. Lockhart L. Op. Cit.
57. Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 136.
58. Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера... С. 128; Карнанлова О. Указ. соч. С. 22.
59. Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 137.
60. Там же.
61. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 298.
62. Там же.
63. Арунова М. Р., Ашрафян К. Э. Указ. соч. С. 192.
64. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 298.)
65. Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 136.
66. Там же.
67. Тамай А. И. Указ. соч. С. 119.
68. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 375-376.
69. Тагih... Р. 220. Тамай А. И. Указ. соч. С. 119. 70. Каяев А. История... С. 72.
71. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 378.
72. Там же. Л. 394-395.
73. Там же. Л. 330.
74. Мирза-Мехти-хан. Указ. соч. С. 126.

75. Из истории памятных записей // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 113.
76. Там же. С. 118. Материалы по истории лаков. С. 160-168.
77. см. Приложение
78. см. Приложение
79. Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. С. 45.
80. Сражение с Надир-шахом. перев. С. Липкина. Пoesия народов Дагестана. Махачкала, 1954. С. 61.
81. Табасаран поэзии антология (на табасар. яз.) Махачкала, 1980. С. 37-
38. Подстрочный перевод проф. М. Р. Гасанова.
82. Лезгинский фольклор. Сост. А. Гаджиев, перевод к. ф. н. Ганиевой. Махачкала, 1941.
83. Героические песни и баллады аварцев... С. 185.
84. Перевод М. Нурмагомедова, подлинник документа хранится у переводчика.
85. Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1642. Л. 155-165.
86. Перевод М. А. Нурмагомедова. Подлинник документа хранится у переводчика.
87. Письма хранятся у арабиста М. А. Нурмагомедова.
88. Переводы с аварского М. А. Нурмагомедова. Оригиналы документов хранятся у переводчика.
89. Рук. фонд. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Д. 492. Л. 20. Перевод с арабск. М. А. Нурмагомедова.
90. Запись Амадалал Али-Гаджи. Документ хранится у М. А. Нурмагомедова.
91. Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 41.
92. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2. Надписи XVIII-XX вв. М.: Наука, 1968. С. 134.
93. Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. С. 40.
94. Там же. С. 39.
95. Там же. Вып. П. Махачкала, 1979. С. 137.
96. см. Приложение "Песня об истреблении каджар"
97. Пoesия народов Дагестана. Махачкала, 1954. С. 58-63, 702.
98. Назаревич А. Героический эпос горцев и его влияние на дальнейшее развитие литературы народов Дагестана. // Труды 1-й научной сессии ДНЦ АН СССР. Махачкала, 1948. С. 291.
99. Пoesия народов Дагестана ... С. 702.
100. Тамай А. И. Указ. соч. С. 119.
101. Абакаров М. Легендарная битва // Советский Дагестан, № 2, 1991. С. 35.
102. Сотавов Н. Подвиг народов Дагестана // Дагестанская правда от 9. 08. 1991 г.
103. "Тарих" Л. 220. Тамай А. И. Указ. соч. С. 119.
104. Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 137.
105. Там же. С. 137-138.
106. см. Приложение.

107. Героические песни и баллады горцев... С. 185-186.
108. Магомедов Р. М. Легенды и факты. Махачкала, 1962. С. 61.
109. Там же.
110. Назаревич А. Ф. Указ. соч. С. 290.
111. Литература Народов Дагестана (хрестоматия) Махачкала, 1947. С. 19-20.
112. См. Приложение; Карнаилов О. Указ. соч. С. 22; Магомедов Р. М. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1962. С. 62. и др.
113. см. Приложение; Героические песни и баллады аварцев С. 185.
114. Восточные источники по истории Дагестана. С. 113.
115. см. Приложение
116. см. Приложение
117. Магомедов Р. М. Легенды и факты... С. 62.
118. Сб. РИО № 96. 1896. С. 579.
119. Покоренный Кавказ. Владикавказ. 1901. С. 159.
120. Мирза Мехти-хан. Указ. соч. С. 127.
121. Героические песни и баллады аварцев. С. 187-188.
122. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 375.
123. см. Приложение
124. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 318; Тамай А. И. Указ. соч. С. 122.
125. Там же. С. 416.
126. Там же. Л. 390.
127. Там же. Л. 391.
128. Там же.
129. Там же.
130. Руновский А. Дневник // АКАК. Т. ХП. С. 1408. Там же. Л. 390.
131. Там же. соч. С. 1408.
132. Карнаилов О. Указ. соч. С. 34.
133. Там же. С. 22-23.
134. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 394-395;
- Юдин Т. Л. Россия в конце 1742 г. по письмам Братищева к канцлеру А. М. Черкасскому. // Русский архив М., 1899. № 3. С. 381.
135. ХВД... С. 36.
136. ИНСК...Т. 1. С. 424.
137. Магомедов Р. М. Указ. соч. Вып. 1. С. 45.
138. Габиев С. И. Лаки С. 31; Карнаилов О. Указ. соч. С. 72; Каяев А. История лаков. С. 72.
139. Габиев С. И. Указ. соч...С. 34.
140. ХВД... С. 36
141. Новосельцев А. П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в. // В. И. 1972. №5, С. 16.

“ИРАН-ХАРАБ”

“Каждому человеку, — говорил Цицерон, — свойственно заблуждаться, упорствовать в заблуждениях свойственно только глупцу”¹. Понятно, что великого римлянина не читал “Искендер Востока”, но аналогичные мысли, содержащиеся в трудах восточных мыслителей он, по всей вероятности, не мог не знать. К тому же Надир, наделенный от природы многими талантами, был выдающийся военный и государственный деятель, полководец, который более четверти века не испытывал горечь поражения. И не случайно поэтому многие авторы, в том числе и из тех стран, против которых боролся Надир и достиг крупных военных успехов, называют его не иначе, как “великий полководец”. Но и упрямства ему было не занимать. Уверившись в своей непогрешимости и вседозволенности, шах, к несчастью своему, не в состоянии оказался критически рассмотреть сложившуюся ситуацию, признаться хотя бы самому себе в допущенных ошибках и просчетах, принять подобающее в сложной и крайне не выгодной для него обстановке разумное решение. Не считаясь ни с чем, он по-прежнему продолжал проводить однажды намеченный курс: продолжал насильно гнать своих, претерпевавших голод, холод, смертельную опасность, истрепанных солдат на борьбу с целым, хотя и немногочисленным, но готовым, не щадя своей жизни и сил, защищать Родину, народом. Но таков был Надир. Не успел выйти из гор и добраться до равнин Закавказья, как, по свидетельству личного врача Базена, он поклялся не оставаться ни перед какими трудностями и жертвами, пока не покорит Дагестан и не подчинит его своей власти². Первоначально он собирался было направиться в Ширван, но вступив в Азербайджан, изменил свой план и пошел на Дербент. Принято считать, что шах изменил направление своего движения будто бы из-за того, что Ширван был крайне разорен. “Край этот, — писал Д. Ханвей, — был доведен до бедности и был не в состоянии снабжать войска — для караванов не было подходящего сообщения”³. Все это так. Но ведь в таком же, если еще ни в худшем, состоянии была и Дербентская провинция. И здесь не менее, а значительно более была обострена общественно-политическая обстановка. Очевидно, что причина изменения первоначального плана стояла в иной плоскости. Но как бы то ни было, сейчас можно сказать, Надир-шах принял не лучшее из своих решений. Возможно, он наде-

ялся организовать снабжение своей, оставшейся после губительного похода 28-тысячной армии из Ирана по Каспийскому морю. А главное, он ждал и надеялся, что ему удастся жестоко наказать непокорных жителей Кайтага и Табасарана.

Иного мнения придерживались лица из его ближайшего окружения, но к их голосу диктатор не прислушался. Многоопытный И. Калушкин, который, как мы уже знаем, совершил «путешествие» с шахом из Закавказья через Казикумух в Андалаяль и обратно, размышлял: «Хотя шах от дагестанских ударов поправитца и такое многочисленное войско, какое в Дагестане потерял, вновь набрать мог, к чему всеконечную невозможность усматриваю, то однако же о нем не так уважать подлежит, как прежде, не видя войска его»⁴. Итак, персидские войска, добившись покорности населения, лежавшего по пути движения, ширванцев и дагестанцев, прибыли в Дербент. «Дербентские ворота, — писал П. Г. Бутков, — перед Надыром отворились, ибо Дербент сдан шаху еще русскими, он прошел через него и явился уже на северной стороне сего оплота»⁵. Стало ясно, что шаху не удастся местными ресурсами прокормить всю изголодавшуюся армию. И действительно, вскоре кизылбаши начали испытывать недостаток в продовольствии. Персы, — свидетельствует И. Калушкин, — ощущают во всем недостаток, «что все генеральный голод претерпевают, не меньше того, и здесь в Дербенте в пище крайнее оскудение продолжается, ибо много людей от голода померло, и везде по улицам в нижнем городе (т.е. в той части, где жил трудовой люд — В. Г.) и за городом мертвые тела валяются, тако же и дорога отсюда до Шемахи оными устлана»⁶. Однако на все это шах не обращал никакого внимания. Как будто разум его помутнел, он горел желанием во что бы то ни стало наказать уцмий Кайтага и расправиться с бывшим у него в плену Ахмед-ханом, осмелившимся вновь подняться на борьбу с кизылбаши. Зараженный этой идеей, шах в октябре 1941 г. предпринял карательную экспедицию в Кайтаг, но успеха не имел. Этого и следовало ожидать. Кизылбаши, потерпев в горах Дагестана сокрушительное поражение от горцев, «так настроены, что с великою боязнью отправились против них»⁷. Кстати сказать, и сам Надир об этом хорошо знал. Он признался своим приближенным, что «нынешнее его войско ни к чему не годное, которые против лезгинцев (народов Дагестана — В. Г.) ни мало стоять не могут»⁸. Уцмий, узнав о движении против него кизылбашей, обратился с просьбой к аварскому хану. Однако кайтагцы его помощи не дождались, ввиду ненастной погоды, больших снежных завалов, сделавших горные дороги непроходимыми. Так что уцмий на этот раз сумел отразить нападение кизылбашей самостоятельно. Войска Надира, потеряв 2500 человек, возвратились ни с чем⁹. В связи с этим Надир, как бы ни хотел, вынужден был ограничиться малым, чтобы оградить себя от кинжальных набегов горцев и держать при-

Сел. Кала-Курейш. Фото 1926 г.

морский Дагестан под своим контролем, в наиболее уязвимых местах (к северу от Дербента, предгорного Кайтага и южных границ шамхальства Тарковского) кизылбаши построили опорные пункты с земляным валом и установили пикеты через каждые 3 фарсанха¹⁰. Известный ориенталист И. Березин в середине XIX в. видел вблизи Каякента около большого дубового леса остатки укрепления “Али-хан-кала”, построенного Надир-шахом¹¹. Был редут и у сел. Великент, кизылбаши переоборудовали также Буйнакский ретраншмент, построенный еще при Петре I “в течение трех недель” во время его похода в Прикаспий¹². И шах вновь попытался привлечь на свою сторону уцмия Ахмед-хана. Но все обещания “отменной милости” и на этот раз не имели никакого результата. Надир-шах, свидетельствует А. Братищев, старался “сильною рукою” или “уласканием” склонить жителей Дагестана на свою сторону. С этой целью им в Страну Гор был отправлен поверенный человек Сурхай-хана с 40-тыс. рублями, которому предстояло склонить горцев на сторону шаха и чтобы “равномерно еще и в военную службу постоянных людей набрал”¹³. Однако и это мероприятие лопнуло как мыльный пузырь. Безрезультатно, по существу, завершились также попытки Надира склонить на свою сторону кумыкских владетелей крым-шамхала, претендента на шамхальство, Эльдара и др., которые лишь номинально признавали себя под владычеством Ирана. Такими мерами, заключает В. Братищев, никогда “онный своевольный народ обуздать не способен”¹⁴. Необузданность, о которой говорит русский резидент, нельзя понимать буквально. Скорее всего, это говорит о принципиальном нежелании гордых и свободолюбивых горцев покориться власти кизылбашей ни силой, ни подкупом. Но Надир был неугомонен. Он не мог и подумать, что спасти армию и сохранить свою честь можно только путем вывода войск из Страны Гор. Шах желал вернуться в свою столицу только триумфатором. И жестоко просчитался, решив зимовать в юго-восточной части Дагестана, на передовой, как бы мы сейчас сказали, линии обороны. По приказу шаха в 16 км. северо-западнее Дербента, в естественно укрепленном месте между селениями Рукель, Кемах, Джелган, Гимейди и др. был устроен для шахской армии хорошо охраняемый лагерь, который получил название Иран-Хараб (т.е. раз-руха Ирана). Сюда был переведен гарем и казна диктатора Ирана, а также все продовольственные запасы, доставленные из Закавказья и внутреннего Ирана. Но эти меры шаха оказались совершенно недостаточными, чтобы обеспечить сколько-нибудь сносную жизнь измученным в горах Дагестана солдатам Ирана. Армия шаха сразу же оказалась в довольно сложном положении как экономического, так и политического характера. Однако историограф шахского двора в своей “Надыровой истории” подчеркивает, что в этом лагере всего было в изобилии¹⁵. Это, видимо, писалось для потомства, на самом же деле все очевидцы в один голос утверждают о начавшемся в лагере шаха

голоде. Здесь, свидетельствует И. Калушкин, “во всем... недостаток имеется”¹⁶. В связи с этим, “войско его сильно страдало от стужи и недостатка в съестных припасах, а также от нападения лезгин”¹⁷. И действительно смелые “набеги дагестанцев” как на отдельные подразделения шахской армии, так и на “Иран-Хараб” сильно беспокоили самого Надира и “его войско”¹⁸. Причем, в этих операциях участвовали не только жители Кайтага, Табасарана и других соседственных районов Юго-Восточного Дагестана, но и жители более отдаленных районов Дагестана. П. Г. Бутков подчеркивает, что в деле против кизылбашей “эндереевцы помогли лезгинам, и вообще в отражении его (шаха — В. Г.) нападения”¹⁹. А голод все более и более усиливался. В войсках появились различные болезни, в том числе и “морская язва” (чума). Для больных этой болезнью шах велел построить верст на 50 от своего лагеря к северу, поблизости от Бойнака, “специальный лагерь и запретил разглашать о той зловедности”. Как видимо, гласности диктаторы боялись и в то время. Других он перевел в Шемаху и на Мугань, а третьих отправил на излечение в Северный Азербайджан. Страшно было в это время смотреть на переживания самого шаха. Очевидец рассказывает, что он еженощно по несколько раз выходил из женских покоев в переднюю палатку и сидел часа по два, и если кто-нибудь приходил на память, приказывал звать к себе и казнить. “Кричал, что счастье начинает от него отступать и потому произведет последний опот: или сам пропадет и свое войско погубит, или добьется того, что весь Дагестан обратит в пепел”²⁰. И чтобы свои угрозы осуществить, “велел собрать вдруг девять миллионов рублей денег 25000 войска”. И даже пригласил из Индии “волшебника, чтобы тот предсказывал ему будущее”²¹. Надо полагать, что этот волшебник говорил деспоту такие речи, которые могли ласкать его слух и успокаивать его нервы и душевное состояние. Хотя и невооруженным глазом видно было, что шах не будет иметь успеха, ибо давно и хорошо известно, когда поднимается на справедливую войну весь народ, победить его практически невозможно. Кстати сказать, эту мысль точно выразил И. Калушкин, указав на то, что сколько бы Надир ни трудился, “одолеет горцев он не сможет”²². Как бывает в таких случаях, погодные условия осени и зимы неблагоприятствовали завоевателю. “Тогда, — пишет П. Г. Бутков, — была жестокая зима. Оң (Надир — В. Г.) уповал прежде, что найдет в сей стране жизненные запасы к продовольствию своей великой армии, но тотчас же в них оказался великий недостаток”²³. Для спасения своих солдат от голодной смерти Надир предпринял отчаянное решение: попытался было купить провиант в приморских районах Дагестана и сопредельных районах Северного Кавказа. Но и здесь потерпел неудачу²⁴. В чем же тут дело? Горцы Дагестана перед надвигающейся опасностью иранского нашествия обращались к России и с просьбой защитить их, когда же “гроза вселенной” вторгся в Страну Гор,

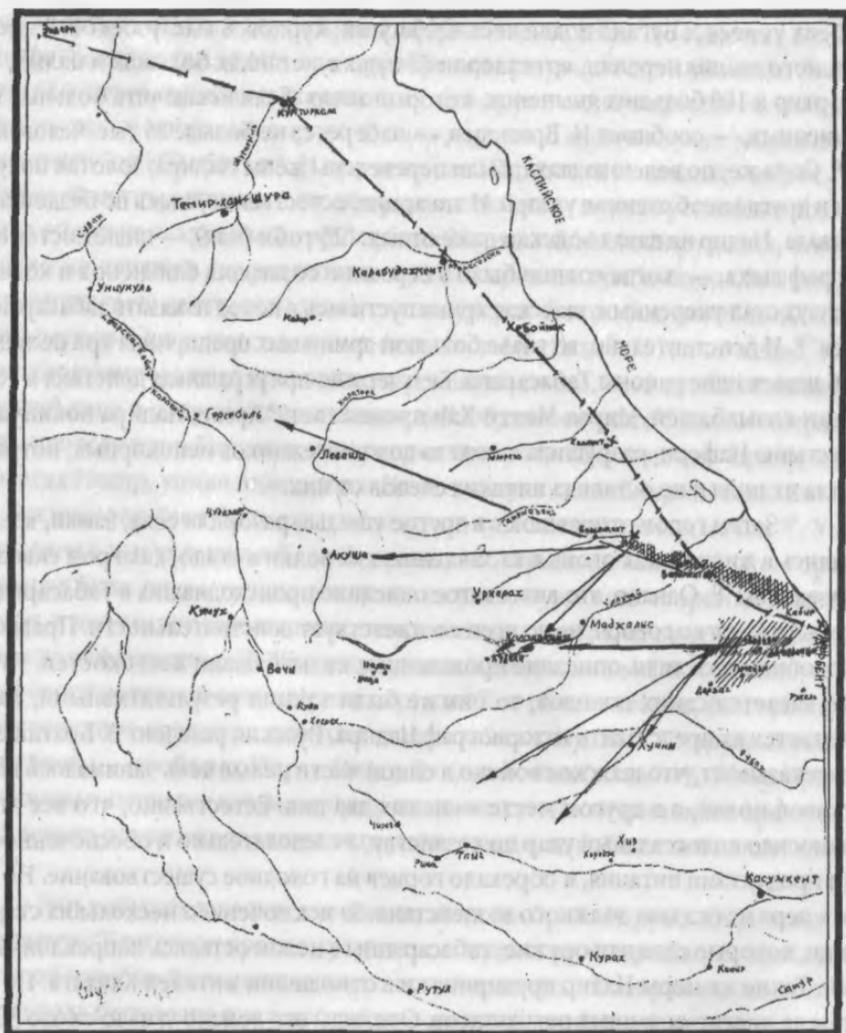
эти обращения еще более участились. Однако в тех конкретно исторических условиях, в силу ряда причин Россия не в состоянии была оказать действительную помощь, хотя во всем и сочувствовала ведущим неравную борьбу горцам. И вот, когда Надир оказался в тяжелом положении, российское правительство запретило выпуск "съестных припасов к персидским портам Каспийского моря, кроме как через руки российских купцов", равно и вывод в Персию и в горские места лошадей". Скупщики продовольственных товаров, продолжает П. Г. Бутков попытались было "покупать у эндереевцев и костековцев и отправились туда в феврале 1742 г., но кумыки столь высокие потребовали цены, что шаха огорчили, тем более, что они участвовали в разграблении Куршит-бека (не для покупки ли хлеба посланного?)"²⁵. Тем временем нападения горских отрядов на лагерь кизылбашей продолжались. Чтобы обезопасить свою стоянку от неожиданных нападений горских, весной 1742 г. Надир "обвел лагерь свой земляным траншаментом на пути с севера в Табасаран, в Кадиевом владении, недалеко от местечка Хамейди (точнее Гимейди — В. Г.), по обеим сторонам которого идет древняя стена от Дербента. В будущем здесь шах намеревался поставить большой укрепленный город. Забегая вперед, скажем, что и эти стены не спасли кизылбашей от лихих нападений горских отрядов. Время от времени "Иран Хараб" подвергался атакам со стороны "лезгинов, каракайтагцев и других враждебных племен"²⁶.

Аналогичные сведения содержатся в работе известного русского востоковеда И. Березина. Персидские войска в "Иран-Харабе", писал он, тревожили набегами табасаранцев²⁷. Пытаясь как-то разрядить обстановку, Надиршах решил перевести свой лагерь в Башлинскую степь, где было больше травы для лошадей и поспокойнее, как думал шах, для достоинства его. Однако, убедившись, что здесь невозможно будет накормить изнеможденных лошадей и поправить здоровье исхудавших воинов, "по тысячу человек хворых солдат из курдов, афганцев и 200 шахсеванов", велел распределить в Шабране, Мюшкуре и "других околичностях на два месяца". Лагерь был поставлен при речке Бугам, "в 6 милях от Дербента к Тарковской стороне"²⁸. Здесь находились основные части надирова войска, состоявшего из 15 тыс. гвардии, называемой "Гемишекшик", у которых знак — белым тонким полотном шапки увиты, "5500 отобранных из разных команд и до 2 тыс. человек расставленных в порядке отводного караула для пресечения опасности от лезгинов. В 6 местах

---

* Русские купцы торговали в Персии беспошлино.

** Шахсеваны — т. е. любящие шаха, огузская этническая группа, создавшаяся при шахе Аббасе: Сефевиде (1642-1666), на которую он опирался в борьбе с кизылбашами. (Jurgologica. M., 1986, с. 37.)

Походы шахских войск в Дагестане.

Походы в Нагорные районы.

Поход в Засулакскую кумыкию

Опорные пункты шаха

Иран-Хараб

Стоянка основных войск Надыра на Бугаме

обеих усмеек и Бугама подле леса 4200 муган, курдов, 8 тыс. узбеков, 7 тыс. разного звания персиан, артиллерии 22 пушки в станках больших и малых, 6 мортир и 100 больших яныченков, которые возят. Если исключить больных и раненных, — сообщает И. Братищев, — наберется не больше 25 тыс. человек²⁹. Сюда же, по велению шаха, были переведены жены Надира, золотая посуда и другая необходимая утварь. И эта армия, естественно, здесь не бездействовала. НаDIR не давал войскам даже отдых. “25 раби (мая), — пишет историограф шаха, — когда солнце было в середине созвездия близнецов и когда воздух стал умеренным, шахская армия пустилась в поход наказать табасаранцев”³⁰. И действительно, во главе большой армии шах предпринял три похода в близлежащие районы Табасарана. Безудержно приукрашивая действия и успехи кизылбашей, Мирза-Мехти-Хан продолжает: “Армия Надира покинула пустыню Нафери, разрушила и сожгла дома мятежников непокорных, потравила их поля и не оставила никаких следов от них.

Затем герои отправились в другое ущелье, разорили села, замки, врывались в жилища как огонь в хлопчатник, как волки в стадо, как гром сквозь развалины”³¹. Однако, это витееватое описание происходивших в Табасаране событий, мягко говоря, не во всем соответствует действительности. Правдоподобно здесь лишь описание проявленных кизылбашами жестокостей. Что же касается самих походов, то они не были такими результативными, как пыгается их представить историограф Надира. Русский резидент В. Братищев рассказывает, что шахское войско в одной части целый день занималось потравой полей, а в другом месте — целых два дня. Естественно, что все это наносило колоссальный удар по хозяйству, а следовательно и обеспеченности продуктами питания, и обрекало горцев на голодное существование. Но и эта мера не оказала должного воздействия. За исключением нескольких старшин, которые сложили оружие, табасаранцы в целом остались непреклонными. Такие же меры НаDIR предпринял и в отношении жителей Кайтага. Но и там не достиг желанных результатов. Однажды его войско угнало около 300 голов крупного и мелкого рогатого скота.³² Настоящим разбоем занимались кизылбашаи и в других районах, а также во всех остальных владениях, где бы они ни бывали. И не случайно ведь резидент В. Братищев не без иронии заметил, что шах “ныне в отгоне у дагестанцев упражняться начал”³³. Характерно, что целый ряд зарубежных и отечественных авторов оценивают весенние карательные экспедиции персов в районе Дагестана чуть ли ни как справедливое возмездие за то, что горцы устраивали нападения на лагерь “Иран-Хараб”. Вышеупомянутый русский ориенталист XIX в. И. Березин прямо пишет, что “табасаранцы тревожили “Иран-Хараб” зимой, за что весной НаDIR-шах опустошил Табасаран огнем и мечом”³⁴. Однако походы шахских войск в Табасаран не достигли желанного, ибо они не в состоянии оказались подчи-

нить горцев хотя бы на определенное время власти шаха. По существу, кроме потравления полей, угона скота, разорения пустующих сел и убийства беззащитных детей, женщин и стариков, ничего другого они не достигли. Но каждая из таких операций дорого стоила персам. В одной из них кизылбаши потеряли "до 800 убитых". И при этом сам НаDIR едва не лишился жизни. "И при всей неустрашимости своей принужден был от пуль спуститься в ров"³⁵. Другой раз на глазах шаха горцы убили 30 человек из его окружения, что не могло не напугать "мирозавоевателя". По приказу приближенного НаDIR-шаха прикрыла плотным кольцом сотня нукеров. В этом бою погибло 400-600 чел. персов. Оставшиеся в живых спасались бегством³⁶. И тем не менее, НаDIR упрямо продолжал проводить намеченную линию. Взяв с собой пленного Сурхай-хана, в сопровождении шамхала Хасбулата во главе большого отряда шах направился в Кайтаг с намерением наказать изменившего Ирану, как полагал НаDIR, уцмия Ахмед-хана. На своем пути кизылбаши, согласно А. К. Бакиханову, "все было разграблено и опустошено огнем и мечом"³⁷. Уцмий Ахмед-хан укрылся в Кала-Курейше, "на вершине очень высокой горы, которая была очень трудно доступна из ущелий, со всех сторон окружена лесом, к ней вела только одна тропинка настолько узкая, что с трудом можно было на ней держаться"³⁸. Шах подступил к этой крепости и, естественно, "со всей своей походной артиллерией окружил"³⁹ ее со всех сторон. Разгорелось ожесточенное сражение, но силы слишком были неравны. "В продолжении трех дней, — сообщает Мирза-Мехти-Хан, — бойцы (шаха — В. Г.) храбрые как слоны и свирепые как львы, продолжали атаку и после жестокого приступа и ужасного потрясения завладели горой и замком, подобным небесному своду"⁴⁰.

Эти события в несколько ином ключе изображает русский резидент Братищев: "Благодаря крепкому местоположению этой деревни, на приступ которой надобно было многое число людей потерять", НаDIR после нескольких недель бесплодной осады "за благо рассудил возбужденную свою суровость на кротость превратить и избрать такие средства, которые бы без вреда во окончании предприятия пользу ему принесли. Шах до того спустил свое высокомерие, что сам от себя послал в Кара-Курейш к старшинам послов ласкою уговорить на добровольную сдачу". В противном случае шах угрожал подвергнуть их "крайней... и несносной тяготи", "долгое время, отхвата хлебные поля", не допустить "производить пашню, дабы лишить их всякой надежды на пропитание"⁴¹. Однако историограф НаDIRа, не считаясь с реальными фактами, описывает дальнейший ход событий в присущем ему мажорном тоне с нескрываемым бахвальством. Как и ранее, он утверждает, что Кара-Курейш был взят штурмом, а жителей Кайтага "силой и наставлениями довели до покаяния", после чего "гарнизон и жители Каракайтага повернулись к вели-

кому завоевателю умоляющим ликом и касались лбом земли, которая была под его ногами. Шах простил их оскорбления и приказал только, чтобы их крепость, построенная из кирпича, была снесена до основания"⁴². Все это полуправда. На самом же деле, поняв бессмысленность продолжения борьбы, непокоренный Ахмед-хан, взяв с собой семью, ушел в Аварию⁴³. Что же касается жителей Кайтага, то они лишь сделали видимость, что раскаиваются. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы то, что они вскоре же вновь поднимаются на борьбу за свою свободу и независимость. Если же рассматривать результаты этого похода объективно, то надо признать, что главная цель этого похода — добиться покорности Кайтага и их владельца шахской власти не была достигнута. И не случайно ведь, русский резидент пытался показать шаху бесперспективность дальнейших военных действий в сложившихся условиях. Но неугомонный завоеватель был непреклонен. Он и слышать не хотел о прекращении военных действий. Кажется, он прислушался к совету русского резидента лишь в том, что касалось дальнейшего укрепления своего лагеря. По-прежнему Надир лелеял мечту о покорении Дагестана и победном возвращении в свою столицу, но все это было схоже с обыкновенными грезами возбужденного и раздраженного до предела человека. С уверенностью можно сказать, что он в это время не был способен критически взглянуть на сложившуюся вокруг него обстановку. Мало, того, Надир организовал поход двух крупных отрядов на внутренний Дагестан, чтобы силой принудить снабжать продовольствием и не только персидскую армию. "Надир решился даже учинить внезапное нападение, когда Терек покроется льдом, зимою, врасплох, как на эндереевцев, так и на других окрестных народов; оттуда пробраться в Кабарду, напасть на Кизляр, вторгнуться в Российские границы"⁴⁴. Первый из них двинулся против верхнедаргинцев, имея намерение после их разгрома выступить против Хунзахского ханства, учинить там погром и принудить их к покорности. Персиане при помощи 2 тыс. бухарских узбеков проникли на территорию союза сельских общин Акуша-Дарго. Но здесь кизылбашам было оказано упорное сопротивление. "Акушинцы ружейною пальбою большую часть узбеков перебили, остальных же принудили к бегству"⁴⁵. Однако борьба продолжалась, оправившиеся после поражения кизылбаши чуть ли ни каждое селение брали штурмом и при этом "многих убили, и до 200 голов принесли к шаху на конях, за что получили денежные награждения". Результатом этого побоища было то, что "акушинцы и цудахарцы дади Надиру аманатов"⁴⁶. Это позволило кизылбашам устремиться в Аварию. Тогда же в августе 1742 г. Надир-шах, очевидно рассчитывая обхватить Аварию с двух сторон, отправил усиленный отряд персов "в малые Авары на западной стороне Кавказского хребта"⁴⁷. Однако здесь кизылбаши со стороны горцев натолкнулись на умело организованную оборону. Заняв очень

выгодную для себя позицию: ущелье и горы, покрытые дремучим лесом, горцы встретили персов массированным ружейным огнем и вынудили их отступить. Разъярен приказал “удавить одного тысячника и четырех сотников”. Но и эта неудача шаха ничему не научила. Надежда, как говорится, умирает последней. Он с удвоенной силой стал готовить новую экспедицию в Аварию, а в сентябре того же 1742 г. организовал наступление на “большие и малые Авары”. На сей раз кизылбашское войско было снабжено 3 тыс. топорами, чтобы “употребить для прочищения леса”*. Но и этот поход завершился с большим уроном и потерями для персов. Только при “одной деревне, схватясь с лезгинями, потеряли на месте до 300 человек”⁴⁸. Видя, что силой оружия ему не покорить жителей Аварии, Надир отправил в Хунзах известного военачальника Эльдара, с целью “любыми способами изловить и склонить” горцев в подданство Персии, но вскоре и он вернулся ни с чем. “Через ласкательные средства, — заключает И. Братишев, — Надир привлек каракайтагских старшин (имеются в виду события после падения Кара-Курейша, о чем речь шла выше — В. Г.). Но и они, не без иронии добавляет резидент, получая деньги, “являются шаху непослушными и при случае не упускают возможность обножать и истреблять персиан”⁴⁹.

Выше указывалось, что Надир вынашивал надежды и строил планы вторгнуться в юго-восточные границы Российского государства. Эта бредовая идея и в последующие времена его не покидала. И вот теперь эта мысль вновь оживилась в планах шаха⁵⁰. Готовясь к войне с Россией, шах, имея целью обезопасить тыл, старался завязать дружбу с султаном. Во время третьего похода кизылбашей в горы Дагестана из войск шаха дезертировало много узбеков, которые затем бежали в Турцию. И вот теперь шах обратился с просьбой к султану возвратить их. А пока этот вопрос решался, Надир был занят организацией карательных экспедиций в Дагестане.

Осенью того же 1742 г. отряд кизылбашей двинулся по приморской территории в Бойнак, Тарки и далее в Засулакскую Кумыкию. Очевидно, шах, кроме всего прочего, хотел принудить жителей Северо-Восточного Дагестана снабжать иранскую армию провиантом. Однако и этот поход оказался безрезультатным. Узнав о движении кизылбашей, жители Бойнака, Тарков и других кумыкских сед, “оставя жилища, бежали в крепкие дагестанские места”. Шахские войска, пройдя эти села, расположились близ Кумторкалы и отсюда отдельными партиями проникли в Засулакскую Кумыкию верст на 20 от Костека, угрожая им и эндереевцам, “на коих Надир имел гнев, ибо они помогали своим соседям гумбетовцам, чиркейцам и салатавцам”⁵¹. Русский

---

* Как видно, рубка леса применялась еще в середине XVIII в.

резидент, зная также о помыслах шаха Надира, в одном из своих донесений писал, что шах намерен напасть на Эндрей, “а оттуда в Черкасы пробраться, и так далеко замыслы свои устремляет, что и в Крым проходить хочет”. Надир говорил своим близким, что “в Дагестане более дела нет, ибо-де лезгин, которые остались... в опустошении их жилищ, шатаясь по горам, они с голода сами помрут”*. Ханифа “беспристанно читает шаху” описание в Россию дорог и объяснение сложных окружностей, принадлежавших кизлярской крепости”. О всех урочищах, где пролегает путь в Кабарду, шах посылал разведать шпионов, “и в такой надменной упорности остается, что в случае чаемо от российских войск ему приближении к Андреевской деревне препятствие, неприятельские действия начать умышляет” и поэтому “стремится узнать, какое количество русских войск находится на русской границе”⁵².

Выше указывалось, что русское правительство еще в 1741 г. в самом начале вторжения в Дагестан кизылбашей предусмотрительно укрепило оборону своих крепостей на Северном Кавказе и сосредоточило значительные силы в Северном Дагестане. В 1741-1742 гг. владельцы Дагестана неоднократно обращались с просьбой о помощи, о чем речь шла выше. Здесь же укажем, что эти обращения, по существу, были волеизъявлением широких народных масс. “Дербентцы и другие мещане и деревенские обитатели, — подчеркивал современник, — будучи от тирана искоренению подвержены, денно и ночью просят у бога избавления и за особливую благодать признавать готовы, ежели бы российской власти подчинены были”⁵³. Сообщая эти сведения, Братищев уточнял численность и состояние войск, которые в случае решения шаха могли быть направлены против России. Под рукой у Надира, писал он, находилось до 8 тыс. войск, в других местах до 20 тысяч, и по-видимому, на Эндрей и Кабарду он ударит силами в 10 или 15 тыс. человек⁵⁴. В этих условиях Россия приняла единственно верное решение — уладить отношения с Ираном политическими методами. Шаху было твердо заявлено, чтобы он не посмел переходить государственную границу России и нападать на жителей Засулакской Кумыкии. “Поскольку эти районы, где жили кумыки, — писал А. И. Тамай, — входили в состав русского государства и поскольку русское правительство твердо напомнило, что согласно договора 1735 г. р. Сулак стала границей русского и иранского государств. Этому, (т. е. наступающему на Эндрей — В. Г.) отряду пришлось отказаться от своих намерений”⁵⁵. На эти обстоятельства указывают иранские историки. Не раз нами упомянутый Мирза Мехти-хан признает, что успехам Надира в Засулакской Кумыкии помешала Россия⁵⁶. Не

---

*Любопытно, что почти через 100 лет (в 1839) такую же судьбу предрекал Шамилю ген.-л. П. Х. Граббе после падения Ахульго.

трудно себе представить, какие беды приключились бы в Засулакской Кумыкии, если бы ее жителей не защитила Россия. К этому следует добавить, что и сами кумыки не оставались посторонними созерцателями и вовсе не сидели сложа руки. Согласно имеющемуся документу, жители Засулакской Кумыкии оказывали «е. и. в. верные услуги, что они и бывшие от персидского шаха против Российской империи восприятие под протекцию его величества пришли». Костековский владелец к тому же давал «посылающимся отсюда (т. е. из Кизляра — В. Г.) в Персию курьерам лошадей, съестных припасов и других потребностей, и что по приказам тамошних командиров для разведывания потребных ведомостей сам ездит и нарочных от себя людей посылает... К тому ж... некоторая часть российского войска в его Алишевой деревне Костеке поставлена была, которому войску в потребностях он помогал»⁵⁷.

В своей грамоте Елизавета Петровна об утверждении Алибека Салтанмамутова старшим аксаевским князем писала: «...Понеже верный наш подданный кумыцкий аксаевский владелец служит нам... верно... всемилостивейши соизволяем и повелеваем нашим верным подданным, братьям его Капланбеку и др.» быть ему «яко старшему над ними, отдавать надлежащее почтение и послушание»⁵⁸. Однако не все владельцы Засулакской Кумыкии остались послушны старшему князю. В частности, Алибек Казбулатов в ноябре 1742г. отправил Надиру письмо с извещением, что он хочет быть в его подданстве. Но это был единичный факт. Подавляющее большинство жителей в Засулакской Кумыкии, князья и народ готовы были с оружием в руках защищать свою свободу. Именно благодаря народной стойкости и помощи России, кизылбаши вынуждены были ретироваться. Полученное Надиром известие о том, что в Кизляре сосредоточено «до 40 тыс. войск, — подчеркивает П. Г. Бутков, — остановило его от того мероприятия»⁵⁹ (т. е. вторжения в Засулакскую Кумыкию — В. Г.). Однако, недовольные предпринятыми Россией решительными мерами, кизылбаши в ультимативной форме предъявляли Кавказской администрации всякого рода жалобы. То они жаловались, что русские власти накрепко закрыли юго-восточные границы государства, то сетовали на то, что хлеба не продают, то требовали ускорить отправку обещанных 10 судов с хлебом из Астрахани, то добивались наказания эндереевцев за ограбление шахского посла⁶⁰. Россия же выдержала этот словесный натиск, твердо стояла на своем и отстаивала свои интересы и интересы жителей Засулакской Кумыкии. Но все это делалось корректно и дипломатично, не давая шаху никакого повода и сдерживая его от рискованных и непредсказуемых шагов. В связи с этими неудачами кизылбашей, антинадировские выступления начались, как говорится, вблизи главного лагеря шаха. Первоначально, напуганные силой персов, горцы делали вид, что признают власть шаха и его ставленников на местах. И относились к ним, во всяком случае, лояльно. Но со временем,

когда горцы как-то адаптировались к новому режиму и поняли, что кизылбаши не так уж сильны, чтобы склонять перед ними головы, постепенно отношение их к завоевателям стало изменяться. Последней каплей, переполнившей чашу народного терпения, послужило то, что кизылбаши и их сподручные начали требовать у населения съестные припасы. Население стало роптать, отклоняться от уплаты непредвиденных повинностей, а в ряде мест, как это было в даргинских селах, примыкавших к Чумис Иницу, поднялись на вооруженную борьбу. Выбрали руководителями отрядов наиболее последовательных борцов за правое дело. Один из этих отрядов напал на гарнизон наместника НаDIR-шаха, а основные силы устроили засаду в окрестностях селения. Когда персы погнались за нападшими на них горцами, сидевшие в засаде сделали свое дело⁶¹. И тем не менее НаDIR продолжал отправлять отряды кизылбашей против горцев Дагестана. Однако, сделать что-либо существенного он не мог. Куда бы свои силы он не отправлял, свидетельствует В. Братишев, “нигде ему ни малой удачи не преподается”⁶². Со всех концов шли к шаху донесения, извещающие о том, что вышел из повиновения тот или иной район, то или иное селение. Даже села, расположенные вблизи шахских опорных пунктов, оказывали карательным отрядам НаDIRа упорное сопротивление, или собрав все свое имущество, уходили в горы. Летом 1742 г., например, старшины сел. Бойнак, еще полгода до этого признавшие власть шаха, наотрез отказались ему подчиниться, а когда узнали, что на них надвигаются отряды кизылбашей, ушли в горы. Жители Акуша-Дарго, не раз испытывавшие на себе “прелести походов кизылбашей, сообщал В. Братишев, “более к обороне готовы, нежели персидской неволе себя подвергнуть соглашаются”. На сопротивление их, пролжает русский резидент, побуждает уцмий Ахмедхан, чтобы они “до последней капли крови твердо стояли и отнюдь шаху не сдавались”⁶³.

К тому же в это время произошло еще одно очень печальное для шаха событие. Выше говорилось, что еще в 1741 г. при движении персидских войск было организовано на НаDIRа покушение, но преступника тогда обнаружить не удалось. Розыски продолжались. И, наконец, летом 1742 г. подозреваемый в покушении был задержан. Его привезли в ставку НаDIRа, который самолично его допросил и пообещал ему сохранить жизнь, если преступник скажет кто был инициатором покушения на шаха. Подследственный Ник-Кадам указал на старшего сына шаха Мирзу-Риза-Кули. Это взбесило шаха. Немедленно в “Иран-Хараб” был вызван принц. 25 октября 1742 г. Мирза-Риза-Кули вместе со своим сыном Ших-Рух-Мирзой и младшим братом Имам-Кули-Мирзой прибыл в последний стан, находившийся в 3 км. от ставки шаха, где и был задержан. А на следующий день был доставлен в отставку НаDIRа⁶⁴, где он тотчас же был подвергнут допросу. Но он отклонил всякие обвинения. И все же

подозрительный Надир решил ослепить старшего сына. Причем “приговор был приведен в исполнение самим Надиrom и членами шахской свиты, многие из которых сами были казнены”⁶⁵. После чего, по словам Мухаммед-Казима, шах в течение двух дней находился в уединении, затем сел на свой трон, созвал вельмож, находящихся в шахской ставке и яростно стал кричать на них из-за того, что они не ходатайствовали за Риза-Кули. “Нет никакого чувства веры и благородства”, — орал он во все горло.⁶⁶ Рассказывают, что через несколько дней Надир посетил сына. Оба плакали. И Риза-Кули будто бы при встрече сказал отцу: “Хотя ты вытащил мои глаза из глазных впадин, будь благодарным, ибо ты сам вырвал свои собственные глаза и разрушил карьеру”⁶⁷. Как увидим ниже, слова принца оказались пророческими. Любопытный читатель, ознакомившись с этим фактом, не может не задуматься над схожестью поступков диктаторов и как они беспощадны ко всем окружающим, в том числе и к своим наследникам. Ради себя и своей власти готовы бывают, если это понадобится, весь род людской уничтожить. И сколько мы видим таких примеров в мировой истории с древнейших времен и до современности. И что особенно важно, иные даже пытаются как-то оправдать их поступки, полагая, что все это делалось ради каких-то непонятных возвышенных целей. “О времена, о люди!”

Но вернемся к прерванному рассказу. После провала его политики в Дагестане по совету русского резидента шах несколько видоизменил свою политику в отношении горцев. Теперь он (какой уже раз) решил привлечь на свою сторону феодальных владетелей и старшин сельских общин, пытаясь, говоря словами В. Братищева, “ласкательными способами тот упорный народ к послушанию уловить”⁶⁸.

Как бы развивая эту мысль, в другом донесении русский резидент сообщал, что Надир старался “дачею денег и кафтанами уравнять дело с лезгинами”⁶⁹. Для этого Надир попытался даже использовать находящегося у него в плену Сурхай-хана. Ему было дано 40 тыс. руб., чтобы он “дачею тех денег к стороне шаха привлекал и равномерно еще и в военную персидскую службу постоянных людей набрал”⁷⁰. Если верить русскому резиденту, шах отправил шамхала Хасбулата в горы Дагестана, чтобы “Сурхаевского сына и тамошних старшин добровольно к покорению привлечь”. При этом они должны были убедить горских лидеров в том, что если они с пониманием отнесутся к предложению шаха, кизылбаши прекратят опустошительные походы в горы. В противном же случае Надир из своего лагеря “пока совершенно Дагестаном не овладеет, с пустыми руками... в Персию возвращаться не будет, если даже еще два года здесь пробыть случится”⁷¹. Этими угрозами “мирозавоеватель” надеялся убедить горцев в их “безвыходности и обреченности”. Однако политика “кнута и пряника” и на этот раз не сработала. Более того,

как свидетельствует В. Братишев, сын Сурхай-хана выхватил кинжал и с угрозой сказал отцу, что “единое напоминание” об этом “старости его вредит... и тако наотрез ответственвал, что... никогда шаху послушанию принести в мысли своей не имеет”⁷². Любопытный читатель уже знает, что к этому времени прославленный герой решающего сражения с кизылбашами Муртаза-Али скончался, а Магомед-хан управлял Кюра-Казикумухским ханством и проживал, естественно, в Кази-Кумухе. Но суть дела не только в этом, гораздо важнее в данном случае выяснить присутствовал ли резидент при этом или излагает это событие со сведений, полученных из вторых рук и, быть может, даже со слов самого Сурхай-хана, переданных шаху. Сравнив даты отправления донесений резидента, становится очевидным, что в августе 1742 г. Братишев в большей части находился при шахе в Дербенте и в Кази-Кумух не ездил. Если это так, то стало быть, он не мог присутствовать и слышать описанный выше разговор Сурхай-хана со своим сыном и другими лицами. В связи с этим важно выяснить, с какой точностью Сурхай-хан исполнял данные ему шахом поручения. Допустимо ведь, что он, хорошо зная в каком положении находятся кизылбаша, мог вовсе не уговаривать сына склониться на сторону шаха, а напротив советовал ему продержаться еще некоторое время. Как знать? Ясно только одно, что сын Сурхая, казикумухский хан, наотрез отказался пойти на поклон к кизылбашам. Столь же решительно и безповоротно отверг предложение персиян владетель Хунзахъ. Аварские старшины, сообщает В. Братишев, “опираясь на силу, множественное собрание шаха не уважают и в случае наступления персиян согласились клятвенно последний камень к обороне подвинуть”⁷³. По этой же причине аварцы наотрез отказались выдать кизылбашам своих аманатов. Тот же В. Братишев сообщает, что аварцы с достоинством заявили, что они Ирану никаких обид не наносили и что они и сейчас живут на своей родине и никого не трогают, но если же их “задрать покусят, то отнюдь уступить им не могут и дотоле полную оборону продолжать готовы” и “персидской наглости достаточно отомстить постараются”⁷⁴.

Как и ранее, за исключением отдельных старшин близлежащих к ставке Надира территорий, и на этот раз горцы не поддались на уловки “завоевателя вселенной”. Подавляющая часть их продолжала партизанскую борьбу с завоевателем. Небольшие, но мобильные горские отряды периодически, неожиданными, дерзко-смелыми нападениями на кизылбашей, их обозы, прямо-таки терроризировали персов. Нагнали такой страх на кизылбашей, что они боялись выйти из своего укрытия и тем самым препятствовали доставке провианта, обрекая завоевателей на голод. Надир мучился в поисках путей выхода из создавшегося тяжелого положения. Делал безуспешные попытки, втридорога приобретая продукты питания на Северном Кавказе, но из этого ничего так же не вышло. Как и ранее, Россия оказывала всяческие препятствия персам в

приобретении продовольственных товаров на Северном Кавказе. Лишь алчность астраханских купцов, по словам Д. Ханвея, не позволяла им “устоять от покушения”⁷⁵ получать за продажу хлеба большие прибыли. Но этот метод не решал вопроса снабжения армии Надира. В это критическое для кизылбашей время проживающий в России агент так называемой “Русской компании” англичанин Д.Эльтон явился к Надиру и предложил свои услуги. Он обещал наладить продовольственное снабжение армии по Каспийскому морю. Одновременно, заинтересованный в осложнении русско-иранских отношений, Д.Эльтон стал подогревать давнюю мечту “завоевателя вселенной” — оттеснить Россию с Кавказа, прибрать к своим рукам устье Волги. При этом он предложил даже перебросить шахские войска к берегам Северного Кавказа⁷⁶, а в дальнейшем помочь Ирану в строительстве своего флота на Каспии⁷⁷. Эти предложения, как и следовало ожидать, показались Надиру весьма заманчивыми и полезными⁷⁸. В итоге всего этого Д. Эльтон официально перешел к шаху на службу, и даже принял мусульманское имя Джамал-бек, и возглавил судостроение Ирана⁷⁹. Эти сведения довольно широко освещены и в исследованиях историков Великобритании. Один из них Дуранд Мачтимир писал, что англичанин Jemal Beg (Эльтон — В. Г.) в Дербенте договорился с Надиром о строительстве на Каспийском море флота, который смог бы перевозить шахскую армию и все необходимое для нее. Однако перевозка шахской армии задерживалась из-за ее крайней утомленности в дагестанской кампании⁸⁰. Понятно, что начать военные действия с армией, которая находилась в крайне плачевном состоянии, было бы безумием, но шах вовсе не отказывался от своей мечты и поэтому поручил Эльтону строительство не только торгового, но и военного флота. Для этого в Ленгеруде была построена судовой верфь и подобраны умельцы. А то, что не могло быть изготовлено в Иране, Эльтон предполагал ввозить из Англии. Согласно утверждениям английского историка Д.Ридинга, Эльтон приступил к выполнению этого, совсем не простого дела: контрабандным путем из Великобритании стал вывозить вооружение и все остальное, необходимое для своего предприятия⁸¹. Естественно, что деятельность Джамал-бека не могла быть незамеченной русскими властями. Начиная с 18 Сентября 1742 г. В. Братищев чуть ли ни в каждом своем рапорте доносил, что Эльтон своими действиями оказывает “великое ущемление” интересам страны⁸². И Россия, естественно, предприняв самые необходимые меры предосторожности на Каспии, обратила внимание британского правительства и англо-русской торговой компании на противозаконные действия Д. Эльтона и в категорической форме потребовала отзыва его из Персии. Однако правительство Англии решительным образом отмежевалось от деятельности Эльтона. Кстати сказать, почти все английские историки, касаясь этих событий, утверждают, что правительство Великобритании и англо-рус-

ская компания не только не поддерживали Д. Эльтона, но и не имели никакого отношения к его инициативам⁸³. Однако исследователи других стран с ними не согласны. Пока шли дипломатические дебаты вокруг Джемал-бека, сам он, как говорится, трудился, не покладая рук, но сделать ничего существенного для иранской армии так и не смог. Тем временем, испытывая хронический недостаток в провизии, шахские войска в Дагестане были обречены на голодное существование, а постоянные действия горских отрядов еще более усугубляли их положение. Все это крайне тяжело отражалось на состоянии иранской армии. Осенью 1742 г. она полностью потеряла былую боеспособность и, по существу, была деморализована. По свидетельству В. Братищева, в продолжении 2 лет шах не мог справиться с дагестанским народом, который “в защищение свое имели только ружье и саблю без всяких военных порядков, и лишь в конце разорил свое государство и воинские силы”. Благодаря суровости шаха, народ обнищал. “Персидские подданные, — продолжал он, — утеснены и истощены (до того), что последней своей мочи в достаток лишаются; многие села опустошены, ибо оных от нетерпения тягла и беспрестанных ненастных податей, иные в крепкие места, в горы разбежались, некоторые под побоями замучены и не мало бесприютно, в крайнем нищенстве скитаются. Ужасное тиранство и неслыханное изнурение продолжаются во всей Персии”. И не “единый человек не имеет ревности упражняться в войне”. И каждый человек “внутри ему (т. е. Надиру — В. Г.) гибели желает”. И если бы, продолжает он, горцы Дагестана не обходились “сурово с уходящим к ним из шахова лагеря (воинами), то можно с достоверностью сказать, что персидское войско разбежалось бы в горы”⁸⁴.

Лерх, посетивший вместе с русским послом М. М. Голицыным лагерь под Дербентом свидетельствует о жалком состоянии персидской армии. В лагере, по его словам, не было намека на какой-либо боевой порядок: каждый воин стоял там, где хотелось. Солдаты были очень легко одеты, не имели ни теплых шуб, ни обуви. Их одежда была крайне изношена, многие даже ходили босиком по снегу. Для того, чтобы обогреться, воины разводили костры в лагере. Палатки, в которых тоже разводили огонь, были рваные и черные от грязи и копоти. В течение девяти месяцев воины не получали жалованья. Они совершенно изголодались и многие просили у русских хлеба⁸⁵. “Шахово войско, — пишет В. Братишев, — которое ныне при нем налицо за всеми уронами до 30 тыс. набраться может, в крайнем истощении и хилости находится” и не имеют никаких надежд на улучшение жизни, ибо не могут ни за какие деньги достать продукты питания. А посылаемые в селения Дагестана подводы в сопровождении войска для приобретения хлеба и провианта ничего не добывают, если сами не бываю захвачены дагестанцами. В связи с этим и сам шах, заключает резидент, в меланхолию впадать начал”⁸⁶. Было ясно, что эта

армия не в состоянии продолжать не только какие-либо наступательные действия, но и активно обороняться. Вот почему “завоеватель вселенной” был вынужден приостановить всякие военные действия в Дагестане, отказаться от стремлений набора войск из “лезгинцев”, в виду их полного непослушания, поневоле прекратить переселение “горских обывателей в Персию”⁸⁷ и решиться на вывод войск из Дагестана. Однако, как выяснилось, он оказался не в состоянии не только прокормить армию, но и из-за недостатка вьючного скота, выбраться из окрестностей Дагестана и направиться в Закавказье. В связи с этим, шах обратился за помощью к России. Такое развитие событий, по понятным причинам, вполне устраивало русское правительство. Вот почему и было с нескрываемой удовлетворенностью решено оказать помощь находящейся в столь плачевном состоянии персидской армии. С этой целью из “Кизляра на продажу из имеющихся тамо у астраханских и кизлярских купцов лошадей и верблюдов 500 было отправлено в лагерь персов”⁸⁸. НаDIR, пишет А. К. Бакиханов, назначил “Мехмед-Али-хана Кырхлу правителем Дербента и 25 января 1155 г. (1743 г.) отправился в Мугань, куда прибыл через 40 переходов, затрудняемых ненастной погодой и недостатком подвод”⁸⁹. Наш автор здесь явно поспешил, указывая лишь на одну сторону дела. На самом деле это был не простой вывод войск, а явное отступление под напором горцев Дагестана, а затем и жителей Северного Азербайджана. Очевидец отступления иранских войск через Дербент свидетельствует, что “пешие воины в отрядах проходили; все без изъятия вконец расслаблены, признавались сами, что десять человек против одного лезгинца стоять не способны, и так напуганы, что в присутствии шаховом при схватках с неприятелем робеть не удерживались. И будучи измучены голодом, все, что было у них: порох..., последнюю одежду и другое за хлеб отдавать принуждены, не в выгодном состоянии и товарищи их в лагере при шахе остались, ибо и они изнурением обременены”⁹⁰. Так что вывод войск оказался не такой простой задачей.

Иранская армия вплоть до переправы через р. Самур, как свидетельствует архивный документ, опасалась нападения горских отрядов, которые неотступно преследовали ее⁹¹. Нелегким оказался и путь от южных границ Страны гор, “Голод, — пишет П. Г. Бутков, — был так велик в армии Надыровой, что из мертвых трупов человеческих маркитанты делали катламу, т. е. пирожки... и продавали. Столько людей померло и скота всякого звания пало от бескормицы, что от р. Самура даже до Шабрана на расстоянии 55 верст дорога человеческими трупами и падалицами была устлана”⁹². Не повезло и в дальнейшем движении. Кроме всякого рода неприятностей в походе от Шабрана, “по причине случившегося жестокого ненастья и метелицы крайнее себе изнурение нанес и собственной шаховой конюшни больше 1 тыс. мул в дороге погибло, и еще с голоду и холоду немалое число людей померло; и

затем множайшие из чиновников продолжали путь пешими от стана и до стана”⁹³.

Так бесславно завершилась Надирова эпопея “покорения” Дагестана. Но “мирозавоеватель”, вопреки всему и вся, пытался убедить, что он достиг в Дагестане поставленной цели. Доказательством для других и утешением для своего безмерного самолюбия, исключавшем любой просчет, а тем более военную неудачу, считал то, что летом 1742 г. ему были отданы некоторыми джамаатами аманатчики. Кстати сказать, как мы видели выше, при первой же возможности отдавшие аманатов горские общества вышли из повиновения шаха и тотчас же начали борьбу еще с большим упорством с ненавистным врагом.

Кроме всего прочего, вывод иранских войск из Дагестана Надир объяснил необходимостью начать военные действия против османов. И на самом деле он готов был начать новый тур военных действий против Турции, рассчитывая легкими победами над султаном поднять свой сильно пошатнувшийся престиж “мирозавоевателя”. Но это из области мечтаний иранского шаха. Что же касается оценки военных действий с горцами Дагестана, почти все отечественные и большинство зарубежных историков дагестанскую кампанию Надира считают явным его провалом. Освещая результаты войны шаха в Дагестане и Азербайджане, современник этих событий немецкий врач И. Лерх писал: “В долговременной борьбе на Кавказе Надир ничего не достиг, кроме того, что разорил свое войско”⁹³. Другой современник англичанин Д. Ханвей также оценивает результаты войны Надира с народами Дагестана. Не имея никакой возможности оставаться в Дагестане, писал он, в феврале 1743 г. шах предпринял отступление, направился на Мугань⁹⁴. Итак, один, из крупнейших полководцев XVIII в. “Александр Востока”, Надир, имевший своей целью поставить горцев на колени, оказался сам поверженным. Те самые горцы, которых он стремился физически истребить и переселить, имея “на вооружении только ружье и саблю”, вынудили его к бесславному отступлению во главе разбитой и развалившейся, деморализованной, голодной и замерзшей, терявшей на каждом переходе людей и имущество армии⁹⁵.

---

1 Цицерон. Филиппики. XII, 2, 5.

2 Базен Ф. Намэла-ие табиб-е Надер Шах. Тегеран, 1380 (1961). Лечебная книга для Надира-шаха. С. 290.

3 Hanway J. Op. cit. P. 413

4 Русский архив. 1889, №3. С. 381. (далее Р А)

5 Бутков П. Г. Указ. соч. С. 212.

6 Там же. АВПР. Ф. Сношении России с Персией. 1841 Д. 7. Л. 471.

7 Там же. Л. 454.

8 Там же. Л. 467.

- 9 Козубский Е. И. Указ. соч. С. 90.
- 10 Базен Ф. Указ. соч. С. 290.
- 11 Березин И. Указ. соч. С. 118.
- 12 ЦГА Грузии. Ф. 1505, Оп. I. Д. 213. Л. 4.
- 13 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 5. Ч. I. Л. 44-45.
- 14 ЦГА Грузии. Ф. 1505. Оп. I. Д. 213. Л. 3.
- 15 Мехти-хан Астрабадский. Указ. соч. Ч. II С. 129.
- 16 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 470.
- 17 Козубский Е. И. Указ. соч. С. 90.
- 18 Бутков П. Г. Указ. соч. С. 213.
- 19 Там же.
- 20 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741. Д. 7. Л. 471.
- 21 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. XXI-XXV (второе издание). С. 87.
- 22 Там же.
- 23 Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 212-213.
- 24 АВПР. Ф. 72. Д. 7. Л. 428.
- 25 Бутков. П. Г. Указ. соч. С. 212-213
- 26 Там же. С. 213
- 27 Березин И. Указ. соч. С. 77-78,
- 28 РА. 1889, №3 С. 373-375.
- 29 Там же. С. 381-382.
- 30 Мирза Мехти-хан. Указ. соч. С. 134.
- 31 Там же.
- 32 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1742. Д. 5. Ч. I. Л. 46 77, 99.
- 33 Там же.
- 34 Березин И. Указ. соч. С. 77-78.
- 35 Бутков П. Г. Указ. соч. С. 313.
- 36 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1742. Д. 5. Ч. II. Л. 145-146.
- 37 Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 148.
- 38 Мирза Мехти-хан. Указ. соч. С. 135.
- 39 РА. 1889. №3. С. 370.
- 40 Там же. С. 370-374.
- 41 Мирза Мехти-хан. Указ. соч. С. 136.
- 42 Там же.
- 43 ХВД... С. 38; Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 148.
- 44 Бутков П. Г. Указ. соч. С.220.
- 45 Там же. с 215.
- 46 Там же.
- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 РА. 1889. №3. С. 380.
- 50 Бутков П. Г. Указ. соч. 220.
- 51 Там же.
- 52 РА, 1889. № 3. С. 375.
- 53 Там же.
- 54 Там же. С. 380.
- 55 Тамай А. И. Указ. соч. С. 124.

- 56 Мирза Мехти-хан. Указ. соч. С. 115.
- 57 РДО в XVIII — нач XIX вв.... С. 72-73.
- 58 Там же. С. 74.
- 59 Бутков П. Г. Указ. соч. С. 220.
- 60 Там же.
- 61 Магомедов Р. М. Легенды и факты... С. 64-65.
- 62 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1742. Д. 5. Ч. II. Л. 147.
- 63 Там же. Д. 5. Ч. 2. Л. 194.
- 64 РА. 1889. №3. С. 386-390.
- 65 Базен. Указ. соч. С. 292.
- 66 Там же. С. 209. Примечание.
- 67 Мухаммед-Казим. Указ. соч. Л. 611.
- 68 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1742 г. Д. 5. Ч. V. Л. 281.
- 69 РА. 1889. № 3 С. 380
- 70 АВПР. Ф. Сношение России с Персией. 1742 Д. 5. Ч. 3 Л. 270
- 71 Там же.
- 72 Там же Д. 5. Ч. I. Л. 301
- 73 Там же
- 74 Там же. Л. 329.
- 75 Halway J. Op cit. P. 409
- 76 Ibid. P. 9-10, 13, 20-22.
- 77 ГААО. Ф. 394. Оп. I. Д. 871. Л. 69.
- 78 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1743. Д. 7. Л. 44; ГААО. Ф. 394. Оп. I. (доп.). 1743. Д. 30. Л. 243.
- 79 ГААО. Ф. 394. Оп. 4. 1743. Д. 76. Л. 38.
- 80 Dugand M. Nadir Shah. London, 1908. P. 241-142
- 81 Reading DK. The English-Russian commercial Treaty of 1734. London, 1938. P. 252-254.
- 82 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1742-1746. Оп.35/I. Д. 676. Л. 3. ГААО. Ф. 394. 1743. Оп. I. Д. 871. Л. 68.
- 83 Lockhart. Op. cit. P. 289-200; Sykes. A History of Persia. London, 1921. V. II. P. 27.
- 84 РА. 1889. №3. С. 381.
- 85 Арунова М. Р., Ашрафян К. Э. Указ. соч. 202-203.
- 86 Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 157-158.
- 87 РА. 1889. №3. С. 381.
- 88 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1742. Оп. 77/I. Д. 39. Л. 3; Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 158.
- 89 Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 148. .
- 90 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1742. Д. 5. Л. 383.
- 91 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1743. Д. 3. Л. 481; Алиев Ф. М. Указ. соч. С.160.
- 92 Бутков П. Г. Указ. соч. С. 227.
- 93 Там же.
- 94 Лерх И. Я. Указ. соч. С. 87.
- 94 Halway J. Op. cit. P. 209-210. Т. II, P. 416.
- 95 Левиатов В. Н. Указ. соч. С. 113.

САМ-МИРЗА, МАГОМЕД-ХАН И ДРУГИЕ

В начале 1743 г., покинув “страну несчастий” (так назвали персы Дагестан — В. Г.), Надир-шах со своим истрепанным и уж совсем не воинственно выглядевшим воинством добрался до Муганской степи. Уходя из Дагестана, шах был уверен, что по окончании кампании с османами он вновь вернется в Страну Гор, и будет воевать с ее жителями до тех пор, пока они не будут либо покорены, либо истреблены. Но эти бредовые планы составлялись Надиром на будущее. А пока же он делал все, чтобы убедить своих подданных, что он успешно завершил военные действия в Дагестане. И доказательством этого сногшибательного вывода, если не сказать больше, для него, как указывалось выше, служило несколько аманатов. Но кого он в этом мог убедить? Все ведь хорошо знали, чем закончились походы и старания его в Дагестане.

Двухмесячный отдых на Мугане оказал известное воздействие на здоровье замученного переходами и изголодавшегося воинства. Однако поднять моральный дух солдат, какой был у них до походов в Дагестан, ни шаху, ни его генералам не удалось. Войска значительно были пополнены лишь за счет новобранцев, мобилизованных в армию, по существу насильно, по праву черик*. Уже одно это говорит о том, каков мог быть психологический настрой этого разношерстного воинства.

В 1742/3 гг. шах Надир, согласно данным Мухаммед-Казима, определил черик закавказских владений в 60 тыс. человек. Эти силы составлялись из ополчений “Тебриза, Мараги, Урмийи, Сулдука, Соуджубулака, Думбали (т. е. округов Хойя и Салмаса, принадлежащих наследственным главам этого племени), Баргушета, Ахара Карадагского, Гянджи, Карабага, Самада, Еревана, племен армянских, жителей Туга и прочих, Тифса (Тбилиси), всего Гурджистана, (Грузии), Ширвана, Шемахи, Мугана той окресности из кочевых племен афшар, мукаддам, баят, каджар, лезги, (лезгини), туркман, думбали, харабги” и пр... Черик всей державы Надир-шаха тогда же был определен в 360, а на деле удалось собрать будто бы даже 375.¹ Доверять точности цифр этой статистики, заключает проф. И. П. Петрушевский, конечно, не приходится, но то обстоятельство, что страны Закавказья должны были постав-

---

*Черик (монг) — войско, феодальное ополчение

леть 1/6 часть военных сил огромной державы Надир-шаха, показывает, каким бременем должна была быть военная служба для стран Закавказья, разоренных тридцатью годами войн, междоусобиц и восстаний². Мы же со своей стороны укажем, что отмеченных в списке иранского историка лезги-лезгин в данном случае никак нельзя относить ко всему Дагестану. Воинская повинность, установленная Надиром, в лучшем случае могла касаться лишь тех лезгин, которые проживали в Ширване или Джаро — Белоканах и не более. Одновременно были повышены подати, исчислявшиеся в 35 наименованиях, среди которых были подати, введенные со времени Арабского Халифата или даже со времени Сасанидов³. Все это не могло не обострить социальные и национальные отношения в империи Надира. Более того, прямым следствием повышения податей в 40 гг. XVIII в. при Надир-шахе была волна народных восстаний, прокатившаяся в различных областях обширной страны.

Тем временем, как отмечалось выше, в ряде мест, в том числе и на Кавказе, вспыхнули народные восстания. Движение Сам-Мирзы в Ширване, Хаджи Челяби в Шеке, курдских племен думбали, к которым примкнули азербайджанцы. Впервые на народный характер этих выступлений указал И. П. Петрушевский⁴. Позже этот вывод автора поддержали и развили ряд отечественных историков⁵. В восстании Сам-Мирзы в 1743 г., писал чл.- корр. А. П. Новосельцев, участвовала значительная часть и ширванской знати, равно, как и в Думбалийском восстании в 1744 г. включилась племенная знать, а к восстанию в Сеистане присоединился даже родной племянник Надир-шаха. Основной движущей силой этих восстаний были крестьяне и горожане, которые боролись “против невероятно усилившегося в последние годы правления Надир-шаха налогового гнета и бесчинства кочевой военищины”⁶. Характерными для этих антииранских выступлений в Ширване, в которых принимали участие и горцы Дагестана, были “царистские иллюзии, вера в доброго царя”⁷. Достаточно сказать, что эти выступления проходили под лозунгом восстановления власти свергнутых Надиром Сефевидов. Иначе говоря, народная борьба разворачивалась в форме самозванства. Еще в 30 гг. XVII в. в Иране появилось несколько самозванцев, объявлявших себя то сыном шаха Хусейна, то его братом, которые подымали народные массы, но сколько-нибудь заметного успеха не имели. Чуть позже появился самозванец, объявивший себя младшим сыном шаха Хусейна Аслан-Мирзой. Очевидно, его деятельность не была сколько-нибудь продолжительной хотя бы потому, что источники о нем умалчивают. Из всех самозванцев наибольших результатов достиг Сефи-Мирза, возглавивший восстание городской бедноты Шуштера, однако, и он вскоре вынужден был бежать в Турцию, где остался до 1743 г⁸. Во время своего пребывания в Кошане русский резидент С. Аврамов встречался с шаховичем по женской линии Сеит-Мирза Исмаилом⁹.

В 1743 г., как справедливо заметили А. П. Новосельцев, Ф. М. Алиев, в Ширване последовательно действовали два самозванца под именем Сам-Мирзы, выдававшие себя за сефевидского принца¹⁰. Первый из них появился, выдавая себя за сына сефевидского шаха Султан-Хусейна, которому во время кровопролитной осады столицы Ирана Исфагана афганцами удалось с помощью преданного династии эттимад-уддовле Мухаммед Момин-джана бежать из осажденного города. Вместе с ним бежал сефевидский военачальник Фатх-Али-хан, по происхождению дагестанец. До Тебриза, как будто, беглецы добрались ночью и стали искать место для ночлега; заметив в окне одного из домов свет, постучались. Когда же они переступили порог, то увидели в доме трех дервишей, которые узнали принца и посоветовали ему немедленно удалиться из города, чтобы не быть опознанным. Тогда же они предсказали принцу, что ему удастся вернуть себе престол иранских шахов через 30 лет. О дальнейших жизненных перепитиях принца источники умалчивают. Рассказывают лишь, что он скрывался в Грузии и в Крыму. Однако, наслышавшись о непримиримой вражде горцев к Надир-шаху, он прибыл в Дагестан¹¹. Любопытные сведения, бросающие свет на историю появления Сам-Мирзы, содержит письмо турецкого султана на имя феодальных владетелей Дагестана. Автор не раз цитированной нами «Хроники войн Джара», пишет, что в 1743 г. «победоносный имам ислама (султан турецкий — В. Г.) присылал неоднократно джарцам, талайцам, к уцмию хайдакскому, к сыну Сурхай-хана... и сыну Ума-хана письма, в которых сообщал, что шах Тахмасп просит у него себе в жены его дочь и требует выдачи бежавшего к нему сына того шаха, которого он убил». «Он требует так же, — продолжал султан, — чтобы я отрекся от одного из четырех столпов дома божьего, т.е. чтобы я признал истинной джафаритскую веру»¹². В «Актах Кавказской Археографической комиссии «опубликован полный текст письма турецкого султана к уцмию Кайтага Ахмед-хану. Сравнения и сопоставления текста этого письма с кратким содержанием письма в пересказе анонимного автора не оставляют сомнения в их идентичности. Отсюда можно сделать вывод, что письма султана, направленные в Дагестан вышеуказанным адресатом, были копиями одного и того же послания. Учитывая важность для понимания интересующего нас вопроса, остановимся на разборе султанского письма в Дагестан.

Прежде всего, следует предупредить читателя о том, что послание халифа правоверных является как бы ответом на обращение горцев к нему. В преамбуле письма говорится, что к нам прибыл высокопочтенный Кебек-бек

---

* Последователи религиозно-правовой школы шиитского имама Джафара Ас-Садыка, признанной суннитами наряду с четырьмя Масхабами (Ислам. краткий справочник. М. 1983. С. 50)

и спутник его, ученый Хаджи Кубан-Эфенди, которые представили присланные от почетных лиц и беков Дагестана “мемории вместе с письмом вашего высокостепенства”¹³. Хотя “текстом меморий” дагестанских владетелей мы не располагаем, но не приходится сомневаться в том, что они обращались к султану с просьбой оказать им помощь в их неравной борьбе против полчищ НаDIR-шаха. Однако, как знает из нашего повествования читатель, султан Турции никакой помощи единоверным горцам не оказал. Далее в своем послании султан пишет: “вторжение афганцев в Иран потрясло царство Сефевидское”. И тогда прибыл в Турцию принц Сефи Мирза и прибегнул к “защите высокой нашей особы, который пользуется спокойствием под тенью моего покровительства”. Ныне, продолжал он, я намерен оказать помощь “исполнению желаний этого принца” — отвратить тиранство Надира от народов Ирана, которые от жестокостей узурпатора “доведены до крайности, ножик, как говорится, дошел до костей, душа дошла до уст”. И поэтому, продолжал он, я повелел пограничным начальникам государства, чтобы спасая персов от гнетущего тиранства Надира, они утвердили принца на престол своих предков. Между тем, сообщал халиф, НаDIR-шах с многочисленным войском движется к Эрзеруму. Узнав об этом, персиане, “осыпанные прежде всего милостями династии Сефевидов и они, отвращаясь от Надира-шаха, присоединятся к Сефи-Мирзе. В связи с этим, Турция разослала прокламации во все части Ирана и, особенно, жителям окраин иранского государства. А поэтому обращался султан и к горским владельцам: “Вы, ильханы, должны с нашим Эрзерумским сераскиром Ахмед-пашою и Чильдирским валием Юсуф-пашою оказывать зависящее от вас содействие” Сефи-Мирзе “употреблять всевозможные ласки (в отношении к персианам) и стараться совместно друг с другом сокрушить гордость высокомерного и коварного неприятеля (т. е. шаха Надира)”. За этими предложениями идут не лишённые научного интереса слова султана. Когда принц утвердится на престоле, подчеркивает он, тогда “он уступит в нашу пользу бывшие прежде сего в составе нашего государства области Шемахинскую, Ширванскую, Гянжинскую, Тифлисскую и Эриванскую”. Иначе говоря, жителям Закавказья по планам Порты была уготовлена не лучшая участь. Вместо иранского ярма, в случае победы султана, на них собирались натянуть турецкие оковы. А что же с Дагестаном? Каков будет статус отдельных владений и самих народов Страны Гор? Согласно обещанию султана, “герои и храбрецы (так льстиво и не совсем искренно называет он горцев) Дагестана получат в пользование весьма достаточные провинции (но какие именно?) и будут наслаждаться благоденствованием под тенью высокой нашей державы”¹⁴. Если все эти мудреные слова перевести на простой человеческий язык, то это означает, что горцам предлагается выступить против иранских завоевателей, перенести еще немало жертв и страданий с тем, что-

бы при поражении Надира оказаться “под тенью” Порты. Как видно, не совсем благоденственную жизнь сулил султан горцам Дагестана. И тем не менее, чтобы их обнадежить и подбодрить, султан писал: “Жалую Вам ханское достоинство (хотя уцмии, владетели Казикумуха, Аварии давно имели это достоинство) и море нашей милости, бушующее в отношении к Вам, и солнце нашей щедрости, озаряющее вселенную к Вам”¹⁵. И как бы материализуя эти слова, отправил уцмию шубу собольего меха, саблю и 50 тысяч курушев*. Сыну уцмий Али-Гамзе и зятю Ахмед-хану пожаловал чин “мир-и-миран”, а другому зятю аварскому Мухаммед-Нуцалу и родственнику уцмий Кебек-беку чин “мир-и-лева” и каждому из них шубу горностаеву. Эти вещи были отправлены в Дагестан с Кебек-беком, Хаджи-Курбан Эфенди и сопровождавшим их Ибрагимом. Повторим, что этот важный во многих отношениях документ бросает свет и позволяет ответить на ряд еще не решенных вопросов.

Приведенный документ не оставляет сомнения в том, что Сам-Мирза после скитаний в различных районах в конце концов нашел пристанище и сносную жизнь в Турции, где надо полагать, безбедно прожил довольно продолжительное время. А когда стала надвигаться опасность новой ирано-турецкой войны, Сам-Мирза был вызволен султаном из безвестности с тем, чтобы использовать его в своих корыстных целях.

Первый лжепринц Сам-Мирза побывал в начале 1743 г. в нагорном Дагестане. И здесь, где бы он ни появлялся, на первых порах всюду находил поддержку жителей Восточного Кавказа, стремившихся во чтобы то ни стало избавиться от господства ненавистного им НаDIR-шаха. Все недовольные кизылбашами стали собираться под знамена самозванца. По сведениям Мухаммеда-Казима, склонного ко всякого рода преувеличениям, число приверженцев Сам-Мирзы доходило до 20 тыс. человек¹⁶. Среди них, говорит иранский историк, находился и Сурхай-хан Казикумухский. Однако, это сообщение не подтверждается другими документами. По всей вероятности, автор путает Сурхая с его сыном и преемником, правителем Казикумухского владения Магомед-ханом или одним из его военачальников. И все же, несмотря на достигнутые в первое время военно-политические успехи, деятельность этого самозванца оказалась скоротечной.

Подошедшая к Шемахе огромная, хорошо вооруженная шахская армия под командованием сына Надира Насруллы-Мирзы в ожесточенной кровопролитной борьбе одержала победу над повстанцами, возглавляемыми Сам-Мирзой. Казикумухский хан отступил в горы, а Сам-Мирза при попытке к бегству был схвачен и казнен¹⁷ как преступник. Насрулла-Мирза, выполняя волю отца.

---

* Куруш — мелкая монета

правителем Шемахи вновь назначил Гайдар-хана, а сам с основными силами вернулся в ставку шаха. Однако, с убийством Сам-Мирзы сама идея “добротого царя” не оказалась исчерпанной. Вскоре в Ардебиле под тем же именем объявился новый самозванец. Очевидно, как справедливо подчеркивает проф. Ф. М. Алиев, он не был уроженцем Ардебиля, иначе его легко уличили бы горожане. Отправляясь в Ардебиль, он полагал найти поддержку среди местных феодалов-сефевидов. Однако, здесь он не нашел должной поддержки и, пожалуй, вынужден оказался перенести свою деятельность на все еще окончательно непокорившийся Ширван и Дагестан. Чтобы привлечь на свою сторону местное население, он объявил, что схваченный шахскими войсками предводитель в действительности не был никаким принцем, а являлся его, т. е. настоящего Сам-Мирзы, сбежавшим рабом¹⁸. По всей вероятности, в это время в Ширване самозванец не нашел широкой поддержки. В следствие этого, он вскоре же был схвачен и доставлен к правителю Азербайджана Ибрагим-хану, племяннику Надира, сыну убитого в Дагестане Ибрагим-хана Захар-ад-доуле. На допросе “Мирза” был разоблачен. Но наместник, не посчитав его скольконибудь серьезным противником, велел ему отрезать нос и отпустить¹⁹. Из-за этого увечья позже его прозвали “Бин-е-Бориде” (отрезанный нос). Однако, он и после этого не прекратил борьбу, перебрался в Дагестан, где начал активную антинадировскую пропаганду. В исторической литературе существуют различные суждения о появлении Сам-Мирзы в Казии-Кумухе и до сих пор этот факт остается не до конца выясненным, то ли он, узнав об антииранских настроениях горцев, сам прибыл в Страну Гор, то ли кем-то специально был сюда направлен, то ли его пригласил правитель Казикумухского ханства. А. К. Бакиханов утверждает, что Сам-Мирза, после того, как ему отрезали нос, “бежал в Дагестан, где и скитался долгое время”²⁰. В отличие от этого Г. Алкадари подчеркивал, что “сын Сурхай-хана (Магомед-хан — В. Г.) неизвестно откуда нашел одного принца с искалеченным носом по имени Сам, вывел его на сцену в Дагестане, пустил слух, что этот Сам — сын убитого султана Хусейн-шаха, что когда афганцы в Персии убили этого шаха, он спасся бегством и что теперь персидское государство должно достаться этому лицу, а не Надиру²¹.”

Несколько иначе описывает эти события А. Каяев. “Магомед-хан, — пишет он, — встретил иранца под названием Сам, который и рассказал о своих мытарствах после убийства его отца Шах Хусейна”²²

“После своего увечья, — утверждает С. И. Габиев, — Сам-Мирза явился к Магомед-хану и просил у него помощи. Хан принял Сам-Мирзу ласково и, под видом защиты законных прав наследника персидского престола, решил идти войною на персиан”²³. Из сказанного можно прийти к выводу о том, что интересы Сам-Мирзы и Магомед-хана во многом совпадали и потому “Бин-е-

Бориди” явился к хану, и они нашли общий язык, и договорились о совместно-м выступлении против Надира. Оценивая Магомед-хана, А. Каяев писал, что он, как и отец, был степенным и энергичным человеком²⁴. Более развернутую характеристику правителю Кази-Кумуха мы находим у С. И. Габиева. Магомед-хан, пишет он, “по природе своей был человек кроткий и набожный. В мирное время он всецело посвящал себя Богу. Всегда окруженный толпой толкователей Корана, он любил вести с ними длинные беседы о вере. Это был человек хорошо образованный и начитанный, и “во всем старался подражать своему знаменитому отцу. Суд при нем правый и скорый и производился в присутствии нескольких старейшин Кази-Кумуха. Не отличаясь любовью к военному делу, Магомед-хан избегал войн, по необходимости должен был продолжать политику своего отца, прославившего свое имя подвигами на поле брани и завоеваниями. Он, во что бы то ни стало, решил снова к Кази-Кумуху присоединить Кюру и Ширван с Шемахой. Как только шах Надир оставил Дагестан и удалился в Персию, Магомед-хан задумал воспользоваться благоприятным случаем, чтоб достигнуть желанной цели”²⁵. Со своей стороны добавим, что в этом направлении он делал все от него зависящее. А с появлением Сам-Мирзы активизировал подготовку выступления против шахского Ирана.

В то же время, ненавидевший Надира Сам-Мирза устными, письменными призывами и просьбами, пытался убедить народные массы подняться на борьбу с узурпатором. Пропаганда его нашла поддержку у местного населения. Находившийся при шахе резидент В. Б. Братищев в своем донесении от 20 сентября 1743 г. писал: “В Дагестане, и особливо, от Сурхаева сына Мухаммеда сильные разглашения происходят, якобы прежней шахской фамилии некто явился с обрезанным носом, которые ведомости горских людей к большим беспокойствам возбуждают, от чего в Дербентской стороне дольная опасность приключиться может”²⁶. И действительно, с каждым днем в Дагестане увеличивалось число лиц, с пониманием воспринимающих призывы Сам-Мирзы и склонных оказать ему действительное содействие. Не прошло и месяца, как В. Братищев сообщал, что “дагестанские замешания (имеется в виду антииранское движение — В. Г.) день ото дня упоминаются и тем великое беспокойство и дольний вред Персии причиняют”²⁷.

Успехи “Бин-е-бориде” — Сам-Мирзы обычно связывают не без основания с тем, что его поддержал владетель Кази-Кумуха. Популярный среди дагестанцев Мухаммед, — подчеркивает Ф. М. Алиев со сноской на иранского автора Риза-Кули-хана Хидаята, — признал претензию второго Сам-Мирзы на иранский престол законной”²⁸. Эти события нашли довольно интересное освещение в анонимной “Хронике войн Джара”. В 1743 г., говорится в ней, когда Надир-шах приблизился к Багдаду с целью “отвоевать у имама ислама

(султана Турции — В. Г.) некоторые города, отложились некоторые области, а именно: Ширван, Шемаха и Шека, под влиянием слов кизылбашей из Тебриза и перешли на сторону Ших-Заде Султана, находившегося у сына Сурхайхана с тех пор, как он убежал от Тахмаза (Надир-шаха — В. Г.), который отрезал ему уши и нос”²⁹.

В своем донесении, составленном в середине октября 1743 г., резидент И. Братищев сообщал, что “дагестанское замешания” день ото дня... великое беспокойство и дольный вред Персии причиняют”³⁰. Не раз цитированный нами англичанин Д. Ханвей пишет, что Бин-е-бориде поднялся на борьбу с Надиром не без влияния Турции, и население Ширвана встретило претендента с надеждой и к нему вскоре примкнуло 16 тыс. человек, большую часть которых составляли лезгины”³¹. И действительно, под знамена Сам-Мирзы и Мухаммед-хана стало большое число горцев: табасаранцев, кайтагцев, лакцев, кумыков и др. Мухаммед-хан Казикумухский, как справедливо утверждают М. Р. Арунова и К. З. Ашрафян, стал одним из руководителей восстания. Он призвал к борьбе с Надиром не только дагестанцев, но и ширванских крестьян и знать”³². На этот раз призывы Сам-Мирзы и Мухаммед-хана нашли отклик в сердцах ширванцев. И в самое ближайшее время Ширван превратился в центр антишахского движения, в котором, как и ранее, объединились азербайджанцы — шииты и дагестанцы-сунниты. Причем совместная борьба против Надир-шаха на этот раз проходила под знаменем восстановления на иранском престоле династии Сефевидов, против произвола которой, собственно говоря, и начата была борьба азербайджанцев и дагестанцев еще в начале XVIII в. Уже одно это свидетельствует, что объединенные силы народов Кавказа преследовали собственные, и притом в корне отличные от стремления Сам-Мирзы, цели. Под видом восстановления законного наследника на шахиншахском престоле рядовые участники движения азербайджанцы и дагестанцы боролись за свою свободу и независимость. Важно отметить и то, что объединение шиитов и суннитов в единой борьбе с шахом Надиром, как совершенно справедливо показал проф. Ф. М. Алиев, произошло вопреки религиозной вражде между шиитами и суннитами, и не существовало вне политической и экономической борьбы. Иначе говоря, социально-политическое движение, преследуя конкретные мирские цели, “принимало форму отвлеченных религиозных противоречий”.

Этим, пожалуй, и объясняется множество встречающихся в истории различных народов фактов, когда “принадлежность к различным вероисповеданиям не мешала объединению в рамках одного социального движения приверженцев различных религий или различных направлений одной религии”³³.

Появление силы, способной бороться с Надиром, оказало сильное влия-

яние на жителей всего Закавказья. С каждым днем возникали очаги антишахских восстаний. Против гнета шаха и его ставленника выступили горожане Дербента и части гарнизона, находящиеся в крепости Кыз, вблизи Дербента. А. К. Бакиханов пишет, что в это время племя муганлы, составлявшее часть гарнизона в укреплении Кабир, принадлежавшем тогда Дербенту, восстало и, вырезав своих товарищей афшарцев, отдало крепость Магомед-хану Казикумухскому. В это время Сам-Мирза и Магомед-хан получили письмо от старшин Дербента, в котором они сообщали о своей готовности присоединиться к антинадировской коалиции и вести самоотверженную борьбу против ставленников шаха. И просили прийти на помощь им, чтобы отстранить от правления городом дербентского султана “за грубианские его поступки и нетерпимые налоги”³⁴, наложенные на них. Узнав из письма недовольных горожан, попавшем в руки султана Дербента, о готовящемся выступлении, правитель города предпринял энергичные меры, но успокоить горожан не смог. Вскоре старшины Дербента Хуршид-бек, и Сефи-бек не дождавшись прибытия отрядов Сам-Мирзы и Магомед-хана, сделали безуспешную попытку свергнуть правителя Али-хана Кырхлу (или Гырхлу)³⁵. Г. Э. Алкадари ошибочно называет его куркулинцем³⁶. Правитель Дербента сумел схватить и заключить старшин, но подавить восстание горожан ему не удалось. Более того, даже жители, переселенные сюда из внутреннего Ирана, “едва ли не все к дагестанцам от жестокости и необыкновенной тамошнего губернатора строгости разбежались, яко же и сами дербентские жители и военные персиане, кто способ найдет, — заключал В. Братишев, — в горы уходят”³⁷.

Оценивая создавшуюся обстановку, как критическую, правитель Дербента Мухаммед-хан обратился за помощью к Надир-шаху. “Завоеватель вселенной” приказал правителю Ширвана Хайдар-хану подавить восстание горожан. Однако султану Дербента без посторонней помощи удалось подавить восстание и жестоко расправиться с повстанцами: часть восставших муганцев была убита, другая была ослеплена. 14 батманов глаз (около 42 кг.) были взвешены и отправлены на Муганскую степь, чтобы эта расправа послужила уроком для других муганских племен³⁸. После чего правитель Дербента Мухаммед-хан, опасаясь повстанцев Дагестана и Азербайджана, стал ускоренным темпом восстанавливать оборонительный комплекс города. Пока происходили эти события, правитель Ширвана Хайдар-бек, выполняя приказ грозного шаха, во главе довольно большого отряда выступил в направлении Дербента. В пути между Шемахой и Шабраном он был задержан местными жителями. Произошло сражение, но в это время восстали рядовые воины из отряда армии правителя Ширвана и предрешили битву и судьбу самого командующего Хайдар-хана, который был захвачен и убит. Его голова была отправлена шаху Надиру. После чего большая часть восставших примкнула к

движению Сам-Мирзы — Магомед-хана. Дело дошло до того, что среди повстанцев оказалось и несколько шахских военачальников³⁹. Сообщая об этих событиях, русский резидент в октябре 1743 г. писал, что “ширванский мятеж столько распространяется, что тамошние возмутители губернатора своего... убили и для вящего своевольту их подкрепления призвали в Ширван меньшего Сурхайского сына Мугамеда, обещая в его власть город Ахсу отдать, который якобы уже действительно с военными лезгинцами туда прибыл и городом править начал” и он “имеет при себе самозванца (ложного, прежней шахской фамилии — В. Г.) с обрезанным носом”⁴⁰. Как бы развивая эту мысль, в последующем донесении русский резидент писал: “Самозванец с потерянным носом и ушами Сам-Мирза, именуя себя сыном бывшего шаха Султана Хусейна, при вспоможении лезгицев и наипаче под опорою горского владельца... Сурхайханова сына Мухаммеда столько усиливаться начал, что все его подвиги и обороты к достижению персидской короны распространяются”⁴¹. Сообщения резидента о том, что ширванцы сами призвали Магомед-хана и Сам-Мирзу, очевидно, надо понимать в том смысле, что ширванцы были заодно с предводителями антинадировского движения. Любопытно и то, что автор приведенного утверждения руководителем всего повстанческого движения представляет Магомед-хана Казикумухского, который имеет при себе “ложного принца”. Не напоминает ли все это вышеприведенное утверждение Г. Алкадари?

И на самом деле, вскоре же после вышеописанных событий жители Новой Шемахи — Ахсу изгнали ставленников Надира, и особенно, ненавистного им сборщика налогов, и пригласили Сам-Мирзу и Магомед-хана, которые прибыли в “сопровождении десятитысячного войска дагестанцев. Сам-Мирза объявил повстанцам, что он намерен, вступив в Новую Шемаху, отобрать престол у узурпатора Надира и своих подданных “от претерпеваемого через множайшее время тягчайшего ига и мучительского порабощения избавить и доставить то им благоденствие, каковым они при хваленных предках его неоскудно пользовались. Ширванцы при возбуждении своем мятеже, будучи привлечены со всякою покорностью, дали ему удобнейший вход в Ахсу и все тамошние обыватели с доброю охотою подданство принесли”⁴².

Эти сведения подтверждает и Г. Алкадари. “Жители Ширвана, сообщники Магомед-хана”, пишет он, убили Хайдар-хана, после чего “предложили Магомед-хану и Саму поскорее явиться в Шемаху и истребить тамошнего назначенного Надыром хана и его отряд”⁴³. Оказавшийся в Ширване Сам-Мирза очень удачно стал подогревать антишахские настроения ширванцев, неустанно напоминал о насилии, гнете шаха, лихоимстве его ставленников, призывал покончить в крае с игом Надира. Коль от него, говорил претендент на иранский престол, “пограбительным непрерывным побором генерально

все персидское государство истощено, и жалостному опустошению подвержено”, и к “крайнему нищенству и искоренению приходит... сколько в денежных сборах перед прежними годами от его величества податей на Ширванскую губернию прибавлено, почему сверх древних оброков и расположений с 400 тыс. рублей нашлось”, то “для облегчения ширванских обывателей” он тотчас же освободил от всех налогов, что “по древнему обыкновению”, платили ему, а “канцелярские книги, учрежденные от нынешнего шаха (Надира — В. Г.), все сечь приказал. Притом ширванских управителей и канцелярских служителей крепко укорял”⁴⁴. Разумеется, что отмена непосильных для местного, разоренного бесконечными войнами, населения податей, ликвидация ненавистной им власти ставленников шаха, не могла не способствовать росту энтузиазма ширванцев, привлечению их на сторону повстанцев. На это обстоятельство обратил внимание многоопытный русский резидент В. Братищев. Он писал, что ширванцы поднялись на борьбу не столько из-за любви и простого желания поддержать претендента на престол Ирана, сколько от жестокой тирании Надира. Лишь поэтому из “Ардебиля, Тавриза и других азербайджанских городов и деревень, оставляя свои жилища, спешно и все охотно, исправляясь по возможности к содержанию своему лошадьми, ружьями, саблями, ... прибегают к... Сам-Мирзы, изъявляя свое усердие и за него живот положить не отрекаются”⁴⁵.

Аналогичные сведения встречаются и в других реляциях русского резидента. “Будучи от тиранских поступков Надир-шаха несносно изнурены, жители городов и сел, — писал В. Братищев, — усердно желают его, Сам-Мирзу, на иранском престоле видеть и поэтому к нему пристать хотя”⁴⁶.

В ноябре 1743 г. доносил тот же В. Братищев, Сам-Мирза, видя оказываемую ему повсеместную поддержку и чувствуя себя правителем Азербайджана, стал носить головной убор с бриллиантовым пером⁴⁷, и “уже всю Ширвань и Карабахскую провинцию... до Гянжи охватил и к рукам присвоил” и повсеместно поставил своих наместников. Аналогичные сведения в пользу Надира, правда в несколько урезанном виде, сообщает и Мухаммед-Казим. Однако, в одном он совершенно искренен. Основной поддержкой Сам-Мирзы, подчеркивает он, являлись “простонародье и чернь”⁴⁸. Весть о взятии административного центра Ширвана Ахсу и принимаемых Сам-Мирзой социально-политических мерах и, особенно, освобождении трудящихся от податей, с быстрой молнии облетела все Закавказье и проникла во внутренние губернии Персидской империи. Проф. Ф. М. Алиев прав, утверждая, что встречающееся в донесениях указание резидента “азербайджанские жители” скорее всего относится к жителям Южного Азербайджана, так как население северной его части обычно, в том числе и сам В. Братищев, чаще всего называют ширванцами, шекинцами, карабахцами, муганцами⁴⁹ и т.д. Это тем более вероятно,

что имеются документы, не оставляющие никакого сомнения в том, что движение Сам-Мирзы оказало непосредственное влияние и на жителей внутренних губерний Иранского государства. До нас дошли даже сведения, свидетельствующие о том, что 300 семей из обывателей хамаданских решили переселиться в Ширван, чтобы присоединиться к Сам-Мирзе⁵⁰. Однако шахской администрации их удалось вернуть.

Шах и его окружение неоднократно предпринимали попытки разорвать изнутри союз между предводителями антинадировского движения. С этой целью, по указанию Надира пытались разуверить Магомед-хана Казикумухского в верности предпринимаемых им шагов и склонить его на сторону шаха. Причем в это мероприятие шах вовлек и шамхала Хасбулата. До нас дошло подлинное письмо, адресованное правителем Тарков Магомед-хану Кази-Кумухскому. В нем после принятого приветствия и пожелания шамхал писал: "Ты мне в жизни и по вере брат. И поэтому мы не можем тебе желать какого-либо зла. Ты положишься на Аллаха и на нас. И никакого ущерба тебе и твоим подданным от шаха не будет. Я готов вместе с тобой отправиться к шаху и обещаю совершенную безопасность. На время своего отсутствия ты можешь оставить вместо себя правителем наиболее доверенного родственника. Если ты решишься на этот шаг и прибудешь к шаху, ты во многом выгодаешь. Ты прибудь в с. Акуша или Гапшиму на встречу со мной. И я там постараюсь воочие убедить тебя какие выгоды сулят тебе самому, да и всем нашим мусульманам твое согласие с предложением шаха. Ни о чем другом не говоря, оно обеспечит нам всем полную свободу. Иначе же нам не миновать новые бедствия, голод и разруху. Подумай"⁵¹ Однако, предпринятые шахом попытки найти примирение с Магомед-ханом Казикумухским ни к чему не привели. Антинадировская борьба на Восточном Кавказе все более и более усиливалась. НаDIR-шах зорко следил за всем тем, что происходило на Кавказе, но, будучи занят войной с османами, не мог самолично организовать наступление против Сам-Мирзы и Магомед-хана, поэтому он отправил против повстанцев Дербента специальную экспедицию, завершившуюся, как мы знаем, трагическим исходом для кизылбашей. Недоволен был НаDIR и действиями правителя Дербента и рассчитывал жестоко его наказать. Однако, о намерениях шаха узнал султан Дербента Мухаммед-Али и, как бы предупреждая возможные действия Надира, вступил в союз с Сам-Мирзой⁵². Это переполнило чашу терпения шаха и он решил отправить в Ширван достаточное число войск, которые были бы в состоянии нанести Сам-Мирзе и Магомед-хану решительный удар. Во главе этой усиленной армии он поставил своего среднего сына, с действиями которого мы уже имели случай познакомиться. К этой армии предписаны были также силы губернатора Тебриза Ашур-хана и находящихся на Мугане отрядов Хусейн-хана. Кроме того, Насрулле-Мирзе были

переданы 4 тыс. воинов из резерва самого шаха. Все это не оставляет сомнения в том, что Надир придавал особое значение событиям, разворачивающимся в Ширване. Первая встреча иранских войск и отряда Сам-Мирзы произошла на реке Кура. Схватка эта была непродолжительной. Одно из подразделений шахских войск, которым командовал Ашур-хан, потеряв более 300 человек убитыми, отступило⁵³. Вскоре, однако, трехтысячный отряд иранцев, рассчитывая взять реванш, выступил против Сам-Мирзы. Обе стороны сошлись на Муганской степи. Шахские войска и на этот раз потерпели жестокое поражение. Более того, после этого вторичного поражения в правительственных войсках участилось дезертирство и не только нижних чинов, но и даже из числа офицерского состава. «Такие служивые, — сообщает современник, — к Сам-Мирзе уходят, скрываются»⁵⁴. Все это предопределяло наступательный характер действий Надира. Альтернативы этому не было. Поговаривали даже, что Надир-шах был готов подписать мирный договор с османами с тем, чтобы всей своей мощью навалиться на повстанцев, возглавляемых Сам-Мирзой. Такие переговоры с османами, по сведениям русского резидента, были даже начаты. «Причина, которая шаха к тому скоропостижно принуждает не иначе, как только известный самозванец Сам-Мирза своими усилениями Ширван-шаху беспокойство наносит»⁵⁵. Однако, мир не был достигнут, и Надир, не имея других возможностей, вновь вынужден был отправить войско в Ширван. И на этот раз против наступающих шахских войск с мощной артиллерией выступили Сам-Мирза и Магомед-хан. 24 декабря «близ шахского сада в окрестностях Ахсу» борющиеся стороны встретились⁵⁶. Прежде побеждавший в открытом бою персов Сам-Мирза, уверенный в своей победе, отнесся к сражению беспечно. Он даже не знал, что с персидскими войсками двигалась артиллерия, которая, собственно говоря, в конечном счете и решила исход боя. Мухаммед-хан, — пишет А. Бакиханов, — «потеряв около 1000 человек убитыми и пленными, был ранен и убежал в Дагестан»⁵⁷. Сам-Мирза некоторое время пытался организовать оборону Ахсу, но убедившись в невозможности противостоять кизылбашам, бежал в Грузию, где он примкнул к восстанию, возглавляемому Ксанским эриставом Гиви Амилохвари. В декабре 1743г. после битвы в Ахал-Цихе и это восстание было подавлено. После чего Сам-Мирза был схвачен Кахетинским правителем и выдан Надиру. Шах лишил его одного глаза и отправил к Ахмед-паше в Карс, «чтобы он увиделся с Сефи-Мирзой, так как, — саркастически замечает Мирза-Мехти хан, — они были братья»⁵⁸. Началась расправа с повстанцами. Чуть ли ни каждый участник восстания или даже сочувствующий им были наказаны. Очевидец событий В. Братишев свидетельствует: «Во всем Ширване народа всякого звания, правых и виновных, за наказание их волею и неволею Сам-Мирзе послушание, командирами с шахова повеления вырублено, а малолетние обоего пола... в плен

заклочены”⁵⁹. В Шемахе И.Я. Лерх видел много молодых и старых людей с выколотыми глазами, отрезанными носами и ушами⁶⁰. Англичанин Д. Ханвей увидел “круглую пирамиду высотой около 50 футов, в которой имеются ниши, заполненные человеческими головами... участников Ширванского восстания”⁶¹. Однако, подавление движения Сам-Мирзы и его гибель не привели к установлению мира в крае. Недовольные установленным Надиром жесточайшим режимом народные массы Азербайджана и Дагестана не хотели и не сложили оружие. Тем более, что вскоре объявился новый претендент на шахский престол Ирана Сефи-Мирза. Этот “лжепринц”, как его называли турецкие историки, тот же самый Сефи-Мирза, который, как говорилось выше, объявив себя наследником иранского престола, поднял восстание против Надира и, потерпев поражение, бежал в Турцию. И вот теперь султан турецкий решив реанимировать самозванца, обещая ему помочь занять престол Ирана, с 20-тысячным отрядом отправил его в Карс, где уже была сосредоточена огромная армия под командованием Ахмед-паши⁶². Имея целью поднять горцев на борьбу с Надиром, главнокомандующий турецкими войсками в Карсе от имени самого султана отправил письма в Дагестан. Эти письма-призывы возымели свое действие. Горцы Дагестана настолько ненавидели Надир-шаха, что готовы были помогать силой оружия любому, кто бросит вызов кровавому Надиру. Однако, Сефи-Мирзе удалось в свое войско привлечь значительное число азербайджанцев и грузин для вторжения в подвластные Ирану страны Закавказья.

К тому же в описываемое время в Восточном Закавказье против владычества Ирана происходило и восстание местных феодалов⁶³. Учитывая чрезвычайную сложность сложившейся обстановки, Надир-шах предпринял решительные меры по укреплению обороны Закавказья, укрепил все проходы и расставил посты между Карсом и Ереваном. Щедрыми подарками, посулами и обещаниями постарался привлечь на свою сторону верхушку кочевых племен Азербайджана. Нужно сказать, что если Надиру в какой-то степени здесь удалось достигнуть желаемых результатов, то в Ширване и Дагестане все было наоборот. Лжепринца поддержали ряд феодальных владетелей и рядовые горцы, в том числе и уцмий Кайтага Ахмед-хан. Он и ряд табасаранских старшин со своим ополчением добрались до Карса и присоединились к готовым выступить против Надира войскам султана. Тем временем к Карсу во главе значительного войска подошел Надир-шах и в ультимативной форме потребовал от главнокомандующего турецкими войсками Ахмед-паши выдать лжепринца Сам-Мирзу⁶⁴. Как бы в ответ на эти требования, османь решили напасть на кызылбашей, но не имели удачи. Надир-шах обложил Карс.

Надо полагать, неудачи османов отрезвляюще подействовали на уцмий Кайтага и других горских предводителей. Возможно также, что между ними и

Сефи-Мирзой возникли какие-то, оставшиеся неизвестными нам, трения. Известно одно, что Ахмед-паша со своим ополчением незаметно под покровом ночи вышел из окруженной крепости Карс и вернулся на родину. Этим эпизодом, пожалуй, и прервалась связь правителя Кайтага с Сефи-Мирзой. Вскоре после этого Ахмед-паша обратился к Надир-шаху с предложением заключить перемирие. Это вполне устраивало диктатора Ирана. Передышка ему была крайне необходима, чтобы подготовить войска к будущим боям и прежде всего подавить антинадировское выступление в Северном Азербайджане.

В конце 1744 г. Надир-шах во главе 30 тыс. армии двинулся на Ширван и Дагестан. При этом, согласно свидетельству современника, он направился прямо в Шекинскую провинцию «для приведения в послушание своих подданных» которые «противостоят и беспокойство в Персии показывают»⁶⁵. Но, несмотря на неоднократные отчаянные штурмы, продолжавшиеся в течение нескольких суток, шах так и не смог взять крепость «Гелесан-Герасан» (приди посмотри). После чего вынужден был, говоря словами В. Братишева, «от нее бесплодно отступить»⁶⁶ в свой лагерь Барду. Некоторые, имеющие важное значение дополнения в эти сведения вносит Г. Алкадари. Когда между султаном и шахом вспыхнула борьба, пишет он, «все дагестанские старейшины выразили свою покорность Турции и им даны были султаном Махмуд-ханом милостивые грамоты и некоторые пожалования и назначения» и далее, дословно повторив вышеприведенные сведения, заключает: «вероятно, и другим 230 лицам были даны подобного рода ранги и назначения, но зафиксированными нашли только эти. Турки должны были дать особенно высокие награды Магомед-хану, сыну Сурхай-хана, так как он совсем не повиновался Надир-шаху и от начала до конца был его врагом»⁶⁷. Не приходится сомневаться в том, что Турция, особенно во время ее войны с Ираном, делала попытки поднять горцев на антииранскую борьбу. Так, по всей вероятности было и в 1743-1744 гг. Очевидно и то, что утверждения Г. Алкадари о выражении покорности горцев султану нельзя понимать буквально, ибо ни о какой покорности в это время не могло быть и речи, хотя бы потому, что Закавказье разделяло владения Высокой Порты и Дагестана. Скорее всего это утверждение надо понимать в том смысле, что горцы, да и указанные владельцы, сочувствовали Турции, склонялись на сторону султана и желали ему успеха в борьбе с ненавистным им завоевателем, против которого они так долго и последовательно боролись.

Турецкий султан Махмуд — I (1730-1754 гг.) всячески поддерживал антииранские выступления народов Дагестана и Азербайджана. Более того, пишет А. Бакиханов, «будучи суннитом, как и дагестанцы и часть жителей Ширвана, султан беспрестанно подстрекал их против персидского владычества. Своими грамотами султан пожаловал «уцмию Ахмед-хану титул трехбунчужного паши,

сыну его — двухбунчужного, а Ахмед-хану, беку Дженгутайскому (точнее хану Мехтулинскому — В. Г.), даровал чин силахшора и звание шамхала и 20 мешков денег... каждому из табасаранских, майсуму и кадию, даровал титулы двухбунчужных пашей и по 200 туманов; Мухаммед-беку Цахурскому — титул султана Цахурского и двухбунчужного паши и некоторую сумму денег”⁶⁸.

В декабре 1744 г. во главе 30 тыс. армии Надир-шах, минуя Шемаху, прибыл в Дербент, где его войско “разорило... окрестные селения и несколько тысяч всякого скота забрали”⁶⁹. Кизылбаши сделали даже попытку захватить стоящий на рейде русский корабль. Нечего и говорить, что дербентцы и на этот раз перенесли очень многое от шаха. Он разорил их так, что, как говорили сами жители, они не “излечатся от нанесенных... ран и через 5 лет”. Сам Надир приказал строить для себя здесь дворец, для чего решено было использовать даже “большие надгробные памятники”. Предание приписывает ему также проведение воды из Самура, строительство Вилиярд-арх, орошавшей и равнину близ Дербента.

И вновь, как и в 1743 г., шах отправил один из карательных отрядов в Табасаран, чтобы наказать население, которое, не покорилось шаху. Другой отряд кизылбашей направился против шамхальства, жители которого придерживались антинадировской позиции. Касаясь этих событий, П. Г. Бутков подчеркивает: “В начале 1745 г. паки настали тревогу, Надир еще восхотел испытать терпение своего против лезгин”. (т.е. народов Дагестана — В. Г.)⁷⁰ Были снаряжены карательные отряды в горы Дагестана, но особого стратегического успеха они не имели, если не считать того, что кизылбаши расправились с некоторыми населенными пунктами Южного Дагестана. Не удовлетворившись этим, “завоеватель вселенной” стал деятельно готовиться к большому походу в горы Дагестана. Он имел при этом намерение занять Кумух, захватить Магомед-хана Казикумухского, нанести сокрушительный удар по Аварии, поставить горцев на колени, и депортировать часть его населения во внутренние провинции страны. К счастью народов Дагестана, этим бредовым планам Надир-шаха не суждено было осуществиться, поскольку он вынужден оказался направить основные силы на подавление восстания в Закавказье, а затем был занят и борьбой против османов. Однако, он не отказался, а лишь отложил до лучших времен свой план борьбы с горцами Дагестана. Шах надеялся в ближайшее время блокировать Дагестан “со всех сторон так, чтоб лишить горцев пропитания”, и тем самым они, “претерпевая крайний голод, сами добровольно” покорятся⁷¹. Однако и эти планы не сбылись. Более того, весной 1747 г. уцмий, собрав чуть ли ни со всего Дагестана ополченцев, подступил к Дербенту. “Гани-хан, оставленный там шахом, видя близкую опасность не только от горцев Дагестана, но главным образом от самих дербентцев, вышел из города с войском и пошел в Кубинское ханство, где отряд его был разбит, а

сам предводитель убит дагестанцами¹⁷². Это пренебрежительное для шаха событие еще больше укрепило его в решимости во что бы то ни стало покорить и истребить народы Дагестана. Но осуществить эти планы ему не было суждено. 9 мая 1747 г., в результате дворцового переворота, Надир был убит, а созданное им государство, представляющее конгломерат народностей и племен, распалось.

---

1. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л. 1949. С. 290-292.

2. Там же.

3. Там же. С. 265.

4. Там же. С. 290-292.

5. Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Указ. соч. С. 204-205; Абдуллаев Г. Б. Азербайджан в XVIII в. и его взаимоотношения с Россией.

6. Новосельцев А. П. Классовая борьба в Азербайджане и Восточной Армении в XVII-XVIII вв. // ИЭ. 1960. №67. С. 250.

7. Там же.

8. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 148; Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 335; Миклухо-Маклай Н. Д. Из истории афганского владычества в Иране. УЗЛГУ. Л., 1954. №179; Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Указ. соч. С. 58, 149-151.

9. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1732. Д. б. Л. 185; Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Указ. соч. С. 150.

10. Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 117; Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 165.

11. Мухаммед-Казим. Указ. соч. Т. П. С. 320; Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 166.

12. ХВД... С. 39.

13. АКАК. Т. П. С. 1081.

14. Там же. С. 1082.

15. Там же.

16. Цит.: Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 166.

17. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1743. Д. 4. Л. 573. Мухаммед-Казим. Указ. соч. С. 327; Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Указ. соч. С. 205; Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 167.

18. Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 167.

19. Каяев. А. Мехти-хан. С. 237; Мухаммед-Казим. Указ. соч. С. 128-130; Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Указ. соч. С. 210; Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 179.

20. Бакиханов А. — К. Указ. соч. С. 148.

21. Алкадари Г. Указ. соч. С. 81.

22. Материалы РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 25. Оп. 5. Д. 1642. Л. 172.

23. Габиев С. И. Указ. соч. С. 69

24. Материалы истории. Л. 174.

25. Габиев С. И. Указ. соч. С. 70

26. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1743. Д. 48. Л. 479.

27. Там же. Л. 535.

28. Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 168.

29. ХВД... С. 39.

30. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1743. Д. 4. Л. 479.

31. Napway J. Op. cit. V. II. P. 421
32. Арунова М. Р., Ашрафян К. Э. Указ. соч. С. 206.
33. Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 158.
34. Бакиханов А. К. Указ. соч. 149.
35. ГААО. Ф. 394. Оп. I. Д. 32. (1743). Л. 318; Алиева М. Указ. соч. С. 171; Бакиханов А. — К. Указ. соч. С. 148.
36. Алкадари Г. Указ. соч. С. 81.
37. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1743. Д. 4. Л. 539.
38. Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 335; Арунова М. Р., Ашрафян К. Э. Указ. соч. С. 207.
39. Мирза-Мехти-хан. Указ. соч. С. 137; Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 147-150; Арунова М. Р., Ашрафян К. Э. Указ. соч. С. 172.
40. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1743. Д. 4. Л. 572.
41. Там же. Л. 634.
42. Там же. Л. 635; Арунова М. Р., Ашрафян К. Э. Указ. соч. С. 208.
43. Алкадари Г. Указ. соч. С. 82.
44. Там же.
45. Там же.
46. Там же. С. 661.
47. Там же.
48. Мухаммед-Казим. Указ. соч. Т. П. С. 128; Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 335.
49. Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 176.
50. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1743 г. Д. 4. Л. 637.
51. Материалы по истории лакского народа. Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. I. Оп. 5. Д. 1642. Л. 147-177.
52. Мухаммед-Казим. Указ. соч. Т. П. С. 318; Алиев Ф. М. Указ. соч. 177.
53. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1743. Д. 4. Л. 661.
54. Там же. Л. 662; ГААО. Ф. 394. Оп. I. Д. 32. Л. 143.
55. ГААО. Ф. 394. Оп. I. Д. 32. Л. 132.
56. Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 249.
57. Там же.
58. Мирза-Мехти — хан. Указ. соч. С. 212.
59. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1743. Д. 3. Л. 112.
60. Лерх И. Я. Указ. Соч. С. 63.
61. Napway j. Op. cit. V. II. P. 422
62. Мухаммед-Казим. Указ. соч. Т. III С. 127-128; Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 191.
63. Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 335.
64. Мирза-Мехти-хан. Указ. соч. С. 140; Арунова М. Р., Ашрафян К. Э. Указ. соч. С. 176; Алиев Ф. М. Указ. соч. С. 192.
65. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1744. Д. 4. Л. 395.
66. ГААО. Ф. 394. Оп. I. Д. 50. Л. 156.
67. Алкадари Г. Указ. соч. С. 83-84
68. Бакиханов А. Указ. соч. С. 150.
69. ЦГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 8. Л. 29; ИНСК... С. 425.
70. Бутков П. Г. Указ. соч. С. 231.
71. АВПР. Ф. Сношения Россия с Персией. 1744. Д. 4. Л. 226.
72. Козубский Е. Указ. соч. С. 91.

Э П И Л О Г

Все, что нами сделано выше, было посвящено одной цели — проследить историю многолетней самоотверженной антииранской борьбы народов Восточного Кавказа от самого своего возникновения и до ее завершения. Отечественная освободительная война народов Дагестана против иранских агрессоров, поставивших своей целью во что бы то ни стало покорить Дагестан, депортировать или даже истребить его народы, возникла в самом начале XVIII в., а длилась более 40 лет, вплоть до убийства в 1747 г. «мирозавоевателя» Надир-шаха. В своем развитии эта кровавая и разорительная война прошла четыре основных и ряд промежуточных этапов. Начавшаяся в чрезвычайно сложной международной обстановке как стихийное, народное социально-политическое движение, представляющее огромной силы вооруженный протест против возрастающего экономического, политического и национального насилия и эксплуатации шахской власти, со временем приобрела более организованную форму. Основной движущей силой антииранского движения оставался трудовой люд Восточного Кавказа при руководящей роли части феодалов и выходцев из местного мусульманского духовенства, тонко ощущавших пульс крестьянской жизни и хорошо знавших чаяния и стремления народа. Однако, не все участники антииранского движения, взявшиеся за оружие, преследовали при этом одинаковые цели. В то время, как народные массы стремились освободиться от социального и национального гнета, предводители повстанцев надеялись, используя антииранскую борьбу народных масс, укрепить свое положение, расширить территорию своих владений, образовать даже независимые владения. Именно этим, пожалуй, и объясним происшедший сразу же после взятия Шемахи раскол между предводителями антисефевидской борьбы.

Второй этап борьбы хронологически охватывает период с 1729 по 1739 гг. Характерной чертой этого периода является то, что новая власть, пришедшая на смену сефевидских шахов, начала крайне жестокую захватническую войну за подавление, покорение и подчинение Ирану всего Дагестана. Народы же Дагестана с этого времени начинают, по существу, Отечественную освободительную войну за свою свободу и независимость. Жестокий режим, установленный Надиром после 1736 г. в Закавказье еще более усугублял

положение трудового люда и местной знати. У многих феодалов были отняты их владения, многие правители были изгнаны из своих владений и заменены близкими к "мирозавоевателю" лицами из числа хорасанских афшар. Особенно обострились отношения шаха с местной знатью Азербайджана после поражения и гибели в Джарах его брата Ибрагим-хана. Чуть ли не основным виновником этого трагического для себя события Надир считал азербайджанских феодалов. В связи с этим необузданный узурпатор прибег к решительным, нечеловеческим и жестоким действиям. Месть его не знала границ. Достаточно сказать, что по приказу шаха были казнены десятки представителей азербайджанской знати. Только в одной Шемахе было истреблено 42 человека. Как и следовало ожидать, эти нечеловеческие жестокости среди местных жителей вызвали ненависть к завоевателям и стремление любой ценой сбросить со своих плеч чужеземное иго. Именно это и объединяло в освободительной борьбе жителей Дагестана, Азербайджана, да и всего Закавказья.

Третий этап войны народов Дагестана охватывает небольшой период с 1741-1742 гг., но очень важный, а точнее, решающий в истории освободительной войны. Собственно говоря, это апогей войны горцев с мирозавоевателем Набиром, когда многочисленные, вооруженные до зубов "непобедимые войска" шаха были разбиты в горах Дагестана, тогда-то и закатилась звезда Надир-шаха.

И наконец, четвертый период многолетней освободительной борьбы горцев с Набир-шахом охватывает период с 1743-1745 гг. Характерной особенностью этого этапа было то, что антинадировская борьба народов Дагестана и Азербайджана происходила под знаменем восстановления в Иране законной власти в лице сефевидской династии, против которой в начале XVIII в. велась освободительная борьба народов Дагестана и Азербайджана. Во главе этого движения, как и ряда выступлений, стоял Сам-Мирза, объявивший себя сыном свергнутого Набиром шаха Хусейна и Магомед-хан Казикумухский. Основной же движущей силой борьбы, как и раньше, оставались крестьянство и горожане. Естественно, что и на этом этапе интересы участников борьбы не всегда и не во всем совпадали. В то время, как народные массы вели самоотверженную борьбу за свою свободу и социальное освобождение, предводители борьбы преследовали совершенно иные цели. "Принц" Сам-Мирза, используя антинадировские устремления широких народных масс, стремился занять престол шаха и стать владыкой обширного иранского государства. А другой предводитель борьбы Магомед-хан Казикумухский стремился получить в свое управление Ширван, и как его предшественник стать ханом этой обширной территории. И надо полагать, эти условия были заранее обговорены между обоими предводителями. Но, как мы видели выше, этим планам не суждено было осуществиться.

Обращает на себя внимание и то, что антииранская борьба, особенно на первых этапах, проходила под знаменем освобождения мусульман суннитов от гнета “еретиков” шиитов. Но это не дает никакого права, как об этом пишут иные исследователи, представлять освободительное движение как чисто религиозную борьбу между суннитами и шиитами. Приведенный выше разнохарактерный фактический материал со всей убедительностью показывает, что это было народно-освободительное движение, в рядах которого бок о бок с ненавистным надировским режимом боролись и сунниты, и шииты. А на последнем этапе между ними возник совершенно иной союз. Горцы Дагестана — сунниты вели трудную и упорнейшую борьбу за восстановление на иранском престоле шиита Сам-Мирзы, восстановление династии сефевидов, которая, кстати сказать, и объявила в Иране шиизм государственной религией¹. Стало быть, мусульманская религия суннитского толка сыграла очень важную роль в объединении сил для народной борьбы за свою свободу и независимость. Однако, на последнем этапе произошло примечательное явление: носители обоих толков ислама сомкнулись и повели борьбу с шахом Надиром.

Ближайшее знакомство с событиями тех грозных лет вызывает восхищение, как могли количественно немногочисленные горские народы Дагестана противостоять огромной, хорошо вооруженной и обученной, как мы знаем, иностранными инструкторами, непобедимой армии “грозы вселенной” и нанести ей сокрушительное поражение. Иные, и особенно иранские, историки поражение своей армии обычно связывают с труднодоступностью горных краев Дагестана, непривычными для армии “Александра Востока” зимами, холодами и другими, внешними, скажем так, факторами. Понятно, что “генарал Мороз”, как мы привычно говорим сейчас, оказывал известное действие, но не мог сыграть решающую роль в крахе армии Надира. Ведь не регулярная армия, а горское ополчение, на вооружении которого были только ружья и сабли, находилось в тех же условиях, что и кизылбаши. Что же касается сильной пересеченности ландшафта Дагестана, то высокогорье не могло представлять непреодолимую преграду, а тем более послужить причиной поражения армии Надира. В горном Афганистане, Индии, а также в предыдущих битвах и походах в глубь Дагестана эти факторы не сыграли особой роли в успехе кизылбашей.

Умение горцев ориентироваться в родных горах и традиционная, не раз испытанная тактика ведения войны, естественно, играли определенную роль. Не случайно ведь говорят, что “дома и стены помогают”. Но в предыдущее время в этих же горах и этим же горцам Надир, совершая победные рейды в горы Дагестана, наносил поражения. Следовательно, причины разгрома прославленной армии Надира надо искать в другой плоскости. Но, безуслов-

но, эта победа была выкована самими народами Дагестана. И главную, основную роль в этой беспрецедентной в истории победе сыграло мужество, самоотверженность, стойкость и готовность простых горцев пойти на любые жертвы ради своей свободы и независимости. Кстати сказать, даже иранские историки, нехотя, и в какой-то степени противореча своей концепции, вынуждены признать эту истину. Обращает на себя внимание и сама форма этого признания. Кизылбаши, подводя итоги дагестанской кампании, писал Мухаммед-Казим "удивлялись мужеству и жажде к победе победоносного племени" (лезгин), в то время, как "кизылбашские молодцы ослабли духом"², что и привело, в конце концов к "поражению воинов владыки эпохи"³.

Известно, что в недавнем прошлом в исторической литературе довольно широкое хождение получило мнение, представляющее антииранское движение Дагестана и Ширвана чуть-ли не инспирированным султанской Турцией, а предводителей его Хаджи-Дауда, Сурхай-хана и др, изображали только ставленниками Оттоманской Порты, исполнителями воли халифа и пантюристами. Здесь, что ни слово, то явная ложь, которая с головой выдает некомпетентность их авторов. Достаточно сказать, что эти, с позволения сказать исследователи, не посчитались с тем, что реакционная шовинистическая доктрина пантюризма оформилась лишь в начале XX в.⁴ Однако, объективные ученые, как показано выше, никогда не сомневались в том, что в обстановке захватнических устремлений больших государств, феодальные правители Дагестана, как и всего Кавказа, исходя из своих корыстных интересов, ориентировались то на Россию, то на Турцию. Мы уже знаем, что один из предводителей антииранского движения первоначально обратился за помощью и с просьбой о покровительстве к России, и в этом, надо признать, был глубокий смысл и верный политический расчет. Однако, не встретив явного понимания у правящих кругов России, со временем вынужден был обратиться с аналогичной просьбой к Высокой Порте. Турция, которая в свою очередь преследовала свои корыстные цели, желая привлечь на свою сторону горцев, охотно согласилась принять предводителя повстанцев Хаджи-Дауда в подданство и покровительство султана. Но вопрос в другом, дает ли все это историкам какое-либо право объявлять Хаджи-Дауда, а с ним за одно и Сурхай-хана ставленниками Оттоманской Порты. Ответ может быть только однозначным, хотя бы потому, что горцы Дагестана, при поддержке жителей сопредельных районов Северного Азербайджана во главе с указанными лицами, более 10 лет до принятия в подданство султана вели антииранскую борьбу. И уж совсем неверно, что эту борьбу народов Дагестана и Азербайджана представляют инспирированной извне. Она, как известно, возникла на местной почве в итоге происходивших в регионе глубоких социально-экономических коллизий. К тому же, султан, как говорилось выше, в период неравной борьбы с кизылбаши

не оказывал горцам военную помощь.

Сразу же после убийства Надира, как отмечалось выше, огромная, лоскутная, многонациональная империя, вследствие отсутствия экономического, политического, национального и религиозного единства, не могла быть сколько-нибудь прочным государством. И не случайно поэтому во время царствования Надира, несмотря на установленный им диктаторский режим, как и в самом Иране, так и особенно на его окраинах продолжались непрекращающиеся антишахские движения. Хорошо известно, какую ожесточенную борьбу в течение нескольких лет вело племя бахтияр против Надира. И лишь силой оружия узурпатору удалось выселить более 3 тыс. семей в Хорасан⁶. И после этого, в 1736 г., после разгрома восстания Али-Мурада, бахтияры были "умирены" и 10 тысяч бахтияр были также высланы в Хорасан⁷. Прибегая к крайне жестокой мере массовых переселений большого числа населения, шах Надир стремился решить двуединую задачу — физически ослабить противостоящие его политике племена и лишить их возможности к дальнейшему союпротивлению. Вместе с тем, выселяя наиболее воинственные племена в пограничные восточные районы, шах надеялся создать из них заслон против вторжения в страну афганцев и туркмен⁸. С этой же целью в Афгане была выселена значительная часть кизылбашей. Таким же путем шах Надир покончил с военным и политическим преобладанием племен хотеки среди гильзаев и самих гильзаев среди афганских племен Западного Афганистана⁹. Схожие цели преследовал Надир, перемещая из Северного Азербайджана, Грузии и Южного Дагестана в Иран большое число населения. Как мы видели выше, шах попытался было переслать значительное число горцев из центрального Дагестана в Иран. Завоевав Кази-Кумух в течение целого месяца он отправил в ближние и дальние селения владений Сурхая отряды кизылбашей для захвата людей с целью отправить их во внутренние провинции Персии. Однако, здесь, в горах Дагестана эта античеловеческая политика депортации не имела успеха в той мере, в какой ее хотелось осуществить шаху. Обычно при приближении отрядов кизылбашей жители аулов либо все как один уходили в дальние неприступные горы, либо с оружием в руках оказывали им упорнейшее сопротивление. Так что политика "выжженной земли" не дала каких-либо положительных для шаха результатов. О зверствах самого шаха и его приближенных в Дагестане и их психологической подоплеке нельзя читать без содрогания. Но все это, к сожалению, историческая реальность. И эту неумолимую правду мы, наследники тех далеких трагических и, одновременно, героических лет, должны знать. И чтобы не ожесточиться, события 250-летней давности надобно воспринимать вполне спокойно и ни в коем случае не возлагать за них ответственность на плечи потомков тех, кто творил эти жестокости. Надо также помнить, что порою немислимые жестокости Надир-шаха, как в самом Иране, так и в завое-

ванных районах все же не принесли шаху желанных результатов. Напротив, вызывали законное возмущение и ненависть к Надиру и установленному им режиму. В самом Иране трудовой люд, доведенный до неслыханного разорения непосильной эксплуатацией и бесконечными войнами, подымался на борьбу с навязанной народу властью Надира. Со временем, к недовольным господством "узурпатора", к антишахским выступлениям народных масс стали присоединяться и представители господствующего сословия и шиитское духовенство. А перед своей гибелью шах потерял опору значительного большинства господствующего в стране класса. Теперь в оппозиции было высшее шиитское духовенство, служивая знать, часть ханов кочевых племен, в том числе и племена афшаров, к которому принадлежал сам НаDIR и даже его родственники и члены семьи¹⁰.

Выше уже говорилось о заговоре его сына Риза-Кули. Здесь же следует напомнить о заговоре, завершившимся убийством НаDIR-шаха. По данным Махмуда ал-Хусейни ал-Мунши ибн Ибрахим ал-Джами заговор составили 14 человек, которых он поименно называет, а возглавлял его Мухаммад Кули-хан Афшар Умри¹¹. По сведениям же Мухаммада Амина Голестани заговорщиков было 7 человек. Согласно данным автора "Нама- и Хусраван", заговорщиков было более 300. Последние данные, как справедливо замечает Д. Саидмуратов, представляются завышенными¹². Как бы то ни было, точно известно, что в заговоре участвовали представители феодальных сословий, в том числе близкие родственники самого шаха. И этот запоздалый акт возмездия был осуществлен знатью кизылбашских племен, в том числе и племена афшаров и близких родичей самого шаха. И сразу же после этого эфемерная империя, созданная НаDIRом, стала распадаться на части. А между претендентами на власть и наследие началась нескончаемая цепь междоусобной борьбы.

Первоначально основная борьба за верховную власть развернулась в Хорасане, ибо здесь в крепости Калат в 135 км. к северо-востоку от Мешхеда хранилась казна и сокровища НаDIR-шаха. В столице государства, как и положено, проживала значительная часть родственников и прямые наследники шаха. Здесь же, естественно, были сосредоточены генералитет и основная часть шахского войска. Одним из первых в борьбу за овладение тронem шаха вступил открыто, до этого находившийся в оппозиции к НаDIRу, его племянник Али-Кули-хан Афшар. Как только до него дошло известие об убийстве дяди, он собрал войско в Белуджистане, Сиестане, Герате и Хезараджате и поспешил в Мешхед¹³. К тому времени значительная часть находившихся в столице крупных подразделений афганских войск из племени абдали вернулись к себе на родину, провозгласив своим шахом Ахмед-хана Дуррани. Все это было на руку Али-Кули-хану. По его указанию в Мешхедe почти все сыновья и внуки и другие близкие родственники НаDIR-шаха, находившиеся в Хорасане,

были убиты. Добравшись до столицы государства претендент объявил себя шахом и велел физически расправиться с ближайшими потомками Надира. По повелению Али-Кули-хана были убиты сыновья изувеченного Надиром Риза. Али-Кули-хан публично осудил Надир-шаха за его жестокость и притеснения шиитов. Это помогло ему установить добрые отношения с верхушкой шиитского духовенства. Ставя целью привлечь на свою сторону шиитские слои народных масс, он объявил об их освобождении от налогов на трехлетний срок. Надо полагать с этой целью он освободил так же от налогов и Грузию “ибо по жене своей любил он грузин предпочтительно...”, а картлинского князя Гиви Амилохвари пожаловал в чин Кулар-агаси т.е. шефа надгвардией “с именем Шах-Кули-хан и возложил на него дорогой цены саблю...”¹⁵. Многие конфискованные шахом земли и различного рода “имущество были возвращены прежним владельцам, предводителям кизылбашских племен, признавших его власть”. Раздал им так же часть ценностей из захваченной им надировской казны. Естественно, что эти, довольно радикальные для описываемого времени меры нового правителя были встречены населением Ирана с радушием. И не случайно шиитское духовенство стало именовать его Адил-шахом, т.е. “справедливым шахом”¹⁶.

В надежде укрепить свои позиции в международном плане Адил-шах, по совету грузинского царя Таймураза, решил установить дружеские отношения с Россией и отправил посольство в Петербург¹⁷. И тем не менее, ему не удалось надолго укрепиться на престоле. После 15-ти месячного правления Адил-шах был разбит одним из претендентов Ибрагим-ханом и в начале лета 1749 г. был казнен. Однако этим не закончились баталии между претендентами на шахский престол. Лишь в самом конце XVIII в. все награбленные шахом Надиром богатства с казной достались в добычу Ага-Мухаммед-хану Каджару, “который через то приобрел такую силу”, что с ним не смогли состязаться другие претенденты. С этого времени в Иране утвердилась династия каджаров, которая царствовала вплоть до XX в.¹⁸. Эти многолетние междоусобицы, являющиеся как бы логическим концом царствования узурпатора, имели крайне отрицательные последствия на общественно-экономическое положение страны.

Несомненно, что изгнание афганских и турецких войск из страны и возвращение обширных территорий, принадлежавших ранее Ирану, осуществленных во время правления Надира, было прогрессивным явлением для народов Ирана, способствовавшим их сплочению и экономическому возрождению. Последовавшая за этим череда завоевательных войн сыграла отрицательную роль в развитии страны. По справедливому заключению И.П. Петрушевского, “надыровы завоевания не сопровождалось ростом производительных сил Ирана, как это имело место при шахе Аббасе”¹⁹. Губительные завоева-

тельные войны несли Ирану страдания, лишения и гибель огромного числа самой трудоспособной части населения, цвет нации. А постоянно вводимые шахом для нужд войны чрезвычайные налоги полностью разорили земледельцев, скотоводов, ремесленников и торговцев. Множество семей, оставшихся без кормильца, нищенствовали. Прославлявшие непостижимого и непоседливого диктатора войны оказались настоящим бичем для его подданных, что кстати сказать, и явилось толчком к вооруженным выступлениям против надировского режима. Эти, периодически вспыхивавшие то в одном, то в другом районе страны восстания, дестабилизировали политическое положение страны и лишали центральные органы государства народной поддержки. Именно эти и другие факторы и сыграли главную роль в трагедии шаха Надир-ра.

После гибели Надир-шаха эпохальные изменения произошли и на Кавказе. Грузия и Азербайджан стали независимыми от Ирана. Правда, шахский Иран, начиная с 1748 г., неоднократно делал попытки вернуть Закавказье в лоно шахской власти. Ага-Мухаммед-хан Каджар в 1795-1796 гг., его преемник Фет-Али-шах в 1804-1813 и 1826-1828 гг. на короткое время занимали даже некоторые закавказские территории. Но каждый раз каджары бывали изгнаны. А с 1813 г., по условиям Гюлистанского договора, подтвержденного Туркманчайским договором 1828 г., Иран признал присоединение Грузии, Северного Азербайджана и Дагестана к России. Начиная с середины XVIII в. на территории Азербайджана возникло полтора десятка самостоятельных ханств²⁰. Только в Ширване возникли 5 владений²¹.

Как и следовало ожидать, весть о смерти ненавистного Надир-шаха народы Дагестана встретили с ликованием. И как было не радоваться. Ведь он горцам Дагестана принес столько бедствий, страданий и горя. Такой урон жителям гор, какой нанес им Надир, в новое время в Дагестане не наносил ни один завоеватель. Мы не знаем точно, сколько воинов Дагестана сложили головы в борьбе за свою свободу и независимость против кровавого Надир-шаха. Но знаем, число их достигает десятков и сотен тысяч жизней. Не беспокоясь впасть в грубую ошибку, можно сказать, что в Дагестане не было ни одной семьи, которую бы не затронул надировский мор.

Продолжавшаяся почти сорок лет жестокая изнурительная война привела Дагестан к экономическому разорению, упадку производительных сил, голоду и нищете народов. В то время как султанская Турция, империя Великих Моголов не смогли устоять перед силой, которую представлял Надир, горские народы Дагестана, имея совершенно несравнимый экономический и людской потенциал, будучи несравненно хуже вооружены и снаряжены, сумели и не только выстоять, но и нанести удар такой силы, после которого "завоеватель вселенной" так и не оправился. Надир, можно сказать, до этого

“был не опален, а из Дагестана вышел опален”.²² Поражение шаха Надира предотвратило его агрессию на Северный Кавказ и Россию. На это обстоятельство указывали в свое время сановники российского государства. “Персия, — писал М.Воронцов, — оказалась в более благоприятных условиях; если бы Тахмасп-Кули-хан не был задержан горскими народами Дагестана, Россия, вероятно была бы вынуждена принять условия Ирана”. И в этом была несомненная истина. И далее, “смерть знаменитого шаха Надира повергла Персию в волнение и тревогу, которые не могли не удовлетворить и успокоить Россию на многие годы.”²³ Но эта историческая победа народам Дагестана, как мы могли видеть, очень и очень дорого стоила.

Вместе с тем, борьба за свою свободу и независимость, как известно, обостряет любовь к Родине, подымает на небывалую высоту планку патриотических чувств. А это уже особая система ценностей, которая превращает в сгусток народную энергию и становится движущей силой социально-политических действий целого народа.~

Народно-освободительная Отечественная война — это не только кровь, разорение, страдание и смерть, но и в высшей степени взлет человеческого духа, бескорыстный подвиг и народное самопожертвование. И действительно, в годы надировского лихолетья все без исключения народы Дагестана совершили беспрецедентный подвиг, прославивший их на века. Всюду, где бы не появлялись кизылбашы, горцы, не щадя своей жизни, как один вставали на защиту; отвага и героизм в те годы были массовыми. Не проявил горский народ бесстрашие, самопожертвование и неустранимость, быть бы им разделенными и непременно оказаться им под пятою злого Надира, коварного и непредсказуемого самодура.

Неоценим и неизмерим вклад в общую победу над кизылбашами женщин горянок. Они не только на своих плечах вынесли все “прелести” нашествия кровавого Надира, но с оружием в руках участвовали во многих жестоких битвах и сражениях с кизылбашами. Особенно заметной была их роль в решающем турчидагско-андаляльском побоище. В этом жесточайшем сражении горянки, особенно аварки и лачки, как показано было выше, бесстрашно бросились в бой в самый тяжелый момент, когда горские отряды дрогнули и враг стал их теснить. Смелое выступление горянок, можно сказать, сыграло очень важную роль в первый день сражения. Их героические действия вызывали ужас в “рыцарских сердцах” воинов Надира и в последовавших день за днем сражениях, вызывая дикую ненависть к ним кизылбашей. “Непобедимому прославленному воинству” мирозавоевателя горянки казались сущими дьяволами во плоти и их мощного рукопашного натиска они боялись и избегали. Приходится сожалеть, что история не донесла до нас имена отважных горянок.

Мы так и не знаем имен горцев, павших смертью храбрых. В письменных источниках и в народной памяти горцев Дагестана сохранились имена лишь некоторых, игравших наиболее заметную роль в организации антииранской борьбы. О некоторых из них мы рассказывали по ходу изложения событий тех памятных героических лет. Очевидно, читателю небезынтересно будет узнать о дальнейшей судьбе главных действующих лиц той героической эпохи. Мы уже знаем, что один из предводителей начального периода антииранской борьбы Хаджи-Дауд свой жизненный путь завершил в неволе у османов. Более удачливым оказался Сурхай-хан. Он, как можно заключить, был человеком весьма энергичным, с деловой хваткой, проницательностью и последовательным упорством. И все же, его жизнь — сплошная цепь превратностей судьбы. Он, как известно, возглавлял антииранскую борьбу с самого ее начала.

В 1721 г., вместе с Хаджи-Даудом они заняли Шемаху, а через 6 лет, в 1727 г. он стал правителем Шемахи. Начиная с 1734 по 1741 годы не раз, как мы видели выше, бросал вызов самому “мирозавоевателю” и вступал с ним в открытую вооруженную схватку. В период, так называемой, “дагестанской кампании” Надира, при взятии персами Казы-Кумуха, Сурхай-хан, оказавшись пленником шаха, не прекращал борьбу против завоевателей. Как отмечалось, он еще до наступления персов на Андалаял снарядил всем необходимым: вооружением, снаряжением, деньгами своих сыновей и отправил в Аварию во главе большого отряда для продолжения борьбы с шахом и сделал очень много для мобилизации горских сил против агрессора. А позже, когда “мирозавоеватель” пытался использовать Сурхая на “дипломатическом поприще” с горцами, каждый раз, как мы видели выше, его переговоры завершались, мягко говоря, безрезультатно. Чем бы это можно объяснить, если не тем, что “дипломат” действовал не в пользу своих хозяев. Но, если даже Сурхай-хан, оказавшись в плену у грозного “завоевателя вселенной”, не продолжал всеми имеющимися у него в то время средствами борьбу с кизыльбашами, и то не следовало бы, как это делают иные, навешивать на него всякого рода скоропоспелые и необоснованные ярлыки с политическими обвинениями. В оценках исторических личностей недопустимы однозначные и волевые характеристики. Ни о чем другом не говоря, такой подход чреват опасностью забвения и даже демонтажем героики нашего прошлого, которые могут привести к деградации отечественной истории, а следовательно, патриотических традиций народа. А у горцев Дагестана, как известно, во все времена истории очень и очень высоко было развито чувство патриотизма. И об этом знали в ближних и дальних странах. “Любовь к родине (у горцев), — писал английский ученый Спенсер, — является доминирующим чувством, так как всю жизнь свою они подвергают постоянной опасности... почти непрерывной борьбе за свобо-

ду”²⁴ При оценке исторических личностей надо помнить, что “стреляя в мертвых, — говоря словами поэта Виктора Кожемяко, — попадаешь в живых”. В то же время, ни в коей мере не стоит приукрашивать и преувеличивать деяния исторической личности. И чтобы не засахарить и залить бы приторным елеем, следует “изображать его самим собой”, чтобы сам собой стал значительной личностью.²⁵ Именно такой подход должен быть и в оценке Сурхай-хана.

Очевидно, что раскрытию социально-политической сущности этой крупной и сложной исторической личности необходимо посвятить специальное монографическое исследование. Но это дело будущего. Сейчас же укажем, что из кизылбашского плена на родину он вернулся в 1743 г., только после ухода Надир-шаха из Дагестана. Изменчивость судьбы и непрерывные войны утомили старого хана²⁶. Он уже не вернулся к активной общественно-политической деятельности и управлению ханством, а оставил правителем Казикумухского владения своего сына Магомед-хана, сам же поселился в отдаленном от ханской резиденции сел. Аракил и посвятил последние годы своей жизни служению Аллаху. В эти годы, еще больше, чем в молодости, он покровительствовал богословским наукам, за свой счет построил ряд мечетей, и до конца дней своих “был окружен любовью народа.” Скончался он в Кази-Кумухе в 1743 г. “Весь народ горько оплакивал смерть грозного старца Чолак-Сурхай-хана, сделавшегося легендарным героем дагестанских горцев”. “Долго еще, — пророчески писал С.И. Габиев, — будет храниться образ этого богатыря в памяти народов Дагестана”²⁷. Похоронен он в Кази-Кумухе на ханском кладбище, построенном им же, рядом со своим сыном, героем турчидагско-андаляльского сражения Муртуза-Али.

Значительную роль в борьбе с кизылбашами сыграл сподвижник Сурхая по прозвищу Карат. А.К. Бакиханов считает его невольником хана, “который от имени своего господина долгое время управлял Ширваном”.²⁸ Автор “Хроники войн Джара”, говоря о его назначении Сурхай-ханом “правителем округа Шабрана”, называет его Карат-беком²⁹. В действительности, этот невольник был другом хана с детских лет. И как приближенный хана, выполнял различные, наиболее ответственные и доверительные поручения. Когда хан уезжал в Кази-Кумух, он оставался правителем Шемахи, управлял Кабалой. Оставлял хан своего раба Карата и “правителем Шахмаза”³⁰. Так что жители указанных районов могли называть его беком. Согласно одной исторической легенде, он пал в первом крупном сражении в урочище Деве-батан³¹, а по другим сведениям он участвовал и в последующих сражениях, и чуть ли даже не вызволил Сурхай-хана из надировского плена. Дополнительно известно, что он был дружен и с младшим сыном Сурхая Муртаза-Али³².

Ханом в Кази-Кумухе, как мы знаем, оставался активный участник ре-

шающего сражения на Турчидаге и Андаляле, а также один из руководителей антинадировского движения последних лет Магомед-хан. Мы уже говорили, что он был хорошо образованным и набожным, покровительствовал наукам и просвещению. Нанятые им писцы не только переписывали, но и переводили лучшие богословские сочинения арабоязычной литературы на местный язык. Но при этом не прочь был также расширить территорию своего владения путем присоединения соседствующих с ханством районов. И на этом поприще его интересы столкнулись с объединительной политикой Фет-Али-хана дербентско-кубинского и др. Скончался Магомед-Али в 1789 г.

Выдающуюся роль в многовековой борьбе Дагестана за свою свободу и независимость сыграл незаслуженно оставшийся до сих пор в тени уцмий Кайтага Ахмед-хан. Как мы могли видеть, он был одним из предводителей антииранского движения, участвовал во взятии Шемахи в 1721 г. Видную роль уцмий со своим войском сыграл и во всех последующих сражениях с персами. В период дагестанской кампании, волей судьбы оказавшись также как и Сурхай-хан в Кумухе, в стане “завоевателя вселенной”, притворно признавал власть Надира, а на самом деле тайно вел подрывную деятельность, готовил кайтагцев и других горцев к новым боям с ненавистным агрессором. А после андаляльского поражения персов он ушел из Кази-Кумуха, в открытую выступил против шаха и нанес ему чувствительный удар. Нет сомнения в том, что любознательный читатель запомнил наш рассказ о героической обороне Ахмед-ханом Кала-Корейша и других сражениях, которыми руководил уцмий Кайтага в 1742-1745 гг. против кизылбашей. Понятно, что предпринятая нами попытка дать историко-политический портрет Ахмед-хана, в силу скудности исторических сведений и так же специфики “Эпилога”, далеко не совершенна. Деятельность этого неординарного правителя Кайтага достойна быть освещена значительно шире, а может быть стоило ему посвятить и специальный исследовательский очерк. Ахмед-хан, “который имел успех в царстве”, скончался в декабре 1749 г. или в самом начале января 1750 г.

Неразкрытыми остаются и образы предводителей джаро-белоканских аварцев Гелеги и Малладжа (Малачи), не выяснена до конца их роль в освободительной борьбе горцев. Мы даже не знаем подлинных биографий этих народных богатырей. Знаем только, по отрывочным данным, что они после ухода Надира из Дагестана продолжали вооруженную антииранскую борьбу. А в честь Малачи благодарные потомки сочинили известную среди аварцев, лакцев и др. народов героическую песню “Маллачил Али”. К сожалению, в этой исторической песне нет сколько-нибудь конкретных сведений, имеющих отношение к истории борьбы горцев против Надир-шаха. Краткие хронологические записи донесли до нас имена кадиев Джара Хаджи-Али, Хаджи-Муртуза.

И что совсем непозволительно, неизвестными остались даже имена джарских храбрецов, которые, рискуя жизнью, сумели расправиться с главнокомандующим кизылбашскими войсками, братом шаха — Ибрагим-ханом и тем самым сумели переломить ход Джинихского сражения, в результате которого персам был нанесен сокрушительный удар.

Совсем немного мы знаем и об одном из главных предводителей андаляльского сражения кадие Пир-Магомеде, сыгравшем выдающуюся роль в разгроме полчищ Надир-шаха в 1741 г. И приходится сожалеть, что не нашелся ни один летописец, который запечатлел бы его образ для потомков. В легендах, сказаниях и преданиях аварцев говорится лишь о героических подвигах, совершенных в андаляльском сражении Магомед-Нуром. Ибрагимом, Чапалавом, Хвелавом, Каюм-Давудом, Гази-Магомедом, Ахмедом — сыном Мусы, Антавом из Мурух, Амирасулом из Ругуджа, Галавом из Бацада, Амиром из Гочоба и др. Но что они конкретно сделали и какие героические подвиги совершили — нет никаких сведений. Безымянные горские авторы, упоминая их имена, отмечают только то, что они были герои, боролись и сражались бесстрашно. Мы-то хорошо знаем, что за этими простыми словами скрывается признание скупых на похвалу горцев беспримерных подвигов, достойных специального освещения.

Велика была роль в организации антииранской борьбы горцев, особенно на его заключительном этапе, аварского нуцала Магомед-хана IV. Выше мы приводили отрывок из текста его смелого саркастически-категорического ответа на обращение Надира. Повторим и то, что он сыграл значительную роль в мобилизации горцев на вооруженную борьбу, сражении, решившим судьбу всей дагестанской кампании шаха Надира.

Руководящую роль в организации борьбы горцев с Надир-шахом сыграл и мехтулинский правитель Ахмед-хан. Он сам и воины Мехтулы отличились в кровопролитной битве горцев в Аймакинском ущелье. Значителен его вклад в победу горцев в Андаляльском сражении. К сожалению, до сих пор остается непроверенным мнение, представляющее Ахмед-хана II основным руководителем горцев Дагестана в Андаляльском сражении. И все же не приходится сомневаться в том, что он внес значительный вклад в победу горцев в указанном сражении. Начиная с 30-х годов, против Надир-шаха вел борьбу и претендент на шамхальский престол Эльдар Тарковский. Еще в 1735 г. со своим отрядом, набранным из кумыкских владений, вместе с уцмием Ахмед-ханом, вступил в кровавую борьбу с кизылбашами. Преодолев большое расстояние по горным тропам, он прибыл па помощь Сурхай-хану, оборонявшемуся на подступах к Казии-Кумуху. Небезынтересно будет читателю вспомнить, что и Хасбулат-хан, придерживавшийся надиршаховской ориентации, в конце перешел на сторону непокорных горцев Дагестана, а в последние годы

вступил в открытую борьбу с диктатором Ирана и успел отличиться в вооруженных схватках.

Заметную роль в неудачах Надира в 1744-1745 гг. сыграли не только жители Тарковского владения, но и Засулакской Кумыкии, ногайцы и даже калмыки. Народная память сохранила сведения и об этих событиях.

Мы выше говорили о выдающейся роли представителей местного мусульманского духовенства в организации сопротивления и разгрома персов в горах Дагестана. Следует, однако сказать, что и здесь мы сталкиваемся с теми же, уже известными явлениями, на которые мы указывали не раз. К сожалению, мы не имеем сколько-нибудь надежных сведений.

С уверенностью можно сказать, что деятельность Абубакара Аймакинского и Гаджи Урадинского, Салмана Кудалинского и многих др. алимов была подчинена мобилизации народных сил на борьбу за свою свободу и независимость.

Все сказанное приводит к выводу о том, что мы еще очень мало знаем о судьбах главных действующих лиц в Отечественной войне Дагестана первой половины XVIII в. против шахской агрессии. И чтобы заполнить этот вакуум, крайне необходимо еще больше активизировать исследования этих сюжетов. Можно надеяться, изыскательные работы в районах Дагестана и обследование центральных и местных архивохранилищ, дадут возможность выявить имена других, незаслуженно забытых героев тех побоищ и, что особенно важно, позволит ученым, как принято в наше время говорить, “населить” живыми действующими лицами исторические и художественные произведения. Надо сделать все, чтобы сберечь от забвения имена участников многолетней борьбы, которые своим поведением показали, что на свете нет большей ценности, чем свобода. И передали эти вечные идеи в наследие потомству, которое должно помнить и славить. “Для славы, — как говорила Анна Ахматова, — мертвых нет”. Они должны оставаться всегда в нашей памяти живым примером. И благодарные потомки должны вечно гордиться этим беспрецедентным народным подвигом. Без исторической памяти, как известно, человек лишается живительной влаги, теряет прочность устоев. Лишенные исторической памяти, находятся вне исторической перспективы. Ибо, как говорится, “без ретроспективы не бывает перспективы”. “Уважение к минувшему, — утверждал А.С. Пушкин, — вот черта, отличающая образованность от дикости”.

1. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV вв. Л.: Из-во ЛГУ, 1966. С.370.
2. Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 78.
3. Там же. С. 79.
4. СЭС. С. 975.
5. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965, С. 104.
6. Трубецкой В.В. Бахтиар. М.: Наука, 1966. С. 37.
7. Malway J. Op. cit. P. 54, 65, 11.
8. Трубецкой В.В. Указ соч. С. 37.
9. Рейснер М.М. Указ. соч. С. 325.
11. Саидмурадов Д. Малоизвестный источник по истории Восточного Ирана во второй половине XVIII в. / Иран (сб. статей) М.: Наука, 1971. С. 57.
12. Там же.
13. Алиев С.М. Междоусобные войны и борьба за верховную власть в Иране после распада империи Надир-шаха. // Иран (История и культура в середине века и в новое время). М.: Наука, 1980. С. 28-29.
14. Там же; Бутков П.Г. Указ. соч. С. 235.
15. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 234.
16. Алиев С. М. Указ соч. С. 29-30.
17. Бутков П. Г. Указ. соч. С. 235.
18. АВПР. Ф. Сношения России с Бухарой. Д. 1797. Л., 184; Гуламов Х.Г. Отношения России с Бухарой в конце XVIII в. // В.И., 1991. №1. С. 224.
19. Там же.
20. Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы — этногенез и формирование народа. Баку: ЭЛМ, 1890. С. 247.
21. Подробно см. Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80 гг. XVIII в. Баку, 1958; Его же. Азербайджан в XVIII в. и его взаимоотношения с Россией. Баку, 1965.
22. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957. С. 259.
23. Воронцов М. Записка о восточных делах 1748 г. (на франц. яз.). // Архив князя Воронцова. М., 1882. Кн. 25. С. 120.
24. Spenser. Turkey, Russian, the Black sea and Circassia. London, 1854. P. 346.
25. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 326.

26. Габиев С.И. Лаки... С.
27. Там же.
28. Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 138.
29. ХВД... С. 31.
30. Там же. С. 18.
31. Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 138.
32. Булатова А.Г. Сподвижники Сурхай-хана в преданиях о борьбе с Надир-ханом. // Сб. 250 лет разгрома Надир-шаха в Дагестане. (в производстве)

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Дорогой читатель! Вы только что завершили знакомство с описанием истории многолетней, самоотверженной борьбы малочисленных, но гордых и непоколебимых в своей преданности Родине сынов Дагестана, с беспрецедентным подвигом народов, сумевших нанести мощный смертельный удар “завоевателю вселенной”, после которого он так и не оправился.

Естественно, что героическая эпоха, породившая множество незабываемых, поистине народных героев, прославивших на весь мир Страну Гор, оставила глубочайший след в памяти всех без исключения обитателей — участников этой героической борьбы, запечатленной в созданной их предками истории, дошедших до нас памятниках в форме былинного эпоса, исторических песнях, сказаниях, легендах, притчах, анекдотах и т.п. Научную и практическую значимость этих памятников народного творчества трудно переоценить. Достаточно сказать, что они содержат отсутствующую в письменных источниках, важную во всех отношениях информацию, драгоценные сведения, хотя и в завуалированной художественно-поэтической форме, материалы, позволяющие заглянуть во внутренний мир горца, понять его мироощущение и духовный мир, думы и чаяния, давшие ему какую-то титаническую силу, позволившую отстоять Родину и победить жестокого и коварного врага. Критический источниковедческий анализ этих памятников, сравнение и сопоставление сведений с данными письменных источников, позволяют правильно решить сложные и противоречивые явления истории. При этом не следует ни на минуту выпускать из вида, что вопрос о соотношении теоретических (дедуктивных) построений и эмпирического материала в историко-филологической науке — одна из важнейших проблем. Иной подход, когда исследователь, как бы ограничивая свою деятельность, не использует весь комплекс источников, обрекает себя на неудачу, точнее на одностороннее освещение проблемы. Помнятуя все это, мы в меру сил и способностей, и как нам кажется довольно широко пользовались данными устного народного творчества, особенно при воссоздании и иллюстрации событий, сведения о которых не содержат архивы страны и литературные источники. Характерно и то, что памятники устной народной традиции, отражающие борьбу горцев

против неумолимого завоевателя, бытуют чуть-ли ни в каждом населенном пункте. Причем эти произведения, как по форме, так и по содержанию многообразны и многовариантны. Каждый народ, каждое общество таким образом создавали собственный, если так можно сказать, локальный вариант. Эти памятники, как правило, сохраняют основополагающую канву изложения происходивших событий, более выпукло детализируя, показывают основные события, которые происходили в данном вилайете или джамаате. В этом, как не трудно понять, непреходящая ценность этих памятников. Но все это создает и дополнительные затруднения для их исследований. Помня, что "подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества" (А.М. Горький), фольклористы республики проделали значительную работу по выявлению, фиксации, систематизации и публикации памятников устного народного творчества Дагестана. Однако эта работа далека от своего завершения и продолжается поныне с возможной в наше время интенсивностью. Мы же сочли возможным здесь поместить самые известные в Дагестане поэтические сказания и выявленные в последнее время памятники фольклора с той лишь целью, чтобы сам читатель мог почувствовать красоту горского слова и убедиться в том, что устное народное творчество Дагестана, говоря словами великого Л.Н. Толстого, "сокровища поэтические необычайные" (ПСС Т. 62. С. 20). Публикуемые ниже памятники выявлены, переведены на русский язык: к.ф.н. Х.М. Халиловым, к.и.н. А.И. Исламмагомедовым, к.ф.н. А. Ганиевой, д.и.н. М.Р. Гасановым. Остается сказать, что ввиду ограниченности площади, варианты поэтических сказаний не воспроизводятся. Но любезному читателю сообщим, что в переводе с аварского языка "Песня о разгроме Надир-Шаха" или "Сражение с Надир-Шахом" опубликованы в трех вариантах. Первый из них издан в 1927 г., второй опубликован "по сводному тексту", подготовленному в 1943 г. к.ф.н. М.-С. Д. Саидовым и Ш. Кадиевой (Поэзия народов Дагестана М., 1954. С. 58-64). И третий — перевел и издал А.А. Ахлаков, под названием "Песня об истреблении каджар" (Героические песни и баллады аварцев. Махачкала, 1971. С. 183-188).

Второй из указанных вариантов, как отмечают сами издатели, является "сводным текстом", в основу которого, как надо полагать, лег целый ряд списков произведений. К сожалению, публикаторы не раскрыли методику составления сводного текста и поэтому мы не знаем, можно ли его представлять как критический текст. Как бы то ни было, все это не могло не наложить известный отпечаток на его структуру, а в некоторой степени и на содержание самого памятника. Можно не сомневаться и в том, что этот "сводный текст" постепенно сам фольклоризировался. Известно ведь, что изблюбленные сюжеты устного народного творчества переходят из устной традиции в книги, и еще легче переходят из литературы в народ. Это очень интересная и

важная во всех отношениях проблема ждет своего исследователя. Возвращаясь к нашей теме отметим, что все вышесказанное послужило основанием тому, что мы отдали предпочтение варианту памятника, опубликованному в 1927 г. Нам очень хотелось, чтобы читатель мог сам представить какие изменения претерпевают варианты памятника в различных районах. С этой целью мы решили поместить в небольшой подборке два варианта одной и той же легенды "Находчивость горца".

1. Песня о Надир-шахе.

*Слушайте люди, расскажу Вам
Хан ханов Надир-шах пусть умрет!
Серебром украшены каджары,
А лошади в золоте убраны у них.
Пушки на повозках выставив впереди,
тронулись каджары завоевывать свет.
Ганджинского хана к обеду скушать порешили —
скушали к обеду Ганджинского хана.
К обеду не стало казихского войска.
Все эти страны каджары покорили,
покоренных людей взяли с собой.
Тронулись каджары на Тифлис.
Как достигли они окрестностей Тифлиса,
пал ниц Тифлисский хан.
Наложили дань на Тифлис.
Все этой земли страны покорились.
Покоренных погнали впереди себя
Направились каджары в "Голода"*.
Голодинцев если пощадит шах, —
убийцам Ибрагим-хана воздаст.
Убийц Ибрагим-хана предали огню.
Огнем сожгли камышевые дома,
опозорили у очагов девушек.
Тронулись каджары в "Кибуда"**
Испытать Кибудского Сурхая.*

---

* "Голода" — означает "на склоне". Это первое селение аварцев на южном склоне Кавказского хребта. Ныне существуют развалины этого селения, служившего базой для продвижения в долину Алазани.

** "Кибуда" — так называли в старину аварцы сел. Кази-Кумух. Кебет—по-аварски означает мастер по железу, меди, серебру, вообще по металлу.

Земель — стран больших владетель безрукий Сурхай
еще до полудня уже сдался.

Известна на всю округу Айшат жена Сурхая —
соединил шах с ее постелью постель свою.

Разбиты шатры между Муху и Чалда*.

Пошел клич по Дагестану,

то собралась сила между Муху и Чалда.

Только дошла эта весть до Хунзаха —

снарядились хунзахские "Дайтилал"**,

оделись в панцири Билала***,

перекинули через плечо андийские бурки,

взяли кремневки в чехлах из волчьего меха,

оседлали лошадей седлами из Гиляса****,

подпоясались саблями, рассекающими лошадь с человеком,

сели на коней, опережающих на скаку дичь.

Выступили в поход соколы индийские*****.

Когда выступили в поход соколы индийские,

спустились на землю ангелы,

окружили воинов гурии.

Простирая руки, молят они:

— "Да посчастливится соколам индийским!"

В Бухты и Согратль — зажжены огни.

Когда сражались огневым боем—

вдруг подоспели хунзахцы Дайти.

Нашли они там Муртазали.

Большие столбы дыма упирались в небо.

Саблю напоив кровью, опьянел Муртазали

— "Погляди, погляди, безрукий Сурхай, —

на твои скопища, на мои войска!

Погляди со вниманием, горный Сурхай,

на моих котлов, на твоих мышей!"...

— "Не говори, каджар, таких слов:

за день возвращается солнечный мир

---

* Муху или Мухи, Чалда — селения Гунибского района.

** Дайтилал — Дайтиевы от собственного имени Дайти, известный род в Хунзахе.

*** Билал — сподвижник пророка.

**** Гиляс или Хидяс. Какой именно — выяснить не удалось.

***** Сокол индийский — хвалебный эпитет.

волчий нрав имеют горцы эти.
к завтрашнему дню узнаешь каковы они".
В то время как они переговаривались
раздались выстрелы Джазаил — ружей,
выстрелили также и стамбульские.
Лишь взвывается дымок — по два убивают,
убитых лишь уберут — по пяти падает.
— "Продлится жизнь твоя, безрукий Сурхай.
Откуда подоспел пришедший отряд?
Кто бы это был всадник на вороном коне?"
— "Подоспевший отряд — хунзахские Дайти,
огнем ружей своих спалившие мир.
Не слыхивал разве о хороших храбрецах?
Всадник на вороном коне — мой Муртазали,
Да отваяются отрезанные обе его руки".
— "Пусть твои отваяются, безрукий Сурхай!
Не грешно ли этого желать такому храбрецу!
Дагестан и Гуржистан были бы твоими, Сурхай.
Серебро мое и золото твои пусть будут, Сурхай,
а мне бы твоего иметь Муртазали, Сурхай".
— "Погляди, каджар, на твоих котов,
погляди со вниманием на моих мышей!"
Из уважения, верно, к храбрецам
покинута уже постель Айшат.
На земле "Хицдиб"* , не запятнанный каплей птичьей крови,
кровь каджаров проделала промоины.
— "Агиласул хур" — место игр ваших, —
стреляйте молодцы из Стамбульских кремневок!
Эюл Раал — Ваше стрельбище для метания стрел. —
разите молодцы саблями египетскими!
Кто сегодня ослабеет — да сгорит в нем мужчина.
Слабо сражающегося да восплачет жена!

Запись М. Шамхалова. Перевод Б. Маллачиханова. Дагестанский сборник. Махачкала 1927. Т. 3. С. 51-56.

* "Хицдиб", Агиласул хур, Эюл Раал — названия местностей, близ Согратля.

Слушайте, друзья, поведаю рассказ
 О наших дедах, о прошлых временах.
 Сделаю всем известными дела героев,
 Напомню имена нартов,
 Что разгромили войска каджар.
 Поведаю сказание о Муртазали,
 И о прогремевшем на весь мир Надир-шахе...
 Отправив в Стамбул /людей/, заказав ружья,
 И купив в Крыму кремневки,
 В Египте стальные сабли заказав,
 В Тифлисе купив орудия,
 Собрав каджар из Ирана, собрав коней из Аравии,
 С жазаилами, стреляющими вниз,
 С гаубицами, стреляющими вверх,
 Со знаменами, с золотым наконечником на древке,
 С войском, одетым в серебро,
 Пожелав стать богом и хозяином мира,
 Решил сломить дух Дагестана,
 Пошел походом каджар Надир-шах.
 И говорил: "Шаххирман сделаю в маленьких аулах.
 В плен возьму в Кумухе Сурхай-хана".
 Захватив Шеки, взяв Ширван,
 Собрав из Тегерана и Тебриза воинов,
 Надир-шах подошел к Тифлису,
 Хан тифлисский покорился ему,
 Известные города Баку и Сальян,
 Услышав, что он идет, стали дрожать,
 Крупные города Гянжа и Баку,
 Услышав, что он едет, сдались ему.
 Нахичевань и Ереван силой захватил.
 В славном Тифлисе — главе городов,
 Голов городских обезглавил, убил.
 А тех, кто красив лицом, в плен взял, увел.
 Ших-Али-хан*, имеющий крепостные железные ворота,

* Ших-Али-хан — Дербентский правитель /1778-1822/. Певец ошибочно считает его участником боев с Надир-шахом.

Услышав об этом, запер ворота.
Кубинского хана, что железные ворота имел,
В плен взял, прежде сняв с него шитый серебром халат.
Стали стрелять из пушек из Тифлиса,
Сотрясая горы земляные.
По тревоге вышли казикумухуы,
Взбудоражив стальные тела.
Лакские герои почувствовали мощь
Каджара Надир-шаха, идущего делать в горах шаххирман.
Направив /на них/ афганских воинов,
Сделал /он/ шаххирман в маленьких аулах.
Направив те иранские войска,
Всюду завязал бои.
Многочисленные, как песчинки, вражьи войска
Двинулись в горы, словно муравьи,
Поливая кровью пройденные дороги,
Сея кости в захваченных землях.
Шел и шел Надир-шах,
В Грузии, Дагестане пленных брал.
Шел и дошел до Арали* Хосрехской,
Завязав битву на Арали Хосрехской,
Топча копытами маленьких детей.
Когда осели войска на горе Кукма,
Вышел со стальной булавой Курбан.
Когда войска входили в Хосрех,
Вышел навстречу Ахмед с длинным штыком.
Когда войска Надир-шаха дошли до Кули,
Вышел Чупан с пищалью в руках.
Когда каджары дошли до Кумухских полей,
Во главе смельчаков вышел сам Гази-Кача.
Надир-шах направил в Кази-Кумух письмо
Сурхай-хану, требуя сдаться в плен.
Когда же сдаться Сурхай-хану в плен,
Когда столь сильным оказался каджар Надир-шах?
Мать детей Сурхая, Гаджи-Айшат,
С малыши детьми ушла в горы.
Были введены в город иранские войска,

* Арали — местность около аула Хосрех

И был пленен в Кумухе Сурхай-хан
/Надир-шах/ обосновался на горе Турчидаг,
В долине Мегеба он шатры разбил.
В домах в Кумухе плачи по покойникам,
Соседние аулы разграблены.
Стали поджигать в аулах дома,
Поднялись в небо тучи дыма.
Пудовыми снарядами из пушек
Стали стрелять войска каджар,
Заставляя дрожать долины и ущелья,
Вздрагивать большие горы.
В Дагестане, в краю богатом родниками,
Не стало воды, когда кызылбаши пришли.
На Турчидаге разбили столько шатров,
Сколько звезд на ясном небе.
На Турчидаге, усыпанном цветами,
Травы не видно от шатров.
По малым аулам клич пошел,
Зовущий на войну прославленных героев.
— Кто хочет победы над врагом отчизны,
Тот пусть прибудет в долину Согратля.
Словно потоки воды после грозы,
Стали стекаться туда юноши — лакские воины,
Аварцы, кюринцы отрядами шли,
Акушинцы, кумыки, кайтагцы и даргинцы
Шли, как будто родники, текущие в реку.
Чтобы умерла мать Муртазали*,
Горячее огня речь он произнес:
— Герои, мы объединились, чтобы сражаться.
Мы готовы отомстить врагу
Сегодня на поле покажите,
Что в нас еще живо мужество отцов.
Кто сегодня погибнет, его имя вечно будет жить.
Тем, кто сегодня будет ранен — высокий почет.
Мы сегодня должны врага истребить,
Отчий край должны освободить.

---

* «Чтобы умерла мать Муртазали...» — своеобразная горская похвала герою, имеющая подтекст: мать может быть спокойной, сын — герой не опозорит ее трусостью.

Ведь настоящие герои умирают в бою,
При родах умирают молодые матери*.
— Вода, текущая вниз, если вспять потечет,
И тогда не отступим, только вперед пойдём!
Если даже встанут покойники из могил,
Не подставим спины пулям врага!
Если даже солнце с Запада взойдет,
Не сложим оружия пока враг жив!
С ненавистным врагом в жестоком бою
Иль умрем, иль победим в священной войне!
Так поклялись собравшиеся туда,
В свидетели призвав горы, землю и небеса.
Шло время... И когда прошло некоторое время,
Один отряд появился из Согратля
С зелеными знаменами в руках,
В этом отряде у всех одинаковое оружие,
В этом отряде у всех одинаковая одежда,
В отряде у всех одинаковые кони,
У предводителя отряда вороной конь.
Шел и шел этот маленький отряд,
Как будто молния с неба,
Когда гарцуя на вороном коне, вышел Муртазали,
За ним шли кумухуы, стрельбой из ружей
Заставляя сотрясать долины.
Шло время... И когда прошло некоторое время,
Облако пыли появилось из Хунзаха.
Они дошли до Чохской Уданив**.
Прогредел выстрел в долине Обоха.
Сабли скрестились на полях Мегеба.
Раздался клич: "Гейта урал!" И понеслись на врага,
Когда не стало овец, несутся волки.
Войска сошлись, потекли реки крови,
Гул стоял в долинах горных.
Это не был буран, приносящий обвалы,
И не гром, сопровождающий грозу.
Это были пули, посланные героями

---

* Здесь измененная форма лакской пословицы: "Женщина умирает дома, а мужчина — в бою".

** Уданив — местность около Чоха, у дороги на Турчидаг.

И накрывшие врагов, словно иней.
 Сыпали пригоршнями порох /в ружья/,
 Потом вкладывали пулю и придавливали,
 Из цудахарского кремня сыпались искры,
 Свинцовые пули вылетали с огнем.
 Чтобы твоя мать умерла, Муртазали,
 Был подобен ястребу в стае куропапок!
 Заходил с одной стороны, выходил с другой,
 Заходил с одной стороны, вел торг.*
 Стал спрашивать каджар Надир-шах:
 — Прошу, прошу, эй, Чолак Сурхай,
 Этот маленький отряд откуда идет?
 Знаешь ли кто на вороном коне?
 — Этот маленький отряд настоящих героев,
 На вороном коне всадник — Муртазали мой,
 Чтобы правая рука отвалилась, Муртазали сын,
 Без твоего позволения начавший бой.
 — Пусть же рука твоя отвалится, Безрукий Сурхай,
 За то, что сдался мне в плен, имея такого сына.
 Твоего сына Муртазали мне бы сыном иметь,
 Дагестан, Гуржистан пусть твоими будут, Сурхай,
 Мне бы твоего сына Муртазали сыном иметь.
 В Мекке-Медине обосновался бы я.
 Шло время... И когда прошло некоторое время,
 Стали удирать каджарские войска...
 Когда войска сошлись и потекли потоки крови,
 Этот маленький отряд одержал верх,
 А многочисленные войска врага стали убежать,
 Стал кричать безрукий Сурхай-хан:
 — Прошу, прошу, сын Муртазали,
 Я вынужден был сдаться в плен врагу.
 Если сможешь, постарайся,
 Не давай скрываться воинам каджар..
 — Сверху не кричи, мой отец Сурхай,
 Рука моя правая отнялась совсем.
 — Если твоя правая рука отнялась,
 Врачей позовем и вылечим ее.

* Вел торг — здесь певец имеет в виду бой.

— Сверху не кричи, мой отец Сурхай.
В моих глазах цвета яшмы кровавый пот.
— Если в твоих глазах цвета яшмы кровавый пот,
Лекарей найду, заставлю лечить.
— Сверху не кричи, мой отец Сурхай.
Согнулось острие египетской сабли.
— Если согнулось острие египетской сабли.
С золотой рукояткой дамасскую саблю пошлю тебе.
— Сверху не кричи, мой отец Сурхай,
Заиндевели губы коня моего вороного.
— Если заиндевели губы твоего коня вороного,
Боевого коня гнедой масти пошлю тебе.
Постарайся, мой сын Муртазали,
Тех трех кызылбашей не убивать.
На поле, где сеют одну дачлу*, убивал по десять.
На поле, где сеют десять, убивал сто.
Размахивая саблей Муртазали.
Казалась молнией с неба синего
Сабля в руках Муртазали.
Шло время... И когда прошло некоторое время,
Стал кричать Муртазали:
— Мои львиные руки отнялись!
— Если львиные руки твои отнялись,
Под стать тебе отряд за тобой стоит.
Вновь закричал Муртазали:
Попроси у него, чтобы отпустили нас в Иран.
Он, ей богу, как Азраил** — душу берет.
Сабля-молния разит до двадцати человек.
Ты попроси у Муртазали,
Ведь благородный герой должен просьбу выслушать.
Попроси, чтобы не преграждал нам дорогу в край наш
родной,
Пусть отпустит нас в Хоросан родной.
Пощады запросило войско каджар.
Стал взывать с мольбой каджар Надир-шах.
Стал кланчить, умоляя, униженно:
— Прошу, умоляю, Муртазали,

---

* Дачлу /лак./ — мерка для сыпучих тел, вмещающих примерно 14-18 кг. зерна.

** Азраил — ангел смерти.

Если тебе золото нужно, золото дадим,
Если тебе серебро нужно, серебро дадим,
Если тебе пленных нужно, пленных дадим.
Ты позволь нам уйтц в Хоросан домой.
— Что мне золото, данное тобой?
Золото я добуду острым клинком.
Что мне серебро, данное тобой?
Серебро добуду ружейным огнем.
Что мне пленные, добытые без труда?
Пленных пригоню, дав волю коню.
Вас отпущу я домой, в край ваш родной,
Продырявив сердца своим ружьем.
Так и быть, отпущу я вас в Хоросан.
Отметив дату ту на синей сабле моей,
Погоню перед собой вас в тот Хоросан,
Держа за черкеску на весь мир воинов-каджар
Саблею погнал впереди тот маленький отряд.
И отправил их в тот Хоросан.
Отметив эту дату на острие синей сабли,
Заставив покаяться ружейным дулом.

Записал к.ф.н. Х.М. Халилов со слов М. Ибрагимова. Опубликовано на лакском яз. в сб. "Лакские эпические песни" Махачкала, 1969.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРИЗЫВ К НАРОДУ

Эй, мой милый Табасаран,
Родные мои народы!
Шах Ирана — немой Надир
Поднялся, наш вечный враг.
Войска Надир-шаха расположились
В огромной крепости Дербента.
На нас напасть
Все они готовятся.
Поднимемся /восстанем/ все, как один,
Как горные смелые львы.
Тот, кто подчинится врагу,
Пусть не выйдет на поле битвы.
Народы наши, как братья,
Сплотятся в единую семью:
Тавлинцы, кюринцы, даргинцы и яхулы —
Братья — все помогут.
Кто может держать оружие в руках,
Готовы быть на ногах.
Клянемся молоком матери защитить Родину
Услышите голос Калукского Мирзы,
Готовьтесь Родину защитить!

Построчный перевод д. и. н. М. Р. Гасанова

instituteofhistory.ru

НАХОДЧИВОСТЬ ГОРЦА.

Правитель Ирана Тахмасп-Кули-хан во главе огромной, вооруженной до зубов армии вторгся в Дагестан. Страна эта ему была известна только по рассказам своих советников и поэтому он продвигался с большой осторожностью и не без труда. Приходилось преодолевать высокие горы, непроходимые ущелья, глубокие каньоны. На каждом шагу его подстерегала опасность со стороны отчаянно сопротивлявшихся горцев. И пройдя таким образом значительный путь, где-то в центральном нагорном Дагестане арьергард Надира сумел захватить в плен горца. Предводитель полчищ Ирана, отличающийся особой жестокостью, решил самолично допросить задержанного. “Много ли у вашего предводителя воинов — конных и пеших?” — задал очередной вопрос тиран. Несмотря на свое положение, не теряя самообладания и достоинства, горец ответил: “Страна, что видна отсюда, населена добрым, гордым и мужественным народом. Правит ими высокопочтенный хан. Сколько воинов у него, мне не ведомо. Но всем известно, что у него в войске три тысячи кузнецов, три тысячи седельников, три тысячи сапожников, три тысячи оружейников, три тысячи портных, три тысячи сбруйников”. НаDIR задумался: “Если у него столько мастеров в войске, то воинов сколько должно быть. Не лучше ли вернуться назад и не испытывать свою судьбу?” На самом деле у Сурхай-хана было всего три тысячи воинов. Но каждый из них был и кузнецом, и седельником, и сапожником, и оружейником, и портным, и брадобреем. Мастера на все руки! Таким образом, горец сказал правду. Но как?

Записал к. ф. н. Х. М. Халилов в 1966 г. сел. Кази-Кумух Лакского района со слов Дибирова З.

Другой вариант этой же легенды опубликовала народная поэтесса Дагестана Фазу Алиева. Во время нашествия Надира в плен к врагам попал шестнадцатилетний юноша Камиль, говорится в ней. Желая узнать какое количество воинов у противников, его спрашивали:

- *Сколько у вас в войске пахарей?*
- *Триста — отвечал Камил б.*
- *Сколько сапожников?* — *Триста!*
- *Сколько чабанов?* — *Триста!*
- *Сколько каменщиков?* — *Триста!*
- *Сколько поэтов?* — *Триста!*
- *Сколько певцов?* — *Триста!*
- *Сколько танцоров?* — *Триста!*
- *Сколько плотников?* — *Триста!*

Враги вели счет по триста, а было всего триста человек, которые умели все делать: и работать, и петь, и танцевать, и воевать (газ. Правда от 2 мая 1991 г.)

ОТВЕТ ГОРЦЕВ НАДИРУ.

Вступив в нагорный Дагестан со своим полчищем правитель, Ирана почувствовал себя владыкой этой удивительно своеобразной горной страны и не без насмешки решил испытать горцев. Он отправил к казикумухскому Сурхай-хану посланника и с ним четыре предмета: львиную лапу, крыло орла, горсть песчинок и ядро пушки. Вручив их, посланник умолк. Сурхай-хан долго думал над этой шарадой и не мог определить, что бы это значило? И тогда обратился к своим советникам. Одному из них удалось раскрыть тайну головоломки. Завоеватель заявляет, что у него столько войск, сколько песчинок на земле, и что он силен как лев, и что он намерен протянуть крылья своей мощи, как крыло орла над вершинами гор Дагестана, и что у него невиданные горцами орудия, и поэтому горцам не стоит сопротивляться. Пока советники ломали головы над составлением ответа Надиру, по указанию Сурхая посланникам было уготовлено ханское угощение. А когда трапеза завершилась, им вручили коробок, в котором было: воробей, мышь, горсть земли и четыре пули. Первоначально НаDIR решил, что содержимое коробка означает признание его силы и согласие горцев капитулировать перед его военной мощью. Он истолковал все это как согласие горцев отдать ему всю свою землю /норы мышей/, свое небо /воробей символизирует небо/, свой хлеб /ибо им питаются и человек и мышь и воробей/, пули знак того, что складывают оружие у ног Надира. Однако один из советников завоевателя иначе объяснил "дары", присланные Сурхай-ханом. Горцы всем этим извещают правителя Ирана: Вы не птицы, персы, чтобы улететь в небеса и не мыши, чтобы спрятаться в земле. Если с миром уйдете, угостим хорошо. Если же с войной, то падете под пулями, которые будут пускаться со всех четырех сторон. Разъяренный таким истолкованием ответа лакцев, НаDIR жестоко расправился со своим советником и со всей своей мощью пошел на горцев. Началась кровопролитная война, в итоге которой объединенные силы горцев Дагестана разбили воинов Надира в битве на Турчидаге и он вынужден был покинуть Дагестан.

Записал к.ф.н. Х.М. Халилов в 1971 г. в сел. Кази-Кумух Лакского района.

АЪРИЛИЯЛУ

К югу от сел. Хосрек /Кулинского района/, там где находится ферма, во время похода окаянного Надира располагался небольшой конный отряд под командованием популярного военачальника Сурхай-хана Карата. Узнав о движении Надира, Карат выдвинулся вперед, встретил авангард иранских войск и сходу вступил в битву с врагом. Тем временем хитрый Надир, предприняв ложный маневр, сумел обойти фланги и таким образом оказался в тылу горцев. Когда же конница врага двинулась с тыла, то горские воины решили — это им идет подмога, а когда убедились, что обмануты, было уже поздно. Началась жестокая резня, в итоге которой чуть-ли не все ополченцы, находящиеся здесь, пали, но не покорились. Когда же, сделав свое дело, вернулся Карат к месту своей старой стоянки, все поле боя было усеяно трупами погибших смертью храбрых лакцев. Карату ничего не оставалось делать, как пробиться к своим. И с большими сложностями он вскоре добрался до Кулинской крепости, где было решено дать решительный бой пришельцам. А местность, где погибли герои, с тех пор в народе стала называться Аъралиялу, т.е. место гибели ополченцев.

Другая легенда: К югу от Хосрека расположился на отдых отступавший после турчидагского сражения Надир-шах. Преследующие их по пятам горские отряды напали на них и нанесли им удар страшной силы, в результате которого часть их была уничтожена, а другая рассеялась, побросав много оружия и орудия. От того, что здесь было загублено войско Надира, местность и получила название Аъралиялу, от лак. слова лияву — ливсар.

Обе легенды записал к.ф.н. Халилов Х.М. в 1956 г. со слов арабиста Мухаммад-Гаджи из сел. Хосрек.

ПОДВИГ КАРАТА

Надир, выступив всем своим войском из Кази-Кумуха, достиг Турчидага и расположился здесь лагерем. Тем временем прибывший в Андалаял сын Сурхай-хана Муртазали, значительно пополнив свою конницу, обратился за военной помощью к своему дяде по матери — аварскому хану. Пока не придут хунзахские воины, Муртазали должен был, во что бы то ни стало, задержать кызылбашей на Турчидаге. С этой целью он со своим ближайшим другом, известным политическим деятелем Каратом, который от имени Сурхай-хана в его отсутствие управлял в Ширване, выработали тактику действий. Карат, с немногочисленным отрядом, но довольно пышной свитой явился к Надиру в лагерь и представился как посланник хана аварского для перегово-

ров. Правитель Ирана в этом увидел хорошее предзнаменование и охотно повел с ним переговоры. Не известно сколько времени длилась беседа Надира с Каратом, но посланник не жалел красок, чтобы краше представить владыку Хунзаха, говорил о его богатстве и мощи, о мужестве его воинов и т.п. Во время переговоров Карат сумел разузнать о войсках Надира, расположение конницы и др. К вечеру, как-то неожиданно Карат сказал Надиру о необходимости передать хунзахскому хану предложение и, пообещав на следующий же день вернуться с решением своего правителя, со всеми сопровождающими покинул ставку правителя кизылбашей. На обратном пути Карат и его сопровождение, искусно пользуясь местностью, сумели бесшумно перебить охрану коней и порезать многим лошадям сухожилия ног, а часть лошадей угнали за собой. Карат же приказал проезжая по аулам, чтобы они по склонам гор выставили столбами камни, чтобы персы издалека принимали их за воинов. По его совету многие женщины джамаатов оделись в мужскую одежду и вооружились с тем, чтобы устроить персов. Чтобы создать впечатление о движении большого войска, он велел детям с началом рассвета таскать по дорогам ветки, которые должны были поднять пыль. В то же время в тыл врага было направлено три отряда горцев. На рассвете, по установленному сигналу — дыму костров, все горские отряды пошли на неприятеля. Началось кровавое побоище. При этом мужеством и храбростью отличилась конница, которой командовал Муртазали и Карат. Сначала враг попятился, а затем начал отступать. Горцы преследовали беспорядочно убегающих персов. Лишь к вечеру завершилось кровопролитие.

Записал к.и.ф. Х.М. Халилов в 1964 г. в сел. Ханар Лакского района со слов Ибрагимовой.

Вариант этой легенды опубликовал проф. Р.М. Магомедов в кн. Легенды и факты. Махачкала, 1969 г.

Очень схожие сведения содержат и другие легенды. Во время наступления врага на сел. Кубачи, рассказывает одна из них, по подсказке почетного старика, каждый кубачинец на крышу своего дома поставил в горизонтальном положении мучал /своеобразный кувшин/ и наступающие войска /причем, по одной версии это были войска Надир-шаха, по другой — войска под командованием ген. Аргутинского, приняли их за пушки, испугались и повернули назад. /см.: Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1949/.

ЧАНКУРА

Чанкура был родом из Хосрека. Ему с небольшим отрядом было поручено охранять пешеходные тропы через перевал Кукма в сторону Хосрека. Заняв оборону, он, как и следовало ожидать, устроил завалы, собрал в различных местах камни, чтобы при необходимости скатывать их на головы наступающих врагов. Горцы были уверены, что персы не рискнут двигаться по этой труднопроходимой горной тропе, но Надир тем и отличался, что мог объявиться в самых неожиданных местах. Так случилось и на этот раз. Он решил воспользоваться всеми тропами, идущими из Табасарана в горы, в Лаклю.

С рассветом враги полезли в горы по узкому ущелью. Отряд, охраняющий дорогу, встретил наступающих во всеоружие, они сбрасывали камни, персы лезли и лезли в горы. Их было так много, что не было видно земли и неба от пыли, поднятой двигающимися людьми. От топота ног дрожала земля. Враги все шли и шли, они стали подниматься все выше и выше. Горцы израсходовали все запасы пороха. Враг настойчиво наседали. Отряд лакцев оказался окруженным врагами. Их кони были захвачены персами. Враги лезли как муравьи. Горцы яростно сражались, защищая каждую скалу. Но силы были неравные. От отряда Чанкура остался в живых только он сам. И тем не менее, он продолжил сопротивление. Взобравшись на огромную скалу, он не давал никому подступиться к себе. Враги ничем не могли достать его. Тогда персы подкатили орудие и начали прямой наводкой стрелять по одному не сдавшемуся горцу. После выстрелов персы попали снарядами в выступ, за который он держался. Обрушилась скала и Чанкура свалился на головы врагов. Только так удалось его убить.

Записал к.н.ф. Х.М. Халилов в сел. Хосрек в 1992 г.

ЧАМСУ

Одолев отряды Сурхай-хана в сражении близ сел. Хосрек, Надир ринулся вдоль Койсу на сел. Кули. До прихода персов кулинцы подготовились к встрече непрошенных гостей. Аул был укреплен. Горцы решили умереть, но не сложить оружия перед врагом. Надир трижды штурмовал Кули, но все безуспешно. Тогда предводитель персов собрал все свое войско и выступил с ободряющей речью, после завершения которой отдал каждому воину определенную сумму денег и при этом сказал: "Теперь я такой же воин, как и вы все, я роздал казну вам, ничего не оставив себе. Я иду с вами на штурм этой крепости. Мы должны сделать все возможное и невозможное, чтобы поко-

ригь это чертово логовище, разорить и разграбить его. Вся добыча ваша." И тут же дал команду начать штурм. На сей раз персам удалось занять Кули. Смертью храбрых погибли многие защитники. В Кули остались только немощные старики, женщины и дети. Селение было сожжено и ограблено. После чего персы устроили себе пир. И в это время кровожадный Надир велел созвать на поляну всех оставшихся жителей Кули. Сам поднялся на возвышенное место и усевшись на походный трон обратился к загнанным сюда силой жителям: "Ваши люди мужественно сопротивлялись мне в бою. Если кто-либо из вас сможет сразиться в открытой схватке с моим пехлеваном, всем вам дарую жизнь." Наступило гробовое молчание, никто из присутствующих не двинулся с места. Надира это развеселило. И он насмешливо спросил: "Неужели в вашем крае нет мужчины, который смог бы помериться силой с иранцем?" и с сарказмом заключил: "С женщинами же мы поборемся после..." И громко засмеялся. Тогда из-за спин стоявших против него вышел безусый, стройный юноша. Он потребовал дать ему коня. В ожидание победного зрелища Надир велел дать юноше все им требуемое и вскоре началось единоборство физически мощного и многоопытного перса с юношей горцем. Кони закружились на месте, встали на дыбы. И тут неожиданным рывком юноша-кулинец схватил пехлевана и сумел бросить его на землю и тут же соскочив с коня, коленом прижал пехлевана к земле. Пехлеван застонал от боли. Надир-шах приказал стащить со своего пехлевана юношу. К нему кинулись двое воинов. Однако юноша успел схватить их и ударил друг о друга. Но в этой борьбе с головы юноши слетела папаха. И все увидели, что перед ними не юноша, а девушка с косами.

Надир-шах приказал не трогать девушку. Сказал, чтобы она подошла поближе. Когда девушка подошла к нему, он одарил ее за мужество золотыми монетами. Она, ничего не сказав, отвернулась от подачи шаха.

Обозленный этим поступком Надир приказал воинам своим растоптать дерзкую девушку. Двое конников двинулись на нее. И когда один конник приблизился, девушка ловко схватила его за одежду и рывком сбросила на землю. Тогда разъяренный Надир двинул на них отряд конников. Они растоптали девушку и незадачливых персидских воинов.

Так погибла мужественная кулинка. Звали ее Чамсу. Превратившееся в месиво тело девушки не позволили похоронить, оно было брошено в буйные воды Койсу.

АЖУ

Надир впервые вступил на землю лакцев. Здесь чуть-ли не каждый камень оказывал ему сопротивление. Ожесточенное сражение с персами произошло на перевале, называемом ЯтГувахъалу, на границе между современным Кулинским и Лакским районами. Особенно в этом бою отличился отряд под командованием Ажу из сел. Щара, которому Чолак-Сурхай приказал задержать во что бы то ни стало персов, пока с основными силами сам хан не укрепится вблизи сел. Щара, или Шовкра. Но, увы, малочисленный отряд Ажу не в силах оказался справиться с этой невыполнимой задачей. Враг жестокой силой смял отряд горцев, израненный Ажу попал в плен. После чего враг сходу занял сел. Щара. Надир хотел было продолжить преследование Сурхай-хана, но увидев, что противоположный берег глубокого каньона Кази-Кумухского Койсу близ сел. Шовкра горцы укрепили, сделал вынужденную остановку. В это время ему доложили, что схвачен командир отряда лакцев, а вскоре привели и самого Ажу. Надир стал допрашивать его, но изнеможенный горец не ответил ни на один вопрос владыки Ирана.

Обозленный его молчанием, Надир приказал отрезать ему сначала уши, потом нос и язык, но Ажу молчал. Видя, что бесполезно что-то пытать у этого существа, Надир приказал зашить его живым в бычью шкуру только что зарезанной скотины и сбросить в Казикумухское Койсу... Так и сделали. Вскоре, однако, шовкринец-мельник в глубине каньона обнаружил его. Он оказался жив. Они его выходили, поставили на ноги. Тем временем Надир-шах, разорив Казикумух, ушел обратно в Дербент.

Ажу вернулся домой. Дома он не нашел никого из родных. Они были убиты воинами Надира. Однако изуродованный, но несдавшийся горец открыто объявил, что он продолжит борьбу с ненавистными врагами, как только представится случай. И когда Надир-шах организовал третий поход в горы Дагестана против Чолак-Сурхая, Ажу был правой рукой одного из предводителей лакского отряда, отступившего в долину Андалала.

Когда началось сражение на горе Турчидаг и в долине Обоха, Ажу, во главе немногочисленной группы лаков, добрался до укрепления персов на горе Турчидаг. Враги в ужасе шарахались от воина с обезображенным лицом. Вместо носа виднелись дырки, глаза горели ненавистью. Казалось, что это был не человек, а какое-то человекообразное страшилище. Издавая нечленораздельные звуки, умело действуя саблей и кинжалом, он наносил персам чувствительные удары. Говорили, что он уложил более тридцати персов. И все же врагам удалось окружить его около обрыва. Видя, что ему не спастись, он с разбегу бросился на врагов, схватил двоих воинов и, увлекая их за собой, бросился в пропасть. Так сложил свою голову мужественный Ажу, сильный духом, неустрашимо храбрый воин и горячий патриот.

Записал к.н.ф. Х.М. Халилов в сел. Щара в 1992 г.

ВОПРОС БРАДОБРЕЯ.

Однажды личный брадобрей шаха в его ставке в “Чалда-ад” брил Надира и шутиливо спросил: “А что будет, если я этой бритвой зарежу владыку Ирана?” НаDIR-шах насторожился, но не подал вида, игриво отшутился. Позже, на военном совете, рассказав о случившемся, обратился к советникам и мудрецам и спросил: “Почему такой доверенный человек, который давно исправно и верно служит мне, не побоялся задать этот вопрос мне лично?” Один из присутствующих мудрецов ответил: “Дагестанская земля пережила много трагедий, ее народам пришлось вести борьбу с разными завоевателями, среди которых были прославившиеся на весь мир полководцы. Земля эта настолько пропитана кровью людей, погибших в этих многочисленных сражениях, что у людей, пришедших сюда с намерением покорить их, изменяется душевное состояние, покидает их уравновешенность и они превращаются в невменяемых”. НаDIR задумался.

Записал к.и.н. А.И. Исламмагомедов в сел. Гонода Гунибского района в 1992.

ОТВЕТ АНДАЛЯЛЬЦЕВ НА УЛЬТИМАТУМ НАДИРА.

Прибыв на Турчидаг, проклятый НаDIR ультимативно потребовал от андаляльцев немедленно представить людей на службу ему, пищу и женщин для его воинов. Посоветовавшись, андаляльцы ответили: “Ни одно из твоих требований мы не выполним и будем драться до последних сил.” Андаляльцы решительно отвергли наглые требования ненавистного завоевателя и кратко ответили: “Ни одного из твоих требований не выполним. Если ты так силен, выходи потягаться с нами”. Эти оскорбительные и унижительные для каждого горца требования кизылбаша сплотили и воодушевили андаляльцев. А когда кизылбаша, рассчитывая одним махом разделаться с горцами, ринулись в бой, андаляльцы, как один, поднялись на борьбу. Причем, вместе со своими отцами, братьями и мужьями, героически боролись переодевшись в мужскую одежду, женщины Андаляля. И когда наступил самый напряженный момент боя, горянки с громким криком: “Давайте храбрецы, герои-удальцы, давайте еще раз покажем проклятым, как мы умеем защищать себя и родную землю и свою свободу” ринулись в бой. Это вдохновило горцев и им удалось продержаться до прибытия подкрепления из Хунзаха и других близких и дальних мест.

Записал в 1992 г. к.и.н. А.И. Исламмагомедов. Легенда бытует в сел. Чох, Согратль, Обох и др. Гунибского района.

ОБОРОНА СОГРАТЛЯ

Еще до прибытия на Турчидаг воинства Надир-шаха, горцы на случай неудачи в решающей битве решили не сложить оружие, а продолжать борьбу за каждую улочку аула "Сялукь" (старое селение Согратля, разрушено в итоге подавления восстания 1877 г.) и за каждый дом. Для эффективности борьбы, у ворот каждого дома были вырыты вместительные ямы — ловушки, слегка покрытые хворостом и насыпью земли. Эту тактику горцы применяли и в последующее время, в частности в 1848 г. при штурме Гергебиля отрядом ген. Воронцова.

Записал к.и.н. А.И. Исламмагомедов в сел. Согратль в 1992 г.

МЕГЕБ СРАЖАЕТСЯ

I. Мегебцы постоянно тревожили прибывшие в Андалаял войска персов. Однажды, под покровом ночи, отряд горцев, приблизившись к отдохавшим иранцам, совершил стремительное массированное нападение, в итоге уничтожил довольно многочисленный отряд персов. Позже место, на котором произошло сражение, стали называть "Гъжар гъурааб чохи" (Холм, на котором были перебиты каджары).

II. Везде, где бы ни появились воины Надира, горцы встречали их с оружием в руках. Самоотверженно защищали свою свободу и независимость все селения Андалаяльского общества. И среди них достойное место занимали жители сел. Мегеб. Когда же отряд Надира направился в сторону их селения, мегебцы нанесли персам чувствительный удар и, по существу, лишили их пищи. Вот почему изголодавшиеся персы, оказавшись на поле "Мехледа-Клапа-Хури", тут же начали копать бутень (Тим). Воспользовавшись этим, мегебцы напали на персов и разгромили их.

Записал к.и.н. А.И. Исламмагомедов в сел. Мегеб в 1992 г.

ПОДВИГ МУРТАЗАЛИ

Перед решающим сражением с персами сын Сурхай-хана Муртазали на виду у воинов Надира оторвал правый рукав своей черкески, чтобы легче было в бою "работать" саблей. Видевшие все это воины Надира были напуганы одним видом храбреца. Когда же началась схватка, Муртазали своими действиями навел на персов ужас. И многие из них полегли от руки Муртазали. Храбро сражались все остальные горцы, которые поклялись умереть, но

персам не уступить. Слово свое они сдержали с честью. И несмотря на то, что персы во много раз числом превосходили горцев, многие из них пали на поле брани и вынуждены были отступить.

Записал к.и.н. А.И. Исламмагомедов в сел. Обох в 1992 г.

ПЕРСЫ ОТСТУПАЮТ

Беспорядочно отступавшие с поля брани воины Надира, видя, что им не избежать суровой кары преследователей-андаляльцев, попытались использовать последний шанс. Разбрасывая на бегу по обочинам дороги золотые и серебрянные монеты, они хотели отвлечь и если возможно, хотя бы на время задержать горцев и таким образом спастись. Но эти монеты не привлекли внимания и не соблазнили преследователей. Разъяренные горцы продолжали громить бегущих от преследования персов. И такое продолжалось до местности "Ваграм КIатIи" на границе с Кази-Кумухским ханством.

Легенда бытует в сел. Обох, Чох, Мегеб. Записал к.и.н. А.И. Иммамагомедов в 1992 г.

ГОРЕ ГОРЯНКИ.

У одной горянки аварского сел. Гамсутль на войну с полчищами Надиршаха ушло четыре сына, из которых трое пали смертью храбрых в андаляльском побоище. Живым вернулся домой один из сыновей. Встречая сына на пороге своего дома она громко причитала: "Почему ты не погиб на поле брани! Какая же я несчастная мать, которая не может гордиться тем, что ее сыновья погибли храбрецами, защищая свою землю и честь своего рода и джамаата!"

Записал к.и.н. Исламмагомедов А.И. в сел. Гамсутль в 1992 г.

СУРХАЙ-ХАН ПОЛУЧАЕТ СВОБОДУ.

После андаляльского побоища, завершившегося поражением хваленного воинства "завоевателя вселенной", Надир, с надрывом душевных чувств и болью, вынужден был возвращаться. Однако, чтобы в какой-то мере компенсировать тяжесть утрат и представить поражение свое чуть-ли ни триумфом на родине, а в случае необходимости по совсем беспокойному для персов пути по Дагестану коварный завоеватель решил увести с собой пленного

Сурхая. Со временем отступающая армия персов не без труда и не без приключений добралась до Дербента. Казалось бы, все помыслы и переживания остались позади, и все же Надир и не подумывал освободить ослабевшего после ранения и болезни Сурхай-хана. И никто не мог знать, для чего завоеватель держит при себе пленников. И лишь после того, как стало известно о тяжелой болезни Муртазали, жене Сурхай-хана удалось уговорить одну из жен Надира и только благодаря ее вмешательству Надир согласился отпустить пленника повидать смертельно больного Муртазали. Так оказался на свободе Сурхай-хан.

Легенду записал Халилов Х.М. в 1956 г. со слов арабиста Муххамад-Гаджи из сел. Хосрек.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	7
ДАГЕСТАН И ШИРВАН В НАЧАЛЕ XVIII в.	31
АНТИИРАНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ И ШИРВАНЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.	52
ВОЗВЫШЕНИЕ НАДИРА.....	67
НАШЕСТВИЕ НАДИРА НА КАВКАЗ. ПЕРВЫЙ ПОХОД НА ДАГЕСТАН.....	80
ВТОРОЙ ПОХОД ТАХМАСП-КУЛИ-ХАНА В КАЗИ-КУМУХ.....	97
ТАХМАСП-КУЛИ-ХАН — ШАХ НАДИР.....	109
ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ АЗЕРБАЙДЖА- НА И ДАГЕСТАНА в 1736-1740 гг.	120
РАЗГРОМ НАДИР-ШАХА в ДАГЕСТАНЕ.....	139
“ИРАН-ХАРАБ”.....	181
САМ-МИРЗА, МАГОМЕД-ХАН И ДРУГИЕ.....	203
Э П И Л О Г.....	221
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	237

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГАДЖИЕВ В. Г.

Разгром Надир-Шаха в Дагестане.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 15,3. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Сдано в печать 22.04.96. Зак. 185. Тираж 1000.

Отпечатано в газетно-журнальной типографии Мининформпечати РД.
Махачкала, Комсомольский пр. 61.

9(Дэг)
Г 13

Библиотечка Нусримова Уездор РАН
Махачкала 22.06.98г.

Институт Истории Археологии и Этнографии
Дагестанского научного центра РАН
Культурно-исторический фонд "Тарих"

В.Г. Гаджиев
А.М. Пикман

**РОССИЙСКИЕ
ДЕМОКРАТЫ О БОРЬБЕ ГОРЦЕВ
ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ
В 20-50гг. XIX в.**

instituteofhistory.ru

Махачкала 1998 г.

9(Дэг)
Г 13

Библиотечка Нусримова Уездор РАН
Махачкала 22.06.98г.

Институт Истории Археологии и Этнографии
Дагестанского научного центра РАН
Культурно-исторический фонд "Тарих"

В.Г. Гаджиев
А.М. Пикман

**РОССИЙСКИЕ
ДЕМОКРАТЫ О БОРЬБЕ ГОРЦЕВ
ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ
В 20-50гг. XIX в.**

instituteofhistory.ru

Махачкала 1998 г.